

ОСНОВЫ ТЕОРИИ НРАВСТВЕННОСТИ

Практико-ориентированные методические материалы
по духовно-нравственному и патриотическому
воспитанию

Рекомендовано
Региональным учебно-методическим объединением

Новосибирск
2023

ББК 74.200.54

A465

Инициатор проекта

Егармин И.П.

Руководитель проекта

Федорчук С.В.

Координатор проекта

Вершинин Р.О.

Составители

Александров Н.А.,

Кривушева О.М.

Автор художественных
текстов

Александров Н.А.

Научно-экспертный совет:

канд. психол. наук **Жафярова М.Н.**,

член-корр. СО РАН, д-р ист. наук **Ламин В.А.**,

канд. пед. наук **Малахова Н.Н.**,

канд. филол. наук **Осадчая Л.А.**

Авторы методического раздела:

Кривушева О.М. (руководитель),

канд. экон. наук **Бернадский Ю.И.**, **Вогневая И.А.**,

Егорова А.П., **Ёлгина О.И.**, **Колб С.Н.**,

Косицына М.В., **Макарова Т.Ф.**,

Плотникова Е.А., **Резникова О.С.**, **Рогозина Л.П.**,

Рыбальченко С.Ф., **Рыбьякова А.Д.**,

Семьянова Н.В., **Сизоненко В.С.**, **Толстова А.А.**,

канд. теолог. наук **Чернейкин А.А.**, **Чумакова Т.С.**

Проект осуществлён при содействии:

Министерства образования Новосибирской области

Издательства «Просвещение»

Новосибирского института повышения квалификации

и переподготовки работников образования

Областного центра развития творчества детей и юношества

A465 **Библиотека «Мудрые дети». Основы теории нравственности.** Практико-ориентированные методические материалы по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию: Книга для совместного чтения. — Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2023. — 488 с.

Издание второе, дополненное и переработанное.

ISBN 5 — 8402 — 0329 — 7

© Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2023

С о д е р ж а н и е

Смысл и сила воспитания (предисловие). С.В. Федорчук 6

ДОРОЖНАЯ КАРТА

(введение)

Современно и традиционно 16
Актуальность и структура 19
Психолого-педагогическое обоснование методики 21
Особенности методического компонента 23

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

(воспитательно-обучающий раздел)

ДОШКОЛЬНИКАМ 3+

Глава 1. Самостоятельность. «Мама и медведь» 28
Глава 2. Взаимопонимание. «Мама-генерал» 31
Глава 3. Забота о людях. «Хрустальная ваза» 38
Глава 4. Взаимоотношения с людьми. «Димкины уши» 44
Глава 5. Детский эгоизм. «Не хочу» 47
Глава 6. Ответственность за свои поступки. «Картавка» 51
Глава 7. Преодоление скупости. «Сто рублей» 54
Глава 8. Упрямство. «Катины именины» 58
Глава 9. Любовь в семье. «Игрушка» 62
Глава 10. Преодоление страха. «Георгий-победитель» 65
Глава 11. Смелость. «Чемпион» 69
Глава 12. Социальная ответственность. «Солдат» 72

МЛАДШИМ ШКОЛЬНИКАМ 7+

Глава 13. Нравственный выбор, ценность труда. «Чемодан» 78
Глава 14. Ценность человеческой жизни, сострадание. «Кабачок» 82
Глава 15. Радость труда, гражданская ответственность.
«Сальто-мортале!» 86
Глава 16. Свобода и ответственность, обман. «Первое апреля» 100
Глава 17. Человек и общество, воровство. «Сардельки» 107
Глава 18. Материнская любовь. «Маты моя» 112

Глава 19. Уважение к прошлому. «Дикость».....	119
Глава 20. Защита животных, сопереживание, предательство. «Щенок»	124
Глава 21. Гражданский мир, милосердие. «Братская кровь»	132
Глава 22. Природа, очищение души. «Слепой дождь»	144
Глава 23. Восприятие прекрасного в природе. «Снегопад»	148
Глава 24. Обретение счастья, самопожертвование. «Погоня»	151
Глава 25. Гражданские идеалы, служение обществу. «Солнечный мальчик»	159

ПОДРОСТКАМ 12+

Глава 26. Человек — творец прекрасного. «Золотая рыбка»	166
Глава 27. Мир человека, любовь. «Клоун»	170
Глава 28. Умение оценивать свои поступки. «Пуговица»	180
Глава 29. Нравственный выбор, ценность жизни. «Ромео»	186
Глава 30. Мир человека, первое горе. «Первый снег»	191
Глава 31. Семейные ценности, уважение к старшим. «Родник счастья»	203
Глава 32. Нравственная ценность, осквернение души. «Молитва дьяволу»	209
Глава 33. Семейные ценности, одиночество. «Гость Чёрного дома»	215
Глава 34. Мир человека, прощение. «Пимики»	224
Глава 35. Мир человека, взаимопомощь. «Доброе дело»	236
Глава 36. Роль знаний в жизни человека. «Баламут»	243
Глава 37. О славе и бесславии. «Памятник»	251
Глава 38. Гражданские идеалы, подвиг народа. «Грыжа»	259
Глава 39. Человек и искусство, служение прекрасному. «Прима»	277
Глава 40. Человек и государство, гражданин. «Столыпин»	283

ЮНОШАМ И ДЕВУШКАМ 15+

Глава 41. Семейные ценности, взаимопонимание. «Звездочёт»	291
Глава 42. Семейные ценности, родительский эгоизм. «Ненавижу»	299
Глава 43. Нравственный выбор, внутренний разлад. «Маринка»	303
Глава 44. Судьба человека, нравственный выбор. «Варвара»	318
Глава 45. Познание себя. «В заливе терпения»	326
Глава 46. Человек и культура, осквернение святынь. «Источник»	330

Глава 47. Поиск свободы. «Усатый»	337
Глава 48. Поиск жизненного пути, ответственность. «Твой выбор»	347
Глава 49. Мир человека, обида. «Косач»	360
Глава 50. Гражданская позиция, свобода выбора. «Дезертир»	376
Глава 51. Гражданский мир, человечность. «Немка»	382
Глава 52. Самоанализ, осмысление опыта. «Я встретил себя»	393

СИСТЕМА КООРДИНАТ

(вспомогательный раздел)

КРУГОЗОР

(для самостоятельного изучения)

Оружие стратегического назначения	404
Ядро культуры	407
Симфония русской культуры	410
Любовь и культура	413
Русский язык	416
Технология	422
Воспитание и манипуляция	432
Иерархия цензуры	435

НАШЕ СОКРОВИЩЕ

(русско-славянский словник) 440

ПОЗНАЙ СЕБЯ

(вопросы для самоанализа) 468

КЛАДОВАЯ

(обмен опытом) 485

ОРГАНИЗАТОРЫ ПРОЕКТА

Егармин И.П., Федорчук С.В., Вершинин Р.О.,
Кривушева О.М., Александров Н.А. 487

СМЫСЛ И СИЛА ВОСПИТАНИЯ

Человек наделён разумом и обречён на то, чтобы задумываться над смыслами: жизни, бытия, веры, любви, познания, труда, истории и многого другого. Суть человеческая – думать, размышлять, задавать вопросы, разрешать сомнения, учиться и трудиться осмысленно, то есть с пониманием того, зачем и почему мы это делаем.

Человек награждён талантом творчества – созидания нового, небывалого ранее и чудесного. Понимание же сути вещей, причин и последствий наших действий, умение творить предполагает свободу выбора, свободную волю и налагает на человека колоссальную ответственность за свой выбор и последствия сделанного.

Удивительная природа человека заключена ещё и в том, что дети наши – это образ и подобие своих родителей, но, обладая свободой выбора, они способны стать лучше, добрее, нравственнее. И наша задача как родителей заключается не только в том, чтобы передать свой практический опыт следующему поколению, но и в формировании у детей представлений о добре и зле, способностей к познанию, творчеству, труду, понимания меры ответственности за свой выбор, поступки и действия.

И вот здесь-то и начинается образование – ваяние (созидание) образа будущего настоящего человека. Начинается оно ещё в утробе матери, когда родители, любящие своё чадо, разговаривают с ним и между собой, слушают музыку, читают и поют ему, заботятся о нём. Всё это отражается на ребёнке, когда он рождается. Такая же забота нужна и младенцу. Важна не только наследственность ребёнка, но и готовность родителей к обучению и воспитанию будущего человека. Важна их любовь друг к другу, их умение общаться и жить в семье

и разных коллективах людей, их внутренняя нравственность. Роль семьи в образовании человека первична. Только потом к его образованию подключаются общественные институты, первой из которых – школа.

Всё начинается с семьи. Именно с поведения родителей и ближайших родственников ребёнок считывает основы нравственных устоев, неосознанно впитывает в себя понятия: любви, дружбы, доброты, заботы, сострадания, милосердия, уважения к старшим, основ мужественности или женственности (в зависимости от пола), уважения к труду – всё, что отличает человека. Именно здесь, в семье, мы получаем основы знаний о языке, истории, культуре, первые знания о природе, о наших национальных традициях – через рассказы, байки, сказки, песни, которые звучат в исполнении наших близких. В семье мы получаем основы нашего мировоззрения и нравственности. Через совместное со взрослыми участие ребёнка в каких-то торжественных церемониях, праздниках, обрядах формируется его отношение к людям, природе, культуре. Через совместную деятельность, пока ещё в форме игры, формируется отношение к труду и обществу. Через совместное переживание различных нравственных ситуаций из книг, фильмов или самой жизни формируется нравственность ребёнка – его умение сострадать, любить, дружить, заботиться, переживать, терпеть, верить.

Таким образом, на семье и родителях лежит колоссальная ответственность перед людьми, миром в целенаправленном развитии человека, включающем в себя освоение языка, истории, культуры, ценностей и норм общества. Это и есть образование, где воспитание носит фундаментальную основу, а обучение идёт параллельно как важный, но всё-таки второстепенный процесс.

В школе полученные ребёнком в семье качества можно только развить, упрочить, расширить границы понятого, осмысленного и принятого через обучение, сформировать аргументацию жизненной позиции. Роль учителя в школе также уникальна: он пример для детей,

с него они считают нравственный код человека, как и с родителей, за ним идут вслед в вопросах познания мира и нравственной сущности человека. А значит, он должен быть достойным, честным, искренним, умеющим. Не только знать свой предмет, но и любить детей, уметь воспитывать всегда: на уроке, перемене, после уроков, просто в жизни. Мы всегда помним истинных учителей, а они были именно такие – мудрые, добрые и героические, способные двигать «граниты науки» легко, непринуждённо, с улыбкой, а главное, со всем пониманием того ещё непонятого для детей окружающего мира. При этом умеющие любить, сострадать, жалеть, помогать.

Это значит только одно: мы все в обществе одновременно и родители, и учителя. Всё начинается в семье, продолжается в школе, но потом воспитывает общество, все люди. Это важно понимать. **За воспитание человека отвечает всё общество, весь народ до единого человека.** Ребёнок, выходя из дома или школы, не должен попадать в мир, где всё ему враждебно. Так быть не должно! Общество не должно отстраняться от воспитания, не должно быть «чужих детей».

Но, к сожалению, так происходит, и в основном потому, что в наше время в обществе потерян смысл коллективного начала в угоду развития личностного, индивидуального начала человека. **Потерян смысл понятия «народ», а это краеугольная социальная группа, вокруг которой образуется государство и формируется культура.**

Народ – основной коллектив людей, состоящий, прежде всего, из семей.

Под народом мы понимаем группу людей, отличающуюся общностью ряда признаков – языка, культуры, территории, религии и исторического прошлого.

Язык – это не просто знаковая система, обеспечивающая общение между отдельными индивидуумами, но, прежде всего определённый образ мышления. **Язык народа – это основа для понимания мира.** Язык нужен для общения, а значит, и для воспитания и образования. Язык народа характеризует и определяет его культуру.

Культура – область человеческой деятельности, связанная с самовыражением человека, проявлением его субъективности (характера, навыков, умений и знаний). **Культура народа – это специфический (коренной) признак народа, без которого он не может существовать.** Ведь люди даже пищу по-разному принимают, не говоря уже о строительстве жилищ, ведении и организации хозяйства или осуществлении религиозных культов. В рамках культуры народы создают системы образования, часто специфические, но всегда нацеленные на решение конкретных цивилизационных задач, и в основном отвечающие интересам народа.

Говоря о территории, мы имеем в виду её географические особенности. Они определяют все сферы жизнедеятельности народа (экономики, социальных отношений, политики, духовности, этики, морали и нравственности).

Наше поведение предопределено природными условиями внешнего мира. Как существа разумные, мы, естественно, можем действовать и вопреки естественным (традиционным) стереотипам поведения, но чаще всего поступаем так, как установлено (заведено) предками.

Природа сделала нас коллективистами. Как вид мы могли выжить, только объединяясь в коллективы, жертвуя индивидуальным началом ради выживания наших детей. **Высшей стадией коллективизма для человека и является народная общность, способная адекватно реагировать на вызовы внешней среды.**

Коллективное мышление определяет абсолютно всё. Местоимение «мы» в нашем сознании традиционно носит позитивный характер, в отличие от местоимения «я». «Я» не должно существовать в отрыве от «мы». Только тогда «я» становится личностью.

Личность – это человек, живущий ради общества, а не тот, кто просто добился успеха. Личность стремится ко всеобщему благу при скромном индивидуальном бытии. **Человек становится личностью исключительно в обществе, в котором семье отводится функция пропедевтики социальных отношений – формирования основ совместной жизнедеятельности людей.**

У славян и в многонациональной России «люди» – это те, кто несёт свет, свет духовный, нравственный, свет просвещения. Это свет самопожертвования ради других. В русской литературе есть замечательный пример такой жертвенности – Данко у Максима Горького.

У любого народа есть история. **Общее историческое прошлое, как строительный раствор, скрепляет отдельных людей в общность**, так как общие победы, поражения и общие исторические свершения сближают интересы индивидуумов настолько, что у них появляются совместные цивилизационные проекты, такие как государство, в рамках которого формируется определённый общественный уклад жизни, удобный для создавших его людей.

Именно народы создают цивилизации и государства.

Свою историю необходимо знать и помнить. В противном случае сначала рушится общество, потом государство, а затем вымирает и расплывается народ, утративший своё единство и превратившийся в «оголтелую» толпу или «население».

Отдельные представители общества могут выжить и даже неплохо приспособиться в других сообществах, но, увы, рано или поздно они будут ассимилированы. К сожалению, от подобной участи не застрахованы даже великие народы, что не раз подтверждалось на страницах «книги прошлого».

Само наличие указанных выше признаков отнюдь не превращает некую группу людей в народ. Именно традиционная система образования связывает их в единое целое. Мы даже не задумываемся над тем, что образование включает в себя не только процессы обучения и воспитания подрастающего поколения, но и квинтэссенцию представлений народа о самом себе – мифологию.

Мифотворчество народа – это обобщение исторического опыта, консервация определённых стереотипов поведения людей (которые усваиваются неосознанно и передаются от одного носителя к другому), наконец, способ определить своё место на мировой доске истории. Мифы облегчают жизнь отдельных людей, но заметно

усложняют общественную жизнедеятельность, так как вносят в неё дополнительные оттенки исторического «многоцветья». Каждому известно, что на историю нельзя смотреть через «розовые» очки и воспринимать её в чёрно-белых тонах. Она многограннее и сложнее. Например, у русского народа есть миф о Святой Руси. Его смысл заключается в обожествлении нашей Родины, земли Русской. «Свят» не только народ, но и земля, на которой он проживает, в значении «почва». Это миф о патриотизме – Родину нужно любить всегда и защищать её даже ценой собственной жизни. Кстати, русская поговорка «своей земли не отдадим ни пяди» не от жадности, а от представлений о святости земли. Разве можно отдавать врагу святое? На этой простой мудрости воспитали не одно поколение русских патриотов: от Александра Невского, Дмитрия Донского, Михаила Ломоносова, Дмитрия Менделеева до Георгия Жукова и Юрия Гагарина. Любовь к Родине формируется обыденно и непринуждённо, так же как возникает любовь к матери. Она есть, и мы не задумываемся почему. Мы не рационализируем это обстоятельство, а просто самозабвенно любим женщину, давшую нам жизнь.

Народ живёт мифами. В народном творчестве мифы расходятся на былины, сказки, пословицы, поговорки, приметы, анекдоты и прочее. Народ осознанно упрощает историческое прошлое, делая его понятнее для молодёжи. Ребёнок с малых лет впитывает мудрость поколений через общение со взрослыми. Он становится представителем своего народа через систему «бытового» образования, на примере близких ему людей.

Чем больше носителей мифов, тем устойчивее общность, так как в этом случае мифы развиваются и дополняются в каждом новом поколении. Мифы живут, когда их пересказывают тем, кто их слушает. Мифы нужны тем, кто готов восхищаться историческими деяниями, удивляться им, воспринимать героев прошлого как своих предшественников. И здесь неважно, ходят дети в школу или получают образование дома. Важно другое: являются ли их учителя носителями

мифов своего народа или нет, то есть верят в них или воспринимают как «исторические сказки»?

Семья, как ячейка общества, является матрицей народа. Семья – это ценность, которую нужно беречь всевозможными средствами государства и народа, потому что разрушение комплекса семейных ценностей ведёт к социальному хаосу, развалу общественных отношений, идеологическому вакууму и настоящей пропасти между поколениями.

Чтобы уничтожить цивилизацию – необходимо уничтожить народ как общность. Чтобы уничтожить народ – обязательно важно разрушить систему образования и народное мифотворчество (развенчать все мифы ради «призрачной исторической справедливости»). Чтобы уничтожить систему образования – необходимо разрушить семью и систему семейного воспитания.

Подытоживая сказанное, отметим, что народная самобытность не отменяет ни общечеловеческие ценности, ни религиозные догматы, ни цивилизационные особенности. Наоборот, живя рядом, народы обогащают языки и культуры друг друга, делают возможным диалог культур. **Задача народа – сохранить семью и нравственность в человеке**, которая называется совестью, когда стыдно не только перед Богом, но и перед людьми.

Смысл воспитания, таким образом, заключается в сохранении народной самобытности, в развитии нравственности и нравственной культуры (совести), передаче культурных духовных ценностей, сохранении исторической памяти (мифотворчества), определении своего места в мире как в личном плане, так и в коллективном.

Сила воспитания возрастает тогда, когда воспитанием занимается всё общество, весь народ через все имеющиеся в его распоряжении социальные институты: семью, государство, школу, сферу культуры и спорта, детские организации, церковь, армию, полицию, телевидение и радио, все виды СМИ и так далее.

Государство должно создавать условия для развития и поддерживать детскую литературу, кинематограф, телевидение, любые СМИ,

контент в Интернете. Государство должно всецело и всеобъемлюще поддерживать семью и детство.

Государство и общество должны достигнуть согласия в вопросах общепризнанной идеологии, то есть комплекса ценностей, разделяемых абсолютным большинством народа, основанного на исторической традиции, культуре, языке, доступной системе образования.

Сила воспитания возрастает тогда, когда в обществе культивируется самовоспитание как самоограничение на основе совести, на основе уважения к правам и свободам других людей, на основе уважительного отношения человека к своим обязанностям, которые он несёт перед всем обществом.

Сила воспитания в его нравственной категоричности. Поступать плохо невозможно не только из-за неотвратимости государственного наказания и общественного осуждения, но, главное, из-за внутреннего дискомфорта – мук совести. **Конечная цель воспитания, таким образом, заключается в формировании и развитии у каждого человека совести как мерила нравственного поведения личности.**

Наша книга посвящена именно этому явлению – творческому развитию совестливого начала в человеке, формированию его уважительного отношения к собственной культуре и истории, народным традициям, личностного отношения к понятиям любви и брака, материнства, отцовства, семейного воспитания, патриотизма.

Наша книга о семье и народе, нравственности, любви к своей Родине, дружбе и товариществе, об уважении к старшим и заботе о всем маленьких людях нашей страны – «мудрых детях».

С.В. Федорчук

дорожная карта

введение

Современно и Традиционно

В современных условиях перед образованием стоит масштабная задача преодоления кризисных процессов, связанных с человеком, его социализацией, духовной жизнью, наследованием и продолжением национальных традиций и ценностей. Система образования призвана стать ключевым фильтром деструктивного воздействия агрессивной информационной среды на детей, которые, в силу своего возраста, находятся на этапе психофизиологического и духовно-нравственного формирования.

Необходимость решения этих задач привела к актуализации значимости воспитательных процессов на всех уровнях общего образования.

Усиление воспитательного компонента образовательной деятельности находит отражение и в государственных концептуальных документах, и в повседневной практической деятельности педагогического сообщества.

Новые акценты в государственной образовательной политике порождают проблему как содержательного наполнения, так и поиска педагогического инструментария, эффективных форм и методов воспитательной работы, адекватных интересам и особенностям современных детей.

Библиотека «Мудрые дети» призвана помочь в этом творческом поиске всем субъектам воспитательного процесса: педагогам, родителям и тем, кто ещё на пути духовно-нравственного становления и ценностно-смыслового формирования личности.

Предлагаемый материал являет собой практико-ориентированное методическое пособие в контексте требований федеральных государственных образовательных стандартов, включающее короткие литературные произведения гражданско-патриотической и духовно-

нравственной направленности с приложением методических рекомендаций по их применению, перечня вопросов, помогающих выстроить логику совместного обсуждения прочитанного текста, и практических заданий.

Создавая художественные образы, демонстрируя модели поведения литературных героев в различных жизненных ситуациях, раскрывая те или иные нравственные категории, авторы Библиотеки осознанно уходят от назидательной, нравоучительной парадигмы. Напротив, переводят всех участников воспитательного процесса в диалоговый формат продуктивного взаимодействия, побуждая к рассуждению, поиску истины, обмену мнениями, оценке конкретных поступков, формированию собственной позиции, развитию ценностной рефлексии. Таким образом «Мудрые дети» помогают педагогу в полной мере обеспечить системно-деятельностный подход к организации образовательного процесса, являющийся методологической основой ФГОС.

Пособие адресовано широкому кругу лиц: воспитателям дошкольных учреждений, школьным учителям-предметникам, классным руководителям, организаторам внеклассной работы и внеурочной занятости школьников, библиотекарям, преподавателям учреждений высшего и среднего профессионального образования, а также родителям для совместного семейного чтения и обсуждения.

Ценность Библиотеки «Мудрые дети» в широком спектре её возможного использования в работе с детьми. Эффективным видится привлечение материалов Библиотеки при изучении общеобразовательных предметов инвариантной и вариативной частей учебного плана.

Особенно высок потенциал её применения на уроках гуманитарного цикла, таких как: литература, история, обществознание, культурология, психология, философия, педагогика и др.

Основанная на литературном материале сибирского автора, Библиотека «Мудрые дети» может обеспечить содержательное наполнение учебных курсов или модулей краеведческой направленности.

Использование Библиотеки существенно обогащает профессиональный инструментарий педагогов при организации курсов внеурочной деятельности обучающихся, в реализации рабочих программ воспитания, при проведении классных часов, библиотечных и музейных уроков, литературных гостиных, тематических недель и иных внеклассных мероприятий с детьми и родителями.

Возможность использования методических материалов для разных возрастных категорий обучающихся, начиная с раннего дошкольного возраста, обеспечивается вариативностью предложенных методических средств и отбором литературного материала, глубина и сложность которого соответствует определённому возрасту.

Широкий возрастной диапазон применения материалов Библиотеки даёт возможность обеспечить единство и преемственность образовательного процесса всех уровней общего образования.

Следует отметить, что методические рекомендации – это попытка предложить взрослым лишь некоторые возможные приёмы и направления воспитательной работы с использованием художественных произведений, всегда оставляя поле для творческого поиска.

Именно творческая активность, профессиональная заинтересованность наших педагогов, опыт использования ими материалов Библиотеки «Мудрые дети» с 2017 года, когда вышло первое издание, побудили авторов ко второму изданию книги. Второе издание подготовлено с учётом опыта работы с методикой, пожеланий и рекомендаций практикующих педагогов.

В книге появились новые разделы, расширилась проблематика нравственного поиска, материалы в большей мере адаптированы к возможностям учебного плана школы. Библиотека «Мудрые дети» призвана помочь нам, взрослым, в решении непростых задач духовно-нравственного и патриотического воспитания молодого поколения. Наконец, просто стать ближе к нашим детям!

АКТУАЛЬНОСТЬ И СТРУКТУРА

В период отсутствия чёткого и ясного понимания, что есть Добро, а что есть Зло, при разноречивом толковании основных нравственных критериев и оценок крайне осложняется процесс воспитания личности. Библиотека «Мудрые дети» предназначена для совместного чтения и совместного обсуждения сложнейших нравственных вопросов, на которые можно найти ответ только в диалоге поколений, не претендующая на истину в последней инстанции. А также – для самостоятельного чтения юношами и девушками.

В основной части каждой главы помещены короткие рассказы, поднимающие проблемы нравственного характера. После рассказа в разделе **«думаем вместе»** – размышления автора на тему рассказа, а в разделе **«в помощь учителям и родителям» («в помощь воспитателям и родителям»)** – вопросы, рекомендуемые к обсуждению. Но мы надеемся, что родители и учителя поделятся и своим личным жизненным опытом, а молодые люди выскажут свои убеждения или сомнения и, вполне вероятно, зададут вопросы, на которые ответить сделается возможным только после тщательного поиска и совместных размышлений.

Для того чтобы состоялся искренний и полезный разговор, взрослым необходимо создать атмосферу доверия между всеми участниками диалога. Важно помнить и понимать, что человек готов к откровенному разговору лишь при условии вашей деликатности. Всякий из нас имеет право на молчание, но, если молодой человек доверился вам, необходимо сознавать, что его открытость и искренность нуждаются в защите от насмешек, высокомерного поучения.

Библиотека «Мудрые дети» призвана побудить человека к осмысленному отношению к собственной личности и, конечно же, к тому, что

бы укрепить внутрисемейный мир и сделаться не только ориентиром и практическим уроком для всех членов семьи, но и инструментом сотворчества в познании нравственного и поведенческого эталона гражданина и патриота России. Мы должны помнить, что дети, научившиеся думать и мыслить, могут стать по-настоящему счастливыми людьми.

В методическом компоненте предлагается: самостоятельная работа, практические задания, практическая работа, домашняя работа, дополнительные задания, задания для взрослых, которые позволяют творчески подойти к освоению предлагаемой темы.

Например, в разделе **«самостоятельная работа»** мы предлагаем выяснить значение тех или иных слов, а чтобы добиться объективного результата, советуем пользоваться следующими словарями: Словарь Ушакова, Большой толковый словарь русского языка, Большой энциклопедический словарь, Словарь современного русского литературного языка.

На обложке книги указан адрес электронной почты, по которому можно отправить авторам практико-ориентированных материалов развёрнутый отзыв о прочитанном или выполненное творческое задание.

Психолого-педагогическое обоснование методики

Отечественные педагоги и психологи изучили процесс чтения и восприятия текста детьми, обосновали чтение как особую психическую деятельность, как процесс саморегуляции, самоидентификации и самоопределения человека.

Однако значительная доля современных школьников не приучена к систематическому чтению, имеет слабо развитый интерес к книге и, как результат, оказывается не готовой к требованиям современного общества и возможности самоопределиться в жизни. Для юного читателя очень важно, чтобы процессом его чтения руководили взрослые, а лучше всего – родители.

Совместное чтение – это целенаправленный, непрерывный психолого-педагогический процесс чтения детей и взрослых с последующим обсуждением и анализом прочитанного.

Физическое и нравственное развитие ребёнка определяется главным образом воздействием окружающей среды. В понятие окружающей среды включаются все люди, с которыми соприкасается ребёнок, их образ жизни и поведение. Л.С. Выготский употреблял термин «социальная ситуация развития». Как писал Выготский, «тип личности определяется степенью сознательного отношения к окружающей среде и нравственным развитием ребёнка». Поэтому мало гарантировать родившемуся ребёнку право на жизнь. Гораздо важнее гарантировать ему право на нормальные условия воспитания в детстве и самовоспитания в юности. Только так можно начать нравственное возрождение России, следовательно, в современном, основательно раздробленном обществе формирование единой воспитательной социосреды является делом государственной важности.

Наш метод формирования нравственного ценностного ряда не имеет ограничений, препятствий или противопоказаний. Проводя как урочные, так и внеурочные мероприятия в различных образовательных учреждениях, мы наблюдали, как дети и подростки стремятся не столько дать оценку событию или человеку, сколько понять и объяснить причины, и, что особенно важно, они осознанно и самостоятельно пытаются сформулировать или утвердить уже имеющийся ценностный ряд нравственных истин. Иногда достаточно было одного мероприятия, чтобы дети изменили отношение друг к другу, семье, учителям, молодые люди взрослели на глазах, их размышления становились осознанными, взвешенными и продуманными. Но, что особенно отраднo, в подавляющем большинстве они добровольно, на основе уже своих сугубо личных убеждений, выбирают стереотип традиционного общественного поведения, который выражается в проявлении активной жизненной позиции, чувства патриотизма, чувства национального и человеческого достоинства — это и есть духовная сила, которая превращает множество людей в единый и монолитный народ.

В наших методических материалах мы предлагаем постигать ценностный ряд через знания и рассуждения, мы апеллируем к тому, что доступно, ощутимо и подчиняется логике. Мы учимся вместе с детьми практическому здравомыслию на жизненных примерах.

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА

Библиотека «Мудрые дети» поможет каждой образовательной организации реализовать рабочую программу воспитания, «организовать проблемно-ценностное общение школьников, направленное на развитие коммуникативной компетенции, на воспитание ценностного отношения к культуре, на передачу социально значимых знаний, привлечение к осмыслению политических, экологических, гуманитарных проблем нашего общества, формирование гуманистического мировоззрения».

Одной из важных составляющих методического компонента является возможность выходить за пределы обсуждаемой темы. С учётом того, что предлагаемая методика поднимает сложные вопросы нравственного поиска, эта смысловая неограниченность позволяет не только формировать, но и корректировать мировоззрение человека.

Ещё одна особенность предложенной методики заключается в механизме размышления без свидетелей. В этом, собственно, и заключается процесс самовоспитания: после диалога и общего обсуждения нравственной проблемы наступает главный момент утверждения и принятия конкретной и формирующей личность информации, а это происходит и может осуществиться в процессе внутреннего осмысления. И только после этого включается психологический механизм ответственности за принятую информацию, а далее и за весь ценностный ряд, готовность отстаивать его и защищать – так формируется нравственная и историческая память, которые гарантируют устойчивое развитие общества.

Наши материалы на примере Библиотеки «Мудрые дети» предлагают готовую методику работы с детьми, при этом мы рекомендуем родителям и учителям подходить к этой работе творчески, используя собственный семейный, профессиональный и жизненный опыт.

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

ВОСПИТАТЕЛЬНО-ОБУЧАЮЩИЙ
РАЗДЕЛ

ЗАГРУЗКА...

ДОШКОЛЬНИКАМ

3+

КОММЕНТАРИИ К РАЗДЕЛУ

В данном разделе представлены художественные произведения для совместных размышлений об актуальных нравственных проблемах детей дошкольного возраста и работы, направленной на формирование представлений о сущности нравственных понятий. Воспитатели и родители для работы над нравственным содержанием каждого рассказа могут руководствоваться целевыми ориентирами, сформулированными в Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования, и другими исторически сложившимися ценностями, которые составляют ядро нравственного воспитания дошкольников. К ним относятся позитивное отношение дошкольника к миру, труду, к самому себе, патриотизм, чувства гражданской принадлежности и собственного достоинства, ответственность за свои поступки, умение учитывать интересы и чувства других людей, способность договариваться, стремление поступать правильно. Размышляя вместе со взрослыми о содержании рассказов этого цикла, дети задумываются о смысле жизни и значении знаний, рассуждают о своей роли в жизни семьи и общества, учатся самостоятельно принимать решения.

В начале книги, в содержании авторы сделали акцент на одном, на их взгляд, ведущем нравственном понятии, о котором идёт речь в каждом конкретном рассказе. Однако художественное произведение позволяет поднять и обсудить с детьми более широкий спектр проблем, поставленных автором. Например, анализируя рассказ «Не хочу», воспитатель, кроме обсуждения проблемы детского эгоизма, предложит детям вопрос, как можно совместными усилиями выйти из создавшейся проблемной ситуации, поможет ребенку задуматься, как и зачем можно и нужно договариваться со взрослыми, посмотреть на своё поведение со стороны. А родителям поразмышлять о том, какие педагогические инструменты описаны в рассказе.

Гл. 1

МАМА И МЕДВЕДЬ

Случилась эта история очень давно. Для участия в новогоднем маскараде мама сшила мне костюмчик зайчика. Костюмчик замечательный, из белой простыни, а на голове белая шапочка и два длинных уха. Дольше всего возились с ушами, даже папа что-то мараковал, но в итоге ушки научились крепко стоять на голове. Потом я тренировался прыгать по-заячьи, скрючив перед собой руки, и рассказывать стишок про зайчика-попрыгайчика.

На празднике в детском саду я всё сделал, как меня учили дома: и прыгал, и стишок рассказывал. Всем очень понравилось, дети громко аплодировали, а Дедушка Мороз подарил мне конфетку.

Каждый год я надевал костюмчик зайчика и рассказывал стишок. Но прошло два года, и мой костюмчик стал мне мал. Я так подрос, что штанишки подтянулись до самых колен, уши надломились и висели перед глазами, а хвостик вообще куда-то пропал. Я и не жалел костюмчик, потому что очень хотел быть медведем. И ещё с осени приставал к маме, чтобы она сшила мне костюм медведя. Мама молчала, а потому я был уверен, что на Новый год буду медведем, и научился по-медвежьи рычать и ходить вразвалочку. Получалось очень правдоподобно даже без костюма медведя.

Наступили предпраздничные дни, мама достала костюмчик зайчика и приказала примерить.

— Мама! — возмутился я. — Я хочу быть медведем!

— Потом, в следующем году, — ответила мама и подала мне заячий костюм.

Я его надел так лихо, что он затрещал по всем швам, и мама огрела меня подзатыльником:

– Не рви! Надевай аккуратно!

– Ма-ма, – загнусавил я, – я медведем хочу быть...

Мама молча сняла новую мерку и начала подшивать штанишки из старой простыни. А я не унимался и выл, пока не получил ещё одного тумака. К вечеру костюм зайчика был готов, и мама приказала примерить. Я примерил. Костюмчик был ужасным: подшитые на ногах штанины выделялись белизной, одно ухо отремонтировали, но второе вставить не хотело и падало мне на лоб, пуговики стягивали грудь, выворачивались наружу, и было видно, что они все разного цвета.

На утренник я шёл без всякого праздничного настроения. В детском саду мама быстро передела меня в костюмчик зайчика и куда-то спешно ушла. Я спрятался в углу, а дети водили хоровод и рассказывали стишки. Дедом Морозом была наша воспитательница, она увидела меня и, громко постукивая посохом, спросила:

– Что за зайчик спрятался в углу? Дети! Давайте позовём играть с нами зайчика!

– Я не зайчик, – сказал я и заплакал.

– А кто же ты? И почему плачешь? – спросил Дедушка Мороз.

– Я медведь, – сказал я.

– Дети! – обратился к детям Дед Мороз. – Кто к нам пришёл, зайчик или медвежонок?

– Зайчик! – закричали дети.

– Нет, – настырно сказал я, – я медведь!

– Ну хорошо, – согласился Дед Мороз, – к нам пришёл медведь в костюмчике зайчика! Правильно? – спросил он меня.

Я кивнул головой.

– Ты расскажешь нам стишок или споёшь?

– Я буду рычать.

– Хорошо, внимание, дети, слушаем медвежью песню!

Я скосолапил ноги и пошёл вокруг ёлки, громко и неистово рыча. Дети закричали и пошли за мной, тоже рыча и косолапя ноги. Получилось очень весело, и воспитательница – Дед Мороз подарила мне конфету.

Мы долго веселились, а потом пришла мама и спросила:

– Как тут мой зайчик?

– Он не зайчик! – закричали дети. – Он медведь!

Мама посмотрела на меня, и я понял, что дома меня ждёт угол, где я ревел совсем не по-медвежьи. Но мама меня не ругала и в угол не поставила, только папе пожаловалась, сказала, что я весь в него – настырный и упрямый.

В ПОМОЩЬ ВОСПИТАТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. К какому празднику готовился мальчик? Как готовился? Кто ему помогал?
2. Какой костюм мама сшила мальчику?
3. Кем хотел быть мальчик на празднике?
4. Почему мальчик заплакал, когда к нему подошёл Дед Мороз?
5. Что должен был сделать мальчик, чтобы стать медведем?
6. За что Дед Мороз дал мальчику конфету?
7. Почему дети в детском саду приняли мальчика не как зайчика, а как медведя?
8. Как бы ты поступил на месте мальчика? Стал бы так вести себя?

Практические задания

1. Подумай, как мальчик мог сам сделать себе новогодний костюм. Помоги ему нарисовать маску медведя.
2. Нарисуй свой лучший новогодний костюм.
3. Представь себя на месте мальчика, изобрази медвежью песню, которая убедила всех детей, что он не заяц, а медведь.

гл. 2

МАМА-ГЕНЕРАЛ

Сегодня Димке не везло. Был выходной, но с ним никто не играл, а каждый занимался своими делами. Мама готовила жаркое, а папа, будто наказанный, пылесосил ковры и протирал пыль с книжных полок. И первый удар по Димкиному настроению нанесла, конечно, мама. Она сказала:

– Димуля, что ты слоняешься как неприкаянный, займись делом, приberi свои игрушки.

– Не хочу, – пробурчал обиженный Дима.

Но в это время мимо проходил папа и нанёс второй, самый обидный, если не предательский удар.

– Как с мамой разговариваешь? Мамина просьба – это приказ. Она в доме генерал, а мы солдаты. А что должны делать солдаты? Солдаты должны беспрекословно подчиняться генералу.

Мама вышла из кухни и сказала:

– Какой ты умный, – и поцеловала папу. А на Димку даже не посмотрела.

Потом родители будто специально портили ему настроение, они объединили свои силы, и удары сыпались один за другим: мама отобрала у Димки конфету, которую он взял из вазочки, и сказала, что конфеты можно есть только после обеда, а отец нечаянно наступил на любимую Димкину игрушку, пластмассовую машинку, и она с треском рассыпалась на мелкие кусочки.

– Вот видишь, – с назиданием и даже удовольствием сказал он, – что происходит, когда солдат ослушался генерала и не выполнил приказ? Катастрофа, Димуля, ка-а-тастрофа! – И остатки машинки всосал жадный пылесос.

Потом пришёл незнакомый дядька, подарил маме стеклянную вазу и цветы.

— Ой, какая прелесть! Какая удивительно элегантная форма! — обрадовалась мама и, налив в вазу воды, поставила в неё зелёные розы. Она радовалась подарку, дядька радовался, что его подарок понравился маме, а папа радовался, потому что пришёл в гости дядька, и Димка понял, что у всех праздник, а у него праздника нет. А незнакомый дядька вдруг протянул Димке шоколадку.

— Мне нельзя, — не согласился взять шоколадку Димка и отвернулся.

— Отчего же? Ты болен?

— Нет, я здоров. Но генерал не разрешает.

— Генерал? — очень удивился дядька. — Но, Дима, твой папа только капитан.

— У нас мама генерал, — громко ответил Дима с надеждой, что эти слова услышит мама и похвалит его.

— Вы только посмотрите, ещё под стол пешком, но уже насмехается! — то ли похвалил, то ли поругал папа.

— Бери, старик, не бойся, я больше, чем генерал, — вдруг смело заявил дядька и убедительно подал Димке шоколадку.

— Правда? — удивился Димка, но с опаской принял шоколадку и проворно спрятал её на книжной полке.

— Ценю смекалку, — похвалил дядя.

— А ты кто? Маршал? — спросил Димка.

— Я, Дима, Дед Мороз!

— Врёшь! — обомлел Димка.

— Ты как с дядей разговариваешь? — возмутилась мама, выглянув из кухни.

— А он врёт! У Деда Мороза борода! Вот такущая! — и Димка постучал себя по животу.

— А вот и нет! — засмеялся дядька. — Это она у меня зимой такая, а на лето она отваливается!

– Это как отваливается? – поразился Димка, представляя, как борода отваливается от дядькиного подбородка и падает на пол.

– Да просто: только тепло наступило, она и отвалилась. Вот у деревьев листья отваливаются осенью, и они стоят всю зиму голыми, а у меня, напротив, борода весной отваливается. Жарко летом в бороде Деду Морозу. Понял?

– Понял, – согласился Димка. – А посох где?

– Посох? – переспросил дядька. – Это палка такая?

Димка кивнул.

– Посох, говоришь? Так я же его дома оставил, с ним, понимаешь, старик, неудобно ехать в автобусе, а в метро вообще не пускают.

– Так он же волшебный, – не поверил Димка.

– Да, ещё какой волшебный, но очень большой. Наш транспорт не приспособлен для перевозки негабаритных грузов.

Но Димка чувствовал подвох и не верил весёлому Деду Морозу в безрукавке и светло-кофейных брюках.

– А Снегурочка где?

– Снегурочка? О, это печальная история, Дима. Снегурочка бросила меня, вышла замуж и уехала в Уренгой. Там климат, говорят, хороший, летом не жарко, а зимой – холодно.

– Врёте вы всё!

– Димуля, не груби, надо говорить: «Не обманывайте меня, дядя Дима». Вы, кстати, тёзки, но это не единственное у вас сходство, вы оба отменные обманщики и мошенники. Думаете, я не видела, куда вы прятали шоколадку?

– А он не обманывает, а врёт! И про бороду, и про Снегурочку!

– Димуля, прекрати грубить, или в угол пойдёшь!

– Я сейчас не врал, а он врал, а ты его в угол не ставишь, а меня ставишь.

– Димуля прав, – согласилась мама, – идите оба в угол. Маленький Дима вот в этот угол, а большой – вон в тот.

– А меня за что? – возмутился маленький Димка.

– За грубость, – утвердилась в своём решении мама. – Постой немного в углу и подумай о том, что грубить старшим нельзя, даже если они обманывают.

– Товарищ генерал, разрешите обратиться? – вытянулся по стойке смирно дядя Дима.

– Обратитесь, а после сразу же в угол!

– Товарищ генерал, замените гауптвахту нарядом вне очереди. Я всё умею: посуду мыть, стирать, полы драить!

– Не хитри, Дед Мороз, это некрасиво. Иди в угол, – приказала непреклонная мама.

Димка стоял в углу и думал о том, что мама всё-таки смелая и сильная, если даже дядьку в угол поставила. И ему теперь не казалось удивительным, что папа всегда слушается маму.

– А я больше никогда не женюсь! – заявил из угла дядя Дима.

– И я не женюсь! – согласился Димка.

– Отчего же? – мама вошла в комнату, сняла фартук и поправила причёску. Димка понял, что мясо уже готово и пора за стол.

– Не люблю в углу стоять, – ответил дядя Дима.

– И я не люблю, – согласился Димка. – Я, может, сам генералом буду.

– Ну вот и подружились, углы разные, а дружба одна. Вот так-то, холостяки, беда и трудности сплачивают. Всем за стол! Амнистия!

– Ура! Нас помиловали! Димка, пошли руки мыть, такие запахи из кухни, я сейчас слюной захлебнусь.

– Пошли, – обрадовался Димка, – мама, а где папа?

– Папа на задании, в магазине, он хороший солдат, скоро будет. Вот попробуете моё жаркое, а потом и решите, жениться вам или нет.

– Да, Димка, мир несовершенен! И зачем люди углы понастроили?

– Когда я вырасту, – Димка ступил вперед, – у меня будет круглый дом, как шар! В моём доме не будет углов!

– Гениально! Дом без углов – это же самый счастливый дом в мире! – обрадовался дядя Дима и побежал в ванную. – Ура! Я первым руки мою!

– Нет, я первым, – кинулся следом Димка.

А мама посмотрела им вслед и вздохнула:

– Детский сад, честное слово, ну как вам, мужикам, без генерала, не выживете.

Они мылили руки наперегонки, потом вместе ополаскивали их под шумной струёй воды и вытирались одним полотенцем.

– А ты правда Дед Мороз? – спросил Димка и повесил полотенце на крючок.

– Я, Дима, не простой Дед Мороз.

– А какой? – удивился Дима и первым вышел из ванной комнаты.

– Я Дед Мороз – клоун!

– Таких не бывает. Клоуны в цирке, а Дед Мороз на ёлке!

– Димуля, а вот теперь дядя Дима говорит правду! – засмеялся вошедший в квартиру папа. – Он у нас как что-нибудь выкинет, потом весь гарнизон голову ломает.

– Не верь, Дима, я тебе сейчас докажу, что я самый что ни на есть настоящий Дед Мороз – клоун! Смотри! – И дядя Дима встал на руки и пошёл на руках по комнате.

– Ты видел такого Деда Мороза? – спросил дядя Дима, стоя на руках.

– Нет, – ошалел от такого фокуса Димка.

– Не убейся, – посоветовал папа и на всякий случай отошёл в сторону.

Но дядя Дима вдруг перекатился на спину и встал на ноги. Но когда вставал нечаянно задел вазу с зелёными розами, которая стояла на цветочной подставке, ваза покачнулась, но дядя был очень ловким, он кинулся к ней и успел подхватить вазу, когда та уже летела на пол.

Димка стоял рядом, вода из вазы вместе с розами вылилась ему на голову, а у дяди Димы порвались штаны.

С минуту все молчали, поражённые этим представлением.

– Мама! Ваза-то не разбилась! – восторженно закричал Димка.

– В угол! – сказала мама. – Оба в угол!

– А меня за что? – удивился Дима.

– За компанию, Димуля, за компанию, – улыбнулся папа и пошёл за половой тряпкой в ванную комнату.

Мама собрала розы, забрала из рук дяди Димы вазу и ушла на кухню за новой водой. Дядя Дима и Димка встали в один угол. Дядя Дима обнял Димку за плечи и сказал:

– Не судьба нам сегодня пообедать. Так и умрём с голоду. Как же я теперь домой пойду в порванных штанах?

– Да, – согласился Димка, – беда. Вот если бы посох волшебный был, мы бы новые штаны заказали.

– Так, клоуны, – в комнату вошла мама и поставила вазу с цветами на подставку. – Я вам сейчас выдам одежду, быстро переодеться и за стол! Но ничего не трогать, на голове не ходить, если ещё что-нибудь сломаете или разобьёте, выгоню обоих!

– Слушаемся, товарищ генерал! – гаркнул дядя Дима.

– То-то же, – успокоилась мама. – А то жениться не будут! Я вам не женюсь! Так клоунами до конца дней своих и останетесь.

– Так мы же не хотели жениться? – удивился Димка и дёрнул дядю Диму за порванную штанину.

– Соглашайся, старик, а то сухих штанов не получишь. Это тактическая хитрость такая. Соглашайся!

Дима посмотрел, как папа, ползая на коленях, тщательно и проворно вытирает пол в комнате, и заплакал.

– Не хочу жениться! Не хочу! – горько завыл Димка.

А все почему-то вместе вдруг начали смеяться. Дядя Дима от смеха упал на колени, а папа нечаянно задел мокрой тряпкой подставку, на которой стояла ваза с зелёными розами. Мама кинулась ловить вазу, поймала её, но вода с розами вылилась на папину голову, и все начали смеяться ещё пуще. Димка так удивился проворству мамы, что перестал реветь, а потом вдруг улыбнулся и закричал:

– В угол! – смеялся Димка. – Маму и папу в угол!

– В угол! За компанию, – хохотал дядя Дима. – За компа-анию!!! И жаркое, прихватите жаркое в угол, а то есть очень хочется!

В ПОМОЩЬ ВОСПИТАТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Почему сегодня Диме не везло?
2. Как родители испортили Димкино настроение?
3. Какие подарки принёс дядя Дима? Кому он их подарил?
4. Как называл себя дядя Дима?
5. Почему папа сказал, что маму нужно обязательно слушаться?
6. За что мама поставила Диму и дядю Диму в угол?
7. Как у дяди Димы порвались штаны?
8. Почему все начали смеяться? Кто их рассмешил?
9. Как ты думаешь, а Димин папа жалел, что женился на маме?
10. Как ты думаешь, Димина мама добрая, справедливая, строгая или нет? Почему?
11. Попроси взрослых объяснить значения слов «амнистия» и «гауптвахта». Почему они используются в рассказе?
12. «Обманывает» и «врёт» – это одинаковые по смыслу слова? Почему слово «врёт» считается более грубым, с точки зрения родителей? Каким образом предложила заменить это слово мама?
13. Обманывал ли дядя Дима Димку, когда говорил, что он Дед Мороз? Бывает ли Дед Мороз – клоун?

Практические задания

1. Нарисуй букет, который ты хотел бы подарить своей маме.
2. Познакомь нас со своей семьёй. Нарисуй портреты своих близких.

гл. 3

ХРУСТАЛЬНАЯ ВАЗА

Мы едем! Мы – путешественники. Путешествовать – это значит шествовать, идти по какому-то пути. Наш путь к бабушке. Папа и мама там уже были, когда поженились. Вовка, мой брат, был у бабушки в прошлом году, а я – поздний ребёнок, и меня везут к бабушке впервые. Поздние дети – это дети, у которых мама и папа старые, брат взрослый, а я ещё маленькая.

Сначала мы ехали на такси – это машина с жёлтым фонариком на крыше. Потом мы зашли на вокзал – это такой большущий дом, в котором живут пассажиры. Пассажиров на вокзале много, и все они с чемоданами и сумками. У нас тоже сумок много. Папа нёс два тяжелых чемодана, он кряхтел, останавливался и долго вытирал пот со лба. Вовка нёс рюкзак на спине и две сумки. Он так согнулся, что походил на двуногую лошадку. Мама несла пакет с продуктами и сумочку, а я выполняла приказ папы. Я должна была вести маму и проследить, чтобы она не потерялась. Мама наша, как черепашка, очень медлительная.

Когда дежурная по вокзалу объявила посадку на наш поезд, пассажиры вдруг все разом схватили свои сумки и чемоданы и побежали вниз по ступенькам. Папа тоже схватил чемоданы, но потом поставил их на место и сказал, что не будем торопиться, пусть люди пройдут, и ещё сказал, что поезд без нас никуда не уйдёт. Мама папе не поверила, а я верю, потому что мой папа никогда не обманывает. Только вот никак не могу понять: а как же другие поезда без нас уезжают?

Через подземный переход, по длинным лестницам мы вышли на перрон, прямо к нашему поезду. У вагона нас ждала проводница в красивом синем костюме. Папа подал ей билеты, и она пропустила нас в вагон.

– Проходите, – сказал нам Володя.

– Почему я первая? – я боялась подниматься в вагон.

– Вы – дамы, – сказал папа, – а дамы всегда заходят первыми.

– А вдруг там волки, – сказал брат, – ты нам крикнешь, мы и убежим.

– Папа, а что, в вагонах волки? – испугалась я.

– Нет, доченька, это Володя дурно шутит. Я, когда поставлю чемоданы, дам ему за это по шее. Проходи, не бойся.

Я и мама первыми вошли в вагон.

– У нас четвёртое купе, – сказала мама.

– А что такое купе? – спросила я.

– Купе – это наша комнатка, в ней мы и поедем все вместе.

Мы с мамой разместились на нижних полках, а папа с братом на верхних. Я тоже хотела на верхнюю полку, но папа опять сказал, что мы с мамой – дамы, а дамы на верхних полках ездят только в тех случаях, если на нижних едут бабушки и дедушки. Мне очень не понравилось быть дамой.

– Я больше не хочу быть дамой! Я хочу на вторую полку!

– Я посажу тебя на вторую полку, но только на время. А дамой тебе быть придётся, такая уж ты родилась.

Со второй полки было всё видно: можно было выглянуть в окно, и в коридор, и всё купе было как на ладони, а ближе всего – Вовкина вихрастая голова.

– Папа, а ты обещал Вовке дать по шее, – напомнила я.

– Я вот сейчас встану и тебе дам по шее! – пригрозил Вовка.

– Мама! А Вовка меня бьёт!

– Вова, не приставай к девочке! – сказала мама, она всё ещё копошилась в вещах, искала что-то и составляла на маленький столик у окна.

– Я дама! – вспомнила я. – А дамов не бьют.

Вагон слегка вздрогнул, и перрон вместе с пассажирами поехал мимо окон. Люди на перроне начали махать руками. Я тоже стала им махать.

- Папа! Перрон и вокзал поехали!
- Это голова у тебя поехала, – буркнул Вовка.
- Мама! А Вовка обзывается!

И помчались мимо нашего окна вагоны, дома, поля и лес. Да так быстро! Ветер влетал в открытое окно так сильно, что растрепал всю мою причёску.

Я лежала на верхней полке и смотрела, как всё едет и мчится мимо меня: дома около железной дороги мелькали так, что я даже рассмотреть их не успевала, а чуть подальше проплывали медленнее. Там были люди и коровы, там были машины и трактора. Мы обогнали всех! Были и станции, но вокзалы маленькие, и народу было на перроне мало. Люди садились в вагоны и выходили, и проводницы всегда встречали и провожали пассажиров. И я уснула.

А когда проснулась, за окном всё так же мелькали столбы, проплывали дома, огороды и берёзовые колки. Поезд лязгал железными колёсами, натужно скрипел, поворачивая то в одну, то в другую сторону. Здорово!

– Доченька проснулась, – заметила мама, – спускайся к нам, пора кушать.

Папа снял меня с полки. Проводница заглянула к нам и предложила чай.

– С удовольствием, – улыбнулся папа, – люблю чай из стакана с подстаканником.

Принесли чай. У нас дома не было стаканов и не было железных красивых подстаканников.

– Осторожно, – предупредил меня папа, – чай горячий. Пусть немного остынет, а потом берись вот так, за железную ручку, и пей. – И папа с удовольствием отхлебнул чай из своего стакана.

– Эх, люблю путешествовать! – сказал папа, когда допил свой чай. – Люблю, когда ложечка бренчит в пустом стакане, будто колокольчик неведомого возницы из нашей старины, и всё мчится куда-то прочь! И работы нет, и заботы нет, и впереди целый месяц отпуска!

– Папа, а где Вовка? – спросила я.

– Что, соскучилась? Вон он, на второй полке спит, в простынь укутался. Вот так и бывает: вместе тесно, а врозь скучно. Давно ты его не мучила?

– Папа! Смотри! – закричала я. – Колбаски на колёсиках!

– Это цистерны, в них бензин возят для машин.

Мы проезжали по станции, на которой стояли эти самые цистерны с бензином.

– Милая моя жёнушка! – продолжал говорить папа. – Представь себе, что нашей доченьке только открывается этот чудесный мир! Она ещё не знает, что есть цистерны, локомотивы, школа, поэзия Пушкина, настоящая любовь и дружба! Она ещё только открывает для себя этот великолепный мир жизни! Для неё, как сказал поэт, и солнце ярче, и трава зеленей, и вода мокрей! Счастливая пора детства!

В проёме купе появилась проводница. Она забрала стаканы с красивыми подстаканниками и спросила:

– Вам ещё чаю?

– Нет, спасибо, но вечером обязательно! И здорово было бы, если бы заварить смородиновым листом.

– Хорошо, будет вам смородиновый лист.

– Вы серьёзно?

– Серьёзно, – кивнула проводница, – будет вам смородиновый чай. А можно вас попросить...

– Да, пожалуйста, – обрадовался папа.

– Можно, у вас посидят женщина с ребёнком. Они подсели к нам на прошлой станции, им в больницу. Минут через тридцать будет большая станция, они сойдут на ней.

– Да, пожалуйста! А что случилось?

– Смех и грех, сейчас сами увидите.

Скоро в купе вошли женщина и мальчик. Голова мальчика была укутана полотенцем.

– Присаживайтесь, – предложил папа, – что у вас случилось?

– Вазу на голову надел, а снять не можем. У нас на станции только фельдшер, и та в отпуске. Вот и попросились до города, к хирургу едем, в скорую помощь.

– Голову отрезать? – удивилась я, и мне стало жалко мальчика.
Взрослые рассмеялись, а мальчик схватился за голову.

– Показывайте, – приказал папа, – я и есть хирург.

– Да что вы! – всплеснула руками женщина. – Повезло-то как! Может быть, вы поможете. Я заплачу.

Полотенце развернули, и все увидели хрустальную вазу на голове мальчика.

– Самый простой рецепт – аккуратно разбить вазу, – предложил папа, – и это мы сейчас устроим. Гарантирую, ребёнка не пораним.

– Ничего себе рецепт! А вы знаете, сколько эта ваза стоит?

– Ах вот в чём дело!

– Конечно, в этом, разбить я и дома могла. И как дала бы ему по голове, чтобы знал, как вазы на голову одевать!

Женщина замахнулась на мальчика, но папа остановил её:

– Не торопитесь, я сниму её, но с условием, что мальчугана вы наказывать не будете.

Папа уложил мальчика, меня поднял обратно на вторую полку, а маму мальчика попросил выйти. Я не видела, как папа снимает вазу с головы мальчика, он наклонился над ним и что-то бурчал себе под нос. Потом спросил:

– Дружок, ты скажи мне по секрету, для чего ты эту вазу нахлобучил себе на голову?

– Я принцем хотел стать. Я видел в кино принца в короне. А ваза взяла и провалилась.

– Ну-с, принц, потерпи.

– Ой!

А ваза уже стояла на столике и сверкала в лучах заходящего солнца. А мальчик оказался рыжим-рыжим, как солнце на горизонте. Меня это рассмешило, я так рассмеялась, что нечаянно разбудила Вовку.

– Пап, ну что она опять кричит и спать мешает!

– Эх, Вовка, Вовка, ты проспал интересную историю. Заходите, – пригласил папа маму мальчика в купе.

Полусонный Володя сел и глянул вниз. Увидел мальчика, женщину, хрустальную вазу и сказал:

– Здравствуйте.

– Теперь уже, наверное, и до свидания. – Женщина укутала вазу в полотенце и позвала мальчика: – Пойдём. – Но вдруг спохватилась: – Сколько я вам должна, доктор?

– Ничего не должны, я в отпуске, а в отпуске я работаю бесплатно. И потом, вы подарили нам эту замечательную дорожную историю. Мы в расчёте. Счастливого вам пути!

– Счастливого пути! – махнула я мальчику и подумала: «Они тоже путешественники!»

В ПОМОЩЬ ВОСПИТАТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Что значит быть путешественником? Вы путешествовали?
2. Куда отправилась девочка со своей семьёй?
3. У кого какие были обязанности и почему?
4. Почему девочка хотела ехать на верхней полке?
5. Что нового узнала девочка о путешествии на поезде?
6. Нравилось ли папе путешествовать на поезде?
7. Какие пассажиры подсели в купе на станции?
8. Зачем мальчик надел вазу на голову? Кто помог её снять?
9. Почему доктор должен всегда помогать?
10. Почему папа не взял деньги за оказанную помощь?

Практические задания

1. Вспомни своё самое интересное путешествие (по ездку, прогулку, поход). Что особенно запомнилось и почему?
2. Нарисуй карту своего путешествия.

Гл. 4

ДИМКИНЫ УШИ

Жил-был мальчик Дима с большими-большими ушами. Нет, вы не подумайте, он родился с нормальными, маленькими розовыми ушками. Но вот что случилось, послушай...

Рос Дима быстро, много кушал, от каши не отказывался, словом, что поставят на стол, то и съедал подчистую, только успевала мама за Димой посуду мыть. К пяти годам тот набрал весу будь здоров, кулак сожмёт – не меньше груши. Вот какой он стал большой и сильный. И нравилось ему, что его боятся. Конечно, плохо, что с ним дружить не хотели другие дети, но ведь как здорово подойти к горке или песочнице, где дети играли, вынуть из кармана кулак и показать его, да ещё потряхнуть перед носом какой-нибудь малявки. Дети врассыпную, игрушки побросают от страха и – кто куда.

Но вот пришла беда, начали у него расти уши. Уши, конечно, растут у всех, но у Димки по-особому. Только он покажет кулак, да если ещё и зарычит при этом грозно, вмиг уши становились больше. Мама водила его к докторам, но те только руками разводили, не знаем, мол, чем помочь. А один врач сказал, что это вовсе и не болезнь и что науке такие явления неизвестны. Но это наука не знала в чём дело, а Димка знал. Он давно понял, что кулак лучше держать в кармане. Просто страсть какая плохая жизнь началась у Димки. Уши уже шапкой не прикроешь, а порою так хочется пугануть всякую мелюзгу!

Сидит как-то бедный Димка на лавочке возле подъезда, на улице жара, а он в шапке и кулаки в кармане. Проходит мимо бабушка и спрашивает:

– Ушки, внучек, болят?

– Не твоё дело, – буркнул Димка и вдруг почувствовал, как шапка приподнялась над головой.

– Что это?! – с испугом воскликнул он и схватился за голову.

– Рога, внучек, рога. Скоро на чёрта походить будешь и совсем пропадёшь...

– А! – подскочил Димка. – Это ты колдунья! Это всё из-за тебя! Я тебе сейчас как дам! Я знаешь какой сильный!

Вынул он кулаки из карманов и от страха обратно на скамейку плюхнулся. Кулаки у него рыжей шерстью заросли.

– У-у-у... – заревел Димка, – что же теперь будет?! Как я в школу пойду, мне осенью в первый класс идти надо. Бабушка, расколдуй меня!

– Не колдовала я тебя, – ответила бабушка, – не колдовала. Ты сам себя заколдовал, в зверя превратил.

– Помоги мне, бабушка! – взмолился Димка.

– Помогу, но только советом: люби младших, уважай старших – и вмиг выздоровеешь.

– Это как?

Но бабушки уже не было, видимо, ушла. Видимо, решила, что Дима сам должен догадаться, как расколдовать себя.

Недавно я встретил Диму. Он шёл из школы, а когда вошёл во двор, к нему подбежали дети, они шумели, смеялись и пытались помочь Димке нести тяжёлый портфель.

Уши у Димки были, как и у всех детей, маленькими, шерсть на ружках слиняла, рожки на голове отвалились, и только остался маленький хвостик с рыжей кисточкой, но его не было видно людям.

В ПОМОЩЬ ВОСПИТАТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

Желательно концовку рассказа — «Недавно я встретил Диму...» — не читать сразу, а прежде побеседовать с детьми о прочитанном. И, конечно же, с наводящими вопросами:

1. Что за беда случилась с Димой?
2. Почему это произошло?
3. Как Дима разговаривал с бабушкой?
4. Кто виноват в Димкиной беде?
5. А если бы ты был сильным, как Дима, как бы ты вёл себя на улице и в детском саду?
6. Как ты думаешь, что дальше будет с Димой?

После беседы дочитайте рассказ, но мы напоминаем, не осуждайте в своих беседах Диму, а оценивайте его неблагоприятные поступки.

Практические задания

1. Представь, как может меняться внешность человека из-за поведения.
2. Нарисуй разные портреты Димы.
3. Составь правила хороших отношений с людьми, расскажи эти правила.

Гл. 5

Не хочу

Жила-была девочка, и звали её Леночкой. У Леночки были длинные золотистые косы, большие карие глаза и маленький носик. Не девочка, а сказочная принцесса-красавица. И всё было бы хорошо, но одна беда – любила Леночка слово «не хочу». Её звали за стол, и было время обеда, и все уже проголодались, и сама Леночка тоже уже была голодна, но она всё равно говорила: «Не хочу!» Она, конечно, потом приходила, но продолжала вредничать и говорить «не хочу».

– Леночка! – будила её мама. – Пора вставать.

– Не хочу! – отвечала Леночка.

– Леночка, умойся и не забудь почистить зубы.

Но непременно слышалось в ответ:

– Не хочу! Не хочу! Не хочу!

Просто наваждение какое-то, и никто не знал, как отучить Леночку говорить «не хочу». Даже папа, который руководил тысячами рабочих на большом заводе, и тот не знал, как сладить с любимой дочкой.

Попробовал бы у папы на работе кто-нибудь сказать «не хочу», папа тут же выгнал бы с работы этого человека. Но дочку из дома не выгонишь. Её, как говорила мама, нужно было воспитывать. И папа впервые в жизни не знал, что сделать, чтобы дочка перестала вредничать.

Гостей даже перестали приглашать, потому что родителям было стыдно перед чужими людьми, когда Леночка на любую просьбу отвечала одним и тем же словом – «не хочу!».

А Леночке уже и нравится, что все вздыхают и сетуют, шепчутся между собой, советуются, а иногда и ругаются.

И тогда родители пригласили в гости бабушку. Бабушка жила в деревне, вырастила пятерых детей и, как сказала мама, «всё знала и умела».

Когда приехала бабушка, на кухне состоялся разговор. Леночка слышала его, потому что взрослые говорили громко. Бабушка сказала:

– Ребёнку нужен свежий воздух, молоко и работа.

– Без меня она не поедет, а у меня здесь много забот, – ответила мама.

– Тогда накажите её ремнём! – посоветовала бабушка.

– Я не буду бить ребёнка! – возмутился папа.

– Ну и мучайтесь, она из вас скоро верёвки вить будет! – обиделась бабушка и встала из-за стола.

Обедать Леночку не позвали. Она долго ждала, но вот хлопнула дверь, это папа ушёл на работу. Леночка пошла на кухню и сказала:

– Я есть хочу.

– Не хочу, – ответила мама.

– Это я не хочу, – возразила Леночка.

Но мама ничего ей не ответила и ушла в магазин. Весь день с Леночкой никто не разговаривал.

На следующее утро у Леночки сильно заболела голова.

– Мама! – позвала она.

– Не хочу, – ответила мама.

– Мама, я заболела.

Мама вошла в комнату, пощупала Леночкин лобик, попросила показать язычок. И вызвала врача. Пришёл врач.

– Что случилось? – спросил он у Леночки.

– Не хочу, – ответила Леночка.

– Что болит? – опять спросил доктор.

– Не хочу, – ответила Леночка.

– Так, – произнёс доктор задумчиво, пощупал Леночкин лоб, измерил температуру. – Я пропишу вам лекарства.

– Не хочу!

– Если ребёнок не будет пить лекарства, – обратился доктор к маме и бабушке, – то я могу выписать уколы. Кто умеет ставить уколы?

– Я не хочу, – сказала мама.

– Я тоже не хочу, – отказалась бабушка.

– Да, интересная у вас семья, – задумался доктор. – Самое лучшее лекарство для вашего ребёнка – это свежий воздух, коровье молоко, мёд, натуральные продукты, словом, вам надо ехать в деревню. Вашему ребёнку нужно больше двигаться.

– У меня в деревне столько здоровья! – сказала бабушка доктору. – Кругом: и в поле, и в огороде, и в птичнике – везде движение, работай на здоровье хоть с утра до вечера. В деревне здоровья на всех хватит. А внучка у нас не хочет здоровья, она хочет только вредничать.

– Это плохо, все вредные дети долго болеют. А в деревне даже вредные дети скоро выздоравливают.

– Я не хочу болеть, – сказала Леночка.

– Вот и замечательно.

Мама проводила доктора, потом вошла к Леночке в комнату, присела на краешек кровати.

– Ты хочешь болеть?

– Не хочу.

– Вот и я не хочу. Поедешь за здоровьем к бабушке? – спросила мама.

– А ты поедешь со мной? – Леночка прижалась к маме.

– Не хочу, – ответила мама.

– Мама, скажи, поедешь?

– Не хочу.

Леночка обняла маму и прошептала:

– Мама, я больше не буду говорить «не хочу», но и ты тоже не говори. Ладно?

– Договорились, – согласилась мама.

– Ну что, девчонки, – вошла в комнату бабушка, – поехали в деревню?!

– Собираемся!

Леночка соскочила с кровати и обняла бабушку.

– Видите, ребёнок уже и выздоравливает. – Бабушка погладила Леночку по голове.

– А мы папу с собой возьмём?

– Конечно! Здоровье всем нужно, особенно папе, он же наш кормилец и поилец. А здоровья в деревне на всех хватит!

В ПОМОЩЬ ВОСПИТАТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Почему Леночкины родители перестали приглашать гостей?
2. А ты знаешь, что означают слова «вить верёвки»? Почему бабушка сказала, что Леночка будет вить верёвки из родителей?
3. Как же была наказана Леночка?
4. А тебе бы понравилось такое наказание?
5. Стал бы ты помогать Леночке избавиться от вредной привычки и как? Почему?
6. А какие «вредные слова» ты ещё знаешь?
7. Ты часто говоришь родителям «не хочу»? В каких случаях можно говорить «не хочу»? Это плохая или хорошая привычка? Что нужно сделать, чтобы избавиться от этой привычки?

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ

1. Расскажи, где живет твоя бабушка и как можно к ней доехать.
2. Нарисуй транспорт, на котором ты сможешь доехать до своей бабушки.

гл. 6

КАРТАВКА

Жила-была девочка, и звали её Маша.

Машенька была маленькая, худенькая девочка с двумя тоненькими косичками. И не могла Машенька произнести несколько звуков. Вместо «б» она говорила «п», вместо «з» — «с». Вот и получалось у неё не очень понятно. Например, вместо «бабушка» она говорила «папушка», а вместо слова «зуб» у неё получалось «суп». И смешно, и грустно. А грустно потому, что над ней смеялись дети в детском саду. Она часто сидела одна в уголке на маленьком стульчике и наблюдала, как играют другие дети. Но когда им надоедали привычные игры, а воспитательница выходила из группы, они обступали Машеньку.

— Маша, у тебя во рту каша! — говорил Алёша и дёргал Машу за косичку.

— Машка — картавка! Машка — картавка! — кричала Олеся, прыгая вокруг Маши.

Потом и Алёша, и Олеся, и Верочка начинали кричать, смеяться и обзывать Машу. А Саша даже толкнул Машу, она упала, но не заплакала, а спросила:

— Сачем вы меня опсываете и пьёте?!

— Ха-ха-ха! — засмеялся Гарик. — Зачем вы меня пьёте! Во, чучелома-учело! Пьёте?! Да кто же тебя пить будет?

— Маша — лимонад! Маша — лимонад! — запрыгала Олеся и опять толкнула Машеньку.

Машенька упала на стульчик и от боли поморщилась.

— Не пейте меня, я могу умереть!

Это ещё сильнее рассмешило детей. Но вошла воспитательница и сказала:

– Дети, мыть руки и на обед!

Машеньке было больно, но она ничего не сказала воспитательнице. Но когда села за стол, то не смогла есть.

– Машенька, – спросила воспитательница, – почему ты не кушаешь?

– У меня полит пок, – ответила Машенька.

– Ха-ха-ха! – опять засмеялись дети.

– Пок у неё полит! – передразнил её Алёша.

И что тут началось! И смех, и шум, и крик.

– Дети! – строго сказала воспитательница. – Прекратите шуметь! Дразниться нехорошо и есть нужно молча. Пойдём, Машенька, – и она увела девочку с собой.

Потом воспитательница позвонила к Машеньке домой, и мама повела её к доктору.

На следующее утро, когда дети сели завтракать, Олеся вдруг заметила, что Машенькин стульчик пуст.

– А где Маша? – спросила Олеся громко.

Но дети не знали и потому молчали.

– Она умерла! – догадалась Олеся. – Мы её вчера побили, и она умерла!

У Олеся потекли слёзы. Следом захныкали и Витя, и Наташа, а там и Лера с Ромой. И скоро все дети плакали.

– Что случилось? – спросила, войдя, встревоженная воспитательница.

– Маша умерла, я её вчера толкнула, и она ударила бок и умерла, – плакала Олеся.

– Да что вы придумали, дети! – стала успокаивать воспитательница. – Маша ходила к доктору, вот она.

Из-за спины воспитательницы появилась Машенька.

– А мне удалили суп, – сказала она и показала свои зубки. И правда одного зубика у неё не было.

– Ха-ха-ха! – засмеялся Гарик. – Супик ей вырвали! Маша, не суп, а зуб!

Он подбежал к Маше, обнял её и сказал:

- Один зуб – это не больно. Мне сразу два вырвали, вот это больно!
- Гарик проводил Машу к столу, а ребятам пригрозил:
- Кто Машку тронет, во будет! – и показал всем кулак.
- Гарик! – засмеялась Машенька. – Только не пей никого, ладно?!
- Ладно, – согласился Гарик, – не буду.

В ПОМОЩЬ ВОСПИТАТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Какие звуки не выговаривала Маша?
2. Почему важно произносить звуки правильно?
3. Как относились к ней дети? Почему?
4. Что случилось утром следующего дня?
5. Почему дети заплакали, когда увидели, что утром Маша не пришла в детский сад? Может быть, они почувствовали свою вину?
6. Изменили ли дети своё отношение к Маше?
7. Как Маше можно помочь?

Подсказка для юных родителей: обратите внимание ребёнка на достойное и мужественное поведение Маши.

Практические задания

1. Какие скороговорки ты знаешь? Попробуй их произнести.
2. Давайте поиграем в нескладушки! Исправьте «неправильные» слова:
 - Сколько солнца на опушке!
На носу у нас волнушки. (веснушки)
 - Я утром вышел рано-рано.
Гляжу: пасутся два банана. (барана)
 - Синее море перед нами,
Летают майки над волнами. (чайки)

Гл. 7

СТО РУБЛЕЙ

Жил-был мальчик, и звали его Серёжа.

Серёжа очень любил конфеты. И все об этом знали и на праздники всегда дарили ему конфеты.

В тот воскресный день Серёжа вышел на улицу гулять, когда ещё во дворе никого не было. В выходной взрослые любят долго спать, потому и детям приходится в этот день долго томиться в кроватях. А Серёжа был самостоятельным мальчиком, он не стал ждать, когда его накормят или скажут, чтобы он почистил зубы. Он встал с кровати, заправил её, умылся, выпил стакан кефира и вышел во двор.

Он покатался на качелях, потом полазил по пирамидке, но одному гулять было скучно. И тогда он взялся пинать целлофановый пакет вместо футбола. Пинал, пинал, да вдруг из пакета вылетела красивая бумажка. Серёжа поднял её — это было сто рублей.

Что делать с деньгами, Серёжа не знал, а потому пошёл к своему дедушке. Дедушка с бабушкой жили в соседнем доме и просыпались рано. Бабушка говорила, что это у них «старческая болезнь» — просыпаться с рассветом.

Когда дедушка открыл дверь, Серёжа протянул сто рублей и сказал:

— Дедушка, я деньги нашёл!

Дедушка погладил свою лысую голову и ответил:

- Сначала нужно поздороваться с бабушкой.
- Здравствуй, дедушка. Я деньги нашёл.
- Деньги — это хорошо. А где ты их нашёл?
- Во дворе.
- Ну заходи, думать будем.

Бабушка на кухне готовила омлет с колбаской.

– Внучек, – обрадовалась бабушка, – позавтракаешь с нами?

– Спасибо, бабушка, я уже поел. Я деньги нашёл, сто рублей!

– Сто рублей! – удивилась бабушка. – Так ты у нас теперь богатый.

– Богатый, – радостно подтвердил Серёжа. – Только не знаю, что с ними делать?

– Это не беда, внучек, были бы деньги, а расходы сами найдут тебя. Дед, садись за стол. И ты с нами? – спросила бабушка.

Серёжа заглянул в сковороду с золотистым в колбасную крапинку омлетом и согласно кивнул головой.

Дедушка, бабушка и Серёжа ели вкусный омлет. Сто рублей лежали на столе. Все думали, как их потратить.

– Видишь ли, дело в чём, – задумчиво произнёс дедушка, – деньги ты нашёл во дворе, и получается, что эти деньги как бы дворовые. Их мог найти любой из твоих друзей, так? – Серёжа согласно кивнул, а дедушка продолжил рассуждать: – Допустим, Маша нашла во дворе сто рублей, купила бы на них мороженого и съела бы его одна. Или, допустим, взяла и купила бы мороженого на всех детей. Что тебе больше нравится? Что, по-твоему, было бы правильным?

– Мороженое для всех, конечно! Если Машка съест мороженого на сто рублей, то простынет. А простывать вредно!

– Замечательно! – обрадовался дедушка.

– Ах, дед, умный да хитрый, – покачала головой довольная бабушка и подложила внуку ещё кусочек омлета.

– Но мороженого на всех не хватит! Сто рублей мало! – возразил Серёжа.

– А ты и не покупай мороженого, а купи своих любимых конфет. Пусть по одной конфетке, но всем детям хватит.

Днём, когда все дети уже играли во дворе, Серёжа принёс целый килограмм конфет. Все ели конфеты, а Серёжа рассказывал историю, как он нашёл сто рублей.

На этом бы всё и закончилось, если бы не следующее утро...

Следующим утром Серёжа нашёл ещё сто рублей! Он, несколько удивлённый, походил по двору, но больше денег нигде не валялось. Что делать, Серёжа уже знал и пошёл в магазин. Но когда конфеты были в пакете, он пошёл домой. Съел он конфеты один, глядя в окно на детей. Его звали играть на улице, но конфеты были очень вкусные – шоколадные.

Целый килограмм – это очень много для одного ребёнка, и не удивительно, что Серёжа заболел. Он весь покрылся красными точками, и его живот был похож на бабушкин омлет.

– Постельный режим! – сказал доктор, сделал укол и оставил на столе горькие таблетки.

Вечером, когда температура спала, в комнату вошла мама и сказала:

– Серёжа, тебя пришли навестить дети.

В комнату вошла Маша, а за нею и другие дети.

– Серёжа, – сказала Маша, – ты выздоравливай быстрее, мы тебя ждём. Это тебе. – И Маша положила на стол большой кулёк с конфетами.

Серёжа покраснел и натянул одеяло на голову. Дети ушли, а Серёжа ещё долго лежал закрытый с головой и горестно вздыхал.

В ПОМОЩЬ ВОСПИТАТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Этот рассказ мы советуем не читать весь сразу, а остановиться после предложения «Все ели конфеты, а Серёжа рассказывал историю, как он нашёл сто рублей». Здесь следует сделать паузу для того, чтобы побеседовать с ребёнком:

- Правильное ли решение нашёл Серёжа? Почему?
 - Как бы ты поступил, если бы нашёл сто рублей, на что бы их истратил?
2. Обсудите с ребёнком возможные варианты, а потом дочитай-те рассказ, с тем чтобы ребёнок смог сравнить свои предположения с авторским вариантом.
- И опять вопросы:
- Почему Серёжа спрятался под одеялом, когда к нему пришли дети?
 - Как ты думаешь, можно ли пожалеть Серёжу? Почему?
 - Изменился ли Серёжа после этого случая? Почему?

Практические задания

1. Познакомь нас с денежными купюрами.
Расскажи о денежных знаках, которые ты знаешь.
Нарисуй известные тебе монеты.
2. Подходят ли эти пословицы к рассказу:
«Жизнь дана на добрые дела», «Как аукнется, так и откликнется», «Всякому своё счастье»?
3. Найди вместе со взрослыми в словаре слово «бескорыстно». Что оно означает?
4. Нарисуй сказочного героя, который помогал бескорыстно кому-то. Расскажи о нём.
5. Вспомни случай, когда ты кому-то помог просто так. Приятно ли тебе было? Какие чувства ты испытал?
6. Придумай продолжение рассказа после слов «На этом бы всё и закончилось, если бы не следующее утро...».

Гл. 8

КАТИНЫ ИМЕНИНЫ

Жила-была девочка, и звали её удивительно красивым именем Катя. Да и сама Катя была красавица – круглолица, голубоглаза.

И наступил у Кати день рождения. Приходили бабушка с дедушкой, любовались внучкой, славили её, дарили подарки... и всё восхищались – какая у них замечательная внучка: и послушница, и рукодельница, и мамина помощница! Но больше всех принёс подарков, конечно же, папа. И книжку-теремок, и раскраску, и велосипед трёхколёсный с дудочкой на руле, и ослепительно-белую шляпку. Он, кажется, скупил весь магазин детских игрушек. А говорил-то как! И принцесса ты моя ненаглядная, и красавица писаная, и на руках носил, и обнимал, и целовал бессчётно.

– Хватит уже, избалуешь ребёнка, – сказала мама и подарила Кате бантики.

Бантики были не простые, а большие, пышные. Одна пара белых, а вторая пара чёрных.

С этого подарка всё и началось...

– Хочу бантики, – сказала Катя и примерила чёрные. Они ей так понравились, что она даже несколько раз покрутилась вокруг себя перед зеркалом.

– У тебя белое платьице, – заметила мама, – а к белому платьицу подходят белые бантики.

Катя примерила и белые бантики. О, как они были прекрасны! Как они восхитительно подошли к платьицу!

– Просто чудо! – воскликнула бабушка, обняла внучку и, роняя слезу, сказала: – Кровиночка ты моя!

Кате очень понравились чёрные бантики, но и белые были не хуже. Нет, они были лучше — такие пышные, с голубенькой каёмочкой.

— Я хочу белые... — Катя задумалась, глядя на чёрные бантики, — и чёрные тоже!

— Но так не положено, — возразила мама, — выбери или чёрные, или белые.

— А я хочу и чёрные и белые!

— Но Катя! — возразила мама.

И что тут началось! Катя требовала все четыре бантика. Папа быстро согласился с Катей, но только не знал, как уместить все четыре бантика на маленькой голове своей любимой дочки. Мама была против и ругала папу за то, что тот потакает ребёнку. Бабушка помогала маме ругать папу. И только дедушка молча ушёл на балкон и закурил свою большую трубку. В дом потянуло табачным дымом, и бабушка ушла на балкон ругать дедушку.

Не буду рассказывать, что и как происходило дальше, скажу лишь одно — скоро на Катиной головке красовалось два бантика: справа белый, а слева чёрный.

И всё было бы хорошо и жизнь опять бы наладилась, но одно обстоятельство: Кате стало казаться, что бантики ей всё время что-то шепчут. Она прислушивалась, но понять не могла.

Наконец все расселись за праздничным столом. Салаты, сочная колбаска, фрукты, торт и ещё многое и многое, и всё такое аппетитное, и красивое, и вкусное. Мама положила в Катину тарелку салат.

Только Катя взялась за вилку, как слышит голос:

— Скажи, что салат ты не будешь есть.

— Но он такой вкусный, — подумала Катя.

— А ты скажи, что не хочешь. Знаешь, как весело будет! — настаивал Чёрный бантик.

Катя потрогала бантики, посмотрела на взрослых и громко сказала:

— Я не хочу салат!

Взрослые переглянулись.

– Хорошо,– сказала мама,– попробуй бабушкины голубцы, она так старалась.

И мама положила голубец на Катину тарелку.

– Скажи, что ты не будешь есть голубцы, – опять услышала Катя.

– Кушай, Катя, голубец, не слушай никого. Он тебя обманывает, – услышала Катя шёпот Белого бантика.

– А вот и не обманываю! – закричал Чёрный бантик.

И что тут началось! Бантики заспорили, зашумели. Катя тряхнула головой, встряхнула бантики и громко сказала:

– Я не хочу голубцы!

За столом наступила тишина.

– А чего ты хочешь, доченька? – прервал молчание папа.

– Я хочу кататься на санках, и на лыжах, и на коньках! – повторила Катя за Чёрным бантиком.

– Какие лыжи?! На улице лето, Катя! – возмутился папа.

– Что случилось с дочерью, не пойму, – развела руками мама.

– В угол её надо поставить, – убеждённо сказала бабушка, взяла Катю за руку, увела в соседнюю комнату и поставила в угол.

– Плачь. Громко плачь, – зашептал Чёрный бантик.

– Проси прощения, – шептал Белый бантик.

– У-у-у... – громко завывала Катя.

– Ещё громче!

– Нет, не плачь, Катя!

– Плачь!

– Не плачь!

И опять расшумелись бантики, да так, что у Кати голова закружилась.

За столом взрослые сидели молча. Только дедушка взял свою трубку и опять пошёл курить на балкон.

– Наверное, дочь вырастет, – вслух подумал папа.

– Если ребёнок вырастет, то и умнеет, – возразила мама, – а по нашей Кате этого не скажешь.

Вдруг в комнату вошла Катя, в руках она держала два бантика – чёрный и белый.

– Я больше не буду, – сказала она и протянула маме бантики. – Это всё из-за них.

– Вот и хорошо, – вздохнула бабушка.

– Умница моя, – повеселел папа.

– Опять начал? – строго посмотрела на папу мама.

– А ты куда наострился, курильщик! Марш за стол! У внучки именины!

Дедушка замер у балконной двери, улыбнулся и сказал:

– Внучка, если ты не будешь сегодня капризничать, то и я сегодня не буду курить!

– Честное слово? – удивилась бабушка.

– Честное, – сказал дедушка и подмигнул Кате.

В ПОМОЩЬ ВОСПИТАТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Любишь ли ты свой день рождения? Почему?
2. Какой подарок больше других понравился Кате?
3. Как она поступила со своим подарком?
4. Каким волшебством обладали бантики?
5. Как изменилось поведение Кати и понравилось ли это её родным?
6. Какой бантик Катя слушала больше и почему?
7. А ты любишь вредничать и капризничать? Знакомы ли тебе дети, которые вредничают? Если знакомы, то ответь: хорошо ли это?

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ

1. Расскажи, что тебе дарили на день рождения.
2. Нарисуй лучший из подарков.

гл. 9

ИЗРУШКА

Жила-была девочка, и звали её Оля.

Круглолицая и голубоглазая Оленька всех восхищала своей красотой и трудолюбием. Мама звала её не иначе как Рукодельницей. И правда, Оленька и посуду мыть поможет, и в комнате своей приберёт, и рисунки подарит родным на день рождения. Внимательной и доброй росла девочка. Папа много работал, но жили они скромно. А у соседского мальчика Жени было столько игрушек, что, наверное, хватило бы на целый детский сад, каждому ребёнку по игрушке. Огромная гора из игрушек возвышалась в его комнате. И когда Оля приходила к Жене в гости, он разгребал эту гору, и они выбирали какую-нибудь для игры.

Папу у Жени звали тоже Женей, их так и звали: Женя Большой и Женя Маленький. Женя Большой работал начальником и дружил с Олиным папой. По вечерам они играли в шахматы. Олин папа выигрывал, Женя Большой сердился, но на следующий вечер опять приходил играть и всегда говорил, что сегодня он обязательно выигрывает. И опять не выигрывал.

— Поддайся ты ему, пусть хоть один раз выигрывает, — просила Олина мама.

— Если я поддамся, значит, буду играть нечестно. Такие люди — лгуны. А я честный человек. Пусть тренируется и в честной игре победит.

Оля очень гордилась своим папой.

Однажды папа получил премию, много денег за какое-то изобретение. Он весёлый пришёл домой и сказал:

— Лёлька! — так папа любя звал свою Оленьку. — Пойдём в магазин! Скоро Восьмое марта — надо маме подарок купить.

И они пошли за подарком.

Но идти им предстояло мимо магазина детских игрушек «Буратино».

– Лёлька! Восьмое марта – это и твой праздник. Давай зайдём в «Буратино», купим тебе подарок. Я ведь не знаю, какая тебе игрушка понравится.

Они вошли в магазин. А там! Всё в игрушках! И каких только нет! И пересказать нельзя. Одних медведей штук сто, и все разные.

Они зашли в отдел плюшевых медведей и стали разглядывать витрины. Но вдруг услышали громкий голос из другого отдела. Какой-то мальчик громко гнусавил:

– Я не хочу барабан! Я не хочу слона! Я не хочу, не хочу, не хочу!

– Ужас, – сказала продавщица, – третий день одно и то же.

– Действительно ужас, – согласился Олин папа и обратился к дочери: – Тебе здесь что-нибудь понравилось?

– Да, – ответила Оля, – вон тот мишка.

Она подошла к полке и потрогала за ногу огромного плюшевого медведя.

– Сколько он стоит? – спросил папа.

– Три тысячи, – ответила продавщица.

– Три тысячи! – растерялся Олин папа.

Продавщица ждала папиного решения.

Рядом стояла Оля, которая вдруг сказала:

– Нет, папа, он очень большой, а комната у меня маленькая. Пойдём сначала купим подарок маме.

– Что ты, Оленька, давай купим!

– Нет, он очень дорогой. Пойдём, папа.

– Вы счастливый отец, – сказала продавщица и погладила девочку по голове.

– Что верно, то верно, – согласился папа, и они вышли из магазина, на крыльце которого стоял Женя Маленький и громко выл:

– Я хочу машину, настоящую! Купи мне вон ту.

Женя Большой поздоровался с Олиным папой за руку и уверенно сказал:

– Я сегодня выиграю, я такую комбинацию узнал!

– Нет, не выиграешь, – улыбнулся Олин папа.
– Ну, держись, вот только сыну куплю подарок и сразу к тебе!
– Восьмое марта – женский праздник, – заметил Олин папа. – Вы ничего не перепутали?

– Мой Женька хитрец, он восьмого марта родился!
– Па-па! Ну купи мне ма-аши-ину-у, – опять загнусавил Женя Маленький.

– Ну, мы пойдём, – сказал Олин папа, и они зашагали прочь.
А на улице сияла весна, яркое солнце отражалось в лужах и больших сосульках на карнизах домов.

Оля оглянулась на магазин «Буратино», где всё ещё стояли Женя Маленький и Женя Большой, и спросила отца:

– Почему ты сказал, что сегодня опять выиграешь? А вдруг он узнал тайну, а ты её не знаешь.

– Дело не в шахматах, доченька ты моя. Он проиграл, потому что я по-настоящему счастливый отец! Сегодняшнюю партию выиграла ты.

В ПОМОЩЬ ВОСПИТАТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Как по-другому папа звал Олю и почему?
2. Зачем Оля с папой пошли в магазин?
3. Как вели себя Оля и Женя в магазине?
4. Кому из пап не было стыдно за своего ребёнка?
5. Кто из детей не только любит своих родителей, но и уважает?
6. Какой же папа всё-таки выиграл?

Практические задания

1. Расскажи о своей любимой игрушке. Кто тебе её подарил?
2. На листок бумаги наклей фото любимой игрушки или нарисуй её.

Гл. 10

ГЕОРГИЙ-ПОБЕДИТЕЛЬ

Жил-был мальчик, и звали его Гоша. Но это его детское имя, по настоящему его звали Георгием, а когда он вырастет, его будут звать Георгием Леонидовичем, потому что он — Георгий, а папа его — Леонид. У взрослых всё очень запутанно. К примеру, жила девочка Маша, а её папу звали Васей, когда девочка выросла и стала воспитательницей в детском саду, все стали звать её Марией Васильевной. Не Маша Васильевна, а Мария Васильевна. Но Машу, когда она была маленькой, звали ещё и Марусей, и Маней, а хулиганы даже обзывали Муркой.

Наш знакомый мальчик Гоша был воспитанным человеком и Машу называл Машей, Дашу — Дашей, девочку Сашу — Сашей, а не Шурой или Александрой, как иногда ещё зовут девочек по имени Саша. Родился Гоша в очень хитрый день — восьмого марта, когда все празднуют Международный женский день. А мужчины и мальчики в этот день дарят своим дамам и мамам цветы и всякие красивые подарки. Так и получилось, что у всех девочек праздник — Восьмое марта, и у Гоши праздник — день рождения. Девочкам дарят подарки и Гоше дарят подарки, возможно, что из-за этого случайного совпадения Гоша рос очень стеснительным и робким мальчиком.

В тот день ему исполнилось пять лет! Все собрались в детском саду в актовом зале на концерт, чтобы поздравить мам и воспитательниц. Гоша должен был читать стихотворение о маме собственного сочинения. Правда, когда он репетировал, то сильно смутился, хотя и говорил достаточно громко.

И вот все уже собрались и расселись на стулья, которые ещё вчера воспитатели собрали по всему детскому саду и составили ровными

рядами в зале. Гошина мама тоже сидела и смотрела концерт. Дети выступали хорошо, особенно Дина и Катя красиво танцевали с ленточками и шарами. После танца шары полетели в зал, и все – и дети и взрослые – старались по ним ударить, и так веселились, пока все шары не полопались. Потом на сцену вышел Кирилл, он запел песню про Антошку, который не хотел копать картошку. А Кирилл сам был похож на ленивого Антошку, и потому всем было весело его слушать. Он смешно тарачил глаза и разводил руками, когда начинал припев: «Это мы не проходили, это нам не задавали!»

Всем очень понравилось его выступление, его вызвали на бис, и Кирилл опять пел и ещё больше смешил зрителей. Когда аплодисменты стихли и Мария Васильевна отпустила Кирилла, он вдруг опять заскочил на сцену и запел: «Это мы не проходили!», но воспитательница остановила его и попросила идти к маме.

А потом Мария Васильевна объявила Гошин номер и сказала, что Гоша поэт и прочитает стихотворение собственного сочинения. Гоша вышел на сцену и увидел много людей, так много мам в одной комнате он ещё никогда не видел и смутился. Он стоял и молчал. Мамы и дети для ободрения захлопали в ладоши, а он всё равно молчал и смотрел в пол. Тогда Мария Васильевна взяла его за руку и спросила:

– Гоша, а ты помнишь, какой сегодня праздник? – Гоша кивнул головой, громко шмыгнул носом и утёрся рукавом рубашки. – Так какой сегодня праздник? – переспросила воспитательница.

– Сегодня день моего рождения! – сказал Гоша, и все вдруг засмеялись и вновь захлопали в ладоши.

– Да, мы это помним. Ну хорошо, иди к маме, но как только вспомнишь своё стихотворение, приходи на сцену. Хорошо?

Гоша кивнул и побежал к маме. А Мария Васильевна пригласила выступать красивую девочку Веру, которая начала исполнять песню про весну. Мама обняла Гошу и тихонько спросила:

– Мальчик мой, ты что, забыл стихотворение?

– Нет, – ответил Гоша маме на ушко, – я испугался.

– Но, Гоша, у тебя такое красивое стихотворение, и ты боишься порадовать людей? Знаешь, как громко тебе будут аплодировать? Вот увидишь. Тебе никак нельзя бояться, потому что ты Георгий – это значит победитель. Давай сейчас с тобой победим страх, и он больше никогда не придёт к нам. Сейчас ты выйдешь на сцену, будешь смотреть на меня и громко читать свой стишок. Хорошо? – Гоша кивнул. Мама поцеловала Гошу, обняла и шепнула: – Иди, сынок, за победой, я жду тебя.

Гоша подошёл к сцене, и, когда Верочка закончила петь, Мария Васильевна вновь объявила Гошин номер. Гоша вышел на сцену, поднял глаза, увидел маму и громко прочитал:

Моя мама милая,
Самая красивая,
Я её люблю,
И ей песенку пою:
Ля-ля, ля-ля, ля, ля!

Зрители долго хлопали в ладоши, а Мария Васильевна подарила Гоше большого плюшевого медведя и сказала: «Нашему герою сегодня исполнилось пять лет».

С этого дня мама и папа стали звать Гошу полным именем – Георгий, а день его рождения праздновать девятого марта, потому что девочек надо пропускать вперёд.

В ПОМОЩЬ ВОСПИТАТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Как звали мальчика?
2. Как звучит его полное имя?
3. Как тебя называют твои родители? Всегда ли тебя одинаково называют?
4. В какой день родился Гоша?

5. Чем ещё знаменито восьмое марта?
6. Как ребята в детском саду поздравляли своих мам и воспитателей?
7. Как в твоей семье отмечают праздник Восьмое марта?
8. Как ты думаешь, чего испугался Гоша?
9. Смог ли Гоша победить свой страх?
10. Почему родители стали звать мальчика его полным именем – Георгий?

Дополнительные задания

1. Зачем человеку имя? Можно ли жить без имени?
2. Почему так говорят: «Не имя красит человека, а человек имя»?
3. Как ты бережёшь своё доброе имя?

Задание для взрослых

1. Подробнее расскажите детям о том, что есть разнокоренные имена. Приведите новые примеры.
2. У каждого имени есть своя история и значение. Расскажите ребёнку историю и значение его имени.

Практические задания

1. Что бы ты посоветовал детям, которые чего-то боятся?
2. Разыграй вместе с друзьями или взрослыми эпизод выступления мальчика на сцене первый раз и второй раз.

Гл. 11

ЧЕМПИОН

Жил-был мальчик, и звали его Миша. Миша был небольшого роста, с крепкой грудью, сильными руками и короткими бело-рыжими волосами на круглой, как мяч, голове. Миша ходил в детский сад и дружил с девочкой Людой. Её папа работал тренером по борьбе, и всегда, когда приводил Людочку в детский сад и там встречался с Мишиной мамой, он начинал один и тот же разговор. Сегодня он вновь начал звать Мишу к себе в спортивную секцию:

– Хороший малый, будущий чемпион. Через пару лет жду к себе в секцию. Боец будет знатный!

– Не нравится мне ваша борьба, – отвечала Мишина мама, – переломаете мальчику руки-ноги.

– Этому малому не переломаете! Смотрите, какие у него широкие плечи, крепкая шея – готовый борец.

– Да, уж я-то знаю, – вздыхала Мишина мама, помогая одеваться своему сыну.

– Поверьте, мамаша, ваш сын – будущий олимпийский чемпион!

– Ну если олимпийский, – улыбнулась Мишина мама, – тогда мы подумаем. А дорогая у вас секция? Сколько нужно платить?

Дело в том, что Мишины мама и папа зарабатывали немного и жили достаточно скромно. И потому Мишина мама чаще других задавала вопрос, что сколько стоит.

– Для таких перспективных, как ваш сын, бесплатно! – гордо отвечал Людочкин папа-тренер.

– Мы подумаем, – согласилась Мишина мама и спросила у сына: – Ты хочешь быть чемпионом?

Миша протянул к ней руки и ответил:

– Видишь, какой я сильный! Я – чемпион!

Взрослые рассмеялись над Мишей, а дети, которые слышали этот разговор в раздевалке, стали звать его Мишка-чемпион. Но звали его вроде и уважительно: Мишка-чемпион, а звучало несколько насмешливо, как, например, если бы его звали Мишка-кока-кола или Мишка-лимонад. Миша этого не замечал, а дети уже и насмеялись над ним, к месту и не к месту называя его чемпионом. А Миша и рад поговорить, как он пойдёт через два года в секцию борьбы, всем там накостыляет и станет олимпийским чемпионом!

Но произошёл случай, который даже и воспитатели помнят. Как-то уже под осень вышла группа на прогулку. Как попал незнакомый мальчишка на территорию садика, никто не заметил. Но когда он начал отбирать у Оленьки игрушку, все вдруг замерли, глядя на молчаливую борьбу маленькой, но настойчивой Оли и мальчишки-первоклассника.

– А где Мишка-чемпион? – спросила громко Людочка.

– Я здесь! – выступил вперёд Миша, сжал кулаки и уверенно пошёл на хулигана.

– Чемпион? – смутился хулиган и бросил Олину игрушку на землю.

– Да! Чемпион! По борьбе! – подтвердила Оля, показала мальчишке язык и подняла свою игрушку.

Миша погнался за хулиганом, но тот перескочил через высокий забор и убежал прочь.

– Ура! – закричала Людочка. – Мишка победил!

Ох и весело было в тот день в детсаду. А Мишка совсем расхвастался и сказал:

– Я вот ещё чемпионом по прыжкам в высоту буду, вот увидите. И тогда от меня никто не убежит. Догоню и накостыляю!

В ПОМОЩЬ ВОСПИТАТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Кто главный герой рассказа? Опиши Мишу.
2. Почему мама не хотела отпускать Мишу в спортивную секцию?
3. Почему взрослые рассмеялись над словами Миши о том, что он чемпион?
4. Почему ребята стали называть мальчика Мишка-чемпион? Как они к нему относились?
5. Доказал ли Миша, что из него может получиться настоящий чемпион?
6. Знакомы ли тебе дети, похожие на Мишу?
7. Как бы ты поступил на месте Миши, если ты совсем даже и не чемпион?
8. Обязательно ли быть чемпионом, чтобы поступать как Миша?

Практические задания

1. Расскажи нам о местах в вашем городе, где люди могут заниматься спортом.
2. Расскажи, в какой кружок или секцию ты ходишь. Что ты там делаешь? Почему этим важно заниматься? Как это может помочь тебе в дальнейшем?
3. Сделай рисунок, на котором ты занимаешься спортом.
4. Придумай продолжение рассказа и зарисуй его.
5. Придумай рассказ, в котором слабые помогают сильным и наоборот.
6. Подходят ли пословицы к этому рассказу: «Коли хорош, так не хвастай: тебя и так заметят», «Не хвастай, когда в поле едешь, а хвастай, когда с поля едешь»?

гл. 12

СОЛДАТ

Жил-был мальчик, и звали его Саша. Летом Саша гостил у бабушки с бабушкой в деревне. У них был большой дом из толстых круглых брёвен, с высоким крыльцом и пыльным чердаком, на котором хранились сундуки, коробки и корзины.

В сарае жили куры, корова Зорька, бычок Борька и собака Дура. Собака была совсем не душой, и даже напротив, очень умной и сообразительной. Но почему-то её так называли. А на сеновале никто не жил, там было тихо, пахло пылью и сеном.

На день рождения папа подарил Саше автомат. Автомат был как настоящий, нажмёшь на курок, а он: «та-та-та!» – трещал очередуями. Саша любил играть в войну.

– С кем ты всё сражаешься? – как-то спросила Сашу бабушка. – С утра и до вечера тра-та-та-та, тра-та-та-та.

– Со страшными трансформерами с другой планеты, они хотят захватить нас, а я их та-та-та – всех до одного. Я спасу мир, бабушка!

– А ты кто? Солдат или офицер?

– Я – главный бандит, у меня есть своя банда – это Лёшка и Васька.

– Как? Лёша и Вася тоже бандиты?! – удивилась бабушка.

– Самые крутые парни в нашей деревне!

Бабушка промолчала, ничего не стала отвечать внуку, но когда наступило время обеда и дедушка, бабушка и Саша сели за стол, бабушка вздохнула:

– Вот, дед, дожились мы до счастливых дней, внук наш – главный бандит в нашей деревне, а соседские ребята Лёша и Вася – его банда.

– Это кто же придумал такую игру? – спросил дедушка.

– Я, – гордо ответил Саша.

– Н-да, – вздохнул дед, – какая каша в голове у ребёнка.

– Почему у меня каша в голове? – обиделся Саша.

– Потому что, когда ты её ешь, она у тебя не в живот идёт, а в голове остаётся.

Саша посмотрел на свой живот и нажал пальцем на маленький пупок.

– Вот здесь у меня каша, и молоко, и пряники!

Дед ничего не ответил, начал молча хлебать жирные щи.

Весь остаток дня Саша сидел на сеновале, в войну не играл и на призыв своих друзей по банде не отзывался. Он обиделся.

Вечером, когда бабушка доила корову, Саша подошёл к ней и присел рядом на корточки. Он любил смотреть, как бабушка ловко доит Зорьку. Она так умело тянула за сосцы, что казалось – молоко брызжет тонкой струйкой из её кулаков. Молоко звонко билось о дно подойника и пенилось большими белыми пузырями.

– Бабушка, а можно мне подоить корову? – тихо спросил Саша. Он уже знал, что во время дойки шуметь нельзя.

– Нет, – прошептала бабушка в ответ, не прекращая доить корову.

– А почему?

– Бандиты коров не доят, они только грабят и убивают людей.

– А я хороший бандит.

– Хороших бандитов не бывает. Бывают только плохие бандиты.

– А кто же мир спасёт?

– Мир не спасают, а защищают солдаты и офицеры.

– А кто главнее, солдат или офицер?

– Офицер, конечно.

– Тогда я буду офицером.

– Прежде чем стать офицером, нужно быть солдатом. А чтобы стать солдатом, нужно много знать.

– А что нужно знать?

– Позже расскажу, не мешай теперь, видишь, Зорька нервничает, хвостом машет.

Саша затих и задумался. Но потом опять зашептал.

– Бабушка, а солдаты сильнее трансформеров?

– Конечно.

– А...

– Потом, внучек, потом, – прервала бабушка Сашу.

Вечером, когда Саша уже лежал в постели, пришла бабушка, села на краешек кровати и будто продолжила давно начатый разговор.

– Солдат, внучек, служит людям, он защищает свою страну, после победы возвращается домой, а если солдат погиб в бою, он всё равно живёт в памяти благодарных людей. Ты, наверное, видел обелиск с именами героев. Счастлива мать, отдавшая сына защищать Родину. Бандиты служат только себе, о них люди даже не вспоминают, и мы о них говорить не будем. Когда вырастешь, кем бы ты ни стал – служи людям и своей стране, и тогда и людям будет хорошо, и тебе радостно. Если сейчас меня не понял, то потом поймёшь, посерьёзнеешь и поймёшь. А теперь спи.

– Бабушка, я буду солдатом.

– Вот и хорошо, будущий солдат должен много работать, много кушать и крепко спать.

– Бабушка, а каша у меня в голове?

– Теперь уже в животе. Спокойной ночи, солдат мой и защитник.

Бабушка поцеловала внука и вышла из комнаты. А счастливый Саша повернулся на правый бок и уснул.

В ПОМОЩЬ ВОСПИТАТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Какую игру придумал Саша? Какую задачу он ставил перед собой в этой игре?
2. Почему огорчились бабушка и дедушка?
3. Обиделся ли Саша на них? Почему?
4. Почему бабушка не позволила Саше подоить корову?
5. Кто защищает нашу Родину?
6. Кому служат солдаты? И как люди относятся к ним?
7. Почему Саша решил стать солдатом?
8. Почему, по мнению бабушки, если солдат погиб в бою, он всё равно живёт в памяти благодарных людей?
9. Что значит выражение «каша в голове»? Что имел в виду дед, когда так сказал о Саше? Почему бабушка потом сказала внуку, что каша теперь у него в животе?
10. Оцените поступки Саши в начале и конце рассказа. Что изменило его поведение?

Практическое задание

Составь рассказ о том, где и как служили твои папа, дедушка.

Задание для взрослых

1. Расскажите вашему ребёнку о том, как почётно служить в армии.
2. Найдите произведения или иные материалы на эту тему.

ЗАГРУЗКА...

ШКОЛЬНИКАМ

7+

КОММЕНТАРИИ К РАЗДЕЛУ

В данном разделе представлены рассказы для бесед, направленных на формирование представлений о сущности нравственных понятий, которые составляют ядро нравственного воспитания младших школьников. Целевым приоритетом воспитания детей младшего школьного возраста является создание условий для усвоения школьниками социально значимых знаний, связанных с потребностью самоутвердиться в новом для себя статусе школьника. В процессе работы с детьми можно руководствоваться целевыми ориентирами результатов воспитания, представленными в Примерной основной образовательной программе начального общего образования, требованиями к личностным результатам освоения программы начального общего образования, сформулированными в Федеральном государственном образовательном стандарте, Примерной программе воспитания.

В указанных документах представлен настолько широкий спектр нравственных понятий, что осмыслить их в таком небольшом разделе является достаточно трудной задачей. В начале книги, в содержании авторы сделали акцент на одной, на их взгляд, ведущей нравственной проблеме, поднятой в каждом конкретном рассказе. Однако художественное произведение позволяет поднять и обсудить со школьниками более широкий спектр проблем, поставленных автором. Например, анализируя рассказ «Сальто-мортале!», педагоги либо родители побуждают юных читателей к рассуждениям о ценности труда в жизни человека, к проявлению чувства уважения к людям, любящим свою профессию, обсудят с ними проблему гражданской ответственности за результаты своего труда. Однако этим кругом вопросов не исчерпывается нравственное содержание данного рассказа. Можно предложить оценить старания главного героя в достижении поставленной цели, задуматься о значении физического развития и физического здоровья в осуществлении своей мечты. Интересно поговорить с младшими школьниками о цирке, о творческой работе цирковых артистов, о возможности самовыражения в искусстве. Круг обсуждаемых нравственных ценностей определяется исходя из актуальности проблем и поставленных педагогом целей.

гл. 13

ЧЕМОДАН

Эта история произошла очень давно. Мне исполнилось пять лет, когда мы с отцом отправились в большое путешествие. Отец мой был родом из Шипицина, это селенье сохранилось до сих пор посреди Барабинских степей. И поводом того путешествия, видимо, и было навестить своих родственников, родные степи и, конечно, похвастаться мною – сыном, наследником.

От станции мы шли едва ли не целый день, пытаясь достигнуть пределов неведомой мне деревни. Устал я страшенно. Помню, за-ради минут самого короткого отдыха я, точно собачка, обгонял отца, устраивался в сырой и не тронутой весенним солнцем траве и прислушивался к размеренному ходу отцовских шагов. Отец нёс большой фанерный чемодан с подарками.

В деревне, где мы, наконец, заночевали, нам дали лошадь с телегой, и оставшиеся километры до Шипицина я уже нежился на подстилке из тёплого и душистого сена, разглядывая, как железный обод тележного колеса выдавливает глубокий след на сырой дороге. Иногда моё внимание и нос, исколотый пыльными травинками, привлекал чемодан, в котором – это я знал в точности – содержались жестяная баночка с разноцветными монпансье и целый, круглый килограмм конфет, обёрнутых плотною бумагой. Эти карамельки тоже были крохотными, наподобие подушечек, присыпанных сахаром. Однако были покрупнее бомбошек из монпансье и, что самое важное, содержали в себе малую толику повидла, при одном только виде которого не только сопливая девчушка, но и самая крепкая баба складывала оружие и делалась покладистой. Потому и называли эти подушечки «дунькина радость».

Дорогу нам преградил ручей. Однако! Таким ласковым и невинным словом этот мутный поток называли, наверное, только летом, да и то, скорее всего, самым засушливым. Теперь же его струи заполняли весь овраг целиком и так, что верхние веточки ивушек едва возвышались над водой. Отец приструнил лошадь, прогулялся по вязкому берегу, но места, подходящего для переправы, так и не обнаружил.

Раздевался отец долго, сосредоточенно, теперь-то я понимаю, что он продумывал переправу, а тогда мне было страшно и хотелось, чтобы мы поскорее переправились и всё было бы уже позади. Отец стянул комок своей одежды ремнём и, разбежавшись, перекинул его на другой берег.

— Ну, сынок, держись, поехали, — решил он и, аккуратно подёрнув поводьями, повёл лошадку к ручью.

Лошадь всё глубже заходила в воду, она похрапывала, идти не хотела, но отец уверенно держал поводья и ласково приговаривал:

— Давай, давай, милая, полегонечку.

Но вот он поплыл рядом с лошадьёю, а у той вода готова была уже сомкнуться над спиной, как она, вдруг зацепившись за дно, начала подниматься. А в телеге, в которой сидел я, появилась вода, чемодан всплыл и начал дрейфовать к краю. Я схватился за чемодан, и меня потянуло из телеги. Но отец уже был на берегу, помогал лошади подняться на крутой берег ручья. Он обернулся и закричал:

— Держись! Держись за телегу! Отпусти чемодан!

Правой рукой я ухватился за край телеги, а левой — упрямо тянул чемодан к себе. Мне кажется, я выл от страха, но чемодан так и не согласился отпустить.

Когда мы были уже наверху, отец переодел меня в свою сухую одежду, уложил в телегу. Он остался в нижнем белье и сапогах, пошёл рядом и всё выговаривал мне:

— Сынок, не нужно держаться за чемодан. Дело пустое, утянет — и поминай как звали. Чемодан-то можно новый купить, а тебя не купишь. Булькнул бы в воду с этим добром, и как тебя потом выловишь в такоймутине...

А я был доволен. Отец бежал рядом с лошадыю, я захрустел «дунькиной радостью», и дразнящий аромат ванильного сахара, запахи сырой степи и сена наконец сошлись в столь желанное для меня представление о счастливой жизни.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Я скажу вам, что в этом случае для меня сошлись сразу две тайны. Они очень разные, и поначалу можно даже подумать, что они противоположны друг другу, но на самом деле только в равновесии между ними жизнь может оказаться гармоничной и счастливой. Первая тайна говорит о том, что нельзя жить только надеждами на будущее, нельзя чувствовать себя слабым. **Нужно быть сильным и уметь бороться за своё счастье, которое питается в том числе и духовной самодостаточностью, и материальным благополучием.** Нужно уметь крепко держать ручку своего чемодана и не выпускать его из рук.

Вторая же тайна открывается в словах отца о том, что **бывает невозможно удержать вожденное и нажитое — нужно иметь силы оставить всё это с тем, чтобы не погибнуть от собственного упрямства и алчности.** Соблюдая это бесхитрое, но крайне зыбкое равновесие — «держать и отпускать», возможно счастливо прожить это удивительное путешествие на телеге среди бескрайних степей, которое и называется жизнью.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Детские воспоминания — всегда самые запоминающиеся.
— Какие яркие детали из жизни пятилетнего мальчика рисует автор? Продолжи ассоциативный ряд: путешествие — чемодан.

- Какие слова из данного ряда символизируют жизненные трудности и испытания?
2. Как можно объяснить поступок мальчика, когда наперекор отцу в момент переправы через реку он пытался удержать тяжёлый чемодан?
 3. Найдите слова, сказанные отцом юного героя в тот момент, когда переправу удалось преодолеть. Объясните их смысл.
 4. В чём, по-вашему, состоит счастье для мальчика и в чём заключается счастливая жизнь для его отца?
 5. Радуют ли материальные ценности людей? А что, по-вашему, делает их счастливыми?
 6. Как назывались конфеты, которые спасал герой? Почему в названии «дунькина радость» чувствуется ирония?
 7. Сравните понятия «радость» и «счастье». Что в них общего и в чём их отличие?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Автор считает, что чемодан есть добро, – духовный и материальный достаток. Для пятилетнего мальчика – это жестяная баночка с разноцветными монпансье да конфеты «дунькина радость», которые этот чемодан наполняли.
Поразмышляйте, в каком случае чемодан перестаёт быть символом добра? Какой иной смысл автор пытается вложить в слово «чемодан»? Возможно, к выводу вас подтолкнут слова, сказанные отцом мальчика: «Не нужно держаться за чемодан...»
2. Каким образом достигается материальный достаток?
3. В чём заключается смысл образа лошади с телегой?
4. Напишите сочинение на тему «Моё представление о счастливой жизни».
5. Пользуясь толковыми словарями, найдите значение слова «гармония».

Гл. 14

Кабачок

Его раньше видели, но не замечали. Этот худой, неряшливо одетый и невпопад смеющийся человек сразу получил статус городского сумасшедшего, а вездесущие дворовые дети скоро прозвали его Мишка-кабачок. Не в уме, но безобидный. Он вечно был слегка нетрезв, но не качался, не орал маты, а пребывал во хмелю, был немного выпимши, даже как-то интеллигентно, по-философски мудро, будто юродивый, — скажет, а ты думай. Наподобие вот этой сентенции:

— Путь-то у нас долгий, а дороги нет...

В июле он вдруг появился с зелёным, слегка изогнутым кабачком. Он тыкал им в прохожих, будто шпагоу:

— Вам не нужен кабачок? — и плёлся сзади, иногда забегал вперёд, получал неожиданную плату, а кабачок оставался у него в руках.

— Счастлив, кто отдал, — обещал он расконвоированному прохожему и шёл в магазин.

Дни текли знойной чередой, новые потенциальные покупатели шархались от него, удивлялись неприхотливости предложения и спешили дальше.

Он затаскивал кабачок до непотребного вида, до глубоких царапин и выбоин, и тогда коммерческое предложение его звучало менее настойчиво:

— Купите кабачок! Дёшево.

И как убедительный аргумент произносил вслед прохожему:

— Старое надёжнее нового!

Он подходил ко всем без разбору, даже к детям в песочнице, и тогда в торг вступали мамы и няни, отчего однажды кабачок настиг спину убегающего продавца.

– Злобу рождает жадность! – напутствовал он агрессоров с безопасного расстояния, вытирая поверженный овощ рукавом, потом походил по двору, оглядываясь на злобных мамаш, сосредоточенно и со вкусом покурил и с надеждою сунул окурочок в мягкую мусорную утробу контейнера.

Пожарные ворвались во двор под вой сирены, сломали дворовой шлагбаум и разбудили столетнюю парализованную старуху, которая от любопытства смогла-таки своим ходом добраться до подоконника. Но после того как стальная струя воды, перевернув контейнеры, разметала мусор по всему двору, по балконам и карнизам, жители пожалели, что не справились с вонючим дымом своими силами. Ошалевшие от исполнительного рвения, пожарные наконец-то перестали терзать помойку, так же стремительно покинули двор, оставив после себя гнетущую тишину и чёрное облако выхлопных газов. Однако все понимали: заявлять на Мишку было бессмысленно – что взять с больного человека! И кабачки начали покупать!

Миша получал с нетерпеливого покупателя деньги и мчался в магазин. Но Миша хоть и слыл не в себе, но дураком не был. Из магазина он возвращался сосредоточенным и со знанием дела устремлялся к мусорным бачкам, находил свой уже не раз проданный кабачок и изрыгал:

– Не хлебом единым жив человек, – отпивал из маленькой бутылочки, которую звали «мерзавчиком», хмельной жидкости и шёл домой. Миша-кабачок был неназойлив, его устраивала одна коммерческая сделка в день.

Но утром торг возобновлялся:

– Вам не нужен кабачок? Почти новый...

И, как резолюция к грубому отказу, он высокоумно изрекал:

– Мещанство рушит империи!

Так текла умеренная жизнь городского двора, больше похожего на каменный колодец, в котором эхом отдавался каждый звук горя или радости, беспощадной ссоры или воркования голубей.

В тот день Миша-кабачок появился к обеду. В нагсадном усилии он выволок большую жёлтую тыкву. Покатил огромный овощ по асфальту от подъезда, остановился посередь двора и тут же пристал к мимо проходившей женщине, потом к другой:

— Вам не нужен кабачок? Очень нужны деньги...

Люди привычно сторонились, а соседи с любопытством наблюдали из окон новый факт, который очевидно свидетельствовал, что кабачки у Мишки закончились. Дети обступили его, хихикали над Мишкой-дурачком, но только одна девочка заметила, что сегодня Мишка почему-то трезв. Миша вдруг поднял умоляющий взгляд к небу и сказал, не крикнул, а сказал, но так, что его слова проникли через толщу стен:

— Купите кабачок! У меня мама умерла!

Кажется, даже птицы перестали гомониться и ссориться в ветвях липких тополей, наступила, как грозовая туча, страшная тишина. Сердобольные жильцы жидким и прерывающимся ручейком потекли к Мишке, складывали деньги в его прозрачную ладонь, выставленную ковшиком игрушечного экскаватора, а он стоял и улыбался, невпопад и не к месту оправдываясь:

— Мама отошла, болела, — и, как в благодарность, чуть кланялся. — Жизнь — это счастье, но не вечное. А добро вам Бог вернёт за меня и меня простит.

Тыкву уже утром свёз куда-то рачительный дворник, и Мишка-кабачок исчез, будто вместе с матерью увезли его на погост, но более Мишку никто и никогда не видел.

Потекла жизнь дальше, тихая и суровая, но с того дня всем чего-то стало не хватать.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

--- --

Как глубоко в каждом из нас, будто помимо нас и нашей воли, сидит эта торопливая способность осудить человека. Иногда мы даже не даём шанса человеку проявить себя, сказать слово, не говоря о том,

чтобы задуматься о его судьбе и понять его. А потом, поняв, пожалеть, пожалеть, может быть, за то, что ему не удалось стать сильным, умным, волевым, совестливым или добрым. Не смог, не успел, не захотел человек наполнить себя нравственным достоинством. Не смог, а потом и опоздал это сделать. Это же горе и несчастье не только для него, но и для нас. А мы спешим, как торопливые судьи, вынести приговор, забыв одну простую вещь, что осудить мы вправе, но только себя и всё наше непотребное, за то, что уже совершили, или за то благое, которое совершить не смогли и не сумели.

И вот тогда, после такого осознания, у нас может появиться надежда на возможность самому стать лучше, добрее, скромнее, честнее, справедливее.

Я понимаю, что очень трудно научиться не осуждать человека, **анализировать поступки можно, а самого человека осуждать нельзя.** Очень трудно этому научиться, но стремиться к этому нам всё-таки надо. Думаете, что я сейчас говорю о вас? Нет, сейчас я – о себе.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Знаете ли вы, что есть люди бедные, бездомные? Как лично вы к ним относитесь?
2. Что проще: просить или подать?
3. Есть ли у просящих человеческое достоинство?
4. Встречались ли вам люди, подобные главному герою?
5. Кем Мишка-кабачок мог быть в прошлом? Что мы узнаём о его жизни?
6. Верно ли осуждать просящих подаяние?
7. Доводилось ли вам спасти бездомных животных или кормить зимой птиц?
8. Можно ли отдавать последнее?

гл. 15

САЛЬТО-МОРТАЛЕ!

Когда мамина подруга тётя Неля работала буфетчицей в цирке, к нам в город приехала всемирно известная иллюзионистка, и звали её, кажется, Гертрудой, но не исключено, что Виолеттой, а возможно, даже Сюзанной. Точно я не помню, но имя было загадочным. Из какого мира это небесное тело рухнуло на наш город, я не знаю, но тётя Неля рассказывала, что эта артистка крайне надменна и капризна, и даже сам директор цирка почему-то лебезит перед нею, как дворняжка перед колбаской. Рядовых сотрудников это обстоятельство крайне раздражало и вызывало ироническую скорбь, поскольку с ними директор не церемонился. Может быть, именно поэтому мама и тётя Неля в разговорах между собой звали эту цирковую супер-пупер-звезду просто и незатейливо – Звезданутая.

Звезданутую цирковую знаменитость я видел, и не один раз, потому что она обслуживалась у моей мамы, которая работала в парикмахерской и едва ли не каждый божий день строила на её голове неизмеримо пышную причёску. На эту причёску – а вот это я запомнил точно – уходило два шиньона. Сначала мама принимала Приму в парикмахерской, а потом уже и дома, отчего наш семейный достаток немало попрос.

Прима была обыкновенной женщиной, ничем не примечательной, за исключением усиленной и даже необузданной манерности: она вела себя как капризная принцесса, уставшая от внимания поклонников, придворной челяди и шутов. И теперь у меня перед глазами её неспешные и томные движения, взгляды, обращённые под веки, глубокие ахи и вздохи – действительно абсолютно Звезданутая, причём на

всю голову. Глядя на Приму, можно было подумать, что иллюзионистка однажды вышла на сцену, а сойти с неё забыла. Но подлинной жизнью она дышала на арене нашего нового цирка, в своём водном аттракционе, расцвеченном причудливыми танцами фонтанов. Её номер занимал всё второе отделение, отчего перерыв полностью приходился на установку и монтаж её громоздкого оборудования. Кстати, я знал, что под ареной цирка есть огромное помещение, в которое во время представления исчезали её помощницы-красавицы. Они тоже бывали на приёме у мамы, и я видел их заспанные и малопривлекательные физиономии. И должен признаться со всею прямоотой — они не были красавицами, а уж кто и был настоящим иллюзионистом в нашем городе, так это моя мама. И тогда уже я задумался над неутешительным выводом: ох и дурят же нашего брата-мужика! Ох, как дурят! Прямо в бараний рог скручивают, в самокрутку сворачивают, как младенцев беспомощных пеленают, нежными, в боевой маникюрной окраске пальцами, чтобы только не вырвался из цепких и беспощадных женских рук.

Памятный разговор с Примой произошёл случайно. Я вернулся из школы, сумка с книгами улетела на диван, я — на кухню, где что-то и быстро успел закинуть на дно желудка, и готов был уже бежать на тренировку, как услышал из маминой комнаты:

— Юноша, это вы?

Я приоткрыл дверную щёлочку в мамины апартаменты, и предомной явилась чудовищная картина: на стуле сидела Прима, в заношенном мамином халате, моих тапочках и с целлофановым пакетом на голове, из-под которого вытекала коричневыми струйками то ли краска, то ли какая иная секретная женская приманка. Вся эта прелесть ручейками бежала по её лицу и, точно лава, застывала на шее неопрятной коростой.

— Юноша, — как-то безразлично и даже лениво поинтересовалась Прима, — вы любите цирк?

Более дурацкого вопроса в своей жизни я не слышал. Разве можно не любить цирк мальчишке в четырнадцать лет, который вот уже пять

лет бегают в гимнастический зал и мечтает стать великим и знаменитым спортсменом!

– Конечно, люблю!!!

– А доводилось ли вам бывать на наших представлениях?

– Да, конечно, – с меньшим энтузиазмом ответил я, поднял глаза на часы: до тренировки ещё полчаса, то есть в распоряжении Прима не более пяти минут. Она явно скучала, видимо, мама накрутила её, а сама куда-то ушла, и Приму хотелось разделить с кем-нибудь вынужденное безделье.

– А кто вам, молодой человек, более всего симпатичен: фокусники, жонглёры, – она отчего-то манерно ударяла на «о», – или клоуны? Наверное, всё-таки клоуны? Я угадала? – Прима сидела неподвижно, её глаз из-за надвинутого на лоб пакета практически не было видно, и я глядел только на движения её губ.

– Мне нравятся акробаты!

– Очень странно! Отчего же не клоуны? – загадочно сказала Прима.

– Клоуны тоже, но акробаты больше.

– Хотя бы, например, фокусники? Акробаты крайне грубы и дурно воспитаны, – попыталась преподать мне урок назидания Прима.

– Но они стоят на руках, как боги! – с восторгом заявил я. И, чтобы окончательно решить спор и убедить Приму, распахнул дверь настезь и тут же, в проёме, встал на руки, развернулся и, шлёпая ладонями по полу, пошёл к выходу.

– Bravo! – услышал я уже на лестничной площадке. – Недурственная техника!

И вот эта последняя её фраза о моей технике меня подкупила навсегда, и даже теперь, когда прошла целая жизнь, я испытываю благодарные чувства за её высокую оценку моих гимнастических навыков. Но всё должно было бы на этом закончиться, потому что каждый получил что хотел: Прима убила несколько минут безделья, я произвёл впечатление и при этом не опоздал на тренировку. Но, видимо, в цирке и с цирковыми артистами всё по-другому. Через пару дней мама

передала мне прямоугольную визитку Примы и сказала, что теперь и отныне я могу ходить в цирк на любое представление, но только через служебный вход.

– И меня пропустят? – с недоверием полюбопытствовал я.

– Ещё как! – уверила меня мама. – Это же визитка самой и несравненной... – и далее мама перечислила её международные заслуги и звания.

Я очень удивился, потому что значимость перечисленных регалий не совмещалась в моей голове с маминым драным халатом и моими истоптанными тапочками. Однако ни в этот день, ни в последующий в цирк я не пошёл! Почему? Думаете, я не знал, где находится служебный вход? Знал, конечно! Думаете, я волновался и несколько раз подходил к дверям, но не сразу решился открыть их? Да, на этот раз вы не ошиблись, именно так и было! И я вошёл с пятой или седьмой попытки! Господи, как глупы были мои опасения по поводу того, что меня с позором вытолкают прочь! Всё случилось не так. Вахтёр глянул на визитку, нажал на педаль, которая блокировала вертушку, я, удивлённый простотой манипуляции, шагнул вперёд... и вот я в цирке!

К моему удивлению, цирк встретил меня едким запахом навоза и ароматами пряных духов. Пробежал мужик с собачкой на руках, громила в ливрее посмотрел на меня внимательно и свысока и грубо спросил, за-ради какого овоща я здесь болтаюсь. Я предъявил ему визитку. Мандат от Примы действовал на всех как удав на зайца – заворачивающе, и скручивал смотрящих в мелкую и податливую пружину. И меня любезно провели и посадили в директорской ложе. Ха! Вы можете себе представить, что эта самая ложа находится на втором ярусе, как раз напротив выхода на арену, а тут же, над входом – рукой достать можно – весёлый цирковой оркестр. А вокруг празднично одетая публика – теснотища и толчея, и только я один в директорской ложе, как в ладье, покачиваюсь в гордом одиночестве на людской бурлящей волне! Сначала я устроился на носу ложи, потом переместился на корму, но после решил, что солиднее, если я расположусь посередине, там, где предположительно должны быть мачта и капитанский мостик.

Но вот восторжествовали фанфары, и оркестр заиграл цирковой марш! Господи, какой это замечательный и красивый марш! И в тот же миг распахнулись кулисы, и начался парад артистов цирка: сначала шествовали красавицы в каких-то неимоверно пышных и ярких перьях, потом воздушные гимнасты, кувыркающиеся акробаты, жонглёры, играющие в воздухе любыми предметами, собачки, козочки и — о господи! — медведь на цепи! Его вёл старичок — божий одуванчик, а за ним шествовал Геракл, нет, сам Аполлон — гора мускулов! Это был бородатый богатырь, затянутый серебряным поясом, в золочёных сапожках и в манжетах на руках. Но я уже знал, что под манжетами прячется эластичный бинт, защищающий запястья от травм. И в момент, когда все уже выстроились вокруг арены, в центр манежа царственно ступила Прима и её помощницы!

Вот когда я испытал восторг! Да нет, не от того, что Прима была в короне и королевском платье, шлейф которого несли два пажа-карлика, и даже не от того светового калейдоскопа, который крутил весь амфитеатр цирка и арену в едином круговороте весёлого и бравурного марша! Я испытал восторг от того, что я знаком с самой... имя, жаль, не помню, с самой знаменитой Примой цирка, которая не просто пригласила меня в директорскую ложу, но и теперь приветствовала меня взмахом руки и улыбалась! И я помахал ей! Я видел, что на меня обратили внимание все зрители и все артисты цирка. Я понимал их замешательство и знал — они сейчас все в недоумении и, может быть, мучимы одним и тем же вопросом: кто этот юноша в директорской ложе? А это был я!

И жизнь моя вдруг изменилась: наступили каникулы, тренер перевёл нас с пятидневных нагрузок на трёхдневные, и потому я шастал в цирк уже как на работу, беспрепятственно преодолевая вахтёров, которые вскоре перестали спрашивать с меня какие-либо документы. Я проходил в зал, садился во втором ряду и наблюдал за репетициями артистов. Признаюсь, что репетиции значительно интереснее представления. Вот где настоящий цирк — за кулисами! Настоящий цирк — он не лощёный и не праздничный, и я уверен, если бы зрители могли

выбирать, поверьте, все ходили бы только на репетиции. Все артисты, подавляющее их большинство, почему-то очень эмоциональны, а некоторые безудержно эмоциональны. Вот эти немногие, у которых в работе уживались и свежий матерок и подзатыльники, были мне крайне интересны. Более всех дурачились клоуны,— они даже дрались между собой. Но вечерами, выпив немного в буфете у тёти Нели, как ни в чём не бывало, они выходили на арену, и зал рыдал от смеха. Закулисная жизнь — удивительная жизнь! Как все ухаживали за больным и капризным слоном, которого оставили в цирке уехавшие артисты. Ему носили яблоки и апельсины, а когда он начинал стонать, гладили по могучей ноге, словно кошку по лапке.

Если не брать в обязательный расчёт танцующих девушек и акробатов, то среди прочих мне особенно нравился силач. Вот его-то я запомнил на всю жизнь. Его звали Валентин Дикуль. Он был подобен русскому богатырю, и виделся мне просто огромным: накачанные мышцы, борода, серебряный пояс, стягивающий талию. Он выходил на арену на специально подготовленную платформу и жонглировал гирями по восемьдесят пять килограммов каждая. А ещё я запомнил шары, золотые: он катал их по рукам и груди, подбрасывал вверх и ловил на шею. Иногда он ставил гирию на барьер арены и жестом приглашал зрителей попробовать поднять её. И находились смельчаки! Но только один однажды двумя руками поднял эту гирию выше головы. За смелый выход этому зрителю аплодировали как настоящему артисту.

Но дело было не в гирях и не в силе атлета, а в том, что Валентин, как рассказали мне работники цирка, был воздушным гимнастом и упал во время номера. Говорили, что сильно переломался, лежал парализованный, но начал тренировать себя — и совершилось чудо, о котором говорили даже доктора, не верившие в его выздоровление. Я с восторгом наблюдал за своим кумиром, который на ту пору моего подросткового максимализма затмил всех прочих героев Советского Союза. Он репетировал сосредоточенно и усердно, не обращая внимания ни на кого, и только один раз подмигнул мне, потому что я в это

время был его единственным зрителем. Шёл первый или второй год, как Валентин вышел на арену цирка после продолжительной болезни и изнурительных тренировок. В те ранние юношеские годы я понял, что чудеса бывают только тогда, когда мы сами стараемся их совершить. И я решил, что тоже буду твёрдым и уверенным в достижении своей цели, а если случится беда, то, как Дикуль, буду тренироваться и совершу чудо. И на своих тренировках прыгал бесстрашно и уверенно, потому что не боялся никаких переломов.

В основном, конечно, я посещал репетиции акробатов. Я с интересом и пониманием следил за их работой. Труппой руководил дядя Лёша, по крайней мере его так все звали. Особенность труппы заключалась в том, что все акробаты были разновозрастными родственниками – сыновьями, зятьями, братьями или племянниками.

В тот день я, как всегда, сидел во втором ряду, а на арене работали акробаты. Собственно, они занимались тем, чем и мы занимались у себя на тренировках, – разучивали новые акробатические упражнения. А потом уже, в конце репетиции, проходили всю программу выступления от начала до конца. В тот день дядя Лёша в очередной раз бился с племянником Серёжей, мальчишкой лет десяти. Они разучивали с ним арабское сальто. Это достаточно простое упражнение, его ещё можно назвать сальто боком или в сторону. Чуть сложнее сальто назад, потом по сложности идёт сальто вперёд, бланш*, пируэт, лунное сальто** и прочее акробатическое разнообразие.

Серёжа конкретно буксовал и никак не мог сделать это несчастное арабское сальто. Дядя Лёша уже открыто раздражался на него, а тот упрямо смотрел на ковёр и опять творил чёрт знает что.

– Серёжа! Не надо спешить, вот смотри, два шага, прыжок и группировка! Группируясь, ты себя закручиваешь, вот так! – И дядя Лёша ловко демонстрировал арабское сальто.

* Бланш – сальто назад прогнувшись.

** Лунное сальто – в просторечии сальто с одновременным вращением в поперечной и продольной осях.

Серёжа или специально не хотел и включал дурака, или действительно у него не получалось. Такое бывает: работаешь над сложнейшими прыжками, а какая-нибудь проходная вещь не идёт и всё тут, хоть убейся! Я помню, как забуксовал на перевороте вперёд, а потом так почувствовал его, что следом за переворотом делал сальто вперёд прогнувшись! Представляете: переворот вперёд и сальто вперёд прогнувшись! Хотелось бы увидеть этого смельчака, который рискнул бы повторить эту связку!

– Серёжа! Ты чё, издеваешься?! – уже орал дядя Лёша. – Вон, видишь, пацан сидит, он уже наверняка понял, как надо группироваться! – И вдруг дядя Лёша поворачивается ко мне и спрашивает: – Слушай, друг, скажи, ты понял, как надо группироваться?

– Конечно, – с готовностью откликнулся я.

– Вот видишь, сидит пацан, простой местный пацан, и тот уже всё понял, а я с тобой уже месяц бьюсь и никакого результата! Давай ещё разок, но только соберись.

Видимо, то был не самый удачный день для Сергея, он опять не докрутил и упал на поролоновый мат.

– Я уже устал тебе показывать. – Дядя Лёша вновь повернулся ко мне: – Слушай, если ты всё понял, может, и сальто сделаешь? Может, это его пробьёт?!

– Ладно, – согласился я, разулся, перескочил через барьер и, ускорившись в два шага, сделал арабское сальто.

– Ты видел, что творит, – обратился к Серёге дядя Лёша, – ты видел высоту и скорость вращения? Ты видел, как он руками себе помог закрутиться? Слушай, парень, – обернулся он ко мне, – а что ты ещё умеешь делать?

И, не моргнув глазом, я ответил:

– Всё!

Труппа акробатов, которая давно наблюдала за нами, дружно рассмехалась.

– И сальто-мортале можешь? – вдруг ввернул, как ему показалось, горький вопрос Серёжа.

– Это как? – не понял я.

– Это сальто назад, цирковая терминология, типа смертельный прыжок, ничего особенного, – ответил дядя Лёша, уже догадываясь о моём положительном ответе.

– Назад могу двойное, а вперёд двойное только с трамплина, – не тормозил я.

– Здорово, – оценил дядя Лёша, и все закивали, соглашаясь с ним. – А окрошку* осилишь?

– Без проблем, – я уже захлёбывался хвастовством и кинул в довесок на свою чашу весов: – И лунное сальто могу!

– Лунное? В двух осях? – не поверил дядя Лёша.

Я восторженно закивал.

– Всё, ребята, мне пора на пенсию, если пацан из Новосибирска может делать то, чему я научился уже под старость лет! Мне пора на пенсию. Всё, допрыгались.

С того дня и началась наша дружба. И я изредка даже прыгал вместе с ними на репетициях. И Серёжку научил делать арабское сальто – я просто понял, что он боялся. И я ему сказал, что если он боится, то никогда не станет настоящим акробатом, потому что настоящий акробат – это тот, кому неведом страх, акробат – это самый свободный человек в мире, акробат – это птица, ему даже земное притяжение ни по чём. И я в подтверждение своих слов подпрыгнул, взлетел и сделал арабское сальто. Это так удивило Серёжку, что он тут же разбежался и сделал это несчастнее арабское сальто. Сам удивился и засмеялся, да так задорно, что и я с ним смеялся как полумный. А потом я ещё научил его делать твист – это такое сальто назад с поворотом.

И вот однажды дядя Лёша увидел меня в цирке и сказал:

– У меня работать сегодня некому, приходи, я с директором постараюсь всё уладить. Понимаешь, обстоятельства, у нас дед помер –

* Окрошка – в просторечии акробатическая связка: рондат – фляк – сальто темповое – фляк – сальто группированное

старейший акробат, основатель труппы, и ребята поехали проститься, вот мы и остались вчетвером, сам понимаешь, ни два, ни полтора.

И я умчался за спортивной формой домой, благо жили мы минутах в семи от цирка. Когда я вернулся и нашёл дядю Лёшу, тот огорчённо развёл руками:

– Извини, зря тебя гонял, директор категорически против, видишь ли, есть такая наука – техника безопасности. Кто, говорит, отвечать будет, если что случится. Он прав, за всё в ответе директор. Вот так, брат-акробат.

– А если Приму попросить, ну, эту, иллюзионистку, она, знаешь, какая! Он её сразу же послушается, – горячо предложил я.

– Нет, я не могу, мы поссорились с нею, обиделась она на меня, – глубоко вздохнул дядя Лёша и посмотрел куда-то вдаль печальными глазами незаслуженно побитой собаки.

Вот в чём дело, понял я, дела тут сердечные, запутанные. Любовь! Я уже знал, что это такое, и мне от всего сердца стало жаль дядю Лёшу.

– Щас нарисуем, – уверенно сказал я, – я пойду к ней, она его, этого директора, как лягушонка, наизнанку вывернет и авкать научит.

– Что делать? – не понял дядя Лёша.

– Авкать. Лягушка что делает – квакает, а если её вывернуть наизнанку, она авкает! – радостно пояснил я и кинулся в гримёрную Примы, потом повернулся и крикнул: – А ещё я вас сейчас помирю!

– Не вздумай! – услышал я дядю Лёшу, в голосе которого уловил надежду и благодарность.

С Примой к тому времени у меня сложились совершенно дружеские и доверительные отношения. И всякий раз, когда мы встречались у нас дома, она начинала болтать со мной без удержу, но, как всегда, манерно и со вкусом. Или когда я приходил на представление и размещался в директорской ложе, она махала мне рукой и даже посылала воздушные поцелуи. Но что мне эти поцелуи от старухи: ей уже, как и маме, и тёте Неле, было лет под тридцать пять. Лучше бы подтанцовка посылала поцелуи, там тоже девчонки не молоденькие, как говорится, не первой свежести, лет по восемнадцать, но всё равно не так безнадёжно.

Я не знаю, о чём говорила Прима с директором цирка, но то, что он сам пришёл и уведомил дядю Лёшу о своём разрешении на моё выступление в составе акробатической труппы, — то факт исторический. Когда я переоделся, дядя Лёша несколько смутился, дело в том, что они выступали в светло-сиреневых одинаковых майках и спортивных трусах, а у меня было ослепительно белое шерстяное обтягивающее тело гимнастическое трико. Он махнул рукой, мол, семь бед — один ответ. И вот мы за кулисами на изготовке. Но сначала девчонки танцуют, они стояли с нами за кулисами и должны были, пока разбирают оборудование предыдущего номера, заполнить паузу своими танцами. Паузы заполняли либо клоуны, либо танцующие девушки. Они стояли совсем рядом, шелестели своими яркими перьями и тихонько переговаривались. Тут же ходил разодетый, как павлин, конферансье в ливрее: он вышагивал важно и иногда по-индюшачьи шипел на болтающих девушек и щипал их за тощие бока.

Как приятно чувствовать себя соучастником праздника. И вот, наконец, запыхавшиеся после танца девчонки забежали за кулисы, потом торжественные фанфары, конферансье объявляет наш номер, и под какую-то немыслимую музыку мы бежим навстречу ослепительным прожекторам и лучами разлетаемся по манежу в разные стороны, каждый исполняя свою акробатическую связку. Я замолотил несколько флажков* подряд, они очень эффектно смотрятся. А потом я летал по арене без удержу, и дядя Лёша пытался меня слегка уговорить, но настроение, с которым я прыгал, понравилось многим, и нам бурно аплодировали. Мои прыжки отличались манерой исполнения, особой эластичностью и чистотой. Теперь-то я понимаю, зачем наш тренер водил нас на занятия в хореографическое училище, где мы часами томимся у станка рядом с какими-то сопливыми девчушками и кляли тренера несчётно. Только я среди акробатов московского цирка мог исполнять затяжные прыжки с вытянутыми носочками, идеально прямыми ногами и ровно прижатыми пальцами рук! И в конце выступления, когда

* Фляк — переворот назад.

мы задействовали трамплин, который подкидывал нас метров на пять в высоту, и делали особо сложные прыжки. Чистота исполнения вызывала особое восхищение зрительного зала.

О! Как скоротечны счастья минуты! Я разбежался для заключительного прыжка, взмыл вверх в затяжном, на секунду завис в воздухе, любуясь многоликим амфитеатром, но вдруг в какой-то момент понял, что всё, как говорится, туши свет и поливай веники! — та заветная секунда уже позади и что-либо крутить поздно. Это как у парашютистов: поздно дёргать за кольцо, парашют уже не успеет наполниться воздухом. Я продолжал парить, теряя высоту и пикируя ровно на голову! Зал замер, предчувствуя беду, но в самый последний момент я сложился и упал на страховочный мат спиной, а ноги накрыли меня, гася силу падения, — напуганный зал взорвался аплодисментами. Потом я уже нарочно исполнял этот прыжок, специально щекотал нервы зрителям.

Конферансье в момент, когда мы раскланивались и уже готовы были покинуть арену, вдруг объявил, что к акробатической труппе из Москвы сегодня присоединился «наш земляк, акробат из Новосибирска», и назвал мое имя. За «земляка» зрители согрели нас новой волной аплодисментов, и я почувствовал себя особо ответственным представителем нашего города, почти что дипломатом, обеспечивающим мир и согласие, и под шквал рукоплещущего зала последним покинул арену.

За кулисами первыми меня встретили девчонки из подтанцовки. Они говорили очень приятные слова, и кто-то сказал, что я прошёл «крещение», мол, сегодня родился новый артист цирка, и ещё что-то удивительное и трогательное, и некоторые, как мне достоверно показалось, самые симпатичные девочки смотрели на меня с любопытством. А потом я увидел силача Валентина Дикуля, который ждал, когда рабочие утвердят на арене пирамиду с шарами и круглый помост. Он мне опять подмигнул и показал большой палец, мол, всё очень хорошо, и тогда вдруг я тоже ему подмигнул. Потом подошёл дядя Лёша, пожал

мне руку, а Прима обняла меня, и я прижался к её боку и подумал, что зря мама и тётя Неля прозвали её Звезданутой. Да если бы она была другой, я бы так никогда и не выступил на арене цирка! А дядя Лёша сказал, что цирк — это семья и здесь все, как мушкетёры, живут по одному принципу: «Один за всех и все за одного». После я ещё не единожды выходил на манеж, но вёл себя на арене сдержаннее. Профессионализм не купишь. Я уже знал, как надо работать со зрителем, и для этого совсем не обязательно мотаться по арене как угорелому.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Каждый день происходят чудеса, и, мне кажется, неважно, какие и для кого, главное — победить болезнь, или преодолеть страх, или совершить невысказанное сальто-мортале, или создать причёску, которая превратит Золушку в принцессу. Все эти чудеса когда-то творили обычные, но трудолюбивые люди — наши родители. А что может быть важнее и величественнее сотворённого тобою чуда? Только новое чудо!

Поразительно, но, если вдуматься, ведь так оно и есть: всякое наше слово или поступок остаются и живут. Да, если бы я не встретил в своей юности этих замечательных и очень добрых людей, уверен, что по-другому бы сложилась моя жизнь. Но перед глазами был воздушный гимнаст и его мужественная школа жизни, буфетчица, утешающая драчливых клоунов, мама со своими великолепными причёсками, замечательная Прима с визиткой, влюблённый, трудолюбивый и очень добрый дядя Лёша, красавицы в перьях и ревущий больной слон — все мы в одном клубке жизни, плотном и едином.

И сегодня по-прежнему каждое наше слово и каждое дело касается абсолютно всех, и меня, и всех вас — вот откуда ответственность берёт своё начало. Ответственность за будущее всех и каждого. За каждое наше сальто-мортале мы в ответе, в ответе перед будущим!

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Отчего большинство людей (и, наверное, вы тоже) любят цирк?
2. За что любил цирк герой этого рассказа?
3. Что удивило мальчика, когда он увидел Приму и пообщался с ней у себя дома?
4. Почему она пригласила его в цирк на особых условиях?
5. Почему мальчик, будучи ещё ребёнком, обладал акробатическими навыками?
6. По какой причине его взяли в цирковой номер?
7. Совпали ли представления героя о цирке с тем, что он увидел там? Чем похожи были артисты цирка на обычных людей? Чем отличались? Кто особенно его поразил? Почему?
8. Как вы думаете, работа в цирке – это тяжёлый труд или праздник жизни? Что об этом говорит автор?
9. Почему в рассказе ничего не говорится о гонорарах? Когда происходили события, описанные в рассказе? Ради чего трудились люди в цирке? А сейчас?
10. Почему для всех окружающих героя людей труд был радостным?
11. Что такое профессионализм? Как стать профессионалом?
12. Кем и какими вы хотите быть?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Если у вас есть возможность, сходите с родителями на цирковое представление и расскажите друзьям о своих впечатлениях.
2. Найдите информацию о Валентине Дикуле.
3. Пользуясь толковыми словарями, найдите значения слов: гордость, тщеславие, честолюбие.

Гл. 16

*Тля ест траву, ржа – железо,
а лжа – душу.*

А.П. Чехов

Первое апреля

А посёлок наш, скажу прямо, неухоженным был – просто страсть. В то время моего детства, впрочем, грязищей на улицах не только мы славились. Время послевоенное, понятно, что во время войны все средства шли на фронт, а потом, лет десять, вся страна восстанавливала ту часть Отечества нашего, которая под немцами была. Так что денег поселковая власть ни в войну, ни после войны долго не видала. Но наш посёлок – особый, потому что как раз посередине его было Моховое болото.

В те годы на эту площадь сколько камня и щебня ни валили, всё тонуло, одна грязь да зыбь под ногами. С одной стороны площади – гостиница одноэтажная, с другой – «Погребок» пивной, а за ним – улица в сторону железнодорожного вокзала. А вот перед вокзалом были тротуары, деревянные, такие сейчас мало кто вспомнит. Мы по этим тротуарам на самокатах гоняли. Какое это было удовольствие – по деревянным плахам жужжать подшипниками, главное, чтобы в щель колёсико не залетело. А если залетит, то всё: и колени, и нос обдерёшь. Носы – это ладно бы, но вот штаны рвались – это беда. Мы тогда все в шароварах бегали. За порванные шаровары полагалась дома порка. Кстати, очень неудобная одежда, всё время то за какой-нибудь угол цапанёшь, то забор помешает, а главными врагами шаровар были гвозди. Короче, пороли нас часто.

На вокзале было чисто, всё зеленоватым отсевом засыпано и тщательно прометено. Как-никак, лицо посёлка. «Лицо» было всегда вымыто, выбрито и с румянцем. Рядом с вокзалом, вдоль линии — товарная контора, а за нею туалет. Туалет необычный для наших мест — благоустроенный, с кабинками. Но в кабинках, так и по сию пору, дверки с оторванными щеколдами.

Апрель в наших местах — это конкретный и уже бесповоротный месяц весны. Март — он и вашим, и нашим, а апрель — свой парень. С апрелем и грязь глыбилась, но по утрам ещё можно было по промёрзшему пройти, а вечером всё — только вплавь, и не факт, что сапоги выручат.

В тот день я к маме на станцию прибежал из школы, это был последний день учёбы перед весенними каникулами. Любил я к маме на работу заглядывать. Во-первых, рядом; во-вторых, у неё бутерброд с колбасой. В багажном я уже не раз бывал, и нравилось мне рассматривать стеллаж с «потерянными» вещами. Чего здесь только не было: и саквояж кожаный с металлическим замком, и сумки, и чемоданы, и даже пальто. Но больше всего привлекала меня трость с гладкой светло-коричневой ручкой. Мама работала дежурным по вокзалу, а тут что-то случилось, и она замещала товарного кассира тётю Любу.

Я наслаждался бутербродом с редким для нашего времени деликатесом, когда в контору заглянул дед Моисей — сторож с поселкового кладбища. Высокий, слегка сутулый, ручищи огромные, нос бугристый, в оспинках.

- Доброго здоровья, Надежда Ивановна, — дед Моисей снял шапку.
- А, деда, заходи, — пригласила мама. — Какими судьбами?
- На почту, да вот решил к тебе заглянуть.
- Пишет кто?
- Я написать хочу.
- Так ты не умеешь.
- А вот Миколка твой умеет. Я ему продиктую.
- Скучно на кладбище? Жениться бы тебе.
- Да, ещё бы, на десятом десятке. Мне и так скучать некогда, считай, каждый день по покойнику, редко два, а ещё реже, когда никого.

- Старики мрут?
- Фронтовики в основном. Калеки. Кто без ног, кто без рук. И старики, конечно.
- С праздником тебя, деда.
- А какой праздник?
- Живёшь оторванным и не знаешь, сегодня первое апреля – никому не веря!
- Ну, это вы уже празднуйте, пока молодые.
- Деда, – подскочил я, – а я сегодня пятёрку получил!
- Молодец, Микола. А я вот и писать-то не умею.
- Первое апреля! Первое апреля – никому не веря! – закричал я, радостный, что обманул дедушку. – А у нас каникулы!
- Да, – рассеянно ответил дед, – а я подумал, что ты и впрямь пятёрку получил.
- Слушай, деда, – позвала мама, – из гостиницы звонили, там у них пассажир с багажом, а грузчик у нас сегодня не вышел на работу. Может, ты сходишь? Глядишь, рубль-два заработаешь.
- Рубль, а может, и два, говоришь, – дед задумался. – Ну а что, в руках унесу или тележка нужна?
- Тележка, деда, только на тележке, багажа, говорит, много.
- Ну, если с тележкой, то, может, и два рубля даст, – вслух подумал дед. – Ну и лады. А вернись, Миколка, ты дождишься, мы с тобой письмо напишем.
- Дед взял тележку и ушёл в гостиницу.
- Коля, может, домой пойдёшь? – позвала мама. – Я письмо деду сама черкану.
- Нет, мама, я здесь поиграю.
- Ну как хочешь, но только ничего не бери.
- Я и не собирался брать ничего, кроме трости. Тем более я её уже и раньше брал. Она была лёгкая, на мягком копытце и с резной ручкой. Вся ручка гладкая, а вот самый кончик её был вырезан в форме змеиной головы. Я ставил трость, наваливался на неё животом и пытался

удержать равновесие. Я мог часами забавляться этой удивительно красивой тростью.

Хлопнула входная дверь, я быстро засунул трость на место и побежал к выходу. Вернулась товарный кассир тётя Люба.

— Надя, ты понимаешь, меня обманули!

— Как обманули?

— Сказали, что у меня дом горит. Вот я и побежала, только начальнику станции ключи от конторы бросила, и бегом. Я думала, у меня разрыв сердца будет! У меня же там Ленка с Ольгой водится! Ну, думала, только бы дети не сгорели! Прибегаю, а они на меня смотрят и понять ничего не могут! Ты понимаешь, какие люди-то есть бессердечные! Да разве можно так шутить! Ты что, Надя? Побледнела-то вся? Ты ли так пошутила надо мной?

— Люба, — прошептала мама. — Я деда Моисея в гостиницу отправила за багажом.

— И что? Он уже не раз ходил. Так и что?

— Да никакого багажа там нету. Это я так, разыграть решила, с первым апреля поздравить.

— Надежда, да как же ты? Там же по Моховому не пройти. А на улице вообще всё развезло. Он с тележкой?

Мать кивнула.

— О, беда-то, ему же за девяносто лет! Он же надорвётся! Беги, давай, выручай!

— Он давно ушёл. Люба, стыд-то какой.

Открылась дверь. Сначала въехала грязная тележка, потом вошёл и дед Моисей.

— Тележку сама помоешь, — сказал он и вышел вон.

Письмо мы с ним так и не написали.

* * *

Прошло много лет. Недавно я позвонил маме.

— Мама, привет. А я о тебе рассказ написал, «Первое апреля» называется.

- О чём, сынок? Ты говори погромче, а то у нас связь плохая.
- Помнишь, как ты деда Моисея отправила в гостиницу за багажом? Разыграла на первое апреля.
- Помню сынок, ещё как помню. До сих пор плачу и прощения прошу.
- Да что уж ты так-то, больше сорока лет прошло.
- Времени прошло много, а как вспомню, поверишь ли, сердце холодеет и слёзы сами льются. Ты хорошо сделал, что написал. Может, люди, которые прочитают, добрее будут. И ещё напиши, чтобы особенно к старикам. Мы ведь такие уязвимые.
- Знаешь, мам, а я хорошо помню этот случай, и как ты плакала, когда дед Моисей ушёл. Ты ещё говорила: «Почему он меня не отругал, почему молча ушёл! Лучше бы ударил, мне бы легче стало». Я запомнил, потому что никак не мог понять, что от взбучки человеку может стать легче. Ты не плачь. Если так до сих пор душа болит, то Моисей простил уже, он же видит твоё чистое сердце. И себя прости, отпусти боль, не держи в сердце.
- Хорошо, сынок, не буду. Успокоил ты меня, спасибо. И за рассказ спасибо.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Действительно, общение между людьми — взрослыми, детьми или стариками — должно заключаться только в добрых и честных словах. Ни в коем случае не должно быть слов обидных, насмешливых и ранящих душу, а тем более обманывающих и вводящих в заблуждение, даже если это в шутку и с добрым намерением. Можно и даже нужно посмеяться, но так, чтобы шутка была понятной и необидной. **Каждое слово должно поддерживать и укреплять человека, сделать его настроение таким, чтобы ему самому захотелось говорить только добрые слова.** Иначе лучше молчать. Как и поступил дед Моисей, несмотря на усталость, немощь и обиду.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Когда происходит действие в рассказе? Какие детали послевоенного времени отмечает главный герой Миколка?
2. Зачем дед Моисей заглянул в контору железнодорожного вокзала, где работала мать мальчика?
3. Кем работала мать Миколки? Какие дополнительные обязанности она выполняла? Как вы думаете, почему ей доверили получать и сохранять забытые пассажирами «безымянные» вещи? Как это её характеризует?
4. С каким праздником поздравила деда Моисея Миколкина мать и как тот отнёсся к поздравлению?
5. Какую шутку разыграла женщина со стариком? Считаете ли вы эту шутку действительно смешной?
6. Как закончилась «шуточная» история со стариком? Какой была реакция на неё деда Моисея? Какой урок получила мать Миколки?
7. Почему дед Моисей так легко поверил в розыгрыш?
8. Чем отличается розыгрыш от издевательства? Почему многие люди, которых разыгрывают, обижаются? Какие условия необходимо соблюдать, разыгрывая окружающих?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Докажите мудрость афоризмов:
 - Молчанием можно не только много сказать, но и многое сделать.
 - Лучше промолчать, чем сказать глупость.
 - Доброе слово сказать – посошок в руку дать (пословица).
 - Добрые слова оставляют в душах людей прекрасный след.

Они смягчают, утешают и исцеляют сердце того, кто их слышит.

— Добрая шутка дружбы не рушит (пословица).

2. Подберите родственные слова к слову «розыгрыш». Чем розыгрыш отличается от игры и чем похож на неё?
3. Как можно исправить последствия неудачных шуток? Вспомните, а в вашей жизни были подобные ситуации? Можно ли их исправить?
4. Пользуясь толковыми словарями, найдите значения слов: обман, правда, розыгрыш, игра.

Практическое задание

Придумайте и проведите с друзьями игру «Первоапрельский квест».

Гл. 17

Сардельки

Угольный склад – это огромная многогорбая чёрная куча около разгрузочной эстакады, на которой угрюмо и обречённо застыли серые с помятыми боками полувагоны. Угольный склад – это грузовые весы под навесом, похожим на амбар, с прилепившейся будкой весовщика. Угольный склад – это проходная с покосившимися металлическими воротами, у которых верхняя планка похожа на шлагбаум, а вместо шлагбаума – грязная, истрёпанная верёвка. И у ворот примостилась будка контролёра – точная копия будки весовщика – кирпичная сортирообразная постройка под шиферной односкатной крышей. Ночью будка контролёра становилась ночлежкой мастера по разгрузке вагонов, а мастером по разгрузке был я.

В натопленной будке контролёра я появлялся около восьми вечера, предвкушая одиночество и крепкий молодой сон. Тамбура у постройки не было, и дверь из комнаты открывалась сразу на заснеженную улицу, как из лоно матери – на белый свет. Тепло одним паровым дыхом вылетало на улицу, и потому перед сном я топил печь до теплового дурмана. Что-то романтическое было в этих ночных дежурствах: яркий свет прожекторов железнодорожной станции, чёрная тяжесть угольной сопки, тайные тропки среди дикого кустарника в сторону забора птицекомбината и расслабляющая теплота натопленного помещения, в котором с трудом уместились стол, стул, узкий лежак-скамейка из двух плах, кирпичная печь и маленькое окно, закрывающееся на ночь картонным скоросшивателем. Под лежаком кувалдочка – на всякий случай. Ею я воспользовался не по назначению только раз, когда ко мне в будку ввалился пьяный мужик и на вопрос: «Что надо?» – полез

бороться. С правилами борьбы я был плохо знаком, но жить хотелось — и я врезал мужику по голове этой кувалдочкой. Мужик очухался после того, как натёр я ему лицо и шею снегом. Он незлобно матерился, сразу протрезвел и всё пытался вспомнить, что с ним случилось и почему течёт кровь.

Народ жил своей жизнью, почти в открытую приворовывал, и это не считалось тяжким грехом. Мне спереть с угольного склада было нечего, и потому я с азартом и молодым напором подрабатывал — разгружал вагоны. Только собаки натапывали тропы к птицекомбинату и обратно... Впрочем не только собаки. Угольный склад и птицекомбинат разделяла не очень широкая малонаезженная дорога, дорога эта вела в частный сектор. По истоптанным сугробам было видно, что призаборная территория живёт бурной воровской жизнью.

Весь частный сектор, примыкавший к покосившемуся горбыльнодырявому забору, уголь потреблял прямиком со склада. Приходили с ведрами, с санками, некоторые волочили старые оцинкованные детские ванны, народ старался кучковаться — видимо, массовый заход на угольный склад придавал смелости. И я купил себе свисток. Выйдешь, бывало, тёмным вечером, свистанешь пару раз и с удовольствием наблюдаешь, как народ ломится через ветхий забор наутёк. Это мне было вместо комедийного боевика по телевизору на сон грядущий, и в то же время я испытывал удовлетворение, что казённое дело исполняю исправно.

В тот вечер я долго стоял на пороге своего служебного помещения, наслаждался лёгким морозным воздухом, лирическим пейзажем угольной сопки, в дальний край которой вгрызался воодушевлённый халявной добычей народ, и всё размышлял: свистеть — не свистеть, пугать — не пугать. В груди зарождалось какое-то новое сладкое чувство: быть снисходительным и щедрым.

Но плохое во мне всё-таки победило, и я свистанул с таким азартом и удалым переливом, что сравним был, наверное, с Соловьём-разбойником в ментовских погонах. На угольных жуликов напал столб-

няк, а со стороны птицекомбинатовского забора кто-то ахнул-гыгнул и помчался, дробя плотный наст дороги.

Я вышел за ворота угольного склада и увидел только мелькнувшую за углом фуфайку убегающего человека. Кругом никого, я ещё раз оглядел затенённую дорогу, пожал плечами и собрался было уходить, как на глаза попался тёмный предмет.

«Помер кто со страху», – подумал я и подошёл к лежащему.

– Эй, – позвал я и тронул его, как мне думалось, за плечо.

Это был длинный брезентовый чехол от двухместной палатки, и пахло от него совершенно замечательной копчёной снедью с чесночком.

Больше я не думал ни секунды: утащил мешок за свою сторожку, быстро закопал в снег и сидел до утра в сторожке, не сомкнув глаз. Сначала я ждал возвращения мясного вора и крепко сжимал ручку кувалдочки, потом, когда понял, что никто не придёт, долго придумывал, как всю эту громадину мяса я поволоку домой.

К восьми часам утра начал собираться складской люд на работу. Загалдели бабы, заурчали грузовые КАМАЗы, заскрипел погрузочный кран. Мой сменщик принимал мою писанину, а я с нетерпением поглядывал в маленькое окно на восходящее мутное солнце и чёрный от угольной пыли снег. Вдруг увидел собачонку и аж подпрыгнул: собачка тащила двухметровый хвост сарделек! Моих сарделек! Собачья тварь, догадался я, выкопала мой мешок, распотрошила его, нажралась, а этот хвост потащила про запас!

Я вылетел из будки в чём был, в свитере и без шапки, и, как олень, утопающий в глубоком снегу, пробивался через сугробы наперерез собаке. Она скоро заметила погоню и, чуть склонив голову, трусливо зарычала и прибавила ходу.

– Стой! – гаркнул я.

От моего устрашающего вопля собачонка шаррахнулась в кусты, сарделечный хвост запутался, собачка дёрнулась и, оторвав четыре штуки, умчалась прочь.

Я по-хозяйски накрутил оставшиеся сардельки на руку и медленно, под улюлюканье водителей КАМАЗов вернулся в сторожку.

– Отобрал у собачки обед, – позавидовал мне сменщик, – здесь килограмма три будет, – он показал на мою руку, обмотанную сардельками.

– Будет, – согласился я и завернул их в газету. – Хоть что-то домой довезу, – вздохнул я, собрался и вышел вон.

Каково же было моё удивление, когда я обнаружил свой мешок в целости и сохранности. Я взвалил его на плечо и заспешил к автобусной остановке.

«Жаль собачку, – размышлял я по дороге, – отобрал у бедной животины честно сворованные сардельки...»

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Скажите, а если человек своровал у вора, он кто: вор или нет? Представьте, бандиты вваливаются к бизнесмену в офис, который делает соевую колбасу, а рекламирует и продаёт как стопроцентно мясную, и, угрожая утюгом, говорят:

– Гони бабки, делиться прибылью надо – ты вор.

Как вы думаете, это благородные бандиты или просто бандиты? Они же как бы наказывают недобросовестного производителя мясных продуктов?

Хорошо, сформулирую иначе этот вопрос: Робин Гуд, разбойник из Шервудского леса, о котором писали-воспевали и Шекспир, и Александр Дюма, и Вальтер Скотт, и снято множество фильмов, он кто – благородный рыцарь или грабитель толстосумов?

Короче, вы думайте, а я скажу, как я понимаю. Все они – и грабители недобросовестного бизнесмена, и Робин Гуд, и Дубровский из одноименной повести, да простит меня Александр Сергеевич Пушкин, – все они обыкновенные бандиты, грабители и убийцы, потому что у них не хватило ни ума, ни воли отстаивать интересы людей, за-

щищать униженных и оскорблённых не иначе как только начать убивать других людей. Но **зло порождает зло, и только доброта и любовь порождают доброту и любовь.**

Это не призыв к попустительству, а призыв к уму и совести, к такому образу жизни и такой войне, яростной и беспощадной, которая победит зло, но сама не станет злом. Думать надо, прежде чем за вилы хвататься. В то же время зло требует противодействия, для этой борьбы мы и родились.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Бывает ли «честно сворованное»?
2. Можно ли к воровству относиться с юмором и почему к сторожу, который по сути ограбил и вора, и голодного пса, нет осуждения?
3. Много ли радости в жизни складских рабочих? Насколько тяжёл их труд?
4. Что такое «частный сектор»? Был ли у вас настоящий судейский свисток?
5. Почему хозяин мешка с колбасой не вернулся за пропажей?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Составьте небольшой рассказ о том, как боролась Россия с воровством в разные периоды своего развития.
2. Какие предприняты в современной России меры, направленные на борьбу с воровством?
3. Как вы думаете, что нужно ещё предпринять, чтобы никто не воровал?

гл. 18

МАТЫ МОЯ

Почему и по какому поводу этот человек оказался в нашем доме, я не знаю, уж очень я мал был, годиков эдак пяти. Но не запомнить его я не мог. Когда он заходил в дверь, то невольно наклонял голову, на которой лежала выдавшая виды фуражка с тряпочным козырьком, из-под этой нахлобучки с неистовой силой и волей вырывались крупными кольцами чёрные волосы, и сам он был велик, особенно в плечах. Он стеснялся своего объёма и всё оглядывался по сторонам, чтобы не задеть или ненароком не зашибить кого.

Очевидно было, что мой отец, на ту пору милиционер на станции Болотная, сделал этому Великану какую-то любезность, думаю, вытащил его из криминального события. Время было послевоенное, и уголовный элемент, расправивший плечи во время войны, гулял ещё на свободе. Папа всегда отличался способностью выручать и помогать людям. Однажды, когда мы жили уже в Новосибирске, он поздно вечером, со смены привёл девушку, и она жила у нас полгода. Оказывается, она училась в юридическом институте, а ночевала на вокзале. Потом отец добыл ей место в общежитии, и она съехала от нас. Однако всю жизнь, изредка, вдруг, будто ниоткуда, вновь возникала в нашей жизни «тётя Лида» — та самая девушка, которая после института дослужилась до высокой должности в Омской областной прокуратуре.

И мама наша не отличалась равнодушием. Работая дежурным по вокзалу на станции Болотная, однажды во время смены прибежала с какой-то женщиной домой, надёртали из нашего стога сена в мешки и умчались опять на станцию. Вечером она рассказала папе, что помогла семье, которая переезжала на новое место и везла с собой корову в

специальном вагоне. Сено кончилось, и вот женщина, когда случилась остановка в Болотной, подбежала к маме, и та, недолго думая, поделилась с нею запасами для нашей коровы Зорьки. Благо, мы жили совсем рядом с вокзалом на улице Линейной, 3. Только имени этой женщины мама не спросила, время стоянки было ограничено.

Великан ночевал у нас и спал на полу на кухне, его пегая кепка, будто банная шайка, висела на вешалке, а под пальто и плащами стояли его огромные, будто вёдра, сапоги-кирзухи. Я даже пытался залезть в один обеими ногами, но не смог, однако подобных сапог в своей жизни я больше не видывал.

Утром нас провожали все: и мама, и папа, и даже соседские дети – мы со старшей сестрой Наташей уезжали на две недели в гости к Великану в деревню Большечёрное. Ехали на полуторке, сестра в кабине рядом с водителем, а я с Великаном стоял в кузове, крепко вцепившись в передний борт у кабины, и смотрел вперёд. Однажды я оглянулся, но пыль тут же напрочь забила глаза. Мы ехали долго, а мне было в радость, особенно когда берёзы наклонялись над дорогой и нужно было ловко уворачиваться от веток.

В Большечёрное въехали уже изрядно пыльными и уставшими, ползли по деревенской разбитой улице медленно. Великан успевал кланяться или махать рукой знакомым, но вот машина притормозила, преодолела жутко разбитую дамбу пруда, потом немного натужно покряхтела, поднимаясь в горку, после чего Великан застучал по кабине. Машина пискнула тормозами и устало остановилась.

Мы с Наташей робели, а потому Великан пошёл вперёд, дёрнул калитку. К нему под ноги кинулась радостная собачонка, потом к нам, и вдруг откуда-то из-за угла раздался буквально визг, какой мы слышали от машинных тормозов:

– Зявився, чорт кудлатий! Де ти шлявся три дни? И коли повинен був повернутися?

Великан поманил нас к себе, мы подошли и увидели совсем молодую женщину, удивительно, по-детски стройную, в цветной длинной

юбке, в белом переднике и белом, повязанном узелком на лбу, платке.

— Маты моя! — всплеснула она руками и кинулась к нам. Она что-то закудаhtала, заговорила часто непонятными словами, периодически всплёмкивала руками и голосила: «Маты моя!» И будто уже не было Великана, и для неё уже ничто не значило его шалопайство в сравнении с тем, что появились мы.

Мы скоро обвыклились в этом маленьком и удобном белёном домишке, нас отмывали тут же во дворе в деревянном корыте, «Маты моя» мылила и тёрла наши податливые тела и всё говорила и говорила, какой-то скороговоркою, нисколько не понятной, но удивительно ласковой. Она будто пела песню, приговаривая: «Ой божэнько, як жэ добрэ, що вы добралысь. А сэцэ зранку чуло, що будуть в хати добри люды». Она суетилась и всё повторяла, какие мы хорошие и как замечательно, что приехали к ней в гости. С этого дня Великан исчез. Нет, он, наверное, был и в доме, и во дворе, но память его не зафиксировала, всё пространство заняла Маты моя.

Жили они вдвоём, детей у них не было; в небольшой горнице с двумя окнами стоял стол, тут же рядом русская печь, в которой Маты моя пекла хлебы в специальных формах. Буханки пышными поджаристыми корочками возвышались над формами, долго потом настаивались в сторонке, и только вечером Маты моя не резала, а отламывала нам куски хлеба, и мы съедали его, запивая густым сладковатым коровьим молоком.

В хозяйстве молодой семьи значилась огромная свиноматка и десятка полтора маленьких поросят, которые ещё утром уходили со двора и бродили по деревне, наслаждаясь придорожной грязью, а то и вовсе уходили на весь день на деревенский пруд. А вот Боровок, круглый, как воздушный шарик, с проблеском чёрной щетины, всегда был во дворе, он-то и стал объектом моего пристального внимания. И я всё-таки уловил момент и вскочил на него верхом. Мои ноги намертво прилипли к его круглым бокам, а руки схватили уши Боровка и не зна-

ли большей цепкости, чем в тот момент. Боров завизжал, подражая всё тем же тормозам полуторки, и помчался вперёд. Он не вилял, не обходил препятствия, а скоро и тупо нёсся по прямой, пока не врезался в робкую изгородь, отделяющую хоздвор от огорода. Я остался лежать под обломками изгороди, а с огорода несло уже два визга. Когда я поднялся, то увидел, как Маты моя гналась за Боровком, а тот, минуя тропинки, метался по грядкам с зелёным урожаем.

Боровок скоро пришёл в себя, вспомнил дорогу и ринулся в пролом. Я отлетел в сторону, а Боровок забился в щель между амбаром и сараем. Не успел я подняться, как оказался в заботливых руках Маты моей.

— Сынку! Як ты? — она ощупывала мою голову и руки. — Чы нэ пошкодыв тэбэ цэй дыкый кнур, тварынота клята?

Я со страху вмиг всё понял без перевода, отрицательно замотал головой и от пакостных чувств и понимания своей вины громко заревел.

— Напугал-таки, завтра же зарежу! Напугал! Ух ты! — погрозила она свинье. — Гад ты эдакий!

Весь остаток дня я был окутан заботой, Маты моя обнимала меня, гладила по голове и подарила конфетку, впрочем, Наташе конфетка тоже досталась, но это не остановило её от предательства, и на следующий день она торжественно и прилюдно сообщила, что Боровка убивать не надо, что это Коля его оседлал, после чего свинья и сошла с ума. За обедом все сидели молча, и со мной никто не разговаривал. Но эта экзекуция длилась недолго. После обеда я пошёл в туалет и провалился в круглое отверстие: не так чтобы весь, только одной ногой, но черпнуть нечистот я всё-таки успел.

Отмывали меня всё в том же деревянном корыте, но на этот раз с применением пучка полыни. Маты моя окунала полынь в тёплую воду и тёрла посрамлённую ногу, а после унесла меня голого и спелёнутого в своём переднике в дом, сама вернулась драить мою обувь. Но как ни мыли меня, в доме воняло два дня, будто кто сдох в укромном уголке, пока хозяйка не прошла по комнатам с пучком горячей соломы.

Вечерами мы сидели на крылечке, примостившись под тёплый бочок Маты моя, а та пела нам тонким и чистым голосом заунывные песни, глядя куда-то вдаль, за огород, в котором теснились яркие и пышные головки подсолнухов:

Вечорие. Здаля простяглися поля
 До Чумацького шляху бездонного,
 И зитхнула земля, як сповите маля,
 Пригорнувшись до обрю сонного...

Потом укладывала нас спать и всё гладила то по спине, то по руке, то по моей коротко стриженной голове и тихо напевала скороговоркою нечто крайне нежное и оберегающее: «Ходыть сон биля викон, а дримота биля плота...»

И вот прощальный обед, за нами приехал отец. Мы сидели в светлой горнице, и Маты моя потчевала нас, суетясь между печью и столом, и всё говорила, какие «слухняни та хороши». На столе в коробочке теснилось два пузырька с солью и перцем, я ещё никогда не видел таких и решил посолить. Я не знал, что в крышечке есть специальные дырочки, открутил её, а закрутить не смог, видимо, резьбу забило солью, да так и поставил обратно, нахлобучив железную крышечку сверху. Наташа тоже решила воспользоваться услугой солонки, но она была постарше и уже знала про чудесные дырочки, короче, соль хлынула ей в тарелку.

— Маты моя, — всплеснула руками Маты моя, а отец нанёс мне позорную затрещину. Я заревел и выскочил на улицу. Меня настигла Маты моя, обняла, прижала к себе и что-то то ли заголосила, то ли завывала или запела, но так жалостливо и нежно, что я притих, замер в её объятиях и почувствовал такое ответное желание, что вырвался из её рук и кинулся ей на шею.

— Всё, сынок, хватит прощаться, поехали, — отец шагнул к калитке. Я ещё сильнее прижался к Маты моя.

— Ну, ты что? Не поедешь домой? — в шутку спросил отец.

И я отрицательно замотал головой и ещё сильнее прижался к милой женщине.

Я не помню её имени, мал был, но я запомнил на всю жизнь, что на украинском языке могут говорить только добрые мамы России.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

--- --

Удивительно, но зачастую обострённое чувство материнства испытывают женщины, у которых по какой-то причине нет собственных детей. И крайне несправедливы те, кто говорит: «Что она может, у нее нет опыта?» А вот есть! И это не удивительно, потому что чувство материнства заложено в природе женщины, вот почему иногда женщина становится матерью чужому ребенку, пусть на несколько часов, но этой «мимолётной» материнской любви и тепла ребенку иногда хватает на всю жизнь.

А сколько неродных детей подняли приёмные матери России, сколько они отдали своей любви и заботы нерождёнными ими детям, которые по заслугам зовут их мамами. В детском доме сироты зовут воспитательницу мамой. Почему? А потому что без мамы жить невозможно, как невозможно жить без любви к детям. Таков человек, такова благородная, высокая природа женщины – любить детей. Вот что такое женщина, вот как она высока в своей природе! **В ней, в женщине, хранится частичка вселенской всепобеждающей любви, она всегда мама, даже тогда, когда по какой-то причине не смогла родить сама.** Низкий поклон тебе – женщина!

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Почему люди вспоминают детство с особой сердечной теплотой? Есть ли что вспомнить в вашем возрасте? Что конкретно?
2. Возможно ли любить чужих детей и людей вообще?
3. Почему герои рассказа понимали друг друга без перевода?
4. Много ли среди нас по-настоящему добрых людей? Как лично вы можете оценить своё отношение к окружающим и близким?
5. Какой любовью любил Колю отец? За что любят родителей?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Знаете ли вы хоть пару слов из других славянских языков?
2. Попробуйте самостоятельно перевести строки из украинской колыбельной в тексте.
3. Как часто вы радуете свою маму? Что вы можете сделать, чтобы порадовать её сейчас? Сделайте это!
4. Найдите материал о матерях-героинях. Почему они являются героинями? А твоя мама — героиня? В чём заключается её подвиг?

гл. 19

ДИКОСТЬ

Ну, как ты понял, до самого 1816 года села Болотнинского даже в мыслях ни у кого не было.

А как француза побили, нюх лягушатнику прочистили да сами слегка очухались, царь-батюшка, император Александр I озаботился устроить наше село.

Не было железной дороги, но село уже появилось, и строились дома по одну и другую сторону Московского тракта, а место для кладбища определили недалеко от села, тут же, за огородами. И кто бы знал, что железная дорога пройдёт ровно между селом и кладбищем. Считаю, семьдесят лет на этом месте людей хоронили. Все первые жители Болотной на нём покоятся. Провели-разделили, а позже железнодорожные власти эти самые кладбищенские земли выкупили и, недолго думая, но с расчётом, построили Кондукторский резерв — двухэтажное здание аж с тремя входами, в котором всё поместилось: и контора, и столовая, и магазин, и склад, откуда одежду и фонари кондукторам выдавали, и даже душевая была, доселе в Болотной невиданная вещь — без пару-жару мылся трудовой железнодорожный люд.

Для болотнинских покойников новое просторное место определили — с западной стороны, около железнодорожного переезда, и стало оно самым большим. Прошли годы, лет пятьдесят, и задумалось железнодорожное начальство, а что это у нас большая часть старого кладбища пустует. И приняли решение жилой городок на том месте строить.

Ставили дома двухэтажные, четырёхквартирные прямо на старых могилках, и в каком году дом строился, тот номер ему и приписывали.

Сортиры четырёхочковые у каждого дома заботливо поставили. А как же, куда-то жильцам гадить-то надо. И до сего дня, кто если погреб копает, где косточку, где череп обнаружит...

Время шло, наше село резко начало строиться по Московскому тракту в сторону вокзала всё дальше и дальше от западного кладбища. И власти решили третье кладбище организовать, чтобы покойника по пять вёрст через всю Болотную не таскать. Кто в какой стороне помер, тот на ближнем кладбище и покой находил. Умно.

Растёт Болотная, грузопоток увеличился, крестьяне ожили, кустари о заводах задумались — хорошо. Росло село будто на дрожжах, и третье восточное кладбище скоро среди домов оказалось. Нехорошо. Покойник, он должен сам по себе жить, а человек сам по себе — раздельно. И кладбище закрыли. Решили, пусть будет одно — западное, у переезда, не графья, покойника донесёте. И потянулись длинные процессии по Московской каждый день, село-то уже большое, как город выросло.

Прошли годы, и опять зачесалось у начальства, но уже городского, что место кладбищенское без дела стоит, пропадает. И решили на том кладбище школу соорудить. Дело-то благородное, о будущем думать надо — так решили и построили двухэтажную, деревянную. Некоторые могилки под школу ушли, а прочие разровняли и будто не было их. Теплицу соорудили, спортплощадку. Стояла школа, кому двойки, а кому и пятёрки раздавала, да вдруг под самую ночь в сентябре 1961 года вспыхнула-загорелась.

Гореть начала с крыши — знать, спасти не удастся. Ну и понятно, что подожгли: или по злому умыслу, или по случайности, но школу сожгли начисто. И тут все вдруг вспомнили, что на костях школа покоилась. И пошло-поехало, мол, духи подожгли, бесчинства не выдержали. Но ничему нас жизнь не учит, и райком партии постановил дать бой мракобесию и новую школу, уже каменную, опять на том же месте построить. Пока новый фундамент копали, пацаны черепами играли-тешились, а обнаруженные кости куда-то потом свезли вместе с лишней землёй.

В 1978 году в ночь на Ивана Купалу решила наша болотнинская молодёжь пошалить, собственно, так шалили каждый год. Как стемнело, прокрались на Западное кладбище, повыворачивали кресты и вдоль дороги и около остановки расставили. И в ближайшие дома кому в палисадник крест воткнули, кому у ворот оставили, чтобы хозяев повеселить-порадовать. Надоели эти шалости милиции и народу, и выловили вандалов. Руководил облавой лейтенант молоденький Андрей Ведерников, он в ту пору возглавлял работу с несовершеннолетними преступниками. Родителей нашли, всех собрали, и вот пошли строем на кладбище парни с крестами, да среди народа.

А солнце яркое, день прям радуется, а люди хмурые вдоль дороги стоят, молчат. А что говорить, на кого кричать, в кого плевать?

С того раза будто что случилось с людьми, как прозрели. В тот же день пошли люди на кладбище прибираться, и кресты восстановили и мусор сожгли, очистились.

Время было такое, что рушили кресты, вроде как можно — мракобесие, а теперь звёздочки с памятников сбивают. Дикость и то и другое. На границе между Здвинским и Куйбышевским районами могила лежит красным партизанам ещё со времён Гражданской войны, более сотни ополченцев полегли от беляков. Так отпилили недавно тамошние умельцы звёздочку на памятнике и крестик прилепили. Вот это зачем? Вот чем тот администратор лучше болотнинских пацанов-вандалов? А в Колывани ещё дальше пошли, там монастырю земельку прирезали вместе с братской могилой, так ведь не удержались православные, сбили звёздочку и молчат. Вокруг памятника плотненько кустами обсадили, как землёй прикопали. Хотели люди звёздочку на место вернуть, ну куда там, монахини насмерть встали. Где в том монастыре Богу быть — и малого уголка ему не оставили.

Для чего я это всё рассказал? А для того, чтобы ты узнал, что у слова «дикость» — в основе «кость», мёртвая основа, то есть то, что стало трупом, который потерял силу духа, потому что дух покинул тело. Дикий — это окостенелый человек, то есть лишённый полного образа человеческого достоинства.

Как можно, имея столь наполненный смыслом и образный язык, который сам и есть дорога к Богу, оставаться дикарём — символом недочеловека? Доколе будем слышать слова и не понимать смысла их: «Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности» или «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости». Всё это сказал великий Пушкин своему глухому до правды и совести народу двести лет назад. Сколько же горя вам ещё надо выхлебать, люди мои любезные, чтобы стать человеком добрым, честным, любящим. Какие слова и какой поэт ещё тебе должен сказать, чтобы ты понял: пока ты гадишь на могилы своих предков, плюешь на их жертвы, даровавшие тебе великую страну, презираешь их жизнь, дела и идеалы, ты — недочеловек, ты — мёртвые мощи, на которых такие же нравственные мертвецы непременно построят свой новый дом и будут мучительно и долго умирать в нём — собственно, то, что сейчас и происходит.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

В славянском мире не одну тысячу лет культивировалось глубочайшее уважение к предкам, жизнь славян была устроена по возрастной вертикали, где главенство принадлежало самому старшему, самому опытному члену рода. Но пришли иные времена, и стало навязываться высокомерное и презрительное отношение к прошлому, как к чему-то дикому, первобытному, неразумному, варварскому. Столетиями насаждалось это презрение, которое ныне требует осмысления и изменения, а для того достаточно вспомнить, что именно наши великие предки не одну тысячу лет формировали наш твёрдый характер, ёмкий и благородный русский язык, красивую культуру — песни, пляски-хороводы, сказки, былины, уникальные по своему торжественному и душевному звучанию гусли, дудочку, а после балалайку, которая тоже умела и веселиться, и плакать. И именно благодаря родовитым сла-

вянским корням мы имеем самую большую и самую богатую страну в мире. Наши предки, деды и отцы мужественно сохранили Родину для нас, оставив нам в наследство свободную и красивую страну.

Мы тоже сумеем достойно прожить свою жизнь, если не разучимся с почтением и благодарностью относиться к своим предкам.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Что такое Родина?
2. А есть ли Родина у животного?
3. Знаете ли вы свое родовое древо?
4. Вспомните даты рождения своих родителей, дедушек и бабушек. Знаете ли вы их отчества?
5. Ухаживаете ли вы и ваши родители за могилками своих родственников?
6. Почему нельзя осквернять святыни, в том числе памятники?
7. От имени кого идет повествование?
8. Как вы представляете себе рассказчика? Как он относится к проблеме?
9. Определите по словарю, что означает слово «кустари» в предложении «Растёт Болотная, грузопоток увеличился, крестьяне ожили, кустари о заводах задумались — хорошо».
10. Какое историческое время отражено в рассказе? Как в разные времена люди относились к своим предкам? Почему?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Знаешь ли ты что-нибудь о таком дне, как Радуница? Найди его описание. Зачем нужен был такой день?
2. Нарисуй свое родовое древо.

гл. 20

Щенок

Я ехал на дачу, без спешки, элегантно вычерчивая каждый поворот, наслаждался пьяным июньским ветром, с удовольствием, с душой планировал мелкие дела: поправлю замочек в баньке и перед ужином разомнусь с дровами, чтобы потом свежим, бодрым, исполненным собственного достоинства сесть к столу. И главное — закуски. Их никому не доверю. Тоненько-тоненько, кружочками нарежу солёненькие огурчики, постным маслицем окроплю, добавлю мёда, уксуса, лучок салатный и утомлю, утомлю всё это в соку до изнеможения. И грибочки — положу в тарелочку груздочек, три волнушечки и пару рыжиков, немного опят и лисичек и искупаю всё это в сметане. И — на стол.

— А не желаете ли, Николай Саныч?..

Но вот впереди, возле самого поворота к моей деревне остановился «Москвич», старенький такой, неуклюжий, синий «Москвич», открылась дверца, и из салона на обочину выкатился щенок с белым несуразным пятном на груди, точно Господь смеялся, когда всё это рисовал, и кисточка у него дрожала. Щенок быстренько присел по делам и бросился за кем-то в траву, запутался, кувыркнулся через голову, облаял кого-то в сердцах и понёсся дальше. Я аккуратно съехал на просёлок, притормозил, опасаясь, чтобы щенок по дури не выкатился под колёса, и вдруг заметил, что дверца у «Москвича» захлопнулась, и он отъехал, оставив только облачко выхлопных газов, точно воспоминание, которое тут же и рассеялось. Вот так!

А щенок даже не сразу заметил, что его бросили, не сразу он это понял, долго возился с каким-то сучком, потом только поднял голову и удивился, побежал к дороге, — хвост дрожит, виноватый такой хвост,

«дескать, не со зла я заигрался, забегался, простите». А некому уже прощать-то, некому. Я остановился, нашёл в пакете кусок какой-то колбасы и поманил рыжего, а он даже не сразу отозвался, сидел и месил песок на обочине своим дурацким хвостом, но потом подошёл, поводит носом по штанам, чихнул от души и поглядел на меня с любопытством.

– А ты, ты поешь, пацан, лучше поешь, ты не чихай, ты поешь, в таких делах закусить сразу – это первое дело, а потом уже чихай во всю вселенную, во все ноздри чихай, на всех чихай, – предложил я.

И главное, я сразу стал извиняться, всё пытался объяснить ему, дескать, мужик-то я нормальный, но с проблемами:

– Ты понимаешь, понимаешь, – говорил я, – я бы взял тебя, но у меня уже есть собака, вот ведь что, догinya у меня, лошадь такая здоровая, и ещё тёща, понимаешь?

А рыжий посмотрел на меня вдруг и с удивлением, да вроде того: «Ты о чём, старина? Забудь, я же не просил». Прикопал колбаску и ушёл к дороге, уселся возле своего столба и замер. Я вернулся к машине, с капризами запустил двигатель и поплёлся по просёлку точно провинившийся школьник, вылизывая каждую ямку, каждую пупочку, и я всё время оглядывался, и извинялся перед рыжим: «Ну не могу я тебя взять, ну не-мо-гу, у меня догinya, до-ги-ня, жена, дети, кого только нет». – Я от досады бил ладонью по рулю: «Даже тёща есть, – что там догinya. Представляешь, у меня даже хомячок есть, у меня есть хомячок, спроси у кого-нибудь – на хрена этот хомячок нужен, но он есть и его как бы любят, ты понимаешь это или нет?» И постепенно мне стало казаться, что он меня понял, он давно понял меня. Давно.

А вот дома я не стал ничего объяснять – нечего мне было уже объяснять. Женщины и так всё увидели: дочка поцеловала меня, жена поставила ужин, и они исчезли, они знали, что сейчас мешаться не нужно, не знали почему, но знали, что не нужно, – и всё. Мы ру-у-сские, мы правосла-а-вные, самый трепетный народ в околотке, ушлый такой, но очень трепетный, барахло всё, тряпье и досада. Я всё не понимал, ну что ж меня так завело-то, что так бесит? То ли то, что там щенок один

и ждёт? Или то, что я такой же, как все, и всего дождался? И главное, сам себя успокаиваю: «Ну что там, щенков, стариков бросают, младенцев». Да, я такое успокоительное нашёл, такое вот успокоительное принимаю и даже не смеюсь. Но ведь сам же, сам же ведь недавно с ментом разговаривал, на днях. Пил пиво в тенёчке, с газеткой, пристойно, с душой. Подошёл сержант:

– Извините, – говорит.

– Ну, пожалуйста, – отвечаю, – я в газетку пиво завернул. Можно меня оставить с пивом и с покоем?

А он замялся, он застеснялся.

– Я ж не об этом говорю, хотел спросить, где пиво покупали.

Я показал, он взял два пива и вернулся, ножичек попросил, чтобы крышечку сбросить. А я смотрю, что руки-то у мужика трясутся. Здоровый такой сержант, грузный, лет сорока. Он сам как бронезилет, и трясётся.

– Дежурил ночью, – говорит, – остановился возле помойки, чтобы нужду справить, а там прямо в коробке, в объедках, ребёнок. Я чуть не помочился на него, представляете? То есть они вернулись из роддома, отметили, сложили всё вместе с бутылками в коробку и вынесли. И одеяльце – тонюсенькое, больничное. Вы что-нибудь понимаете?

И вдруг у него мобильный звонит, и он улыбается, жена, говорит, разрешила взять, – раз я нашёл, значит, мне тащить положено. Правильно?

Конечно, правильно, конечно, правильно, но только где же эта грань-то, где же она, за которой уже неправильно? Ведь с кого-то же она начинается? С кого-то же начинается этот рубеж: с жучка, с хомячка, с котёнка? Где-то же есть эта линия, за которой уже всё равно, всё равно и всё неправильно? Должен же там стоять какой-нибудь знак?

Утром я, как мальчишка, украл еды из холодильника, спрятал в портфель и уехал на работу, а рыжий уже проснулся, он уже сидел на своём посту возле своего пограничного столба и смотрел на дорогу. Я подозревал его:

– Ну что, бабанька, не одумался ещё, не остыл? А я вот тебе подстилочку подтибрил, полежи вот, погрейся.

Рыжий посмотрел на коврик без восторга, мотнул башкой, взял курочку и пошёл к своему столбу, точно честный солдат, равнодушный к пропаганде супротивника.

– Ну, извини, извини, чем могу, – я даже обиделся, – давай, давай, давай, чеши, чеши. Ты же – Рыжая Пенелопа! Ты же пижон! – Я сел в машину и уехал.

А вечером я вновь обнаружил его возле того же занюханного столба с этим знаком. Он сидел совершенно недвижно, и только уши что-то чутко ловили в воздухе, а когда вдруг появлялась синяя машина, он подпрыгивал на всех лапах, катался по песку и визжал от восторга, машина исчезала, и он снова замирал, без отчаяния, без воя, просто замирал и продолжал слушать неведомую мне даль.

– Слышь, Рыжан, – я взял его за холку, – ты бы уже как-то успокоился, а? Ты уже всех достал здесь, сосредоточься как-нибудь, прикинь хвост к носу, никто уже за тобой не приедет, ты в это врубаешься или нет? Ни на синей машине, ни на белой, и даже с алыми парусами за тобой никто не приплывёт. Беги в деревню, в деревню беги: там таких, как ты, – банда, мафия. Погавкаешь годик у магазинов, потом забуреешь, будешь лежать на солнышке – дань собирать.

Мне понравился мой план, я даже дверцу открыл:

– Ну, хочешь, подвезу? Ну, поехали! – Рыжий перестал трепать колбасу и, взглянув на меня, развернулся этаким козырем, ну вроде бунтующего кошака, и пошёл к дороге.

– Ну всё, всё, всё, придурок, сдаюсь, – не выдержал я, – поехали, я усыновляю тебя. Пёс с ней, с этой догиней, будут два придурка – ты, догиня и хомячок – по кредитной линии.

Я взял его на руки и попытался посадить в машину, он даже зарычал, он зарычал, он вырвался, пустился бегом к своему столбу и замер. Ну «щ-щенок»!

А дома меня всё-таки «прищучили», вспомнили и пропавшую курочку из холодильника, и моё невнятное настроение, вспомнили,

и прищучили, и устроили перекрёстный допрос с пристрастием. Пришлось во всём сознаться. Дочка обрадовалась:

– Папочка, так давай возьмём его, он будет играть с нашей Багирой, она будет за ним ухаживать, мыть его, жалеть. Поехали, поехали, прямо сейчас поехали. – Она даже курточку успела накинуть.

– Никуда мы не поедем, щенок будет сидеть, где сидел, вот пока... пока... и всё, – решил я.

– Ну правда, Коля, съезди, забери щенка, ну что ты упёрся-то? – поддержала дочку жена.

– Не я упёрся-то, не я упёрся-то, это он упёрся, вот в чём дело-то, это он сидит возле своего столба второй день и ни гугу, я ему и «пожалуйста», и «здрасте», и курочку, и машину, и эскорт, – а он рычит, и всё. Ну вот это понимаешь или нет, вот ты это хотя бы как-то понимаешь или нет?

– Конечно, понимаю, Коленька, ну что ж здесь непонятного, – она погладила меня по голове, – я ж возле тебя, как возле того столба, тридцать лет просидела и ничего, а тут два дня, два дня – это не срок, это даже не пятнадцать суток.

– Да, папочка, – вдруг выпрыгнула дочка, – вот вы все такие – мужики, сделаете что-нибудь нехорошее, а потом мучайся с вами.

– Ну вот ты-то! Ну вот ты-то, что встречаешь? – возмутился я. – Ну, может, там баба была, в этом «Москвиче», ну, может, это баба щенка выбросила, ну при чём тут мужики?

– Женщина бы не выбросила, – решила жена. – Утопила бы, усыпила бы, что угодно, но не бросила бы.

– Ну всё, договорились, я ушёл.

Наверное, неделю я возил рыжему завтраки, потом покупал что-нибудь в городе вечером и возвращался домой. Он с благодарностью вытирал свой мокрый сытый нос о мои ладони, но в машину не садился, не повезло мне с машиной – она у меня чёрная, а не синяя. И вдруг однажды я не нашёл щенка на дороге, не было его, я пробежался по обочине, по полю, свистел – никого. Ну убили же собаку, а? Задавили же

собаку, вот ведь что! Почему-то только мрачные мысли приходили мне в голову, а я всё метался, бегал по обочинам и пытался найти раздавленный трупик, пока не увидел на столбе объявление. Подошёл и прочитал.

«Найден щенок, совсем ещё юный мальчик, брошенец или потеряшка, рыжей масти, но со светлым пятном на груди и очень добрый и отзывчивый. Люди, помогите, — ему не прожить на этом свете с таким характером, он всё время верит, надеется и ждёт. Анна». И номер мобильного телефона.

А рыжего этого я нашёл в тот же день в палисаднике нашей недалёкой соседки и вспомнил: её действительно звали Анна, и, по информации моей тётки, от неё уже месяц назад ушёл муж — смешной такой парень, он каждые выходные игрался в огороде с вертолётками на радиоуправлении — огурцы опылял. Я даже как-то раз подслушал женские инвективы в его адрес, — это Анна жаловалась моей тётке: дескать, как нехорошо, что мужик с вертолётками по огороду носится, да ещё перед глазами честного народа. Я, говорит, понимаю рыбалку, даже пиво с футболом — у мужика что-нибудь должно быть для дури, но вертолётки — это как-то неудобно. А тётка её успокаивала, ну вроде того, что пёс с ним, хозяйство в порядке, пусть играет, лишь бы в лес не бегал, а чем эта рыбалка заканчивается — это тоже не хобби.

— Ну это же обидно, Мария Андреевна, это же обидно, когда вертолётки предпочитают тебе и всему остальному, — это же трагедия, — жаловалась Анна.

— Трагедия, детонька, это когда он тебе скажет, что у него, кроме тебя, ничего и никого нет, — вот это уже полная пьеса.

А Рыжик узнал меня, оставил в покое свою косточку и подошёл поздороваться, а потом на крыльцо вышла Анна, и он со всем усердием бросился к ней. Она села на ступеньку, он устроился у неё под рукой, и они вдруг замерли, вглядываясь в просёлочную дорогу и ещё куда-то в даль, самую что ни на есть даль.

А я вернулся к машине. Вот только откуда же такая досада-то, а? Конечно, предательство, это маленькая такая блажь, маленький, маленький такой каприз с большими последствиями. Ну хорошо же всё

кончилось. Все нашли друг друга. Откуда же досада-то? И самое главное, вот чем же она взяла-то его, эта Анна? Что же такое она ему сказала, что он пошёл с ней? Вот ведь где заноза-то, а! Вот заноза-то!

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Какое страшное недоразумение — наше равнодушие и предательство! Как унижительно наше умение оправдывать себя, мол, что я могу, мне одному не обогреть всего мира*, не накормить, не приютить. Вот на этом, на этих оправданиях вся наша человечность и человеколюбие заканчиваются.

Я русский, я духовный, я справедливый! Да не русский я, если во мне нет любви и сострадания. И не христианин я, и не мусульманин, и **никто я, если во мне мужества нет и реального поступка, а только одна болтовня. Болтовня о гуманизме — это лицемерие.**

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Какие чувства испытывал главный герой, отправляясь июньским вечером к себе на дачу?
2. «Выкатился» — таким словом автор характеризует движения щенка, выброшенного на улицу. Каковы подробности встречи Николая Александровича с беззащитным щенком?
3. Обратите внимание на тон обращения героя к рыжему щенку. Что о характере героя способны сказать такие выражения, как: «сразу стал извиняться», «пытался ему объяснить»?
4. Отчего резко изменилось настроение героя после встречи с Рыжим?

* Слово в таком написании подразумевает, что речь идёт о людях, об одушевлённом пространстве, в отличие от географического.

5. О каком страшном случае рассказал нашему герою милиционер? Каков неожиданный исход этой истории?
6. В каких эпизодах автор замечает уродливость и признаки «бездуховности» современного общества? Следует ли из его размышлений, что он видит выход из создавшегося положения?
7. Почему однажды щенок пропал? У кого Николай Александрович обнаружил его? Расскажите о новой хозяйке щенка.
8. Почему щенок поверил Анне, а Николаю нет?
9. Как вы думаете, каковы могут быть причины того, что хозяева принимают решение расстаться со своими уже подростками питомцами?
10. Является ли женщина человеком, если она смогла выкинуть на помойку своего ребёнка?
11. Попробуйте самостоятельно ответить на вопросы, которые задаёт главный герой: «...Чем же она взяла-то его, эта Анна? Что же такое она ему сказала, что он пошёл с ней?» Почему Анна и щенок подружились? Может, их что-то сближает?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Как вы понимаете слова французского лётчика и писателя Антуана де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили»?
2. Напишите сочинение о любимом животном. Как выглядит ваш питомец? Расскажите о его повадках, пристрастиях в еде, о забавных историях, связанных с ним. Кем вы его считаете: 1) забавой, 2) другом и помощником, 3) полноценным и необходимым членом семьи?
3. Пользуясь толковыми словарями, найдите значения слов: равнодушие, предательство, лицемерие, доброта, сострадание, жалость.

БРАТСКАЯ КРОВЬ

Начало декабря 1919 года. Зима малоснежная и морозная, термометр будто замер на отметке двадцать пять градусов. В тот вечер сильно выюжило, и село Егоровка появилось неожиданно, будто из снежного тумана выплыли чёрные постройки сараев и скотных дворов. Из колка в улицу на камусовых лыжах вошёл человек.

— Стой! Кто идёт? — окликнул его часовой.

— Свои, — ответил дед Арефа.

— Это какие такие свои? — два колчаковца вышли из схрона, который они оборудовали за углом крайнего сарая.

— К полковнику Матвею Ивановичу иду по причине тяжёлой болезни его дочери Александры.

— Ты что, знахарь? — один из колчаковцев попытался взглянуть в лицо Арефы. — А документ есть?

— Знахарь, знахарь, — с повтором ответил Арефа. — И пачпорт есть, да только ты что там увидеть хочешь в эдакой темноте? Ты и на свету еле прочесть можешь, да и то только заголовки на газетах.

— Значит, дохтур, — задумался другой часовой.

— Как есть дохтур, — Арефа снял лыжи и воткнул в сугроб.

— Ты один али кто ещё прячется?

— Как есть один, весь тут.

— Какое оружие имеешь? Что в карманах?

— Оружия не имею, — Арефа расстегнул тулуп нараспашку.

— По лесу и без оружия? А волки?

— Волки меня любят, собственно, о зайцах можно сказать то же самое, медведи не любят, но сейчас они спят.

– Сысоев, обыщи старика, а то ненароком рванёт нашего полковника, сейчас время такое, бабы и те в штаны гранату закинуть метят.

– Мешочки какие-то с травой и стекляшки... А более ничего.

– Что за мешки? – уже миролюбиво спросил бдительный колчаковец.

– Травы сушёные, девку лечить буду.

– Да девку, поди, уже и не вылечить? Совсем, говорят, плоха. Ладно, иди. Дорогу найдёшь?

– В любых потьмах сыщу, – Арефа закинул лыжи на плечо и уверенно зашагал в село.

Дом Михаила Колесникова стоял в центре села, не богатый, но крестовый. Сам Михаил был мастером и в кузнечном деле, и замки наладить, и лошадь подковать – трудом жил хозяин.

Собаку перевели в сарай, оттуда она и гавкнула пару раз, так, с обидой, что лишили её родной конуры и работы. Арефа сразу заметил под навесом барскую плетёную кошёвку, в здешних местах таковых не имелось. Он вошёл во двор, но тут же из кошёвки поднялся солдатик с винтовкой наперевес:

– Чаво забыл? – грозно спросил он.

– Лекарь я местный, дочку вашего полковника призвали лечить.

– Стой, доложу. Как зовут?

– Скажи хозяевам, мол, Арефа пришёл.

Через минуту солдатик шумно скатился с высокого крыльца:

– Заходи, батя, тебя уже очень ждут.

В доме его встретил хозяин и его расторопная, но большезада я жена.

– Здрaвы будьте, люди добрые, Михаил и Авдотья Фёдоровна, – Арефа снял кудлатую шапку и поклонился хозяевам.

– Арефа, как кстати, а у нас тут деваха хворая, помоги.

– Для того и пришёл. Показывай болящую, спасать будем, – Арефа скинул тулуп, пимы. – Авдотьюшка, полей тёплой водички на руки, озябли слегка.

Помыв руки, Арефа вошёл сквозь штору в боковую комнату. На столе керосиновая лампа, справа кровать с больной, напротив молодой мужчина. Он встал, когда вошёл Арефа.

– Седайте, полковник, я пока огляжусь.

– Авдотья, сыми с девочки одеяло. Ну хорошо, будя, – остановил он старания Авдотьи. – Стой здесь.

– Она спит, – шепнула Авдотья.

– Она в обмороке, – Арефа нажал на что-то у виска девочки, та открыла глаза и чуть слышно позвала:

– Папа, ты где?

– Я здесь, доченька, это дедушка Арефа, местный доктор, он полечит тебя.

– Не беспокойся, детонька, я хороший, добрый и больно делать не умею, а вот спасти тебя от хвори смогу. Уже завтра будешь чай татарский с молоком пить и сказки Авдотьины слушать. Она такая говорунья, всех обговорит, обсудит, всё расскажет, и что было, и чего не было, да складно так.

Арефа начал обследование: посмотрел веки, язык, послушал пульс, простучал пальцами по грудной клетке, потом приложил ухо к спине. Расспросил о болях, уложил девочку обратно в кровать и начал прощупывать живот, спрашивая: «больно – не больно».

– Вот, – вынес заключение Арефа, – правое лёгкое задето, левое чистенькое, воспалён мочево́й и, видимо, всё родовое. Авдотья, дай крутого кипятку.

– Так нет кипятку! – всплеснула руками женщина.

– Так поставь на плиту, вон она у тебя аж докрасна топлёна.

Арефа достал из наплечной сумки, которую нёс под тулупом, мешочки с травами, какие-то бутылочки и стеклянный стаканчик.

– Здесь вода из моего чудесного родника, – он отлил немного из бутылки в стаканчик и продолжил рассказывать о своих делах: – А это горошки из сахара и волшебной серы. Мы бросаем их в стаканчик и ждём, когда они растворятся. А пока они растворяются, – Арефа по-

вернулся к полковнику, — пойдёмте, Матвей Иванович, разговоры разговаривать, а дитё пускай отдохнёт, устала она от нас.

Арефа накинул тулуп, влез в просторные валенки и вышел на крыльцо.

За ним послушно последовал полковник. Арефа некоторое время стоял молча и рассматривал темноту: чёрное небо протирали редкие рваные облака, то там, то там пробивались звёзды.

— Матвей Иванович, — обратился Арефа к полковнику, — девочку надобно оставить в Егоровке.

— Как же я её оставлю? Ты зачем это говоришь?! — Полковник схватил Арефу за грудки, и в это время из кошёвки выскочил солдатик, винтовка в его руках клацнула затвором. Полковник отпустил ворот Арефы и махнул солдатику: — Отставить!

Видно было, что полковник устал, он на взводе, что вся эта ситуация с отступлением под натиском Красной армии и тяжёлая болезнь дочери его сильно ослабили.

— Дочь полковника, дворянку! О чём ты говоришь, господин знахарь?! Как ты посмел такое даже предположить, что я могу дочь на утеху красным оставить?!

— Здесь понимать надо, Матвей Иванович, что не довезёте вы её до Томска, и не помогут вам тамошние лекари, слишком запустили. Воспаление лёгкого мы победим, есть у меня одно лекарство, за неделю справимся, а вот женские дела, там надо сражаться и бои будут трудными, постараюсь сделать, чтобы Сашенька выздоровела и потом ещё матерью могла стать, но организм у девочки очень ослаблен, вы её большую уже недели полторы как возите, а у неё боли адские.

— Уже две недели, старик, две! И без остановки, и как назло, то мороз, то вьюга!

— В твоих глазах, Матвей Иванович, печать смерти, — продолжил спокойно говорить Арефа. — Девочку оставь у Михаила и Авдотьи, они люди добрые, и никто твою дочь здесь не тронет. Поверь, даже пальцем не прикоснётся. Свои запасы хозяевам отдашь, чтобы на следую-

ший год ей домик справили, пускай поживёт, в школе учительствовать будет, а там жизнь покажет. Когда всё уляжется, ты, если живой останешься, будешь знать, где дочь искать.

Наступила настороженная тишина.

— Ты прав, старик! Ты жестоко прав! Три года назад я похоронил жену, потому дочь — это всё, что у меня осталось, понимаешь? — полковник замолчал. Казалось, что разговор окончен, но он вдруг спросил: — Почему ты так заботишься о ней?

— Я русский.

— И я русский, да что ж с того?! Русский! Кругом русские, да что-то света не видать. Замёрз я, пойдём в дом, — поёжился полковник.

Арефа посмотрел стаканчик на просвет.

— Лекарство наше растворилось, — заключил он, перелил содержимое в пустую бутылочку и несколько раз сильно встряхнул, потом отлил обратно чуток в стаканчик.

Девочке он дал выпить только глоток и предупредил, чтобы кто сдуру не отпил приготовленное лекарство. Никто ничего не сказал, только отец девочки удивлённо уставился на Арефу, на что Арефа его успокоил:

— Утром ей уже полегчает, а к обеду она кушать попросит. Я понимаю вас — дочка, а тут лекарь — лапоть деревенский, не понять что. Я, ваше благородие, успокою вас рассказом. В прошлом году я вернулся из германского плена, а там я работал в госпитале — «санитатвесен», сначала горшки носил, полы мыл, дрова колол, печь топил, скоро научился и говорить и писать по-немецки, память у меня хваткая, и тогда меня к хирургу прикрепили, помогать было некому. Хвалёная немецкая медицина на фронте совсем некудышняя была: грязь, клопы, мухи тучами и стрептоцид запрещён, одно слово — дурость, раны, чтоб не гноились, прижигали. А тут солдатика привезли с огнестрельным. Пожалел я его, совсем малец, и хирургу Хансу Келлену показал, как раны наши сибирские татары чистить умеют. С проколом или пулей, понимаешь ли, столько грязи попадает в рану, а нитки от одежды — это за-

всегда. Келлен с того разу меня зауважал, в дом к себе под лестницу переселил, и получил я доступ к библиотеке. Три года: госпиталь, лежак под лестницей и библиотека. Келлен только улыбался и по плечу хлопал – «гут», мол, хорошо. Там я читал великих докторов – Парацеллоса и Ганемана, потом доклад Тайлера из Америки, потом немцев Геринга, Беннингхаузена, русских Флиминга и Корсакова и всё о древней медицине подобия. Там же в госпитале практиковал вместе с Келленом. У нас были большие успехи. Келлен стал знаменитым врачом, он не хотел, чтобы я уехал в Россию. Вот эту медицину и пользую сейчас. Травками я всегда лечить умел, а тут такое подспорье. Видишь, сопит дитя, успокоилось. И мы давай подремим.

– Да, Арефа, – развёл руками полковник, – умеешь ты удивить. Умеешь. Такое в Сибири встретить! А я и впрямь, подумал, что шарлатан ты, а не знахарь. Но посмотрим, завтра, говоришь, полегчает?

Девочка действительно уже спала крепким сном, жар спал, со лба сняли прохладную влажную тряпочку, но каждые четыре часа Арефа просыпался, подходил к ней, приподнимал голову и давал глоток своего лекарства. Потом возвращался к печи, садился на маленькую скамеечку и задрёмывал, чтобы ровно через четыре часа подняться и поить больную своим снадобьем.

Утром девочка проснулась раньше всех и попросилась в уборную. Арефа растолкал Авдотью:

– Иди, дитя писать хочет, принеси ведёрко, поддержи её, чтоб не свалилась, меня-то она постесняется.

Девочка впервые за неделю помочилась без режущей боли в животе, легла в постель, а Авдотья унесла ведро. Полковник ушёл ещё затемно, приказал часовому никого из дома не выпускать, если что, то стрелять на поражение. Он это приказал так убедительно, что в доме все услышали его приказ. А в обед на кухню вышла Сашенька, в тёплом халатике, надетом поверх ночной рубашки. Она поправила волосы и поздоровалась:

– Здравствуйте, господа, – сказала она, а все засмеялись.

– Где ж ты тут господ-то увидела, Александра Матвеевна? Тут крестьяне все, да вот лекарь Арефа.

– Здравствуйте, доктор, – Сашенька подошла к Арефе и приобняла его.

– Доброе утро, ваша светлость. Как изволили почивать? Не душно ли было? Наша Авдотья Фёдоровна вечно уёму не знает: то мужа пилит, то гостей духотой морит.

– Доктор, – Сашенька расцвела улыбкой, – надобно знать русские поговорки, которые говорят, что жар костей не ломит.

– Верно, Александра Матвеевна, – уловил хитрость Арефа, – это вы Авдотью по вашей бабьей хитрости выручаете, но ещё говорят: «Жарко печь натопишь – угоришь, много зла накопишь – уморишь».

– Верно! – рассмеялась Сашенька, и вдруг распахнулась дверь, в горницу вошёл отец.

– Сашенька! Ты встала? Ты смеёшься?!

Сашенька кинулась к отцу:

– Папа, у меня ничего не болит! Доктор наш – волшебник, посмотрите, он на старца похож. А я кушать хочу.

– Ну всё, Авдотья, что есть в печи – всё на стол мечи, – хлопнул себя по коленям Арефа. И обратился к девушке: – Но, Сашенька, здоровье ваше обманчиво, мы только боли сняли, а воспаление недельку-другую лечить будем. Я оставлю снадобья, всё расскажу, что да как принимать, а потом приду и проверю, и дам своё волшебное заключение.

– Садись, доченька, к столу. Авдотья, накрывай! А я сейчас приду, – распорядился полковник и поманил Арефу. – Пойдём, поговорить надо.

Всё повторилось, как вчерашним вечером. Дед накинул тулуп, вошёл в пимы и ступил на крыльцо. Полковник курил.

– Сколько я вам должен, любезный? – спросил он и полез в карман.

– Не обижайте старика, ваше благородие, я не за деньгами пришёл, душа позвала.

– Кто ты, Арефий? – вдруг засомневался полковник.

Арефа задрал голову и оглядел небо.

– Глянь, ваше благородие, небо как будто вымыло.

– И всё-таки, я пытаюсь понять и не могу, что в тебе не так?

– Русский я, с ног до головы, самошный, без подмены, истовый, если хотите! Матвей Иванович, вслушайтесь в мои слова и не ищите во мне красного цвета. Я русский, то есть русский, иначе говоря – светлый, не красный и не белый, а светлый, и свет этот у русского человека не на флаге, а в душе. Есть свет в душе – значит, русский, нет света – значит, тёмный, ничей, любой угол твой, но не русский.

Полковник откинул папироску далеко в снег.

– Деньги хозяевам, как ты сказал, я сейчас отдам, но с тебя взыщу, если что не так, и тогда не пожалею, из-под земли найду, даже если сам под землёй буду. Через час выступаем, ты нас поведёшь. Я пойду по твоему следу, не подведи. Людей хочу сохранить, пусть по хуторам расходятся. А на мне печать смерти, это я и без тебя знаю.

Полковник резко развернул к себе Арефу:

– Только дочь мою спаси! Очень прошу!

– Обещаю! – ответил Арефа, глядя в суровые глаза полковника. – Проведу без крови и дочку спасу.

Обнял его Матвей Иванович крепко-крепко, потом отпустил и, не глядя на Арефу, вошёл в избу.

Конный отряд верхом и на санях длинной вереницей растянулся по ровному полю, колчаковцы уходили от наступающих частей Красной армии. Дозор шёл по следу, оставленному лыжами Арефы, и все путались в догадках, что за огромные волчьи следы шли рядом с лыжнёй.

Арефа стоял на своих камусовых широченных лыжах, а Белый волк тянул его за верёвку с лёгкостью и даже каким-то весёлым азартом. Мимо проплывали дома хуторов Бондаренко, Стенякова, Андриенко, Наркелёва, Шелудова, Пруска, Протоковиха, Мэтба – это всё по правую руку, а по левую: Гондатенко, Зволинёнок, Вигиринский, Подпадок, Войтович. Потом появилась деревня Икса и ещё Казаковская, Еловый Падун, Могилёвская, Калинкин Падун, Елизарово и так бессчётно: через версту – либо деревня, либо хутор.

На въезде в Кунчурук колчаковцев ждал Арефа. Он стоял на обочине дороги, лыжи рядом воткнуты в сугроб. Старик с удовлетворением заметил, что отряд поредел больше чем вполовину.

— Ваше благородие, — первым обратился дед Арефа к полковнику, восседавшему на сивом коне, — сия деревня называется Кунчурук. В двухэтажном доме живут Родченко — местные купцы, лесом торгуют, у них и бычок найдётся на съедение. А для ваших бойцов места по домам всем хватит, отдохнёте пару дней, и местные мужики выведут вас напрямиком на Томск. По пути будет Большечёрная, туда лучше не заходить. Да, пусть мужики не шалят, не обижают местных, на мне ответственность, моё поручительство.

Полковник спрыгнул с лошади, передал уздечку вестовому, подошёл к Арефе.

— Ты быстро бегаешь на лыжах, догнать не могли. И откуда такая сила у старика? Точно, ты — колдун. Я всё пытаюсь понять, кто же ты на самом деле? Знахарь, ведун или сам сатана?

— Да что вы, Матвей Иванович, так всё и сразу на одного старика, право, даже для нашего лихого времени взяли чересчур. Я просто человек, вот и всё. Возвращаюсь я теперь обратно в Егоровку, Сашенька меня ждёт, обещал скоро вернуться. Слово данное зовёт в дорогу.

— Так, может, отдохнёшь? Ты же вёрст тридцать отмахал!

— Благодарствую. Некогда. Да и есть кому меня возить, у меня свой конь, — Арефа махнул рукой куда-то в сторону, и вдруг все увидели огромного Белого волка, смиренно сидящего под далёкой берёзой.

Дед Арефа надел лыжи и пошёл напрямиком по полю, и Белый встал во весь рост и шагнул навстречу старику.

— Человек! Вы слышали? — обратился полковник к столпившимся солдатам и офицерам. — Он просто человек!

— Будь я трижды проклят, но так не бывает! — сказал кто-то из офицеров.

— Не спеши клясть себя, как видишь, бывает, — поправил его полковник.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

1. Александра Матвеевна Заикина – дворянка, во время отступления колчаковских войск в декабре 1919 года была оставлена отцом, полковником царской армии, в селе Егоровское, на попечение деревенских знахарей. Прожила в Егоровке всю жизнь, работала учителем, двенадцать лет директором. Вышла замуж за местного хорошего и доброго парня, детей не имела. Умерла в 1967 году. Похоронена в Егоровке. Память о ней бережно хранят односельчане. Отца она больше никогда не видела.

2. Отряд колчаковцев пришёл в село Кунчурук в середине декабря 1919 года. Разместился полковник в двухэтажном доме переселенца из-под Киева Родченко Никандра Никандровича, многодетного отца (восемь детей: семь мальчиков, одна дочь), вальщика и торговца лесом. Отдыхали два дня, слушали хозяйский граммофон на всю деревню, съели двух быков, много мяса взяли про запас. Выпили вместе с местными мужиками весь самогон, никого не обидели, рассчитались за всё выпитое и съеденное. Гуляли как в последний раз, для многих так и случилось. Перед отъездом отряда дочери гостеприимного хозяина, очень красивой девушке Марии шестнадцати лет, подарили скатерть белую, вязаную, в благодарность за гостеприимство.

Позже Родченко раскулачили, но не сослали, как тогда говорили, «за болото», потому что многочисленные его родственники воевали как за красных, так и за белых, а дом разобрали и увезли в Болотное, в этом доме до 1975 года располагался исполком районного Совета народных депутатов.

3. Понятие «русский» не этническое, а духовное, потому что является как часть речи не существительным, а прилагательным, и отвечает на вопрос «какой?», то есть – русский. Это уникальная особенность русской цивилизации, у которой духовное достоинство важнее этнического чистокровия. Именно такой древний подход стал причиной образования многонационального русского народа, а в государственном строительстве Россия стала единственной страной действительно братских народов.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Гражданская война между белыми и красными, кажется, закончилась в 1922 году, но, что удивительно, продолжается и до сегодняшнего дня. В начале века срывали кресты с храмов, а теперь на памятниках коммунарам вместо спиленных звёздочек кресты устанавливают. А теперь ещё при нашем общем попустительстве дали захватить власть на Украине фашистам и теперь в гражданском огне гибнут не фашисты, те по кабинетам прячутся, а на убой гонят наших братьев – славян. Как отделить Киев от Москвы, если Киев мать городов русских?

Деревенский старец-знахарь знает цену гражданской войне и старается спасти людей: не только заболевшую девочку колчаковского полковника, но и самих колчаковцев, и тех красных бойцов, которые противостоят им. Старик бережёт всякую жизнь, потому что он знает цену этой жизни. А мы знаем цену своей жизни? Наверное, да. А цену русского человека, а цену русского украинца, а цену русского белоруса? Разве у них кровь иная? Разве их кровь не кровь наших славных предков? Разве кто-то из них может сражаться менее доблестно? Они все русские, а потому и не только предки у нас общие, но и культура, и дух, и сила, и судьба!

Остался без ответа один вопрос: когда же мы наконец научимся беречь жизнь своих братьев?

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. О каких событиях истории нашей страны идёт речь в рассказе «Братская кровь»?
2. Как вы считаете, почему рассказ назван именно так?
3. Составьте словосочетания со словом «братский». Что их объединяет?

4. Найдите в рассказе повествование Арефы о том, как он познал знахарское дело.
5. Пользуясь толковыми словарями, определите значения слов и выражений: милосердие, сострадание, забота о слабых, милостыня, ближний, любовь к врагам, взаимопомощь, гражданский мир.
6. Уместны ли на войне милосердие и сострадание?
7. Кто такой брат? Тот, кого родила мама, или нечто иное?
8. Что такое семья? Это только мама, папа, братья и сёстры или что-то большее?
9. Большие государства – всегда властелины, а малые – марионетки? Сильный – всегда господин, а слабый – раб?
10. Может ли человек жить без войн? Разве стоит считать войну смыслом жизни мужчины? Разделяете ли вы точку зрения Л.Н. Толстого: «Чтобы поверить в добро, люди должны начать делать его»? Актуальны ли эти слова сегодня?
11. Что значит быть «просто человеком»?
12. В чём заключается сила Арефы?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Найдите значение слова «человек» в словарях, объясните его происхождение.
2. Встречались ли вам в жизни или литературе похожие на Арефу люди? Расскажите о них своим одноклассникам.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ

1. Напишите сочинение-эссе на тему Гражданской войны.
2. Найдите информацию о количестве жертв во время Гражданской войны 1918–1922 годов.

гл. 22

Слепой дождь

Дед Арефа уже было ступил за порог универмага, как пошёл дождь. Светило июньское жаркое солнце, на небе ни облачка, а весь центр Болотного: и сквер Пушкина, и Чайную, и гостиницу, и даже кинотеатр «Юбилейный», — заливал тёплый дождь. Он лил прямо и плотно, лужи скоро набрались, запузырились и потекли ручейки. Люди, успевшие сделать покупки, и те, кто удовлетворил любопытство, уже теснились в широких дверях универмага, не решаясь ступить под дождь. Грузный мужчина в пиджаке посетовал:

— Погода испортилась, экая жалость, надолго, наверное, вон и пузыри поплыли.

— Это слепой дождь, — ответила ему миловидная женщина с розовой сумочкой на локте.

— Мама, — удивилась девочка, подёргав маму за рукав, — а разве у дождя бывают глаза?

— Бывают, — ответил за маму Арефа. — Разве можно без глаз плакать, особенно вот такими тёплыми и сладкими слезами?

Он снял лапти и шагнул под дождь.

— А что, лапти входят в моду? — удивился мужчина в пёстрой футболке.

— Не знаю, — ответил Арефа, — они у меня всегда в ходу.

— Посмотрите! На небе ни облачка, а дождь идёт! — заметила мама девочки.

— Так он же слепой, откуда ему знать, что на небе пусто! — засмеялся мужчина в пиджаке.

– Вот видите, как течёт время? – Арефа потыкал свою походной палкой в ручей под ногами. – Ты идёшь, идёшь, а время течёт и течёт.

Маленькая девочка, пока мама рассматривала голубое небо, сняла сандалики и встала около Арефы в прозрачную воду.

– Смотри, мама! Через мои ноги тоже течёт время!

– Доченька, кто тебе разрешил мочить ноги?

Мать девочки не успела больше ничего сказать, потому что в эту же лужу решительно ступили юноша и девушка, они были босиком и держались за руки.

Молодые люди подставили дождю свои счастливые лица, маленькая девочка ловила капли дождя руками, а по белым волосам Арефы дождь стекал тонкими и тёплыми струйками,

– Я тоже хочу, – сказал грузный мужчина в пиджаке, скинул ботинки и прямо в бежевых носках ступил в лужу, – через мои ноги протекло уже пятьдесят семь лет!

– А через мои – пять!

– А через наши – сорок, потому что мы вместе!

– Вы знаете, это какое-то сумасшествие, конечно, но я тоже хочу в лужу! – не удержался модный мужчина в пёстрой футболке и шагнул под дождь.

– А через мои – восемьсот, хоть я и один.

– Так это же Арефа-колдун, – сказал кто-то из дверей универмага.

– Да, Арефа, но он не колдун, а волшебный сказочник! – улыbnулась старику молодая женщина с розовой сумочкой.

– Дедушка, подари мне сказку, – попросила девочка.

– Ты в сказке, доченька! Посмотри, какой волшебный и тёплый дождь, какие прозрачные лужи, как они чудесно сверкают на солнце, и смотри, сколько счастливых людей вокруг тебя!

И вдруг все, кто ещё оставался в дверях универмага, хлынули на улицу, под дождь, кто в обуви, а больше – босиком. А дождь лил и лил, а солнце лилось и лилось, а люди смеялись и топали по тёплым лужам, и каждый признавался, сколько лет протекло через его ноги.

Продавцы универмага смотрели через огромные окна на танцующих покупателей и улыбались.

– Нас Арефа заколдовал, – засмеялась влюблённая пара.

– Нет, друзья, это слепой дождь открыл нам наши слепые глаза! – Молодая женщина танцевала, притопывая по воде и размахивая свою розовую сумочкой.

Потом мама забрала девочку, и они пошли под слепым дождём к себе домой, и молодая пара, так и не разомкнув рук, побрела своей дорогой. А дождь вдруг кончился, оставив на асфальте лужи и ручьи. Он ушёл, потому что увидел много счастливых людей, и не стал им мешать радоваться теплу и солнцу.

Скоро около универмага остался один Арефа, он повесил свои лапти на палку, которую привычно закинул на плечо, и пошёл домой.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Почему, читая художественные произведения, большинство людей пропускают описания природы как что-то малоинтересное и незначительное?

Общеизвестно, что человек — часть природы, что он одновременно является и её продуктом, и её творцом, созидателем. Однако наш современник часто не замечает её красоты, как правило, проявляет рациональное отношение к природе, выступает по отношению к своей «матери» как потребитель. Слепой дождь в рассказе отсылает к образу ослепшего человечества. В старину про такой дождь говорили, что это «царевнины слёзы». Царевна плачет, и тучи не закрывают солнце. Капли дождя блестят в его лучах. Это слёзы чистой, прекрасной девичьей души. Как здорово босиком в такой дождь бегать по тёплым пузырящимся лужам и всем телом ощущать своё единство с миром! Такие редкие и чудесные минуты счастья... Как жаль, что люди с возрастом теряют это ощущение единства с матерью-природой.

К сожалению, мы видим только то, что нравится, и слышим — что хотим слышать. Чужое мнение часто у нас вызывает раздражение, а чужое творчество — эстетический кризис. Надо признать этот тезис уже ради того, чтобы быть честным самим перед собой.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Почему в сказки верят старики и дети? Почему только девочка сразу нашла общий язык с дедом Арефой и не считает его колдуном?
2. Что такое лапти, как их плели, из чего?
3. Попадали ли вы под слепой дождь и не боитесь ли вымокнуть до нитки?
4. Почему дождь смог преобразить город и горожан?
5. Что прекрасного есть в дожде?
6. В чём смысл слепого дождя в рассказе?

Практические задания

1. Как вы думаете, каким увидели герои рассказа мир после дождя? Нарисуйте этот мир. Устройте в классе выставку рисунков.
2. Сочините вместе с родителями (друзьями) сказку о слепом дожде и девичьих слёзах. Прочтите её в классе.

гл. 23

Снегопад

Стыдно сказать, но нас опять обманули синоптики. Именно сегодня они обещали зимний и абсолютно солнечный день с лёгким пощипывающим морозцем, который, будто художник, умеет раскрашивать щёки скромных девиц. Но обманули! Мороза не случилось, а напротив, какая-то неведомая сила притащила на крышу нашего дома огромную тучу. Дед Анисим, наш дворник и по совместительству ворчун, неодобрительно посмотрел в небо и почесал зимнюю шапку.

— Эко принесло! А? Привалило счастье, здрасти вам!

Затишье длилось недолго, снег повалил разом и вдруг. Но это была не просто какая-то там пурга, нет, это огромные снежинки сплошным ливневым потоком устремились в наш двор.

«Шир-шир, шир-шир», — раздражённо заскрёб лопатой дед Анисим у соседнего подъезда.

Дедовы усилия будто ещё пуще раздражили непогоду, казалось, что там, на небе, не просто тёмное от тяжести облако, а какой-то швейный цех по пошиву пуховых подушек, в котором сидела дюжина вредных старушек, взбивала снежный пух и подушками кидала, метаясь непременно и точно в голову деда Анисима. Даже было слышно, как подушки приземляются в сугробы: «Бух-бух! Бух-бух!»

«Шир-шир», — отвечала упрямая лопата несговорчивого дворника.

Недалеко от подъезда остановился наш давний сосед со своею нерасторпной женой.

— Хорошо! — восторженно произнес он. — Красиво-то как!

— Чего?! — обиженно удивился дед Анисим.

– Здравствуйте, – смутился счастливый сосед, – погода, говорю, как испортилась-то! – И показал в сторону детей, которые плескались в снегу, как в пенистом и тёплом южном море. – А детишкам радость.

– Кому это? – дед сорвал с себя шапку и несколько раз хлопнул по колену, сбивая налипший сырой снег.

– Я за лопатой, помогу вам горку для детей сделать, – пообещал сосед.

– Ну да, конечно, – пробурчал дед Анисим, – прибирай потом за ними.

И продолжил свою дворническую песню:

– Шир-шир! Шир-шир!

А старушки-рукодельницы не унывали и мстили деду будто за всю свою загубленную молодость и за все дедовы прихоти, а главное – за вредность. Подушки со снегом падали вызывающе нагло и громко: «Бух-бух! Бух-бух!»

Во двор забежал огромный пятнистый дог, остановился на миг у сугроба, окропил его.

– Гектор! Стой, собака! – позвал кто-то с мольбой и угрозой. – Гад! Ну придёшь домой!

Гектор укусил сугроб и так же неспешно, чтобы не потерялась хозяйка, побежал доводить до конца задуманное им дело.

Плюнул дед в сердцах и пошёл домой. Хлопнула за ним подъездная дверь, а снег прекратился: будто и впрямь отвели душу небесные старушки, насладились скандалом, победили бойца и на обед пошли.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Как прекрасен наш мир, какие удивительные люди окружают нас! И в этой маленькой зарисовке изображён прекрасный мир людей и живой природы. **Когда же потеряли мы способность жить в единстве с прекрасным: небом, землёю, людьми, животными? А я отвечу:**

наверное, когда решили, что мы выше окружающего нас мира, что мы – венец, избранные существа в природе.

Мы слабеем, когда нарушаем закон природы. А нравственный закон разве не есть закон природы человека? Вот почему так мудро звучат слова великого Льва Николаевича Толстого: «В безнравственном обществе все изобретения, увеличивающие власть человека над природою, – не только не благо, но несомненное и очевидное зло».

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Почему ворчал дед Анисим?
2. Почему молодой сосед пытался угодить дворнику?
3. Важно ли нам иметь своё мнение и всегда ли нужно его высказывать?
4. Доводилось ли вам лепить снеговика? Какие чувства вы испытывали при этом?
5. Пробовали ли вы самостоятельно «чистить снег» и в чем смысловая ошибка этого выражения?
6. Почему одни радуются снегу, а другие огорчаются?
Кому снегопад – радость, а кому – проблема?

Практические задания

1. Найди сходство рассказа «Снегопад» и сказки.
2. Напиши свою сказку «И рады мы проказам матушки зимы».

Гл. 24

Погоня

Мой вороной конь, которого я полюбил за безупречный дегтярный отлив, ступил на хлипкий мостик через речку Болотную. Сегодня солнце припекало особенно нежно. Кажется, что ещё совсем недавно было весеннее равноденствие, но обильное тепло, будто прорвав ледяную плотину, хлынуло в древний Бор, растопило стужу сугробов, развеселило округу юркими ручьями, похожими на проворных змей, которые, переливаясь на солнце серебром чешуи, устремились к своей мамке — речке Болотной. Изумрудная зелень на открытых косогорах дохнула ароматной свежестью и поманила сизый взгляд моего скакуна. Вороной ступал осторожно, но уверенно, лоснящиеся бока подрагивали бугристыми мышцами, в них закипала и бурлила безудержная сила, готовая вырваться наружу в неистовом скаку.

— Сейчас поиграем, — пообещал я Вороному и погладил его горячую шею.

За высоким сухим камышом начиналась родниковая пойма, уходящая в царство сосновых великанов. На поляне, окружённой соснами, отдыхал небольшой отряд иуштинцев-разведчиков томского князя Таяна. Моё появление для них стало полной неожиданностью. И я, издав соколиный клёкот, ударил Вороного по бокам. Он будто ждал этого и молнией взлетел по тропе вглубь царственного Бора. Южный косогор был уже чист, но в тени леса ещё местами хранился снег, а на открытых для солнца полянах лоснилась грязь. Как я и рассчитывал, отряд кинулся мне вдогонку. Люблю эти игры, но я всё-таки берег Вороного — лёд под грязным снегом мог повредить ногу скакуна. Сонный лес наполнился топотом и воинственным гиканьем всадников. Скоро началась

холмистая местность, я свернул в укрытие. А мимо меня в предвкушении лёгкой добычи сломя голову промчалась незадачливая ватага.

Я вышел из укрытия и повернул обратно, я ехал неспешно, понимая, что сейчас мои преследователи ищут вдруг исчезнувший след Вороного. Я вернулся на место стоянки, распряг коня и отпустил на вольный берег пощипать молодой травы. Костёр прогорел, мясо томилось, и я подкинул несколько коряг в угли, и только потом уселся на любимое место под сосной — на корневище великана.

Скоро послышались шаги печального отряда, их было пять всадников. Они обступили меня. Я встал, приложил руку к груди, поклонился и сказал:

— Приветствую вас, доблестные воины Таяна!

Всадники молча спешили. Подозрительно оглядели меня.

— Ты уже понял, что смерть настигла тебя? — разозлённый бесплодной погоней, спросил один из них.

— Сегодня не день моей смерти... — но я не успел договорить.

— Врёшь, рус! — ко мне кинулся ещё совсем юноша, почти мальчик. Он замахнулся, чтобы посечь меня саблей, и закричал: — Сдохни, собака!

Я отступил в сторону, юноша промахнулся и, влекомый необузданным порывом, угодил в разгоревшийся костёр, над которым кипела шурпа.

— Здравствуй, Байгул, ты обещал, что меня будет чтить твой род, но твой внук только что пытался меня убить. Я — Арефа. Ты меня не узнал, а я сразу узнал след на твоей шее от стрелы хана Кучума.

— Ты — Арефа?!

— Да, — я склонил голову, — твой спаситель и друг!

— Ипташлар! — Байгул поднял руку вверх, привлекая внимание своих друзей. — Я рассказывал вам о своём чудесном исцелении, прошу принять Арефу как друга нашего рода.

Он обнял меня и задал вопрос, который сейчас мучал всех его друзей:

— Дорогой друг, зачем ты заставил нас гоняться за тобой по лесу?

– Я спасал вас.

– Спасал? От кого?!

– От вашего легкомыслия. Когда в следующий раз вы вновь отправитесь в разведку, то выставленный вами дозор спасёт ваши жизни.

– Бабау! Почему ты веришь этому человеку? – вскричал юноша, сжимая пораненную огнём руку.

Я повернулся к молодому человеку:

– Ты молод и горяч! Убивать человека только за то, что тебе понравился его конь, – это преступление перед Богом. Но только умный человек способен осознать свой глупый поступок, и только войско с безупречной дисциплиной имеет надежду на победу, и только люди, научившиеся ценить чужую жизнь, будут жить вечно.

Юноша удивлённо посмотрел на меня и, смутившись, отошёл прочь.

– Арефа подарил мне жизнь, когда я уже потерял её. Уйди прочь! – гортанным криком приказал Байгул юноше и повернулся ко мне. – Прости его, достопочтенный Арефа, присядь с нами и отведай нашей пищи.

– Почту за честь, – ответил я, достал из походного мешка деревянную чашку, ложку и лепёшку, сдобренную молодой зеленью.

Мне как гостю первому налили шурпу. Я оставил пищу остывать, а сам спустился к речке, сорвал несколько пучков лесного чеснока и мясисто-зелёные листья окопника. Я положил сочный чеснок и лепёшку на общий стол.

– Байгул, верни юношу, – попросил я.

– Он наказан.

– Но тебя просит твой гость.

– Кубаш! – позвал дед. – Арефа простил тебя.

– Юноша, возьми шурпу и приди ко мне. Да перестань дуться, покажи свою рану.

Юноша закатал рукав камзола, на запястье обозначился крупный волдырь от ожога. Когда юноша падал, то задел казан, и немного горячей жирной пищи выплеснулось ему на запястье.

– Это особая трава, – я подал ему лист окопника, – разжуй хорошо и приложи зелёную кашицу к ране. Как только боль пройдёт, садись кушать. Вот тебе ещё один лист, его разжжёшь и приложишь вечером. Рану не заматывай, пусть дышит – закрытый ожог гниёт.

Шурпа получилась отменная, молодые воины ещё бегали к реке за чесноком, немного ожили, прошло напряжение и обида на меня.

– Арефа, – осмелился спросить молодой воин, – а с чего ты взял, что Кубаш решил убить тебя из-за твоего Вороного?

– Настоящий иуштинец любит красивых лошадей. Вы не стали стрелять по мне из луков, потому что каждый из вас уже представил себя на моём скакуне.

– Откуда знаешь? – удивился Кубаш. Он был так чистосердечен и искренен в своем удивлении, что дружный хохот потряс поляну.

– Я давно живу, юноша, уже много веков. Я много знаю, но ещё больше видел.

– Арефа, – осмелели и прочие воины, – зачем так долго живёшь?

– Поверьте, долгая жизнь – тяжёлая ноша, но я должен понять и потом рассказать, как можно людям стать счастливыми. Таков мой удел, такова моя судьба.

– Ты знаешь, как стать богатым?

– Не называй богатую добычу счастьем. Пока люди не хотят становиться счастливыми, и произойдёт это очень нескоро.

– Но ведь это случится?! – обрадовался Кубаш.

– Да, юноша, обязательно, но до этого человек совершит много зла, прежде чем поймёт, что счастье – это не богатая добыча, а богатая любовью душа – матери, отца, близких людей и тех, кого ты никогда не видел.

– Но что же такое счастье, если не богатства всего мира? И что толку с моей доброты в бою? И справедливость лишает тебя достатка!

– Я открою тебе ещё одну тайну: зло никогда долго не держит победу, а злой человек не бывает богат. Сейчас тебе это трудно понять, потому что кругом иные примеры, но запомни: настоящее

счастье – это когда, встретив хорошего человека, ты захочешь ему подарить то, что тебе дорого.

– Мудрёно говоришь, нам не понять, – вслух сказал свою мысль Байгул.

– Скоро поймёшь, – пообещал я, – уже сегодня.

– Ладно, мудрый Арефа, – Байгул хитро улыбнулся, будто задумал какой подвох. – Допустим, я встретил хорошего человека и подарил ему то, что мне дорого. Но я сделал только одного человека счастливым, а кто сделает счастливыми всех людей? А кто сделает счастливым меня?

– Мужчины, настоящие герои.

– Как Чингисхан? – обрадовался Кубаш.

– Нет, как Бог.

– Но человек не может стать Богом.

– Напротив, друзья мои: человек должен стать Богом и уподобиться Богу в сотворении справедливого и прекрасного мира.

– А женщины?

– Счастье женщин зависит от мужчин.

– Ты что-то говоришь не то, уважаемый мудрец, – засмеялся один из воинов. – Но где мне увидеть Бога, чтобы походить на Него?

– Бог вокруг тебя. Земля тебя кормит, трава лечит, красота утешает, вода в реке даёт влагу, огонь согревает, ветер освежает твоё лицо, Солнце и Луна освещают твой путь, птица услаждает твой слух. Что ты сделал для того, чтобы получить для себя это счастье? Так и ты отдавай, как Бог отдаёт, отдавай, что можешь отдать, и береги то, что имеешь.

– Но чтобы мои боги были милостивы ко мне, я приношу им жертву.

– Жертву ты приносишь шаману, не надо его путать с Богом, а твоя жертва Богу – любовь к людям. Что ты дал Богу, чтобы родиться и видеть своих любимых людей и окружающий мир? Будь как Бог, дари любовь, и мир будет прекрасен.

– Но кругом враги! Они готовы забрать у тебя и женщин, и скот, и землю, на которой ты живёшь!

– Защищай свою любовь, будь настоящим мужчиной, и тогда твои жёны и дети будут тоже счастливы.

Я встал и, поклонившись, приложил руку к груди:

– Мне пора, друзья. На прощание скажу, что во владения славного князца Таяна долго не придёт враг. Телеуты только что прогнали чёрных калмыков и залечивают раны. На западе появился отряд русов, и хан Кучум теперь занят войною с ними. До первых морозов в ваших улусах будет мир.

Я позвал Вороного. Мой верный скакун подошёл ко мне, ткнулся в плечо, из его лилового глаза выкатилась слеза.

– Твой конь плачет? – удивились воины.

– Да, мой конь плачет перед разлукой. Кубаш, у тебя не очень молодая кобыла, но ведь и я не молод, и если ты не будешь против, ошастливь старика, прими от меня Вороного, а мне отдай свою лошадь.

Кубаш, онемевший, стоял и смотрел то на Вороного, то на меня, не в силах произнести ни слова, не веря своему счастью. Он молча принял от меня поводок и оглянулся на своего деда.

– Спасибо, Арефа, – склонил голову старый воин Байгул, – я понял, что такое счастье.

– И что ты понял, мудрый Байгул?

– Счастье – это когда ты успел встретить Бога на земле и увидеть Его среди простых людей.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

--- --

В этой главе поднят очень сложный вопрос отношения человека и Бога. Хочу обратить ваше внимание на то, как интересно объясняет мудрый старик связь человека и Создателя. Он не возвышает Его, а делает равным с единственной оговоркой, что Создатель являет собой пример для подражания: всё в Его мире едино и принадлежит всем, а от того и ответственность на человеке такая же, как на Создателе, – быть подобным по щедрости, справедливости и совести.

Тысячу лет нам говорили только одно: что нельзя делать. Конечно, запреты были придуманы не для того, чтобы унижить человека, но чтобы спасти его от скотства. Однако на этих запретах, произносимых сотни лет, родилось рабство души, и они обросли тысячами «нельзя». Всё регламентировали запретами, даже те места, в которые и заглядывать уже грех. Сегодня люди устали от этого рабства, они его боятся и бегут прочь.

Именно в этой ситуации зло преуспело в усложнении добра и сделало его столь сложным, что добро теперь кажется людям омерзительным, они начали смеяться над добром и презирать его!

Жить подобно Богу на земле очень сложно, на этом пути много препятствий, искушений, иной раз непреодолимой силы, но счастлив тот, кто смог даже не стать, а только лишь встретить такого человека, который поможет разглядеть свет правды и справедливости.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Рассказ, который вы прочитаете, называется «Погоня». Как вы думаете, о чём будет рассказ? Какие герои могут быть в нём?
2. Прочитав рассказ, вы догадались, что слово «погоня» в данном случае предполагает нравственные ценности жизни, их переосмысление, переоценку. Возможно, вы слышали: погоня за любовью, погоня за выгодой, за упущенными возможностями, за удовольствием. Продолжите ряд словосочетаний со словом «погоня», опираясь на содержание рассказа.
3. Найдите в тексте диалог Арефы и Кубаша о том, как можно людям стать счастливыми. Прочитайте его по ролям.
4. Что ответил Арефа, когда один из воинов задал ему вопрос: «Но где мне увидеть Бога, чтобы походить на Него?» Найдите и зачитайте ответ Арефы.

5. Прочитайте сцену прощания деда Арефы со слов: «Я позвал Вороного. Мой верный скакун подошёл ко мне, ткнулся в плечо, из его лилового глаза выкатилась слеза». Какие качества проявил старец, обменявшись конями?
6. Как понимаете, что такое «обретение счастья», «самопожертвование»? Почему из глаз Вороного выкатилась слеза?
7. Как вы думаете, будет ли Вороной счастлив с новым хозяином?
8. Как вы понимаете слова Арефы: «осчастливь старика, прими от меня Вороного, а мне отдай свою лошадь»?
9. В чём счастье деда Арефы?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. «Счастье — это когда ты успел встретить Бога на земле и увидеть Его среди простых людей», — понимает старый воин Байгул. Порассуждайте и вы на эту тему в своём эссе.
2. Найдите в тексте рассказа афоризмы деда Арефы. Согласны ли вы с ними?
3. Подберите аргументы, подтверждающие или опровергающие смысл афоризмов, в зависимости от вашего мнения.

гл. 25

СОЛНЕЧНЫЙ МАЛЬЧИК

Жил-был мальчик с тоненькими ручками и ножками, маленьким бледным лицом и большими голубыми глазами — необычными глазами. Всякий, кто решался заглянуть в них, видел свою душу. Говорят, что один мясник увидел вместо своего отражения безобразную жабу. Вот такие совершенно удивительные глаза.

У мальчика была тележка, на которой стоял короб, это что-то похожее на большое ведро, только плетёное из тонких прутьев и с крышкой. Мальчик катал тележку по городу и слабым, но достаточно звонким голосом выкрикивал:

— Солнечный лучик! Солнечный лучик!

Люди пожимали плечами, удивляясь, кому нужен Солнечный лучик, да и зачем он нужен, если над городом не появляется Солнце. Да, в городе давно установилось серое утро, а может быть, вечер. Просто никто уже не помнил, когда ушло Солнце, утром или вечером.

Люди расступались, пропуская мальчика, кто-то с удивлением и интересом провожал его взглядом, кто-то вертел пальцем у виска, мол, сумасшедший.

— Солнечный лучик! — выкрикивал мальчик, и только маленькие колёсики его тележки поскрипывали в ответ.

Однажды он повстречался на улице с другим мальчиком, который возил тележку с большой кастрюлей и выкрикивал: «Горячие сосиски! Горячие сосиски!»

— Покажи свой Лучик, — попросил сын повара, — я дам тебе сосиску.

— Нет. Нельзя.

– Отчего же нельзя? Вот у меня сочные сосиски. – Он приподнял крышку кастрюли, оттуда повалил пар, и мальчик ловко выловил горячую розовую сосиску.

– Я не могу показать свой Лучик, – ответил мальчик, – ещё не время, он может погибнуть. Над городом так давно не было Солнца.

– Так зачем же ты кричишь о своём Солнечном лучике, если его не то что продать, а и увидеть нельзя.

– Сосисок в городе много, а Лучик один. И люди должны помнить о том, что когда-то было Солнце.

– Глупец ты, братец! – сказал мужик, подслушавший разговор мальчиков. – Кому это нужно – знать про твой Лучик и помнить о том, чего давно нет.

Мужик купил сосиску, и тут же принялся с аппетитом её поедать. Он не заметил, как в голубых глазах мальчика отразился пень. Да-да, обычный пень, каких много встречается в лесу.

Трудно сказать, сколько прошло времени с той встречи, ведь Солнце не появлялось над городом, и никто не знал, когда начинается и кончается день. Ох и бестолковая жизнь была в этом городе: ни дня, ни ночи. Одни просыпаются, идут в булочную, а там спать легли. Вот такая неразбериха: кто в лес, кто по дрова.

Но каждое утро появлялся мальчик с Солнечным лучиком. Он бродил по городу и выкрикивал:

– Солнечный лучик! Солнечный лучик!

Люди начали привыкать к нему, а потом и задумываться: «Неспроста в городе появился этот мальчик». А самые смелые решались заглянуть в его глаза.

Никто и не скажет теперь, кто первым назвал его Солнечным мальчиком. Больше того, люди стали просыпаться в тот час, когда Солнечный мальчик начинал бродить по городу и выкрикивать, как заклинание, свои слова. Но с некоторых пор жизнь в городе начала налаживаться, люди научились просыпаться в один и тот же час.

И вот молва о Солнечном мальчике дошла до самого Царя. Царь был злым человеком, а как услышал о мальчике, который научил город

просыпаться в один час, совсем рассвирепел. И решил, чтобы другим было неповадно, разделаться с ним, и не тайком – в комнате пыток, а принародно, чтобы люди не забывали, что такое страх.

И когда мальчик вышел на городскую площадь, где всегда было много народа, его вдруг окружили всадники на крупных храпящих лошадях, охранники Царя, а потом появился сам Царь. Он сидел на троне, и четыре здоровенных раба тащили этот трон на своих плечах. Трон опустили на землю, и Царь уставился на мальчика злыми глазами. Люди столпились вокруг, перешёптывались, с тревогой наблюдая за Царём и Солнечным мальчиком.

– Что в твоём коробе? – грозно спросил Царь.

– Солнечный лучик, – ответил мальчик.

Он произнёс эти слова так твёрдо и уверенно, что люди впервые не усомнились в них.

Царь встал.

– Открой, – приказал он, посмотрел мальчику в глаза и расхохотался. – Кто лгал мне, что этот щенок обладает чудесными глазами! Вот я смотрю в его глаза и ничего не вижу.

– Верно, – ответил мальчик, – ничто не может отразиться даже в зеркале.

Люди рассмеялись.

– Молчать! – гаркнул Царь и замахнулся на мальчика, чтобы ударить его плёткой.

Волна недовольства прокатилась по толпе. Люди зашумели, а кто-то даже крикнул:

– Не тронь мальчика! Он не сделал ничего дурного!

– Что?! Бунт?! – заорал Царь на людей, а стражники выставили острые копыя. – Бунт не потерплю! И этого щенка не потерплю! – ещё неистовее заорал Царь и пнул по коробу.

Короб упал с тележки, и крышка отлетела в сторону. Будто что-то вспыхнуло, ударившись о стенки короба, а может, это всем просто показалось, но яркий свет взметнулся ввысь, – верхушки деревьев, и верхние этажи домов вдруг осветились первыми лучами восходяще-

го Солнца. Вся площадь ликовала. В город вернулось Солнце! А когда первый восторг прошёл, все заметили, что Солнечного мальчика нигде нет, и Царя среди людей тоже нет...

Где теперь Солнечный мальчик, никто не знает. Может быть, он в вашем городе? Может быть, над вашим городом тоже давно нет Солнца, но вы об этом не знаете, потому что не помните, какое оно — это Солнце? Тогда слушайте, слушайте внимательно, и вы обязательно услышите: «Солнечный лучик! Солнечный лучик!»

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Нельзя жить без мечты! **Солнечный лучик, даже очень-очень маленький, гораздо сильнее самой густой тьмы, потому что там, где появляется свет, исчезает тьма!**

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Кто населял город? Каким он был и почему?
2. Чем отличался Солнечный мальчик от других и почему?
3. Сравните сына повара и Солнечного мальчика.
4. Почему люди прозвали мальчика Солнечным?
5. Как вы понимаете слова героя: «Люди должны помнить о том, чего давно нет»?
6. Почему Солнечный мальчик сказал, что ещё «не время» показывать солнечный лучик людям? Когда лучик появился? Почему именно в этот момент?
7. Что изменилось после его появления? Почему исчезли не только Царь, но и мальчик?
8. Вспомните других сказочных героев, которые спасали людей. Чем они похожи? Почему? Попросите взрослых рассказать о них.
9. Есть ли среди людей вокруг вас похожие на Солнечного мальчика? Чем они похожи?

Задание для взрослых

1. Как вы понимаете смысл слова «герой»? Уточните значение этого слова по словарю и попытайтесь донести смысл этого слова до своего ребёнка.
2. Вспомните или найдите пословицы и поговорки о значении солнца и любви. Обсудите их с вашим ребёнком.

Самостоятельная работа

1. Вспомните, какими увидели себя в зеркале Обезьяна в басне И.А. Крылова «Зеркало и Обезьяна» и царица в сказке А.С. Пушкина «О мёртвой царевне и семи богатырях». Почему им не понравилось своё отражение?
2. Как вы понимаете выражение «Глаза – зеркало души»? Расскажите о глазах близких вам людей. Как в них отражается душа?

Практические задания

1. Составьте рассказ о герое вашей семьи. Почему вы считаете его особенным?
2. Почему древние славяне почитали Солнце как божество? Найдите примеры, как в культуре наших предков отображаются художественные образы солнца.
3. Посетите вместе с родителями Новосибирский культурно-исторический экспоцентр Солнца или зайдите на его сайт. Напишите отзыв.

ЗАГРУЗКА...

ПОДРОСТКАМ

12+

КОММЕНТАРИИ К РАЗДЕЛУ

В подростковом возрасте особое значение приобретает становление жизненной позиции, собственных ценностных ориентаций. Учителя и родители для работы над нравственным содержанием каждого рассказа могут руководствоваться целевыми ориентирами результатов воспитания, представленными в Примерной основной образовательной программе основного общего образования, требованиями к результатам освоения программы основного общего образования, сформулированными в Федеральном государственном образовательном стандарте, Примерной программе воспитания. К ним относятся личностные результаты гражданско-патриотического, духовно-нравственного, эстетического, трудового, физического, экологического воспитания, а также ценности научного познания.

Авторы пособия понимают, что в указанных документах представлен настолько широкий спектр нравственных понятий, что осмыслить их в таком небольшом разделе является достаточно трудной задачей. В начале книги, в содержании авторы сделали акцент на одной, на их взгляд, ведущей нравственной проблеме, поднятой в каждом конкретном рассказе. Однако художественное произведение позволяет поднять и обсудить со школьниками более широкий спектр проблем, поставленных автором. Например, анализируя рассказ «Клоун», рассказ о первой влюблённости, бескорыстии и щедрости души, педагоги либо родители побуждают юных читателей к рассуждениям о ценности жизни человека, к проявлению чувства уважения к людям, любящим свою профессию. Однако этим кругом вопросов не исчерпывается нравственное содержание данного рассказа. Можно предложить оценить старания главного героя в его стремлении к физическому развитию, вызвать у подростков интерес к научным достижениям в области медицины клиники Е.Н. Мешалкина новосибирского Академгородка. Круг нравственных ценностей определяется исходя из поставленных педагогом целей и актуальности проблем для обучающихся.

Данные материалы могут быть полезны девятиклассникам и учителям русского языка для подготовки к выполнению задания 9.3 на ОГЭ по русскому языку, в котором требуется написать сочинение-рассуждение на тему, связанную с анализом текста духовно-нравственной проблематики.

гл. 26

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Арефа встал с нагретой, чуть скрипнувшей деревянным суставом постели, вышел во двор, наступало время утреннего клёва, огляделся, кадушка стояла у крыльца и заманчиво наполнилась мягкой дождевой водой. Дед с азартом и мальчишеской удачью прыснул тяжёлые капли в лицо и на шею, стянул рубаху и ухнулся весь в настоящую темноту бочковой воды, пропахшую прелой сыростью и детством. Потом растёр руками голову и уши, уши особенно, ему казалось, что от этого не только уши загораются алой зарёю, но и мысли. Он энергично утёрся мягкой тряпицей, висевшей тут же на берёзовом сучке, отжал бороду, но протирать её досуха не стал, знал, что она всё равно ещё долго будет орошать неожиданными каплями тёплую грудь.

Светало, но серые сумерки были ещё густы, значит, солнышко где-то там, в темноте уходящей ночи, борется с назойливым потусторонним миром, чтобы зажечь новый день и дать земле новую жизнь.

Арефа ещё с вечера приготовил короткую удочку, безупречную наживку и высококомерный садок для рыбы. Он шагнул на берег, который начинался сразу же за ветвями разлапистых сосен и густым кустарником шиповника. На берегу кострище с таганком, казанок лежал рядом чёрным пузом вверх; немного в стороне от кострища чуть над землёй возвышался Алатырь-камень, в его плоской ложбинке всегда собиралась утренняя роса, прикрытая несколькими хвоинками, камень был чёрным, как казан, но с проблеском искристого кварца. А над Йыксой распластался редкий слоистый туман, таинственный и смиренный, он висел неподвижно, стыдливо и безысходно прикрывая противоположный берег, будто девица, застанный врасплох.

Арефа наживил крючок, поправил прикреплённый к конскому длинному волосу поплавок из сосновой коры, короткий взмах, лёгкий плюх и умиротворение: дело сделано, рыбалка началась. Он удобно уселся на берегу и уставился на неподвижный поплавок. Именно во время этого неторопливого промысла у него обострилось желание погрузиться в потаённые думы.

Но потянул... нет, не ветер, а произошло движение воздуха, совершенно не ощутимое, и если бы всё та же стыдливая вуаль робкого тумана не двинулась вниз по течению, то никто бы и не заметил этого движения воздуха. Арефа оторвал взгляд от поплавка и увидел, как разгорается, светлеет кромка неба, как невидимое ещё солнце уже погнало волну тёплого и свежего утреннего воздуха по всей земле. Заря раскалялась, вот она уже ярко-белая, ясная, с видимыми лучами, которые волнуют небо, и вдруг золотая полоска, как Золотая рыбка, ударила хвостом по урезу земли и начала увеличиваться волшебным и уверенно. Арефа отложил удочку, встал и поднял руки встреч солнцу!

— Никогда и ничего подобного не сотворить человеку! — прошептал восхищённый Арефа.

Он во все глаза глядел на всё растущую кромку солнца, похожую на Золотую рыбку, подплывшую к берегу земли, и вдруг удилище под ногами дрогнуло, а корявый поплавок исчез, Арефа схватил удочку, подсёк и потянул к берегу. На крючок попался совсем ещё юный золотистый карасик.

— Масенький ты мой, — прошептал умилённый Арефа, встал на колени, опустил руки в воду и подтянул к себе в ладонь смиренное и покорившееся тельце маленькой рыбки. Не вынимая рук из воды, чтобы не обжечь малыша своей теплотой, бережно освободил крючок и разжал ладонь. Карась не двигался, стоял в ладони под водой и только изредка шевелил хвостиком.

— Ну, давай же, убегай!

И карась услышал деда Арефу и даже, наверное, понял, о чём он говорит, потому что вмиг, ударив по воде хвостиком и подняв пару тяжёлых капель, исчез в глубине.

И тут деда осенило, он отложил удилище, на секунду замер, глянул на солнце, которое уже уверенно обосновалось над землёй, и побежал в хижину. Он сел за стол, открыл тетрадь и бережно, но уверенно вывел: «Человек — бог своей жизни!»

Дед откинулся на спинку стула, немного подумал и заскрипел пером:

«Не раб, не пыль и не игрушка в руках Создателя, а Бог своей жизни! Потому что человек сам творит свою судьбу и складывает свою жизнь из слов и поступков. Человек по подобию Божию творит свою жизнь каждый день и каждый час, наблюдая великие труды Создателя, сам силится создать прекрасное!»

Арефа бережно, как садок с пойманной рыбой, закрыл свою толстую тетрадь и решил больше не рыбачить, он сегодня уже поймал свою Золотую рыбку, его душа утешилась, а для живота ему хватит и вчерашней каши.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Какой неожиданный вывод делает Арефа: «Человек — бог своей жизни». А разве может человек быть богом? Однако, размышляю я, может. Разве не сам человек устраивает жизнь, строит её, а прежде проектирует? Разве не от самого человека зависит, будет ли он хорошо учиться, выбирать свою профессию, постигать навыки выбранного ремесла? Разве не сам человек решает, что такое хорошо и что такое плохо? Разве может кто заставить человека учиться против своей воли? Нет, конечно. А если человек не хочет работать, кто заставит его это делать? Мать, отец или закон? Никто, только он сам себе и царь, и бог.

Да, бывают ситуации непреодолимой силы, которые заставляют человека поступать так или иначе, которые иногда против желания человека побеждают его и опрокидывают навзничь, растапывая и его волю, и честь, и достоинство.

Это значит только одно: пришло время человеку испытать горе и унижение. **Но достоинство человека и заключается в том, чтобы после всех несчастий он поднялся с колен, отряхнул изодранные одежды и двинулся дальше, гордо подняв свою голову, с одним только желанием быть счастливым и принести счастье другим людям.** Вот почему человек – бог своей жизни, потому что последнее слово всегда остается за ним.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Вы когда-нибудь встречали рассвет на природе? Много ли времени вы проводите в общении с природой?
2. Что вы знаете о рыбалке? Только ли ради улова ходят на рыбалку, а в лес – ради грибов?
3. Кто-то впервые видит звёзды в отражении лужи. А вы часто смотрите на небо? Какие созвездия знаете?
4. Почему в рассказе восходящее солнце сравнивается с Золотой рыбкой? Только ли из-за внешнего сходства?
5. В чём природная сила Арефы? Почему он отпустил пойманного карасика? Что стало для него настоящим уловом в этот день?
6. Хотели бы вы поймать Золотую рыбку и зачем?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Вспомните сказку А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке». Почему Золотая рыбка не принесла счастья героям?
2. Нарисуйте радугу или любимый цветок и подарите маме просто так.

гл. 27

КЛОУН

Кто в стремительной и бесшабашной юности своей не задавался вопросом: а что это за чудо такое — любовь? Ровесницы-девчонки строчили в дневниках: «Любовь — это роза, красивая, но колючая». Лично я искал ответ у поэтов и находил совсем не то, что искал: «Я вас любил, любовь ещё, быть может, в душе моей угасла не совсем...» Но шокировала меня в этом произведении концовка, мол, «дай вам Бог любимой быть другим». Сознание зависало, мой быстрый на расправу процессор скрипел и отказывался давать вразумительный ответ на вопрос: «Зачем своей любимой желать любви другого пацана?!» Были и иные авторы, более конкретные и по-хозяйски деловитые, которые писали: «Любовь не вздохи на скамейке и не прогулки при луне...», но далее опять пугали, мол, «всё будет — слякоть и пороша...», и несли прочую муть, наподобие девчачьей болтовни о розах и шипах. И что? И где ответ? По прочтении этих и иных не менее туманных сентенций вопрос оставался открытым, ответ блуждал в потёмках неразберихи вечно запутанных отношений между мужчиной и женщиной.

В студенчестве я раз пять был влюблён, то есть отточил свой характер до ловеласного. А в руки стали попадаться книги, в которых анатомия любви представлялась или в заоблачных просторах романтических грёз и фантазий, или в грешных коридорах пошлости и цинизма. Ответа, который мог бы утолить мой пылко пытливый и въедливо дошный ум, категорически не было.

Легче дело обстояло с понятием любви к маме, папе, бабушке и другим ещё живым родственникам. С Родиной и патриотическими чувствами тоже всё обстояло более или менее определённо и доста-

точно аккуратно было уложено в моей, тогда ещё вихрастой голове. Но вот я ознакомился с Новым Заветом, в котором чёрным по белому было написано: «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Понять эту заповедь мой здравомыслящий мозг отказался сразу. По улице ходили, спешили, бродили люди, высокие и низкие, худые и толстые, но причём здесь я?! — рационально думал я. И с чего их всех вдруг необходимо любить?! Я этого понять не мог.

Потом я прожил много лет, и, как все люди на этой грешной земле, страдал и радовался, терял и находил, предавал и был предан, лгал и был оболган, влюблялся и даже счастливо женился, но и после всех этих передряг я так и не смог разъяснить, даже самому себе, что же это такое — любовь.

Но вот недавно я вдруг и совершенно беспричинно, после звонка мамы, вспомнил случай, который никогда не обсуждался и потому, наверное, и не вспоминался. И тот мамин звонок не был связан ни с моими мыслями о любви, ни с тем далёким случаем из детства. Но вот отчего-то слова, интонации, настроение и непогода за окном отправили меня в ассоциативный путь, который увёл в чащу давно позабытых дней.

Мне исполнилось тринадцать, когда младшую сестру Нелю положили в больницу на операцию. Я, кажется, всегда знал, что она больна, но вот так ясно и вдруг предельно отчётливо подступившую опасность понял только теперь. Я понял, нет, я её почувствовал всем телом, всею душою, всей интуицией и сознанием, что есть смерть, реальная и жестокая, что она — смерть — то самое явление, которое не подвластно никому на земле. И я понял, что смерть сильнее жизни.

Учился я с тем рачительным расчётом, чтобы не доводить отношения с мамой до грубых разборок, чтобы моё прилежание и поведение не нарушали спокойствие завуча школы, готового в любой момент назначить свидание в кабинете директора. Кроме обязательной программы, которой потчевала наша средняя общеобразовательная школа за номером двадцать два, была любимая, но произвольная программа — я четыре раза в неделю посещал акробатическую секцию на

стадионе «Спартак». В шестом классе я лихо прыгал и был изрядно ловок, и однажды в школе на спор спустился по лестничному пролёту на руках со второго этажа под восторженные аплодисменты сотни школьников, которые чуть позже сделали честными свидетелями этого события в кабинете у завуча по воспитательной работе. Я был унижен и прославлен одновременно.

К Нельке в больницу в Академгородок я ездил в свободные от тренировок дни. В кардиологическое детское отделение передачи не принимались, свидания были запрещены, видимо, как я теперь понимаю, с профилактической целью — не допустить в отделение заразу типа гриппа или какую другую гадость. Я выходил на остановке «Строитель» и через десять минут путешествия по вековому бору оказывался возле клиники, обегал двухэтажное здание с тыльной стороны, на которую выходили окна больничных палат с приклеенными к стеклу листочками, на которых взволнованным почерком были нарисованы номера. Я лепил снежок, запускал его в цифру пятнадцать, и в окне возникала чья-нибудь голова, а потом появлялась медлительная Нелька. Она, как и все жители этого отделения, синела остриженной наголо круглой головой и смотрела на меня, сидя на подоконнике. Я топтался под соснами, взмахивал руками, пытаюсь что-то рассказать, — кричать было бесполезно, нас наглухо разъединяли двойные рамы окон. Потом мне изрядно надоело топтаться без толку на заячьей тропе, проторённой редкими прохожими, и я начал вытаптывать на снегу гигантские буквы её имени. Я вяз в сугробах, падал, а Нелька сидела на подоконнике и смеялась. И я вдруг понял, что надо делать. Нужно веселить сестрёнку! И тут же принялся изображать неловкого художника, который рисовал её имя на снегу. Я неуклюже падал в снег, выскакивал на тропинку, рассматривая своё произведение, а в самом конце забрался на толстую разлапистую сосну и прыгнул в снег, выдавив своим щуплым телом восклицательный знак в конце уже завершённого произведения. Когда я поднял голову, то увидел, что около Нельки сидят ещё девчонки, такие же стриженные и весёлые. Они беззвучно хлопали

в ладоши, и была среди них одна, почти моя ровесница, её круглую голову также украшали маленькие ушки и большие глаза. Но вот эти глаза и ушки мне показались самыми красивыми в мире. Я никогда и предположить не мог, что стриженная наголо девочка может быть такой обворожительной. Не надо даже сомневаться! Я влюбился в неё мгновенно, когда ещё валялся в позе восклицательного знака.

Уже в следующий свой приезд, когда рядом с Нелькой в окне появились все девчонки, я смело подошёл к вытоптанному на снегу имени сестры, сначала показал на него пальцем, а потом на красивую девочку и спросил: «Как тебя зовут?» Она поняла сразу, подышала на оконное стекло, которое тут же густо запотело, и написала своё имя. Я прочитал: Яна – и принялся вытаптывать его на снегу. Но дети застучали в окно, и девочка начала писать буквы отдельно, одну за другой, и получилось: Аня. Я понял, что мне надо было читать не слева направо, как мы привыкли, а наоборот, справа налево, как в зеркальном отражении. Имя Аня мне очень понравилось, оно звучало в моём сердце хором небесных птиц, пока я вытаптывал на снегу её имя с особой тщательностью и клоунской сноровкой, кривляясь и падая.

Прошло несколько дней, и я вдруг заметил, что стоит мне ступить на тропинку, в окнах второго этажа, как по команде, появляются стриженные головы детей. Только в одном окне всегда было пусто, а когда там включался свет, мне было видно, что на потолке светилась огромная космическая тарелка.

Медсёстры и врачи не ругали меня и не гнали, хотя я приезжал после школьных уроков, и мой приезд почти всегда приходился на тихий час в больнице. Это был важный знак признания моего скоморошества полезным и нужным делом. Я совсем осмелел, хотя и сам догадывался, что детям и до операции, и после было скучно и, наверное, страшно. Я освоил сосны, с которых умело и смело падал в глубокий снег, вновь забирался на них по-кошачьи ловко, разыгрывая очередной сюжет, который придумывал, пока ехал в Академгородок.

А потом вдруг в окне не появилась Аня. Я подошёл к её имени на снегу, показал на него пальцем и спросил Нельку: «Где?» Неля отстранилась от окна и провела рукой поперёк груди, и я понял, что Ане сделали операцию. Собственно, я знал, что это когда-нибудь случится, в клинике всем делали сложные и опасные операции, но я почему-то решил, что мой влюблённый рай продлится вечно.

В тот день я отрабатывал новую репризу, но мне было грустно. Нет, я не ленился, я честно работал, мотаясь по разлапистым ветвям сосен, но разыграл роль не влюблённой обезьяны, как смело задумал ранее, а обезьяны, потерявшей свою возлюбленную. И когда я сел на высокий сосновый сук, чтобы передохнуть, и увидел вытопанные имена на снегу, мне почему-то подумалось, что вот придёт весна и эти самые любимые имена растают и утекут. Я разместился на ветке сосны, как мне казалось, по-обезьяньи, почёсывая бока и вытянув губы трубочкой, завыл. Дети смеялись, а я почему-то завыл по-настоящему, по-человечьи, по-обезьяньи не получилось.

Прошла неделя, а Аня всё не появлялась в окне, а я ждал. Я ждал встречи с нею, и даже стыдился, что сестра, наверное, уже догадывается о моей влюблённости. Но Аня всё не появлялась, и тогда я опять подошёл к её имени на снегу и спросил Нельку: «Где»? А Нелька неожиданно отстранилась от окна и скрестила руки на груди, потом, как приставучую муху, нечто смахнула с лица и смущённо улыбнулась. А я понял, что Анны больше нет, что она умерла.

Я забрался на дерево, сел на сук и смотрел то в небо, то в окна, где синели стриженные головы детей, больше похожие на диковинные растения, тянущиеся к уличному свету, смотрел на вытопанные в снегу имена, на витиеватую каллиграфию имени Аня и назойливо и тоскливо думал, что вот имя человека есть, а человека уже нет! И в этом не было справедливости и смысла и не было элементарной и понятной честности, которую от нас требовали взрослые. Я понимал ложь происходящего, потому что жизнь, так получалось, есть то самое место, где требуют одно, а на самом деле происходит другое. И тогда, в тот

самый момент, когда я, как всклокоченный и мокрый от растаявшего снега серый воробей, сидел на суку, совсем неожиданно выдохнулось из какого-то дремучего прошлого, со слезою и болью, и почему-то с жалостью к самому себе: «Господи! Как трудно жить!» И я уже точно знал, что веселить я не смогу, пусть дети не обижаются, пусть я плохой артист, но я не мог, потому что умерла Аня, самая красивая девочка в моей жизни, и изображать даже обезьянью тоску я не мог и не стал.

Я спрыгнул с сосны, помахал Нельке рукой, весь этаж махал мне, провожая грустно и удивлённо, но почему-то сдержанно и с каким-то пониманием. Я тогда ещё не знал, что дети, пережившие горе и боль, становятся мудрыми и понятливыми, как старики.

А я пошёл по заячьей тропе в бор, чтобы потом – на остановку, в автобус и домой, чтобы жить дальше, но без Ани, которая меня больше не ждала. И уже далеко в бору я сел в снег и дал волю слезам, и опять вырвалось, как стон, как проклятье: «Господи! Го-осподи-и! Почему же так трудно жить!»

Я очнулся, к моему плечу прикоснулись. Я поднял голову и увидел красивую стройную женщину.

– Зачем плачешь? – спросила она.

А мне показалось, что это сама смерть устыдилась своих дел, преобразилась и пожалела меня. Я вскочил и побежал прочь.

«Зачем плачешь?» – слышалось мне. Она спросила зачем, будто можно зачем-то плакать. Она не спросила почему, а сказала: зачем, будто плакать – это никчёмное, пустое и неважное дело...

А потом в окне не появилась Нелька. Я знал, что в этот день ей будут делать операцию. Мы приехали вместе с мамой. Мама осталась в больнице, а я побежал к больничному окну, надеясь, что Нельку ещё не увезли в операционную и я увижу её, махну ей рукой, сморщу нос и скорчу смешную рожицу. Но Нельки не было в окне, зато были дети, дети всего второго этажа, которые смотрели на меня, улыбались и ждали представления...

Я хотел уйти, но в Нелькиной палате я увидел маленькую девочку, послеоперационку, её посадила на подоконник и придерживала, наверное, нянечка или, может быть, её мама. Опухшие глаза девочки смотрели на меня с какой-то глубочайшей мудростью и ожиданием, и я понял, что мне просто уйти и обмануть эти глаза, этого маленького человека нельзя, не имею права, это хуже предательства. Сегодня я – её радость, её любимый клоун, которого она ждала. И она, верно, съела те ненавистные семь ложек каши, которые её заставляла есть нянечка, и... мне почему-то так придумалось, что пару ложек, самых последних и самых противных, она съела за меня – за дядю клоуна.

Я отработал свою программу, летал, как птица, по веткам сосен, потешно падал и опять взлетал с каким-то остервенением, особой лихостью и злобой, рисковал, совершая невероятные трюки. Мне аплодировали все: и врачи, и медсёстры, и, конечно, дети. А девочка улыбалась, положив ладошку на стекло. А я пошёл к маме в приёмный покой, где мама ждала окончания операции. Я уходил от детей, уже точно зная, что через день приеду обязательно, я точно знал, что для них было важно, чтобы я приехал. И я приехал.

Уже вечером к нам с мамой вышел хирург. Он сел на стул в пустом, холодном и гулком холле первого этажа, руки безвольно лежали на коленях. Было видно, что он сильно устал. На мамины вопросы он отвечал односложно. Он говорил, что операция прошла удачно, что всё, что задумывалось, сделали. Что есть надежда на хороший результат. А я смотрел на его руки и думал, что вот эти руки только что держали сердце моей сестры, и я зачем-то пытался увидеть на них хоть капельку крови, но они были чистыми, и манжеты белого халата тоже были ослепительно чистыми. Потом мама задала неожиданный вопрос, наверное, оттого я запомнил его. Она спросила:

– Скажите, как долго проживёт моя дочь?

Хирург ответил сразу, будто и сам думал об этом, он сказал:

– До сорока лет... – замер на секунду и решительно кивнул, – до сорока доживёт.

Мама положила на его руку свою, как-то чуть сбоку, не для рукопожатия, а для чего-то иного, необычайно доверительного и благодарного, и слегка сжала её:

– Спасибо, – сказала она. – Большое спасибо.

ЭПИЛОГ

Моя сестра жива и теперь, ей уже пятьдесят два года. Вы понимаете, о чём я? Я о том мальчишке, не о себе, а о том мальчишке, который прыгал по веткам, веселил детишек, чья жизнь висела на волоске и многие из которых не вернулись из операционной, потому что спасти их было практически невозможно, потому что в тот момент смерть была сильнее жизни. Я о том клоуне, который и сам-то был ребёнком, но каким-то чутьём понимал важность детских улыбок и дарил радость от всего своего пылкого и чуткого сердца. Он не знал и даже не думал о том, что он любит людей, он просто старался для них, как мог, как умел, как понимал и чувствовал в тот миг. И уставший хирург всякий раз, оперируя маленькое существо, которое ещё толком-то и не понимало, что такое жизнь, отдавал толику своей жизни. И не ради зарплаты он это делал, а потому что любил людей. Знал ли он об этом, думал ли – не знаю, навряд ли. **Любовь – это чувство не от ума, а от сердца, из самой глубины человеческой души, это жертва, бескорыстная и счастливая, за-ради другого человека! И именно потому, что это жертва за-ради кого-то, она и названа таким красивым словом – любовь!**

Значительно позже хирург стал знаменитым, и клиника благодарными людьми была названа его именем. А я вообще забыл про этот случай из моего далёкого детства. Но ведь я должен же был когда-нибудь понять, а что же это за чудо такое – любовь. **Я понял и самое важное: да, смерть сильнее жизни, но любовь сильнее смерти!** Понимаете это?! Понимаете? Любовь сильнее! Ведь когда я звоню сестре, то слышу в ответ: «Колечка, это ты, здравствуй, родной».

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Как происходило постепенное «перерождение» обычного подростка в «мудрого человека»? Какой эпизод из детства оказал огромное влияние на взросление героя?
2. Есть в рассказе фрагмент, переданный автором с некоторой долей юмора, – герой веселит больную сестрёнку и тех, кто находится с ней рядом. Первая любовь, первая потеря...
 - Что нам помогает понять, с каким трудом мальчику пришлось играть роль клоуна?
 - Какие выводы по этому поводу делает спустя годы уже повзрослевший герой?
3. Наряду с основным героем, пытающимся понять, что такое любовь, в рассказе представлен ещё один, который отдавал людям «толику своей жизни».
 - Кто он? Какую роль в судьбе наших героев он играет?
 - Люди каких профессий, по вашему мнению, являют собой пример бескорыстного служения, дарят окружающим жизнь, внимание, свою любовь?
4. Как вы понимаете слова Ф.М. Достоевского: «Помогать надо собой, а не кем-то»?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Рассказ назван «Клоун». Хотелось бы вам назвать его иначе? Как? Почему?
2. Подумайте над взаимосвязью между отдельными предложениями текста: «Смерть сильнее жизни» и «Любовь сильнее смерти». Оформите результаты вашей работы в виде сообщения и подготовьтесь к выступлению перед одноклассниками.

3. Как вы понимаете слова Л.Н. Толстого: «Любовь уничтожает смерть и превращает её в пустой призрак; она же обращает жизнь из бессмыслицы в нечто осмысленное и из несчастья делает счастье»? Связаны ли эти слова с содержанием прочитанного текста?
4. Найдите в тексте определение любви, данное автором рассказа. Вы готовы принять данное определение или можете оспорить (дополнить) его, приведя свои личные доводы и объяснения? Какие?
5. Узнайте у своих родителей, случалось ли, когда их помощь была крайне необходима окружающим. Задумывались ли они тогда о своих поступках? Поблагодарите родителей за честный и откровенный рассказ и скажите им, тронул ли он вас.
6. Пользуясь словарями, найдите значения слов: бескорыстие, жертвенность.

Практические задания

1. В рассказе речь идёт об академике Е.Н. Мешалкине, именем которого назван Новосибирский научно-исследовательский институт. Найдите информацию об этом человеке.
2. Найдите истории о людях, которые бескорыстно помогали нуждающимся. Расскажите о них.

гл. 28

ПУЗОВИЦА

Очевидно, что мне не хватает оперативной памяти и я с трудом вспоминаю, что было на днях, как зовут того лысого черта, в какой папке спрятан нужный файл или куда я положил молоток. Часть дня уходит, как говорила моя мама, чтобы «найти вчерашний день». Но хочу тут же заметить, что не всё так грустно и безнадежно, и в моём окне памяти есть место лучу света, иногда прошибает такой удивительно тёплый, чистый и яркий свет, что аж глаза слепит. Этот свет из самого детства, из тех времён, когда девичья юбка действовала как красная тряпка на корриде, когда воздух сам влетал в легкие и будоражил воображение, а на сердце всегда звучала радостная или душевная, но очень трепетная песня!

Я учился в легендарной 22-й школе, не так чтобы очень хорошо, но учился терпеливо и безысходно. Класс был хорошим, не очень дружным, но самостоятельным, и всё потому, что мы преодолели черту детской трусости перед учителем и оценкой, которые держали нас в ежовых рукавицах первые годы учёбы. В седьмом классе наши хвосты начали покрываться робким, но многоцветным оперением. Утренники теперь назывались мероприятиями, родители сидели не в зале, а дома у телевизоров, мы же учились накрывать ещё безалкогольный стол, но уже с закусками. Между торжественной частью и чаепитием непременно проводились развлекательные конкурсы. Памятное мероприятие, о котором я завёл речь, было посвящено Международному женскому дню Восьмое марта.

Мы собрались после уроков в актовом зале на первом этаже школы, стулья заботливо расставили вдоль стен. Я не помню всех деталей

и подробностей того дня, но точно помню стол с бубликами, пышками, рогалями, пончиками и устремлёнными, будто ракеты на космодроме Байконур, бутылками «Дюшеса» и шипучего «Буратино». Как я любил лимонад! Но прежде торжественная экзекуция: в зал вошли ВПП – Прохорова Валентина Павловна, наша классная руководитель, и завуч школы Антонина Савельевна, у которой по какой-то трагической случайности прозвища не было. Но у нас в классе было две неприлично круглые отличницы – это Ленка Комарова и Танька Косаткина, в их дневники было противно смотреть, однообразие и штиль, как на болоте. А вот по моему дневнику успеваемости можно было проследить всю бурную и трагическую жизнь будущего писателя. Каждая страница – это карта боевых действий, с наступлениями, перемирием, победами и проигрышами. Иногда внизу страницы, на полях, учительница выкидывала белый флаг, просила пощады и умоляла родителей прийти в школу.

Ещё у нас была воображулистая Маринка Ронкина и заносчивая Ольга Савиных, которые вечно выигрывали всесоюзные олимпиады по физике и математике. Вот по поводу этих отличниц и выскочек явилась Антонина Савельевна с особым поручением и завидными подарками.

После торжественной части и награждения, но до чаепития в программе значилась игровая часть, где мы соревновались с девочками и где, как полагается настоящим джентльменам, проигрывали им: таким совершенно убогим и примитивным способом мы радовали наших будущих спутниц жизни. Честно скажу, я не помню, что за конкурсы проводились в тот день, потому что я презрительно и хладнокровно не участвовал в этом нечестном спектакле. Я высокомерно болтался без дела в ожидании пропустить стаканчик-другой лимонада. И вдруг я усёк, что в толпе одноклассников смятение, никто из пацанов не хотел участвовать в конкурсе швей! А делов-то было – пришить пуговицу к тряпчонному лоскутку наперегонки с девчонкой. Оценив всеобщую растерянность и негодование девочек, я согласился на поединок. Моей соперницей стала Марина – великий математик и зазнайка!

Маринка была большеглазой, худенькой, вечно с претензией на заてйливую причёску на забитой формулами голове, всегда щепетильно аккуратная и крайне дисциплинированная. Из её юбки торчали тонкие, как палки, ноги и упирались в большие ботинки. Мы в своих мальчишеских кругах считали, что она совершенная дура, но училась она почему-то хорошо.

Я должен пояснить, почему я так смело и безрассудно согласился на не свойственный мужскому достоинству конкурс швей. Дело в том, что мама держала меня в строгости, именно мама, потому что папа к тому времени уже уплыл в самостийное плавание и, как я понял, возвращаться не собирался. В доме мы с сестрой делали всё сами: варили, мыли, стирали, прибивали, когда требовалось, гвозди, гладили и занимались прочей житейской ерундой очень самостоятельно. Ещё классе в третьем мама отказалась пришивать мне оторванную в послешкольной возне пуговицу, подала иголку, нитки и надменно предложила мне совершить этот трудовой подвиг самостоятельно. Я его совершил после третьей затрещины качественно и надёжно, мне кажется, что та пришитая пуговица всё ещё жива и так же намертво приторочена к уже истлевшей школьной курточке.

Однако на этом обучение швейному делу не закончилось, у меня протёрся всё на той же курточке локоть, егозил я за партой, как истинный двоечник и непоседа. Заметив порчу имущества, мама подала мне лампочку, обычную лампочку накаливания с тонкой спиралькой внутри, и рассказала, как нужно штопать, мол, сначала нить кладётся так, а потом ровно перпендикулярно, при этом нужно было умудриться все эти нити переплести между собой, как корзину. Лампочка нужна была как поддерживающая опора, на которой и развивались все эти драматические события. Мама консультировала, терпеливо помогала и добилась-таки от меня качественного результата. В последующем я пришивал всем пуговицы — и маме, и сестре, штопал и выполнял сильный ремонт верхней одежды. Более того, я овладел напёрстком, когда пришла пора пришивать пуговицы к зимним пальто.

Конкурс так конкурс! Я подошёл к столу, на котором лежали иголки, деревянные чурочки с нитками и лоскутки материи, а в поллитровой стеклянной баночке полоскалось несколько пуговиц. Я взял иголку и нитку, наслюнявил кончик нитки, она безошибочно влетела в ушко, одним движением вокруг указательного пальца я оставил на хвостике узелок, скрепив обе нитки разом, приложил пуговицу и в несколько привычных приёмов пришпандорил её, заключив финальным узелком. Потом уже с победным наслаждением откусил нить ещё молочным, но достаточно крепким зубом.

Класс онемел, Марина всё ещё возилась с иголкой и от волнения не могла попасть в ушко.

– Не правильно! – сказала ВПП и посмотрела на меня выразительно, типа, ты что творишь. – Коля начал пришивать без команды, раньше Марины. Предлагаю конкурс повторить.

Антонина Савельевна предательски закивала головой и на пальцах, будто немому, пыталась мне что-то сказать. Но я азбуку жестов не знал, а мой друг Витька Грачёв, который всегда был сообразительным, но крайне не расторопным, ткнул мне кулаком под лопатку.

– Не торопись, – шепнул он мне на ухо.

– Нормально, – отмахнулся я, решив, что друг заботится обо мне и трепетно ждёт моей победы.

Хочу сказать, что Антонина Савельевна учительница, конечно, хорошая, но штука ещё та: только в десятом классе я узнал, что она ходила обслуживаться к моей маме в парикмахерскую. А я всё время удивлялся, почему у завуча школы такая же красивая причёска, как у моей мамы, и откуда мама знает про все мои школьные тайны. Стучала она на меня, скажу я вам откровенно, стучала беззастенчиво и профессионально!

Я дождался команды «Марш» и, сделав выразительную паузу, давая фору своей сопернице, повторил свой подвиг так же стремительно, но на этот раз стежки на пуговице я положил крест-накрест, получилось симпатично.

– Марина – первая! – решительно подвела итог конкурса Валентина Павловна. И все почему-то с облегчением выдохнули и вслед за Антониной Савельевной заплодировали, но Марина вдруг бросила свою тряпочку на стол и чуть не плача убежала домой.

Ребята не хотели со мной разговаривать, Витька выразительно повертел пальцем у виска. Я ничего понять не мог и тоже, не прощаясь, свалил домой.

Вечером по телефону Витя пытался мне доказать, насколько я тупой, но я действительно был тупым и ничего не понял. Я кричал, что это конкурс, соревнование, и при чём здесь девочка и Восьмое марта, мол, всё должно быть по-честному! Я не понимал Витьку до следующего года.

Когда после лета мы собрались в классе, я вдруг заметил, как изменились ноги у Марины, как она вдруг округлилась под школьной формой, какой томительной тенью покрылись её обворожительно карие глаза... Но перспектив у меня уже не было, она не простила мне моей победы даже через двадцать лет, когда мы увиделись на встрече выпускников. Она степенно ступила в класс с затейливой причёской на голове, вся офигенно красивая, улыбнулась всем, а на меня посмотрела как на растёртую по оконному стеклу муху – высокомерно и даже безглаголиво.

ЭПИЛОГ

Так вот, зачем я рассказал о каком-то там празднике Восьмое марта? Просто я хочу вас предупредить, что прежде, чем совершить подвиг, надо подумать, а нужен ли он окружающим? В общем, нужно думать, всегда много и хорошо думать, особенно если рядом девчонка, в которую влюблен, и если действительно любишь лимонад.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Вы когда-нибудь пришивали пуговицы?
2. Важно ли уметь делать простые вещи своими руками?
3. Хотели бы вы с такой же теплотой и благодарностью относиться к своей школе, как автор?
4. Придумывают ли сейчас прозвища учителям?
5. Что дарят сейчас девочкам на Восьмое марта?
6. Какие классные праздники и мероприятия вам запомнились?
7. Как вы думаете, зачем главный герой пошёл на конкурс швей?
8. Прав ли герой, что выиграл в конкурсе?
9. Согласны ли вы с тем, что каждому нужно уметь выполнять элементарные вещи?

Практические задания

1. Научитесь пришивать пуговицу.
2. Попробуйте вышивать на пальцах. Кстати, очень интересное и полезное занятие даже для мальчиков.

гл. 29

Ромео

Есть у меня друг – Виктор Николаевич, возраста предпенсионного, практикующий хирург. Хороший хирург. Как-то я его спросил:

– Вить, скажи, жизнь у тебя удалась?

Вопрос, конечно, дурацкий, но потому мы и друзья, что слышим немного больше, нежели способны сказать.

– Саныч, – он всегда обращается ко мне, сокращая отчество, – я в трёх клиниках оперирую, света белого не вижу – разве это жизнь?

В тот памятный день я появился у него в больнице, уже и не помню по какому поводу, и застал его в ординаторской. Он сидел на диване, откинувшись на спинку, а руки его отдыхали на коленях. Грустно посмотрев на меня, он сказал:

– Саныч, проходи. Не ожидал тебя увидеть.

– Извини, я без звонка. А ты, похоже, прихворнул, доктор. Докторам болеть вредно, – я шутил, а сам пытался понять, отчего мой друг такой хмурый.

– Дежурство у меня было. Устал, – ответил он.

– Давай я тебя домой отвезу.

– Не могу. Тут у меня паренёк, не ровён час, помрёт.

– Кто помрёт?

– Да вчера привезли, вечером. Местный Ромео, из соседних домов. Девчонка его бросила, а он от горя под машину метнулся. Его метров на двадцать откинуло, всего переломало, голова – как холодец в руках. Делать мне было нечего, ночь впереди, смену коротать надо. Вот и собрал его помаленьку. Глаз на место поставил – каким-то чудом нерв целый оказался, ключицу... Всё равно, думаю, в гробу по-человечески выглядеть нужно. Собрал его и вот жду, когда помрёт.

Я был уже знаком с этой чудной манерой своего друга разыгрывать из себя циника.

– А он, как назло, не помирает, – подыграл я.

– Нет, не помирает, – тяжело вздохнул Виктор Николаевич.

– А если дома подождёшь его смерти?

– Если уеду, сразу же помрёт. Я его всю ночь уговаривал потерпеть, не помирать до утра.

– Да, я знаю, ты мужик нудный, кого угодно уговорить можешь.

Прошло с того памятного дня месяца два-три, и опять пересеклись наши дорожки. Рукопожатия, дежурный разговор: как жизнь, как дети, как здоровье жены. Потом я вдруг вспомнил:

– Вить, а что с пареньком, которого ты по частям собирал? Ну того, что под машину из-за несчастной любви кинулся. Ты его ещё Ромео назвал. Как он?

– А, Ромео. На выписку готовится.

– Да ты что! – обрадовался я. – Ну ты мастер! Человечище!

– Нет, Саныч, я тут ни при чём, тут без Бога не обошлось.

– Ты что, в Бога веришь?

– Всегда верил. В церковь не хожу и не пойду, но что неведомая сила над нашими скальпелями и капельницами стоит, уж кто-кто, а я, поверь мне, знаю.

Наверное, на этом бы и закончилась эта история о Ромео, если бы не день моего рождения. Виктор Николаевич зашёл поздравить меня.

Мы сидели за столом, вели неспешный разговор, пили коньяк, молчали, опять говорили.

– Вить, – спросил я, – а что с Ромео? Случаем, не заходил к тебе, ты же ему жизнь спас?

– Как же, заходил, вот этот коньяк, что мы пьём, он мне подарил. Пришёл с молодой беременной женой, весь из себя счастливый. Меня теперь дядей Витей зовёт. Если, сказал, сын родится, Виктором в мою честь назовут.

– Чудеса, – я поднял стопку. – За тебя доктор!

– За нас, Саныч! – Виктор улыбнулся и подмигнул. – Мы всё-таки не последние люди на этом свете.

Совсем недавно я опять заглянул в клинику к своему другу. Он сидел бледный, грузный, понурый, а вокруг него сустились люди в белых халатах.

Приступ – понял я. Я знал, что Виктор страдает от ишемических приступов.

Он посмотрел на меня умными уставшими глазами и произнёс:

– Саныч, сейчас меня спасут, и мы с тобой поговорим.

– Как он? – спросил я знакомого врача, который готовил шприц.

– Всё под контролем, но вам лучше уйти.

Я вышел из ординаторской. На диванчике сидел молодой человек. Когда я проходил мимо он спросил:

– Как там Виктор Николаевич?

– Говорят, что приступ не опасен, но ему нужен покой.

– Да, да, – закивал парень, и я вдруг увидел на его шее, за воротничком, ещё не обесцветившийся фиолетовый шрам.

– А я хотел его обрадовать, – парень засмутился и покраснел. – Но теперь, видимо, потом. У меня сын родился...

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

--- --

Самоубийство – не подвиг, а скорее высшее проявление отчаяния и одиночества. Самоубийство ворует тебя у любимого человека и не позволяет тебе посвятить себя любимому человеку. Самоубийство делает несчастными многих людей, особенно тех, кто любит тебя, и подвергает самых близких людей невероятным страданиям, отчаянному состоянию души и зачастую лишает супругу, детей, а особенно родителей, смысла жизни.

Чтобы не выглядеть глупо после собственной смерти, нельзя суеститься, необходимо решать вопросы не сердцем, а умом. В подтверж-

дение перескажу притчу, я прочитал её очень давно, но суть помню хорошо.

Жил мужик, работал, был, что называется, положительным человеком. Собрал мужик урожай, купил телегу и поехал на ярмарку продавать свой урожай. Проехал немного, у новой телеги колесо отвалилось. С трудом приладил мужик колесо, вернулся домой. Встал перед иконами и начал сетовать, мол, Господи, за что мне такое наказание? Тружусь, никого не обижаю, зла ни на кого не держу, заповеди стараюсь исполнять. Ворчит мужик час, ворчит два. Появился ангел и говорит: «Подожди плакаться. Господь тебя спас, а ты недоволен. Ты вот сетуешь, но не знаешь, что чуть дальше по дороге тебя разбойники поджидали. Они бы и добро у тебя отобрали, и самого прибили».

Жизнь богата на сюрпризы. Прошло немного времени, и Ромео встретил настоящую любовь, подрастают его дети. И он, я в том уверен, иногда с ужасом думает, что мог лишиться себя и любви, и семейного счастья.

Само провидение отводило от него девушку, которая, по всей видимости, не была ему парой, а он решил по-своему – под машину. Беда Ромео в том, что он был нетерпелив, а потому и глуп. **Настоящая любовь, даже если она неразделённая – её ещё называют несчастной, – даже такая любовь никогда не приведёт к мысли о смерти. Потому что настоящая любовь – это сама жизнь, это вечность, это то, что созидает.**

А потому хочу повторить: если ситуация зашла в тупик, не рви постромки, оглядись спокойно, потому как сама жизнь укажет выход из трудного положения. Дай только время, и само твоё терпение направит тебя к потаённой двери, за которой окажется различимая и прочная дорога к счастливой жизни.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Кто-то из великих сказал, что всякая жизнь бесценна, никакая жизнь не может заменить другую жизнь, никто не вправе повторить жизнь и оборвать её.
 - Как вы понимаете эти слова?
 - К кому из героев рассказа эти слова относятся в первую очередь? Докажите примером из текста.
2. Объясните, почему эти слова нельзя отнести к Ромео? Для полного ответа на данный вопрос проследите по тексту, что произошло в жизни молодого человека до поступления в клинику.
3. В чём вы видите причину такого решительного шага в жизни героя? Стоило ли ради этого лишать себя жизни?
4. Известны ли вам подобные случаи?
5. Можем ли мы утверждать, что спустя месяцы после успешной операции в новом облике молодого героя не осталось ничего от прежнего Ромео? Обрисуйте дальнейшую жизнь этого человека после рождения его ребёнка.
6. А приходили ли вам мысли о самоубийстве? В чём для вас заключается смысл жизни?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Есть ли в рассказе «Ромео» предупреждение? О чём оно? Письменно сформулируйте свой ответ.
2. Пользуясь толковыми словарями, найдите значение слова «эгоизм».

гл. 30

Первый снег

Туманная сырость сменилась косым снежным дождём: крупные хлопья скатывались вниз, расчерчивая всё видимое пространство, и исчезали, едва касаясь земли. Устроившись на сеновале, Генка разглядывал обледеневшие ветви яблони. Ему было жалко их за покорную беззащитность. Не поворачивая головы в сторону друга, устроившегося рядом, он спросил:

– Слышь, Лёх!

– Чё?

– А как думаешь, деревья зимой умирают или просто спят, как медведи?

Лёшка авторитетно засопел:

– Фиг их знает, может – мрут, а может – так стоят.

Они замолчали. Генка выглянул в окно и попытался посадить на ладонь какую-нибудь сытую, зазевавшуюся снежинку.

– Слышь, Лёх, – обернулся Генка.

– Чё? – устало отозвался тот.

– А на что снег походит, думал?

– Фиг его, на сахар, наверное.

– Иногда и на мороженое, да?

– На мороженое? – Лёшка приподнял голову и посмотрел на друга. – Редко.

– А на то, что около ОРСа* продавали по 10 копеек, помнишь?

– На него чаще, – сглотнул слюну Лёшка. – И ещё на апельсины.

– С чего бы? – удивился Генка, – апельсин жёлтый, снег белый...

* Отдел рабочего снабжения (ОРС).

– Зато вкусный, апельсин-то, – назидательно пояснил Лёха.

– Вкусный, это факт, – согласился Генка и вспомнил апельсин, каким его угощала соседка тётя Стеша.

Он тогда с вожделием очистил яркий диковинный плод и съел его, сначала по дольке, а потом уже по полдольки, по кусочку, а кожуру надёжно припрятал в карман: руки ещё долго хранили терпкий аромат, а когда корочки подвяли, он спрятался за сарай и догрыз их до самой цедры. Генке на мгновение померещилось, что уличная прохлада вдруг запахла апельсинами. Лёшка, словно расслышав этот запах, заёрзал, вздохнул и принялся грызть травинку.

У Лёхи Лаптева была неровная, но яркая биография: вот уже второй год он крепко держался за парту четвёртого «А» класса, нещадно матерился, дрался на переменах и достаточно ловко срывал уроки. Отчего вдруг опрятный и покладистый ученик второго «В» класса Генка Ракитин связался с Лёшкой, никто не понимал. Однако все пацаны к этой дружбе относились с уважением.

Лёшка неожиданно приподнялся, взгляделся в самый тёмный угол сеновала и спросил:

– Геша, а правда говорят, что Манька помрёт?

– Не знаю точно, но говорят, что помрёт, – задумался Генка, вспомнив о сестре.

Маша много дней провела в больнице, но на прошлой неделе её неожиданно привезли обратно. И в доме воцарилась настороженная тишина. По комнатам ходили и шептались незнакомые люди. Печь стояла остывшей, и казалось, пахло лекарствами. К обеду соседка тётя Стеша приносила холодные щи, Генка съедал несколько ложек и сбегал на улицу, где его ждал Лёшка, у которого всегда можно было разжиться куском хлеба и колбасы. Где Лёшка добывал колбасу, Генка не знал. Однако, по его словам, на мясокомбинате, на котором работало полпосёлка, колбасы было прорва. В самом посёлке колбасу не продавали, а вывозили специальным поездом в Москву. Генка, кстати, гордился тем, что москвичи едят поселковую колбасу, и никак не мог

понять, отчего взрослые без конца ругают какого-то «преда» и поселковый Совет.

Генка попытался выбраться из своего лежбища.

– Тише ты, – рассердился Лёшка, заслоняясь ладонью от поднимающейся сеной пыли.

– Слышь, Лёх...

– Чё?

– Ты мне друг?

– Ну.

– Откуда у тебя колбаса?

– А-а... – многозначительно ответил Лёшка и сплюнул сквозь зубы, и, словно беседуя с кем-то посторонним, спросил: – А ты пойдёшь колбасу тырить?

Генка прищурился и с азартом посмотрел другу в глаза.

– А вправду возьмёшь?

– А ты вправду пойдёшь?

– Пойду, а когда?

– Можно сегодня, можно потом.

– Ну, ясно, сегодня, – с трудом сдерживая восторг, прошептал Генка.

За сараем хлопнула калитка. Мальчишки насторожились и выглянули в окно. В огороде появилась тётя Стеша.

– Гена-а... – позвала она.

– Чё, тётя Стеш? – отозвался Генка.

От неожиданности женщина вздрогнула, невнятно ругнулась и наспех окрестила рот.

– А-а, вот вы где! Давай сюда, мать кличет. И этот басурманин с тобой? А, чёрт бесстыжий, а ну ступай по своим...

Лёшка выпрыгнул в окно и неспешно пошёл прочь. У калитки тётя Стеша вдруг остановилась, внимательно оглядела Генку и отряхнула с его шапки соломинки.

– Ты уж к Машеньке поласковее будь, Геночка, сам понимаешь, – она поглядела куда-то вдаль и вздохнула, – помоги ей, Господи.

Генка прошёл в дом, разделся и направился в комнату родителей. Пахло лекарствами и горечью. Маша сидела на кровати, подложив под спину подушки, она прикрыла одеялом исхудавшие плечи и попыталась улыбнуться.

– Здравствуй, Гена.

– Здравствуйте, – ответил Генка и посмотрел на отца, как бы ища помощи или подсказки.

– Ну ты что, отвык? – отец приобнял Генку за плечи и попытался рассмеяться. – Ты что, Геша, подойди к сестре, Мария ждала тебя столько.

Генка настороженно присел на краешек кровати и занялся подсохшими мозолями на грязной ладошке.

– Ген, я всё хотела тебя спросить, – Маша коснулась его руки. – Ты наш секретик не трогал?

– Даже не касался, – ответил Генка и посмотрел на дверь.

– А ты что загадал тогда, скажешь? – попросила Маша.

– Кажись, пилотку солдатскую, как у дяди Саши, – видела?

– А я, знаешь, что загадала?

Генка пожал плечами.

– Я загадала, чтобы Лёшкины родители перестали пить навсегда.

– Фигня эти загадки, они вчера опять нажрались, – оживился Генка.

– Тебе Лёшка сам сказал или ты подслушал?

– Сам сказал, а ещё он говорил...

– Что я скоро умру, правда? – И она со спокойной надеждой посмотрела ему в глаза.

– Да.

– А он смеялся при этом?

– Что ты говоришь, доченька, – отец поднялся и зачем-то закрыл форточку.

– Нет, папочка, нет, – Маша ещё плотнее закуталась в одеяло. – И ты, Геночка, ты передай своему Лёшке, пусть он не смеётся и не

ругается больше. А ты сам, сам учишь хорошо и не обижай хотя бы маму, и учти, мне оттуда всё будет хорошо видно.

Отец не выдержал, вытолкал Генку из комнаты и позвал врача. «Господи, господи», – замолился кто-то на кухне. Генка остался один, равнодушно отодвинутый от происходящего. Мимо прошёл врач, задел его, извинился, взял его за плечи и поставил к вешалке, как какую-нибудь ненужную вещицу. Следом появилась тётя Стеша, и Генка попытался поймать её за рукав.

– Тётя Стеша, а Маша оживает?

– Господи, ну что ты говоришь-то?

– Тётя Стешенька, ну она не умрёт, не умрёт? – Генка уткнулся ей в живот. – А умирают – это как? Насовсем?

– Ну что ты, сердешный, ну пойдёшь к Лёшке, тот, подожди, заждался, иди.

А Лёшка действительно ждал в условленном месте. Они молча, по-деловому пожали друг другу руки.

– Отпустили? – спросил Лёшка и циркнул под ноги.

– Сам ушёл.

– Как Манька? – сдержанно спросил Лёшка.

– Помирать собирается. Передавала, чтобы ты не матюкался.

– Ага, понятно, сам придумал.

– Зуб даю, так и велела: накажи Лёшке, чтобы не ругался.

– Врёшь! – Лёшка развернулся и зашагал в сторону мясокомбината.

Посёлок ещё не спал. Во многих домах горели огни. А в самом конце улицы догуливала свадьба. Вскоре они оказались на окраине села, пробрались к бетонной стене мясокомбината и притаились в кустах.

– Лёха, чё дальше? – Генка осторожно выглянул из кустов.

– Тихо ты, спугнёшь, ждём теперь. – Лёшка прижал его голову к земле.

– Кого?

– Будешь молчать – увидишь!

– Ну ты толком объясни! – разозлился Генка.

– Смена уже кончилась, щас полезут.

Генка ничего не понял совсем, оробел и притих. Лёшка сидел на короточках и с азартом слушал тишину, пока не нашёл в ней шелест настороженных шагов. Над бетонным забором появилась чья-то голова.

– Кто это? Дядя Игнат, что ли? – обрадовался Генка.

– Тише ты, молчи!

Голова скоро исчезла, и на её месте появился мешок, который кто-то перебросил через забор и уронил в траву.

– Всё, Игнат через проходную пошёл, быстро, у нас пять минут.

Лёшка бесшумными кошачьими прыжками добрался до забора и принялся шуршать в потёмках в поисках мешка. Генка, подражая другу, опустился на колени и, перебирая влажную листву, пополз к забору. От страха и азарта он на какой-то миг позабыл, для чего ползает по сырой земле, но вдруг наткнулся на ещё тёплый брезентовый мешок.

– Есть, Лёха, сюда!

Генка с жадностью вцепился в мешок, точно гончая в зайца, и потащил его в сторону кустов. Лёшка подхватил свободный угол, и они помчались что есть духу прочь. Страх гнал их всё дальше и дальше...

– Ну всё, всё, – остановившись, прохрипел Лёшка, – хорош бегать.

Они понадёжней перехватили мешок и уже ровным и настороженным шагом пошли по посёлку.

– Геш! А ты мастак, с тобой дело пойдёт! – Лёшка неожиданно решился на похвалу.

– Я испугался сильно, – сознался Генка.

– Это ничего, обвыкнешь, первый бой всегда репой пахнет.

– Лёшка, как ты думаешь, дед Игнат тибрил или просто домой нёс?

– Ага, ему премиальные колбасой выписали.

– Ну и как же он теперь?

– Ничё, ещё выпишут, не своё добро, не жалко.

– А если узнает про нас?

– Про тебя не знаю, а мне костей не собрать – убьёт.

Генка остановился и прислушался к улице.

– А вдруг он нас ищет?

– Ищет-свищет – не пахни, – Лёшка решительно сплюнул, дёрнул за мешок, и они пошли дальше.

На другой день Генка вернулся из школы и ещё издали заметил открытые настежь ворота и красную крышку гроба, прислонённую к стене дома. На крыльце сидел Лёшка, подле стоял мешок с колбасой.

– Здравóво! – сказал Лёшка и показал на мешок. – Твоя доля.

– А это зачем? – Генка потрогал тряпочку на гробовой крышке, словно подозревая, что Лёха прихватил её где-то по дороге для хозяйства, под картошку.

– Манька померла, вот зачем. Какой ты непонятливый. – Лёха разозлился.

– А мать что?

– Ничего. У гроба сидит, слезы не проронила. Тоже непонятливая. Бабы и те говорят, что непорядок своё дитя не жалеть.

Лёха выругался и с какой-то предельной обидой сплюнул.

– Все вы тут малохольные.

– А это ты зачем приволок? – Генка пнул ногой по мешку.

– Это на поминки. Я ведь на Маньке жениться хотел, почти шурином тебе, не чужой вроде. – Лёшка с притворной нежностью поправил воротничок на Генкином пальто и показал на мешок. – Берись, схоронить нужно где-то.

Они занесли мешок в дом и спрятали его в углу за вешалкой под старыми пальто и, не раздеваясь, прошли в комнату, посреди которой на лавочках стоял гроб. Маша лежала под белой простыней, а накрахмаленный платочек с васильками отчётливо оттенял пергаментный тон её лица, казалось, что сами складочки на платке и на белье намного естественнее и живее той полуулыбки, что застыла у неё на губах. В какой-то момент, ещё до того как пройти в комнату, Генка надеялся каким-то хитрым уголком своей души, что вся эта история ещё может обернуться шуткой, что Маша, вдруг, посреди общего отчаяния, поднимется из

своего гробика и рассмеётся, но теперь, вглядываясь в её чужое, едва знакомое лицо, он всё яснее понимал, что её больше нет. Она ушла или спряталась, а вместо неё осталось что-то и нечто совсем другое, и такое, что никто вокруг не понимает, как с этим быть, что говорить, что делать и как возле него ходить. И теперь он не удивился, теперь он понял, отчего мать сидит возле гроба, возле самого изголовья, совершенно отрешённая и растерянная, с лицом ровно таким же, как у покойницы, словно пытаюсь разгадать, что это и что теперь с этим делать.

Люди входили и выходили, но она ни разу не повернула к ним головы, она даже не слышала их, и они ничего не могли ей подсказать. Генка знал, что ему тоже нечего ей подсказать, и не то чтобы подсказать, а просто что-нибудь сказать. Он понял, что ему неловко стоять посреди общего безделья и безмолвия, и вышел на кухню. Лёха пошёл за ним. Тётя Стеша рассадила их по стульям, точно пластилиновых мальчиков, и налила по тарелке щей.

— Поешьте спокойно и гуляйте на улице, — сказала она.

И вдруг эти щи, с нежной масляной плёночкой, показались единственно разумным и предельно рассудочным предметом во всём доме, и очень постыдным, и он заплакал. Лёха достал из-за пазухи полкруга колбасы, разломил его с таким сытным треском и протянул Генке.

— Заешь и терпи, видишь, я тоже не в себе.

Хоронили в воскресенье. Всю ночь и утро валил снег. «Покров», — говорили довольные люди, разглядывая снег, будто в этом слове таилась какая-то тайна.

В кузове старенького грузовика стоял гроб, забросанный еловыми ветками. Возле него на табуретках устроились мама и папа. Грузовичок затрясся, заскрежетал и нехотя тронулся в сторону кладбища. Бабушки тревожно и дружно заголосили, словно соперничая с надсадным воем двигателя, и принялись бросать ветки под ноги идущим вослед. Генке вдруг захотелось поднять одну из них, с ароматными шишечками, но отец грубо одёрнул его, а навстречу, из домов, выходили люди, снимали шапки и крестились.

Кладбище встретило тишиной, которая вдруг поглотила всё, что до этого шумело и двигалось: и надсадный гул грузовика, и вой старух, и шум шагов. Яма была готова: свежую глину вокруг могилки растоптали большими сапогами, и теперь она походила на безобразную пасть чудовища. Гроб поставили на табуретки, открыли крышку. Генке вновь захотелось отвернуться от беспомощности и бессмысленности происходящего, в котором взрослые люди существовали и действовали, точно отчуждённые механизмы.

– Поди, простись с сестрой, – приобняла Генку тётя Стеша.

Генка не знал, как прощаются, остановился у гроба и, стараясь не глядеть на Машу, с недоумением обернулся в сторону тёти Стешы.

– Лоб целуй, целуй лоб, – прошептала она.

Генка решительно нагнулся и с осторожностью и гадливостью коснулся губами холодного и чуждого предмета и, не оглядываясь по сторонам, постарался как можно дальше отойти от могилы. Отчётливый стук молотка поднял птиц над кладбищем, и Генка отчего-то с завистью посмотрел им вслед.

Люди с кладбища шли молча, отделённые и независимые друг от друга, и такими же отделёнными и непричастными группами собрались во дворе. В комнате были расставлены столы с едой и водкой. Генку посадили и поставили перед ним тарелку с горстью кутьи и блинов. Места за столами всем не хватило, и потому люди спешно выпивали, закусывали и уходили покурить во двор, а их места занимали вновь прибывшие, ели неохотно и равнодушно, выпивали молча, а редкие живые разговоры, вдруг возникавшие где-нибудь в углу, так же вдруг прерывались и тонули в общем оцепенении и неловкости. Генка попытался спрятаться от этого механического мира в детской, но там, точно на вокзале, пахло хлоркой и мокрой одеждой, наваленной на кроватях, и тогда он вспомнил про колбасу. Ему показалось, что такая диковинная и вкуснейшая редкость способна обрушить всеобщее недоумение и вернуть застолье к привычному и живому ходу. Он добыл из тёмного угла мешок, потащил его в комнату и поставил возле матери.

— Мам, — с надеждой сказал он, развязав мешок. — Мам, это вам на поминки. — И Гена выложил на стол круг колбасы.

Люди притихли.

— Что это? — отстранённо спросила мать.

— Как что? Колбаса. Людей порадовать.

Мать с недоумением взяла круг колбасы и вдруг прокусила его зубами и жалобно завывала. А Генка не испугался, он крепко обнял её и заплакал вместе с нею.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

То, что жизнь не бесконечна и заканчивается смертью, я осознал лет около двенадцати. И потерял покой. Этот факт конечности человеческой жизни сводил меня с ума. Особенно вечерами, когда я лежал в кровати: мысли о смерти пугали меня. Мне было жаль себя, смерть казалась омерзительной и страшной, а жизнь чудовищно несправедливой. Но сколько я ни думал о смерти, я не мог найти ответа. Позже я успокоился, потому что все мои усилия всё равно были бесплодными. Но с детства я не уставал думать об этом и понял, что ответ надо искать в понимании смысла жизни и того, что оставишь ты после себя.

А прожив жизнь, я понял, что человек к старости «не хорошеет», обычно груз прожитых лет — властолюбие, скупость и другие пороки развращают человека и в конце жизни делают его невыносимым для окружающих людей, да и для себя самого. И, **возможно, смерть необходима для того, чтобы зло не было вечным, чтобы оно заканчивалось и уходило вместе с человеком, а оставались только добро и добрая память о хороших людях, с которыми нам довелось жить, о добрых делах, которые мы помним и которые служат нам.**

Но почему умирают дети?! Я не знаю. И всю душу свою не могу согласиться ни с единым объяснением, и тем более когда говорят, что «на всё воля Божья». Да, такова жизнь, не нами она придумана, но в

этой данности нам жить. И всё-таки было чудо — совсем юная и очень большая девочка Маша, оставила свет заботы и любви, и даже поругала и пострашала, радуя за тех и ради тех, кто будет жить дальше.

Светлая ей память.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Диалог двух друзей Генки и Лёхи, переданный автором в начале рассказа, говорит об их детской непосредственности. Совсем не по-детски ребята переживают болезнь Маши. Как автор повествует о событиях, связанных с болезнью девочки?
2. Какую просьбу высказывает Маша при разговоре с братом? Почему?
3. Осознаёт ли Генка, что в их семью пришло настоящее горе?
4. Как вы думаете, воровство было для мальчиков подвигом или преступлением? Почему? Из сюжета рассказа ясно, что Лёха идёт на воровство осознанно.
5. Сцену похорон автор заканчивает словами: «...Отчётливый стук молотка поднял птиц над кладбищем, и Генка отчего-то с завистью посмотрел им вслед». Порассуждайте, почему автор использовал слово «с завистью»? Что это даёт читателю для понимания того состояния, в котором пребывал мальчик?
6. Как объяснить поведение Генки, когда тот во время поминок притащил в комнату мешок копчёной колбасы? Как отреагировала на это мать героя? И как повёл себя сам Генка?

Дополнительные задания

1. Перечитайте фрагменты рассказа, где юные герои Генка и Лёха вместе проводят время.

- Дайте оценку этим отношениям.
 - Что даёт эта дружба с второгодником Лёхой опрятному и покладистому Генке?
2. Найдите последние слова, сказанные старшей сестрой. Как вы думаете, исполнит ли Генка просьбу своей умирающей сестры?
 3. Есть такой фразеологизм «не первый снег на голову». Найдите во фразеологическом словаре его значение. Почему рассказ называется «Первый снег»?
 4. Как вы понимаете последний абзац рассказа? Почему Генка не испугался?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Пользуясь толковыми словарями, найдите значения слов: жизнь, справедливость, смерть, поминки.

ЗАДАНИЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

1. Чем отличается мировосприятие ребёнка и взрослого в отношении мира живого и мира мёртвого, одухотворённого и механического, лжи и правды, подвига и преступления? Обратите внимание на слова, которыми пользуется автор, характеризуя героев и описывая похороны? Может быть, в поисках ответа на эти вопросы вы тоньше и глубже поймёте причины нелогичных поступков ваших детей.
2. Дети хоронят колбасу («схоронить надо» и «спрятали в углу за вешалкой»), а взрослые – ребёнка. В чём смысл этой трагической аналогии?

гл. 31

Родник счастья

Дорогие мои старики!

Сегодня был странный день, день воспоминаний. Память с самого утра ходила за мной следом и толкала в спину, и я то улыбался, то сердце тоскливо сжималось и вдруг хотелось вернуться в ту далёкую и счастливую пору детства и юности.

Вы помните, как приучали меня к послушанию? Долго и, как мне кажется, безрезультатно. Был один случай в огороде, особенно смешной. Мама, ты читала какой-то роман, в котором настоятель монастыря посадил пару саженцев капусты вверх корешком и распорядился дальше так же сажать послушнику. Через некоторое время послушник доложил, что всю порученную работу закончил. Когда настоятель увидел ровно посаженную вверх ботвой капусту, он сделал первое внушение юноше о послушании, мол, дорога не капуста, сынок, дорого послушание.

Наступила весна, и пришло время высаживать капусту на нашем огороде. Ты, мама, пристроила ящички с рассадой вдоль грядки и повелела мне заняться их посадкой. Ты стала показывать, как я должен посадить капусту: выкапывала ямку и опускала в неё нежные зелёные листочки капустной рассады, присыпала их так, что на поверхности оставался только корешок.

— Понял? — спросила ты, и я с готовностью кивнул головой.

Ты не знала, что я читал взрослые книжки ровно следом за тобой, и уже был знаком с педагогической хитростью настоятеля. Я уже знал, что старших необходимо слушаться без условий. И даже в том случае, когда они ставят росточек с ног на голову. Через полчаса вся капустная рассада была уничтожена, то есть высажена в полном соответствии с

директивой, и я бодро отрапортовал о своём трудовом подвиге. Я отчётливо помню, как ты, милая моя мамочка, не спеша вытерла руки полотенцем, оставила тазик с картошкой и вместе со мною вышла в огород. Я шёл впереди и чувствовал себя героем.

Когда мы подошли к грядке, ты оцепенела. Я стоял рядом и ждал всяческих похвал — естественно, не за убитую рассаду, а за послушание. Но ты подошла к грядке и медленно вытянула крайний капустный корешок. Ещё недавно столь нежные и молодые зелёные капустные листочки сникли и удручённо лежали в твоих укоризненных ладонях.

— Ты что же наделал, стервец?! — вдруг вырвалось у тебя. — Ты же всю рассаду угробил!

Ты подхватила прут и погналась за мной. Но я был лёгок на ногу и, удачно совершив необходимые манёвры меж грядок, попытался ещё раз доложить, что исполнил всё с самой откровенной дотошностью и, полагаясь только на приобретённые назидания, посадил капусту.

На шум появился отец. Он остановился и принялся наблюдать, как ты гоняешься за мной по огороду. Наконец ты устала и, задыхаясь от бега и негодования, подняла дыханием прядки, прилипшие ко лбу.

— Что стряслось? — спокойно спросил папа.

— Ты посмотри, что он с капустой натворил!

Мама, прости меня, ты тогда, едва сдерживая слёзы, присела подле капустной грядки и сказала:

— Саша, у нас больше рассады нет, эта вся.

Отец не читал вдумчивых книжек, а потому спокойно освободил от застёжки и брючных бретелек свой казённый ремень.

— Не надо, Саша, я сама виновата.

— Не понял. Кто изуродовал рассаду?

— Я сама показала ему, что надо сажать вверх ногами, он и посадил.

В этот момент я постарался незаметно исчезнуть, потому что понимал, как тебе трудно будет объяснить непросвещённому отцу самую суть и оттенки своего назидания.

Дорогие мои старики, сколько счастья было в нашем детстве! Теперь мы уже отяжелели, не такие смешливые и энергичные — познакомились с жизнью и своей усталостью. Но какое счастье, когда мы встречаемся в день рождения или когда приходим поздравлять племяншей. И чудно: в одном я вижу твои глаза, мама, в других — отцовские жесты и мимику. Вы невольно живёте в нас. Жить трудно, трудно всем, но нам легче, нас много и мы рядом. Спасибо вам, мои старики, спасибо за детей, за моих сестёр и младшего брата. Завтра мы будем опять вместе, у братишки родился сын, а у Верки — уже внук. Праздник! Нас всё больше и больше, а родник нашего счастья — это вы, мои старики.

Прощайте. Недавно узнал, что слово «прощайте» от слова «простите». Уходя, гости просили прощения, если чем обидели или помешали хозяевам. Прощайте и простите нас, ваших детей. Жаль только, что письмо мне отправить некуда — вас нет. Нет, неправильно написал. Вы — есть. Вас нет среди нас на этом свете, но вы всегда будете в памяти, в улыбке наших внуков, в характере... и радостных и благодарных воспоминаниях.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Одиночество. Мне трудно представить его, потому что моё детство прошло среди многочисленной родни. Теперь это наша семейная традиция. Мы ещё не старики, но у нас уже семь внуков, а потому мы не боимся старости.

«Зачем плодить нищету» — теперь, к сожалению, многие так думают и говорят, мол, дай Бог одного поднять и в люди вывести. Одному денег больше достанется и на учёбу, и на одежду, и на будущее. Эти рассуждения не выходят за рамки заботы о детях. Но ведь многие почему-то не задумываются и знать не хотят, что при таком падении рождаемости в нашей стране на каждого ребёнка скоро будет приходиться два пенсионера. На одного работающего и выплачивающего пенсионное отчисление — два неработающих, а зачастую немощных и требующих

дополнительной заботы старика! Может, вы думаете, что отчисления в Пенсионный фонд, которые вычитают сегодня из нашей зарплаты, откладываются в специальный ящик государственного комода? Ошибаетесь. Эти деньги идут на содержание ныне живущих пенсионеров. Представьте себе, каково будет вашим детям через двадцать лет! Этим я хотел сказать лишь одно, что **если вы действительно любите своего ребёнка, то обязательно укрепите, обезопасьте, облегчите его жизнь, подарив ему много братиков и сестрёнок***.

И в подтверждение своих выводов приведу пример из жизни. Если бы моя тёща в своё время не нарожала детей, то сейчас мы с женой и не знали бы, что с ней делать. В восемьдесят шесть лет она сломала ногу. Понятно, что в этом возрасте кости не срastaются, понятно, что мать родная. Теперь четыре месяца она живёт при нас, потом четыре месяца – у старшей дочери и так далее.

Демографическая проблема не является проблемой слабой экономики, тому пример некоторые азиатские и африканские страны. Проблема демографии – проблема нравственная, проблема обострённого эгоизма.

Трудности по силам, когда нас много. А где трудности по силам, там и живёт наше симпатичное и весёлое счастье.**

* В 2000 году в стране было 38 миллионов пенсионеров, это на один миллион человек больше, чем детей. В этом же году было 10 миллионов инвалидов, в 2005 году – уже около 12,5 миллиона. В 2016 году численность выходящих за пределы трудоспособного возраста в Российской Федерации почти вдвое превысила численность вступающих в трудоспособный возраст.

** Недавно племянник из школы в порезанной куртке пришёл. Стали выяснять, и оказалось, что в школе учатся около десятка недавно прибывших к нам жить представителей иных государств. С пятого класса у каждого нож. Попытались они построить наших мальчишек, когда те заступились за учительницу. Наваляли им наши ребята по полной программе. А как же иначе, если на учительницу нож наставили! Потом в школу вся диаспора пришла. Гвалт был, будто цыганский табор в школе остановился. Про учительницу и нож слышать не хотели. Впереди большая работа с новыми соседями, терпеливая и долгая, но русскую традицию миролюбия и уважения коренного населения нужно сохранить. И тогда никто не сможет ослабить нашу многонациональную Родину.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Можно ли отнести этот рассказ к жанру письма? Назовите основные признаки этого жанра, приводя примеры из текста.
2. Кому адресовано это произведение? Какими словами передано обращение? Почему автор решил использовать именно этот жанр?
3. Перескажите урок послушания, преподанный матерью в раннем детстве. Какие выводы сделал герой после посадки капустной рассады?
4. В чём счастье уже взрослого героя рассказа? Чем он гордится? Зачитайте в качестве доказательства фрагменты текста.
5. Согласны ли вы с утверждением, что любить своих родителей — блаженство?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Как вы понимаете смысл названия рассказа «Родник счастья»?
2. Согласны ли вы со словами автора, обращёнными к родителям: «Вы невольно живёте в нас...»?
3. На основании данных таблицы можно ли утверждать, что многодетная семья — это хорошо или плохо?
4. Каково мнение автора рассказа по этому вопросу?
5. Найдите фото своих родных. Кто на них запечатлён? Как вы думаете, на кого из них похожи вы (брат или сестра)? Что общего во внешности, а может, в личности, поведении, способностях или привычках вы замечаете?
6. Автор заканчивает своё письмо к родителям словом «прощайте». Каково значение этого слова для понимания авторского замысла?

Практические задания

1. Многодетная семья в России и многих других странах рассматривается как имеющая на иждивении от трёх и более детей, ни одному из которых не исполнилось 18 лет.

Заполните таблицу «Плюсы и минусы многодетной российской семьи». Сравните многодетную и малодетную семьи.

Характеристики	+ или –
1. Материальное благополучие семьи. Доходы. Уровень жизни	
2. Уровень физического здоровья детей и родителей	
3. Образование, его уровень	
4. Социальная адаптированность детей и родителей	
5. Уровень психического здоровья детей и родителей	
6. Уровень жизни стариков в семье	
7. Уровень защищённости детей от внешних угроз	

2. Попробуйте написать кому-нибудь из близких письмо, а не СМС. Чем очень личным вы хотели бы поделиться, о чём рассказать?

гл. 32

МОЛИТВА ДЬЯВОЛУ

Великий праздник День Победы!

Весна. Уже подсохшая с солнечной стороны улица, но ещё грязная в тени, а за сараями и в ямах — со льдом и остатками снега. Мне было эдак лет пяток, о том, что я счастлив, я ещё не знал. Но в тот год я впервые узнал, а затем запомнил, что самым великим праздником для живущих в нашей стране является День Победы. В школу я не ходил, только с завистью наблюдал за старшими сёстрами и мелко пакостил, разрисовывая каракулями их тетрадки. Пороли меня по заслугам и, как это было принято в деревне, основательно пороли. Я слёзно выл на разные голоса, отбывая наказание в углу и размазывая сопли, благодаря чему приобрёл к семи годам прекрасный и натренированный голос, приспособленный к исполнению самых сложных и модных песенных рулад. А модными были «Санта-Лючия» и «Джамайка»! Я без разбега поднимался до высот контральто, за что получал подзатыльники, и скатывался до низменного положения в уже изведанном мною лобном углу. Но в канун Дня Победы меня неожиданно помиловали и даже возвысили, утвердив перед гостями на крепком и обширном, как сцена, табурете. Я вкратце набросал перед зрителями самые эффектные фрагменты из своего репертуара, и мне долго аплодировали, но затем цинично пренебрегли моим талантом, предпочтя ему астматические звуки, доносившиеся из патефона.

Непосредственно 9 Мая маме выпало дежурство на станции, и мы с отцом пошли в «Погребок» — замечательное местечко, в котором можно было выпить пива, водки, разлитой в особенные толстые и гранёные рюмочки, отведать килечки, уложенной на тонкий кусочек

хлеба и прикрытой кружочком варёного яичка. А дети, ожидавшие своих родителей, всегда могли полакомиться лимонадом и песочными коржиками, щедро присыпанными сверху жареным арахисом. «Погребок» размещался в старом купеческом доме, первый этаж которого был кирпичным и притопленным в землю, типа полуподвала, а второй этаж занимала редакция.

Полутёмный зал казался прохладным, несмотря на порядочные облака из табачного дыма, гулявшие подле светильников. Мужики старались курить украдкой, прикрывая папироски ладонью, точно моряки или разведчики. И дымили, как правило, куда-нибудь в угол или под стол, который тут же всплывал, точно палуба над вязким туманом, и только пивные кружки светились на нём, как сигнальные огни. Буфетчица – дама строгих нравов и таких же безупречных женских форм – прогоняла всех «куряк» на улицу. И тогда мужики ещё плотнее прижимались к круглой столешнице и аккуратно подливали в пивные фонари водочки – для пущей яркости и ясности.

Отец устроил меня на широком и уютном подоконнике, откуда, точно с мостика, я мог наблюдать за происходящим. Я с любопытством глазел по сторонам. За каждым столиком говорили о своём, но, в принципе, об одной и той же жизни и с одинаковым душевным старанием. В то время в «Погребке» по большей части прозябали фронтовики – в застиранных гимнастёрках, обколотых наградами. Многие из них имели тяжёлые и неизлечимые ранения и увечья. От неловкой суеты и тесноты награды позванивали как хрусталики, и эти звуки сливались с перезвоном пивных бокалов и музыкальными тактами, доносившимися из уличного репродуктора.

Если кто-нибудь вдруг задирал соседа, мужики, находившиеся поблизости, как по команде, хватали негодника и выпроваживали восвояси. Помню плачущих мужиков, это меня больше всего удивляло, но теперь я понимаю, война тогда надорвала всех. Война – она всегда, во все времена одинаковая. Вся страна воевала, вся страна отмечала День Победы, вся страна была во хмелю.

Вскоре я придремал, убаюканный уютным подвальным гамом. Отец разбудил меня, снял с подоконника, и мы вместе с ним и ещё с каким-то весёлым мужичком пошли к нам домой. Я тут же узнал, что новый друг отца был «однопольчанин» и что они «в одних окопах умирали». У отца горели глаза, они вспоминали какие-то фамилии и воинские звания, а потом вдруг братались и плакали. Я стеснялся. Мне было неудобно за отца, который не стыдился своих слёз, говорил громко и вообще был очень размашист.

Потом они сидели на кухне за столом, а я лежал на полатах и слушал воспоминания двух солдат. Отец вынес парадный китель с наградами, мужик показал свои на груди выцветшей гимнастёрки под гражданским пиджаком.

– А ты помнишь медсанчасть?!

– Хаживал.

– Надо же, а я не решился.

– А цистерну спирта?

– Ещё бы! Вот это была атака!

Они смеялись, потом вдруг вставали и, не чокаясь, выпивали водку за тех, кто не вернулся с войны. Захмелели они быстро. Пытались петь. Отец хорошо пел, но теперь за столом голос его срывался, и он не мог закончить куплета. Потом вдруг позвал:

– Колька!

– Чё, пап?

– Пой!

– А что петь-то?

– А что хочешь, то и пой!

И я запел только что выученную песню «О чём, дева, плачешь». Я пел искренне, самозабвенно, с надрывом и тонкими руладами. Сидя на полатах, я не стеснялся, потому что никто не глазел на меня, я пел будто для себя.

Мужики слушали, изредка смахивали слезу, качали кудлатыми головами, а когда я затих, однопольчанин вдруг с чувством рубанул воздух и матюкнулся.

Отец помаячил перед его носом пальцем и сказал:

– Не похабь. У меня малец, – и показал в мою сторону.

Но не прошло и минуты, как мужик опять хватил забористо, да ещё и несколько слов по-немецки. Отец поднял его, вытащил в коридор и попытался образумить, но тщетно. Потом раздался удар и что-то рухнуло. Вернулся отец один. Прибрался на столе. Скоро пришла с работы мама. Боевой товарищ спал в коридоре на полу. Я не помню разговоров отца и мамы, я уже спал на полатах, утомлённый впечатлениями прошедшего дня.

Утром меня разбудил разговор на кухне. За столом сидел отец, мать у печи. Зашёл однополчанин. Он тёр подбородок.

– Вчера драка была, что ли? – спросил мужик.

– Драка? – удивилась мама и посмотрела на отца.

– Была, маленько, – ответил отец.

– Ну а я и думаю, почему челюсть болит? – мужик сморщился и опять потёр щетинистый подбородок. – Опохмелиться бы.

– Опохмелись, – ответил отец и налил однополчанину стакан огуречного рассола.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Прошли годы, я слышал много того, чего вам услышать не желаю. Да что греха таить, другой раз и сам хватанёшь сгоряча, а то и для убедительности, но если рядом пацанёнок какой или женщина, мат в горле застревает, потому что однажды отец сказал: «Не похабь!» Этот приказ алмазным резцом врезался в моё детское, ещё чистое и ничего не знающее сознание на всю жизнь.

В последние годы всё острее становятся речи борцов за чистоту русского языка и защитников иного фронта – естественной вседозволенности. Так кто же прав? Вопрос риторический, потому что ответ понятен всем, даже не очень умным и образованным людям.

Мат, сквернословие — это плохо, всегда плохо, особенно если он не ограничен личными принципами и уважением к окружающим.

Но надо понимать, что искоренить сквернословие как часть русского языка не удастся. Достаточно держать этот лексический арсенал в тёмном чулане и напоминать всем, не только юным бушующим душам, что там, в чулане, под крепким замком живут плохие слова.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Воспоминания героя переносят читателей в те годы, когда Кольке было всего пять лет. Он признаётся: «...о том, что я счастлив, я ещё не знал».
 - Какие события рассказа доказывают то, что герой позитивно воспринимает мир, окружающих его людей? Ко всему относится по-детски наивно?
2. Празднование Дня Победы — особое событие для нашей страны. Безусловно, особенно дорог он тем, кто прошёл дорогами войны, — фронтовикам.
 - Что вспоминают о войне отец мальчика и его товарищ?
 - Что значит выражение автора: «потом вдруг братались и плакали...»?
3. Колькино исполнение песни «О чём, дева, плачешь», искреннее, самозабвенное, выбило у мужиков слезу. И вот однополчанин «вдруг с чувством рубанул воздух и матюкнулся».
 - Каковы причины случившегося?
 - Как на это отреагировал отец мальчика? Что произошло дальше?
 - Какой урок на всю дальнейшую жизнь извлёк из этой истории наш герой?

Дополнительные задания

1. Некоторые современные «любители слова», стоящие на позиции вседозволенности, утверждают, что иногда «крепкое» словцо необходимо, ведь «из песни слова не выкинешь».
- Что вы думаете по этому поводу?

2. Дайте развёрнутый ответ на вопрос: «Как следует относиться к русскому слову?» Возможно, при ответе тебе помогут высказывания известных людей:

Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык – это клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками! Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса (И.С. Тургенев).

Чтобы повысить качество своего языка, нужно повысить качество своего сердца, своего интеллекта (К.И. Чуковский).

Относитесь к родному языку бережно и любовно. Думайте о нём, изучайте его, страстно любите его, и вам откроется лицо безграничной радости, ибо безграничны сокровища русского языка (Вл. Луговской).

И нет у нас иного достоянья!

Умейте же беречь

Хоть в меру сил, в дни злобы и страдания,

Наш дар бессмертный – речь (И.А. Бунин).

3. Как относитесь к сквернословию вы? А ваши родители?

Самостоятельная работа

1. Пользуясь толковыми словарями, найдите значения слов: скверна, хамство, пошлость.
2. Напишите небольшое рассуждение, начав его словами: «Рассказ “Молитва дьяволу” является предупреждением о том, что...»

гл. 33

ГОСТЬ ЧЁРНОГО ДОМА

На нашей улице стоял старый одноэтажный дом с окнами, вытянутыми кверху, словно монастырские бойницы. Время и дожди отчеканили его мощные брёвна, и он казался чёрным, даже на солнце. Яблони, сирени, беззастенчиво разросшиеся в палисаднике, совершенно скрыли его от посторонних глаз и сделали недоступным и таинственным.

В доме жила старуха с большим крючковатым носом и недвижимым взглядом. Она редко появлялась и всегда носила только чёрное: длинную юбку, застиранную до седины, чёрную кофту и тяжёлую шаль с кистями. Шаль была такой большой, что нам казалось, будто старуха накинула на голову чёрную простыню и вышла нас пугать. При её появлении мы, пацаны, разбегались врассыпную, потому что меж нами сложилось поверье, будто она ведьма и может заколдовать любого, кому только посмотрит в глаза. Она нам казалась очень страшной.

Рассказывали, что она с мужем появилась у нас в самом начале войны, их вывезли из Ленинграда. Они купили этот дом и прослыли очень богатыми. Но муж вскоре умер, а старуха осталась жить одна и в стороне от всех. Мы, уличные мальчишки, придумали, а после свято поверили, что она стережёт клад.

Да и сам Чёрный дом жил загадочной для нас жизнью. Мы не видели, когда привозили туда дрова или уголь, когда и кто прибирался в палисаднике или красил наличники на окнах. Но зимой из Чёрного дома валил сытный угольный дым, летом палисадник был выполот, а наличники торжественно поблёскивали на солнце, не в пример нашим — забелённым известью.

А у нас в доме жили открыто, тесно и шумно, что называется с распахнутой калиткой. В семье нас было четверо детей – я и три старшие сестрёнки. Ещё дед с бабушкой – мамкины родители. У нас всегда было шумно, весело и все всегда чем-то были заняты.

И всякое существенное движение по хозяйству – заготовка дров или сена – у нас превращалось во всенародный сход. Праздник! Всё шумело, двигалось – порознь и слаженно. Мужики ломали колуном упрямые чурки. Мальчишки складывали дрова в поленницу. Предлагали друг другу подышать самыми ароматными из них, пахнущими пряным муравьиным спиртом. Кто-то катал уголь в тачке, чьи колёса выписывали такие кренделя, что и самому запойному пьянице никогда не повторить. Девчонки помогали складывать посередь огорода стожок изпряного и ещё нежного сена, тёрли платочками и без того красные щёчки, подражая взрослым бабам, загадочно улыбались.

А мама с бабушкой что-то готовили, варили, крошили, раскладывали по тарелкам. Запахи солений и корешков носились по двору и дразнили голодные желудки. Потом застолье и песни. А как старики пели! Слаженно, на разные голоса. Мой дед, бывало, подхватит низким голосом, да вдруг расплачется. А когда я его спрашивал: «Почему, деда, плачешь?» – он улыбался и говорил, что соринка в глаз попала.

К нам ходили соседи. Мы – к соседям. Короче, суета, жизнь кипела. Потом мама решила рожать. И шуму стало ещё больше.

Дед подначивал:

– Давай, доченька, давай, только мужика нам, чтоб Миколке под руку, а то одни бабы на дворе, никакого с них толку.

– С вас толк большой, за стол да на горшок, – возражала бабушка, а к маме обращалась ласково: – Доченька, ну куда тебе их столько, солить, что ли? Так ведь погребца не хватит. Ты пойми, через год-два я тебе уже не помощница.

– Дети – на старость, – отвечала мама. – Эти скоро вырастут, девки – по мужьям, а этот, – она кивала на меня, – хвост пистолетом и

поминай как звали. А за себя не волнуйся, вон у меня какие помощницы подрастают!

Главное, потом все собрались в уголке, возле комода – мама, бабушка, сестрёнки – и давай, тряпочки, пелёнки, распашонки перебирать. Смеются. Жалуются. Клянутся не бросать друг друга, помогать. И плачут – одно слово, бабы. Бабы – да и только.

И вышли они из этого угла уже клином – сплочённой такой армией. И давай каждому рассказывать, что кому надлежит делать. И уж тут всех расписали – кому строгать, кому светить, кому окурки подбирать. А отец как-то умел выкрутиться. Пригласить этот бабий пыл. Подойдёт к маме, приобнимет её и скажет:

– Люблю я тебя.

– Чего?! – ещё с пылу-жару несёт маму.

– Красивая ты, – подмигнёт отец.

– А, – махнёт рукой, вдруг подобревшая, мама, – у тебя всё одно в голове. Кто про что, а вшивый всё про баню!

Но довольная. Пусть с боем, но свой комплимент получала.

...И всё-таки я полез в этот Чёрный дом. Пробрался по крыше соседского сарая. Сверху оглядел двор – никого. Но дорожки выметены, травка ровная, даже крапива под забором не растёт. Спрыгнул с двухметровой высоты, повалился на землю, а когда поднялся, то увидел перед собою страшную старуху.

– Здравсте, – растерянно сказал я.

Она вдруг протянула мне руку. Я зажмурился, подозревая, что сейчас она треснет меня по голове или, того страшнее, посмотрит в глаза.

– Прошу вас, как я понимаю, вы в гости пришли. Пойдёмте же пить чай, – сказала она и провела меня в дом.

Возле окна стоял стол. Сытно пощёлкивал самовар. И пар поднимался над початой чашкой с чаем. За окном я рассмотрел соседский сарай и понял, что старуха видела, как я пробирался во двор.

В комнате было темно, но очень чисто, так чисто, что казалось, будто здесь никто не живёт. Старуха предложила мне тяжёлый стул с рез-

ными ножками и прямой спинкой, украшенной шишечками и укрытой ажурной салфеткой с вышитыми вензелями. Поставила передо мной массивную фарфоровую чашку с позолоченной ручкой. Шоколадные конфеты в корзиночке, сплётенной из тончайших фарфоровых нитей, колотый сахар в просторной вазочке, устроила рядом щипчики и какой-то диковинный пинцет, изготовленный из серебра и украшенный гербами. А у нас таких вазочек и в помине не было — всё больше железные и алюминиевые тарелки, а чай мы пили из гранёных стаканов. А тут — чашка с блюдечком и пинцет.

— Угощайтесь, прошу вас, — предложила старуха, посмотрела на меня чёрными глазами и... погладила по голове. — Чай цейлонский, жуковского развеса, шоколад от Эйфеля. Это замечательная фабрика, поверьте мне. Попробуйте вот эти — с халвой. Халву там готовят просто вдохновенно.

Старуха молча пила чай и пристально разглядывала меня, а я ложечкой гонял по блюдцу кусочек сахара и всё оглядывался по сторонам. На окнах от самого потолка висели тяжёлые бордовые шторы, точно платья с поясками или занавесы в Доме культуры. Мне казалось, что сейчас из-за шторы, прямо по подоконнику, выйдет конференсье и торжественно объявит следующий номер концертной программы.

А у нас были только простые занавески с вышивкой. Вечерами бабушка, мама и сёстры садились на кухне за рукоделье и пели песни, как на репетиции. Бабушка вязала, мама строчила на старой швейной машинке, а сёстры вышивали на пяльцах. А я сидел на полатях и смотрел, как крестики превращались в цветочки на белой материи. Мне нравился шум швейной машинки, тепло печки и котёнка, который засыпал под моим боком и непрестанно мурзил, мурзил, мурзил, сладостно отзываясь всем своим тельцем. Но больше всего мне нравились песни. Начинала бабушка, сёстры подхватывали, а потом вступала мама — и получалось очень красиво. Я тоже пытался подпевать, но сёстры всегда просили меня заткнуться.

Чай был горячим, и я пил его с ложечки. Получалось чудно и шумно. Старуха всякий раз, когда я втягивал его, морщилась и кривила тонкие бескровные губы.

– Как вас зовут? – спросила она.

– Коля, – тихо ответил я.

– Вы вор, Николай?

– Нет, – удивился я.

Потом мы надолго замолчали, и мне показалось, что наступила моя очередь вести разговор, и я спросил:

– А вы живёте одна?

– Да, я одинокая женщина.

– А где ваши дети?

– У меня нет детей.

– Умерли?

Она не ответила.

– А это кто на картинке? – я указал на портрет в рамочке. На стене висело много фотографий, но только на этой была женщина в пышном белом платье.

– Это я.

– Ух ты! Красивая. А у вас и сёстры есть или, скажем, братья? – я совсем осмелел и съел пятую конфету.

– Нет. Скажем, брата у меня нет, впрочем, о сёстрах можно сказать то же самое.

– А у меня три сестры, вреднючие. Но больше я не люблю Верку. Она дрыгается по ночам.

– Вы вместе спите?

– Да, на одной кровати. Она развалится, как корова. Я два раза уже падал, а ей хоть бы что. Говорит, если я летаю по ночам, значит, расту! А вы кем работали?

– О, это достаточно подробная история, но, впрочем, извольте, пройдёмте в залу.

Она провела меня в большую комнату с кожаными креслами и роскошным диваном, в очертаниях замысловатой резьбы которого

угадывались львиные морды и даже лапы с грозными когтями, настолько точно вырезанные, что их непременно хотелось потрогать и даже поскрести своим собственным ногтем.

– Взгляните, Николай, – предложила старуха, – это моё пианино. Мой инструмент. А это скрипка мужа. Вы когда-нибудь видели пианино?

– Да, – ответил я, – в Доме культуры. А вы сыграйте что-нибудь.

– Извольте, юноша, а что бы вы хотели?

И я, приосанившись под местного блатяку, лихо спел:

– На палубе матросы курили папиросы, а бедный Чарли Чаплин окурки подбирал... пара-па-па! Умеете?

– Едва ли, мой друг, но я постараюсь разучить к вашему следующему приходу. Вы же придёте ещё? – спросила старуха.

– Приду, – согласился я и, едва коснувшись струн на таинственной скрипке, вернулся к столу.

Вскоре мы распрощались.

А конфет с собой старуха не дала. Я потихоньку стянул две штуки. Но она вышла меня провожать, открыла тяжёлую калитку в воротах и спросила:

– Что у вас в руке?

Я разжал кулак с двумя подтаявшими шоколадными конфетами.

– А ведь вы уверяли, что не воруете.

– Но это же сестрёнкам, – возразил я.

– Идите, – сухо ответила старуха.

– Спасибо, баба Соня. Спасибо. До свидания, – попрощался я.

Она вдруг посмотрела на меня насмешливо и удивлённо.

Я пожал плечами, не понимая, что сказал не так. И ушёл, опозоренный, но с гостинцами.

С этого случая и началась наша странная дружба с ней. Иногда, заметив меня на улице, она выходила и низким хриплым голосом звала:

– Николай!

Она звала меня, как взрослого, – Николай.

Я бежал к ней, она приглашала меня в дом, усаживала за стол, наливала чай и ставила передо мною пирог или ещё какую-нибудь вкуснятину. И мы разговаривали. Она, оказывается, была знаменитой пианисткой.

Я ел много, потому что старуха с собою не разрешала ничего брать. Одно мне было непривычно — когда она вдруг гладила меня по голове. Я всякий раз втягивал голову.

Так я перестал бояться Чёрного дома, и мои друзья, которые сначала по привычке прятались от старухи, теперь без страха, но с любопытством разглядывали её. А когда я шёл в гости к старухе, друзья просили:

— Сопри конфет.

— Как я сопру, если она меня проверяет. Ты, говорит, здесь ешь сколько хочешь, но не воруй.

Друзья обижались на меня. А дома удивлялись, но ходить к старухе не запрещали. Бабушка даже, напротив, говорила:

— Сходи, внучек, развесели старушку. Скучно ей одной, без внуков. Это у нас тут одно веселье, покою нет, а у неё тоска.

А отец как-то сказал, ты, мол, гость Чёрного дома. Все рассмеялись, а мне отчего-то сделалось жалко старуху — чёрную, худую и одинокую. И на праздник я подарил ей свой рисунок — рогатую корову с чёрными пятнышками. У меня только вымя нарисовалось ниже копыт, и потому казалось, что моя корова тащит его по траве.

Но старухе очень понравился мой рисунок, и она прикрепила его на стене возле фотографии женщины в белом пышном платье.

Вскоре старуха умерла. Я обнаружил её мёртвой на кровати. Позвал отца. Он посадил нас, ребяташек, возле ворот и велел ждать, в дом не заходить, никого не впускать, а сам ушёл вызывать милицию.

Потом он принёс домой фотографию «Женщины в белом платье» и сказал:

— Это тебе, сынок, на столе лежала, и записка, мол, Николаю. Значит, она знала, что помирает, и о тебе думала.

Я взял портрет в руки.

– Кто это? – спросил отец.

– Это баба Соня, она была знаменитой пианисткой.

– Надо же, – только и сказал отец.

А фотография куда-то делась. У нас было много переездов, да и мал я был совсем. Потерял я её. Ну потерял.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Я не знаю, отчего старуха осталась одна, почему у неё не было детей и почему одиночество поймало её своими тоскливыми руками. Я не знаю, почему она превратилась в чёрное страшилище, от которого шарахалась уличная детвора. Да это и не важно. **Важно то, что я уже тогда понял: одиночество — это страшно. И благодарен своим родителям за то, что нас много. И уверен, что наши дети будут благодарны нам с женой за то, что нас снова и вопреки всему тоже много.**

Отец потом бегал по всяким конторам, организовывал похороны и даже вместе с соседями устроил поминки. Я, как единственный друг старухи, сидел во главе стола. И все, когда предлагали помянуть её, смотрели на меня. А я смущался.

Я не знаю, что заставляло отца мотаться по конторам, оформлять бумаги и хоронить старуху. Были службы, которые хоронили одиноких людей на бюджетные средства, пусть бы и занимались. Но не такими были наши родители. Они посчитали, что не по совести без подобающих почестей провожать человека в последний путь, не помянуть при этом и не пожалеть.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Чем дорог родной дом для юного героя? Продолжите предложение: «Дом — это...»
2. В силу каких причин лишилась своего прежнего дома «старуха»? Поразмышляйте, что может испытывать человек, лишившись дома и потеряв близких.
3. Почему отец назвал Николая гостем Чёрного дома и в какой момент он стал другом? Что значит «гостить»?
4. Как юный герой подружился с хозяйкой Чёрного дома, какие открытия сделал для себя?
5. Приходилось ли вам встречать одиноких людей среди соседей или знакомых? Поразмышляйте о том, что можно предпринять, чтобы скрасить жизнь этих людей. Предложите решения данной проблемы.
6. Дружба с одинокой женщиной дала герою то, что, возможно, он не мог получить в родном доме. Как вы думаете, какие уроки жизни извлёк Николай из этих отношений?
7. Когда-нибудь у вас будет свой дом, каким вы себе его представляете?
8. Боятесь ли вы одиночества? Угрожает ли оно вам?
9. Каковы правила гостеприимства? Каковы права и обязанности гостей и хозяев?

Практические задания

1. Пригласите в гости своих друзей, подумайте, как их угостить, как встретить. Обсудите с родителями план встречи или помогите им встретить гостей.
2. Напишите эссе, ответив на вопрос: «Что для вас значит родной дом, что в нём вам особенно дорого?»

Гл. 34

ПИМИКИ

Дед Моисей давно поселился на кладбище в старенькой, но уютной избе. Он в точности не помнил, сколько времени прошло от того срока, но хорошо помнил тот день, в который решил, что здесь ему будет спокойней и интересней. Перетащил в сторожку нехитрый скарб и обосновался в ней, что называется, до конца, до самого последнего срока. И сострогал себе домовину, крепкую, покладистую и узкую, с расчётом на то, чтобы люди не мучились по зиме с могилою.

С того самого дня простой и непрехотливый труд кладбищенского сторожа приобрёл для деда Моисея смысл, значение и даже значимость. Он почувствовал себя не просто сторожем, но даже стражем на грани между да и нет, на грани между жизнью и смертью.

Ежедневно к часу дня открывал дед Моисей высокие и неподатливые ворота, сжигал накопившийся мусор, прибирал могилки, правда, за отдельную плату, словом – хозяйствовал рачительно и покорно. Люди скоро привыкли к нему, к его высокой и слегка сутулой осанке, к запущенной бороде и сухому кашлю, который, точно птичий зов, всегда раздавался из самых неожиданных уголков кладбища. А с какой-то поры они перестали отличать его от общего кладбищенского потустороннего уклада. И деду Моисею льстило подобное настроение. В нём слышался привкус вечности, такой же нетленности, какую он замечал в кованных металлических крестах.

На праздники, особенно на Пасху, на кладбище было людно. Дед ходил от компании до компании, договаривался на предмет, кому и что необходимо поправить на могилках, угощался, слушал воспоминания о покойных и сам любил добавить что-нибудь задумчивое: вот,

дескать, как получается, после человека добро остаётся. А зла, стало быть, уже не видно. Значит, получается, что зло в суете только водится, а на кладбище для него уже места нет, вот.

В прошлом году на Пасху, ближе к вечеру, когда почти все разошлись по домам, дед Моисей повстречал мальчонку, собиравшего на могилках конфеты и яйца.

– Что ж ты, шпанёнок, творишь-то, людей не стыдишься, – дед сжал его ухо крепкими и натёртыми пальцами. – А ну, складывай всё, где взял.

– Нафига покойнику конфеты? Добро только переводить, – мальчишка с сожалением ссыпал добычу на могилу.

– А тебе зачем, нехристь, – рассердился дед, – своих, что ли, мало?

– А если их вовсе нет, тогда что? – мальчишка сплюнул сквозь зубы и с раздражением посмотрел на деда, точно приготовился к драке.

– Коли так, моих возьми, – Моисей протянул ему пару конфет и яичко.

– Опаньки, – пацан рассмеялся, – сам натаскал полные карманы, а мне, значит, нельзя.

– Дура! – затрясся от негодования дед. – Мне люди дали, угостили, значит.

– А мне, значит, покойнички не пожалели, – мальчишка уверенно поглядел на деда и потянулся к могилке.

– Не балуй, кому сказал! – Моисей наконец опомнился и потащил мальчонку к себе в сторожку. – Ты чей, парень?

– Лаптев я, – сказал Лёшка, готовый к ответу и вызову.

– Ну Лаптев так Лаптев, – согласился дед. – Фамилия известная. А что так напрягся?

– Ничего. А ты чего так удивился?

– Вовсе нет, – пожал плечами дед. – Родителей не выбирают, родителей любят. – И провёл в сторожку.

Лёшка Лаптев уже второй год пытался одолеть программу четвёртого класса, без усердия и стыда перед одноклассниками. Ему даже

нравилось его особое положение и то, что его побаиваются и завидуют тому, что он сумел преодолеть детский страх, какой многих держит за учебниками, а не подле вольных удовольствий.

Лёшкины родители пили без меры и даже с каким-то отточенным и упорядоченным смыслом, за которым стояла непроходящая обида на жизнь, на людей, друг на друга. Мать только осенью узнала, что Лёшку оставили на второй год. Крайне удивилась, покричала для острастки и ушла в магазин за успокоительным. Лаптеву-старшему было проще – он вообще не помнил, в каком классе учится его сын.

Работал Лаптев на элеваторе, числился в сторожах и носил постоянную, запылённую шинель с зелёными петлицами и фуражку с надтреснутым козырьком и незагорелым пятнышком на околыше, оставшимся как воспоминание об утерянной кокарде. В своё время он женился на Вере, бойкой девчонке из школы счетоводов, обожавшей всякого рода общественную деятельность и саму возможность иметь среди людей авторитет и одновременно – права морального суда над ними. Однако женился Сашка скорее для факта, даже за-ради шанса иметь более устойчивое и уверенное положение в обществе. Положение это очень быстро приелось, и он предпочёл ему компанию всегда приветливых собутыльников. Вера с комсомольским азартом принялась бороться с пороком, и даже решила родить Лёшку. Но однажды вдруг посмотрела на сына внимательно, на его тонкие лопушистые уши, в точности отражавшие облик и характер отца, поняла что-то безнадёжное для себя и тоже запила.

Лёшкины родители обосновались каждый в своей компании, старались не встречаться лишней раз друг с другом. Лёшка боялся чужого мнения о своих родителях, оно казалось ему несправедливым, он сторонился даже жалости соседей, она виделась ему навязчивой и намекающей на то, с чем он не согласен и не хочет соглашаться. А в ответ на неосторожные остроты одногодков он дрался жестоко и с наслаждением.

Дед Моисей никогда не поминал Лёшкиных родителей худым словом и с уважением относился к той злости, с какой Лёшка защищал их

от людских пересудов. Не сразу, но как-то скоро и незаметно Лёшке сделалось уютно с дедом. Он прибегал к нему после школы, угощался щами или жареной картошкой, после с деловым и нарочитым видом раскладывал на столе учебники и привычно таращился в окно. Дед кряхтел в углу, а то и с пониманием обустроивал свет над Лёшкиным столом.

Однажды после обстоятельного ужина, когда вьюга особенно настойчиво подвывала в тёплую печную трубу, Лёшка решился и вовсе никуда не уходит от деда и собрал себе ночлег.

Углядев Лёшкины заботы, дед сдвинул очки на нос:

– Не растомляйся, домой ещё идти, родители, поди, ждут.

Лёшка поспешно собрался и с каким-то наслаждением и пониманием собственной значимости выскочил на улицу. Он пробирался в дом по заснеженной кашнице, и ему было тепло и щекотно от благодарности. Тогда же, по дороге, он нечаянно подумал, что Моисей для него есть не кто другой, как какой-нибудь незаконнорождённый дед, и даже решил, что так оно и есть, во всяком случае – так должно быть.

Сегодня дед Моисей ожидал Лёшку с особым нетерпением. Даже чай не мог попить со вкусом и, что называется, с душой – обжигался, как мальчишка, брызгал наливкой на клеёнку, протирал запотевшее оконное стёклышко и поглядывал то на тропинку, то на кровать, где под тряпочкой были спрятаны новые пимики для Лёшки. Прежние давно утратили своё непосредственное назначение и скорее напоминали условную формальность, нежели обувь: собирали снег всеми дырочками, раскисали, а утром черствели и натирали ноги до крови. Приметив такое безобразие, дед втихую собрался с духом и «денюшкой» и сходил в магазин. Долго ходил возле нужных полок, возил очки по носу, словно стараясь заглянуть в самую душу товару, наконец выбрал достойную пару и по возвращении принялся доводить её до ума. Размял под колодочку, с тем чтобы и в простом носке было способно бегать, по-особому, по-фартовому завернул голенища и даже положил на них цветной ниткой узор – скупой, немного неровный, но нежный и

мужественный одновременно. Подшил пятку, подошву и закрепил носок. Полюбовался совершённой работой, запеленал пимики в тряпочку и осторожно положил их на кровать, точно притихшее дитя. Наконец прибежал Лёшка, с шумом, растирая уши, разделся, согрел ладони подле самовара и с жадностью набросился на чай. Дед с какой-то нарочитой и спокойной тщательностью разглядывал снег за окошком и улыбался.

– Да, видать, холодно совсем стало, – вдруг рассудил он.

– Терпимо, – отмахнулся Лёшка и захрустел карамелькой.

– Терпимо, да долго не стерпишь, – дед вновь сосредоточенно поглядел на сугробы. – Да, точно, холодно стало.

– Ну, – согласился Лёшка.

– Му, что мычишь, как телок? Холодно. А до Нового года ещё далеко.

– Ну...

– Вот тебе и му, далеко. А ходить-то не в чем.

– Кому? – не понял Лёшка.

– Яму. Телку мому, – рассмеялся дед и щёлкнул Лёху по носу. – Ты вот что. Я там, на кровати, тебе пимики приготовил. Но, чур, с прицелом. На Новый год, значит.

– Мне, что ли?! – Лёшка в два прыжка оказался возле кровати, нашёл пимики, примерил обновку и даже сплясал что-то навроде «яблочка». – Ну деда! Ну ты человек! А! Смотри, как родные. И голенища завернул и подшил!

Лёшка обнял деда Моисея и пощекотал носом у него в бороде:

– А тебе, знаешь, – прошептал Лёшка, – я тебе на комбинате колбасы натырю. Целый мешок!

– Не моги. Даже не думай, – дед погрозил заскорузлым пальцем. – Я пимики не крал, и ты сам всё делай.

– Сам, сам, – расстроился Лёшка. – Ну чё я могу-то для тебя сделать-то?!

– Вот. Именно, – дед менторским пальцем постучал его по лбу. – Вот иди, что покажу.

Он почистил стекло и указал Лёшке на кладбищенские сугробы:

– Вот видишь тот крест, голубенький. Видишь?

– Ну вижу крест, и что?

– Не скажи. Во-первых, красивый, а во-вторых – вечный. Сделаешь мне такой же.

– Ну ты, дед, даёшь, – Лёшка удивился прихотливости старческого ума и даже рассердился. – Как же я тебе такое сделаю? Он же железный.

– Вот именно, – успокоил его дед. – Вырастешь. Выучишься. Станешь кузнецом. Настоящим кузнецом, каких нынче уже не сыщешь. И деда уважишь, и сам не пропадёшь. Понял?

Лёшка мотнул головой и улыбнулся дедовым причудам.

– Эх, кабы взаправду стать кузнецом, да только трудно тебя понять-то, из могилы креста не видать будет!

– Увижу. Ну и ладно, пойдём чай пить. Потом всё поймёшь, когда посерьёзнеешь.

Дед потрепал Лёшкины вихры и занялся чаем.

Домой Лёшка вернулся поздним вечером. Осторожно веником смахнул снег с пимиков, заботливо утёр их тряпичкой и устроил возле кровати, но не в ногах, а ближе к изголовью. Точно два чёрных щенка-близнеца, они прижались друг к другу и повернули в сторону хозяина свои преданные и чуть вздёрнутые носики. Лёшка погладил их с нежностью и поуютней угнездился под старым ватным одеялом. В полудрёме он вспоминал деда Моисея, пимики, и в полудрёме замечтался о летней рыбалке, стараясь разглядеть на сонной воде насторожённо подрагивающий поплавок. Но скоро его разбудил какой-то треск и яркий свет, который он со сна принял за фару подходящей к берегу моторки. В комнате возле комода стоял отец, в шинели и всклокоченной ушанке, и ножом пытался взломать ящик, в котором среди белья мать привыкла закладывать деньги. Древняя и крепко сработанная мебель не поддавалась. Отец покачнулся, отступил и, в досаде пнув ногой по комоду, разглядел на кровати проснувшегося Лёшку.

– Трёха есть? – спросил он, разглядывая сына прищуренным глазом.

– Нету.

– А найти сможёшь? – в голосе отца слышалась надежда и мольба.

– Не смогу, – Лёшка забрался под одеяло.

– Должна же где-то быть трёха-то, – пробормотал Лаптев, сосредоточенно оглядывая комнату, пока не заметил возле кровати пимики. Нагнулся за ними, покачиваясь, повнимательнее разглядел товар и припрятал его за пазуху.

– Папаня, ты это, – Лёшка встал на колени прямо на кровати. – Папаня, мне дед Масей купил, это моё.

– Твоё-твоё, успокойся, – отец уложил его на подушку. – Спи спокойно. Так надо. Утром принесу. Спи.

Лёшка на полминуты поверил отцу и даже попытался укрыться одеялом, но тут же вскочил, торопясь и падая, натянул штаны, рубашку, накинул пальто, шапку, сунул ноги в просторные мамкины калоши, поскользнулся на крыльце, подбежал к калитке по едва заметной, но привычной тропинке. Калоши мешались, норовя увязнуть в снегу, но Лёшка упрямо бежал за отцом. Он разглядел его на улице, когда тот оказался под неровным светом дрожащего фонаря.

– Папа! Папка, подожди! – Лёшка поперхнулся морозным воздухом и остановился.

Лаптев обернулся, навострённая и кривая тень от его фигуры, словно секундная стрелка, пробежала световой круг.

– Домой! Я же сказал, что утром принесу! – сказал он и исчез в темноте.

Дед Моисей лежал в кровати и занимался чтением толстого романа, когда вдруг прослышал настойчивый и в тоже время умоляющий стук, – сначала в дверь, а потом в промёрзлое окошко. Он степенно поднялся, перекрестился, залез в обрезанные валенки, накинул тулуп и вышел на крыльцо. Лёшка немедля ткнулся ему в живот и, бодаясь словно телок, затащил его в сторожку.

– Дед, дед, – задыхался он. – Отец валенки забрал. Я не хотел. Я не давал. А он забрал!

– Вот дурень шебутной. Что забрал-то, – дед даже успел улыбнуться, прежде чем заметил, что у Лёшки на ногах отнюдь не пимики, а зачерствелые и просторные калоши, заросшие снежной коростой до колена.

– Вот, твою маменьку и папеньку, и всю вашу родню на все четыре стороны. Вот дурень-то, – дед обернул Лёшку тулупом и бросил на кровать.

Он попытался растереть его ступни настойкой, потом одеколоном, но они только почернели, сделались липкими, неподатливыми и завоняли каким-то посторонним запахом, навроде формалина.

Больница долго не отвечала, наконец, трубка зашипела и спросила уставшим голосом:

– Приёмная слушает, что у вас?

– Так мальчонка, ноги отморозил, – удивился дед, не понимая, что ещё нужно сказать, чтобы этот голос перестал шипеть и задумался.

– Машины нет. В деревнях по экстренной. Везите сами или ждите до утра, – голос сделался совершенно утомлённым и безразличным.

Дед завернул притихшего и сдержанно стонущего Лёшку в одеяло, привязал к санкам и потащил к больнице.

Дальше приёмной его не пустили, он до утра то сидел на деревянном диванчике, то стоял на крыльце, пытался курить, кашлял и всё бил себя кулаком куда-то под сердце:

– Нужно было до Нового года потерпеть. Нужно было до Нового года терпеть, дурень старый.

На третий день деда пропустили в палату. Лёшка лежал бледный под отчётливо пожелтелым одеялом и встретил его извиняющейся гримаской.

– Дед, а мне ноги зачем-то отрезали, – тайным шёпотом пожаловался он.

– Ничего. Ничего, – дед в растерянности оглянулся, не понимая, куда было бы возможно пристроить гранат, чья надменная краска не вязалась с больничной бледностью и желтизной.

– Ничего. Ноги поболят и отрастут. Прогресс нынче такой – всё растёт. Главное, чтобы душа не обиделась, вот что главное. – Он вложил плод в Лёшкины ладошки и занялся порядком на тумбочке.

Несколько лет назад мне довелось побывать по делам в местечке, недалёком от моего родного посёлка. Встречи не складывались, партнёры морочили мне голову, я взял паузу и решил съездить на родину. Места изменились до неузнаваемости, я проехал по посёлку и с любопытством повернул в сторону кладбища. Сторожка стояла на прежнем месте и даже хранила прежний обветшалый, но нетленный вид. Разве что на месте деда Моисея я встретил круглолицего и вполне жизнерадостного старика.

Он с удовольствием повёл меня к могилке своего предшественника. На могиле деда Моисея я увидел крест, крест кованый, ажурный, редкой работы, сразу было видно, даже мне, человеку далёкому от кузнечного дела, что сделал этот крест большой мастер.

– Хорош, – я показал на крест, с надеждой услышать какую-то необычайную историю.

А сторож только ответил:

– Хорош, что хорош – то хорош. Кто увидит, подходит и интересуется, мол, что за человек-то тут захоронен, да и чем так велик, коль под таким крестом упокоился. Видит народ любовь-то человеческую и восхищается.

Я расстелил на столике газетку, разложил закуски, выпил, угостил сторожа, покрошил немного хлебных крошек на могилку.

– А у нас крестов-то таких два, – угодливо похвастал вдруг сторож с надеждой на ещё один поминальный глоток.

– Два? – я безмерно удивился. – Почему два? Веди скорее, веди меня старик, покажи скорее второй!

На самом краю кладбища, действительно, стоял ещё один крест, крайне похожий на тот, что стоял у деда Моисея. Я решительно прошёл к нему и с удивлением прочитал на могильной плите: «Лаптев Александр Петрович. Вечная память».

– Ах ты, Лёшка! Ай да молодец! Понимаете ли вы, дорогой мой сторож! Понимаете ли, что произошло?!

Сторож недоумённо развёл руками:

– Ну, так вот и живём.

Я оглядел старое кладбище.

– Прощай дед, – махнул я сторожу рукой, не желая более говорить, и зашагал прочь. Я решительно пошёл к выходу, радостно оглядывая кладбищенский простор. А кругом кресты, кресты, кресты – деревянные, чёрные, покосившиеся – разные, как людские судьбы, и они провожали меня жить дальше.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Лёшкина жизнь удивительна и талантлива, он, невзирая на инвалидность и детдомовское детство, прорвался через тяжёлую юность и такую же, как у нас, непростую жизнь – не озлобился, не остервенился, не опустил, выжил. И главное, не потерял великое достояние – доброту, это величайшее человеческое достоинство.

И мне радостно в этой невесёлой истории то, что Лёшка не предал ни себя, ни родного отца, остался хорошим человеком и стал замечательным мастером, как завещал ему дед Моисей. **Это ли не наша с вами радость – встретить и утвердиться в подвиге и победе добра и любви.** Лёшка разгадал тайну жизни, прорвался через все её трудности. А всё остальное не важно. Важно – прорвёмся ли мы?

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. В начале рассказа происходит знакомство с дедом Моисеем, который решил стать кладбищенским сторожем. Как вы

- понимаете слова автора: «простой и неприхотливый труд приобрёл для старика смысл, значение и даже значимость»?
2. Согласны ли вы с дедом Моисеем, который говорил об ушедших людях: «...после человека добро остаётся. А зла, стало быть, уже не видно. Значит, получается, что зло в суете только водится...»?
 3. Какой случай произошёл на кладбище? Как вы думаете, почему Лёшка Лаптев позволил себе собирать конфеты? Кто в этой ситуации виноват?
 4. Что сблизило маленького мальчика и деда Моисея? Как они проводили вместе время?
 5. Дед долго и с любовью готовил Лёшке подарок к Новому году.
 - Почему именно пимики решил подарить старик?
 - Как решил «довести их до ума»?
 - Понравился ли подарок Лёшке? Почему?
 6. Как ребёнок хотел отблагодарить деда? Какую необычную просьбу высказал дед? Какие цели преследовал он, когда давал Лёшке свои советы?
 7. Зачем нужны были деньги Лёшкиному отцу?
 - Обратите внимание на то, какими словами передано состояние мальчика, когда он лишился дорогого подарка.
 - К кому Лёшка обратился за помощью? Почему?
 8. Кто виноват в том, что Лёшка лишился обеих ног?
 9. «Главное, чтобы душа не обиделась, вот что главное». Какой смысл вкладывает дед Моисей в эти слова и кому они адресованы?
 10. Часто сыновья повторяют судьбу своих отцов. Как случилось, что вместе с ампутированными ногами Лёшка обрёл свою собственную судьбу?
 11. Заканчивается рассказ оптимистично: на могиле деда Моисея установлен ажурный, редкой работы кованый крест. О таком он когда-то мечтал.

- Как вы поняли финал рассказа?
- Как объясните тот факт, что точно такой же крест был поставлен ещё одному человеку? Кому? Почему?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Были ли вы когда-нибудь на кладбище? Кто из ваших родственников похоронен там?
 - Ухаживаете ли вы вместе с родителями за могилой? Как?
 - Есть ли «брошенные» могилы? Как вы думаете почему? Предложите решение этой проблемы.
2. Объясните смысл слов, которые сказал Лёшке Лаптеву дед Моисей: «Родителей не выбирают, родителей любят».
3. О дальнейшей судьбе Алексея Лаптева автор ничего не говорит. Предположите, что важного произошло в судьбе нашего героя. Как, по-вашему, сложилась его жизнь?
4. Махатма Ганди говорил: «Умение прощать – свойство сильных. Слабые не прощают». Согласны ли вы с высказыванием индийского общественного деятеля? Как эта фраза соотносится с героями прочитанного рассказа?
5. Что значит «простить»? Что такое обида? Посмотрите значение этого слова в толковом словаре. Кого называют «злопаятным»?
6. Знакомы ли тебе случаи вандализма на кладбищах? Как ты к этому относишься? Предложите решение этой проблемы.

гл. 35

*Не успокаивайтесь, не давайте
усыплять себя! Пока молоды, сильны,
богды, не уставайте делать добро.*

А.П. Чехов

Доброе дело

Я не верю снам. И ужаснулся, увидев недавно в книжном магазине богато оформленный «сонник» за пятьсот рублей. Пятьсот рублей за «сонник»! Воистину, людям делать нечего или совсем обезумели. Кто во что горазд: кто гороскопы, как погоду, по радио каждое утро слушает, кто по бабкам-гадалкам бегают, кто от цыганок не отходит, кто зарплату экстрасенсам носит – всё знать хотят о своём будущем. Вот раздолье проходимцам!

Я не верю снам и не трачу времени на их разгадку, никогда этого не делал и теперь не собираюсь, но... Приснился мне сон, который не даёт покоя.

Нынче весна, ранняя и долгая, днём солнце подтапливает сугробы, а ночью мороз сковывает их до бетонной монолитности и непрошибаемости. Вот такая канитель: ни зимы, ни долгожданной весны. Может быть, именно поэтому приснился мне лес, наш, Кудряшовский, – прямая разделительная просека, и еду я по дороге-просеке, разбитой лесовозами, на «уазике», колёса грязь и лёд по сторонам раскидывают, двигатель ревет – надрывается. Кто знает те места – не удивится тому, что я всё-таки застрял. Машина села на задний мост, колёса крутятся, а она на месте стоит. Ситуация, из которой только с помощью другого лихача выбраться можно. Но сон – не сон, а сознание моё работает ясно, и понимаю я, что другого дурака на этой просеке до лета

не дожидаться. Сижу. Слева и справа стройные высокие сосны стоят, впереди – просека в седых прядях нетронутого снега острой иглой в горизонт упирается, небо голубое, весеннее – над головой.

Сижу и представляю, что идти мне пешком по сырому бору к трассе километров пять, потом стоять на трассе, уговаривать водителя какого-нибудь вездехода вытащить мою машину из тайги. Стоять, голосовать и надеяться на встречу с идиотом, способным по такому месиву доехать до просеки.

И продежурю я на трассе до вечера, а когда вернусь к «уазику», от него одни рожки и ножки останутся, – разберут моего конягу и утащат. Кто? О, это великая тайна. У нас спереть, даже в тайге безлюдной и непроходимой, всегда найдётся кому, а вытащить застрявшего бедолагу некому будет до самого лета.

Но вдруг слышу – сзади меня какой-то лихач на вездеходе едет, объезжает сторонкой. И как только умудрился протиснуться между моей машиной и соснами – фыркнул вакуумным тормозом и заглушил двигатель. А я сижу, куда спешить, теперь-то уж точно знаю, что этот вездеход без меня не уедет. И действительно, подходит ко мне мужичок, лет сорока, худощавый, по-юношески стройный, с усами и бородкой.

– Здравствуй, сынок, – говорит мужичок.

Это он мне говорит «сынок», а я лет на десять его старше буду. Но молчу, вездеход не мой, тайга кругом, и до лета ещё целый месяц – нет повода рыпаться.

– Здравствуй, – отвечаю, а самого так и подмывает какую-нибудь гадость сказать да урезонить мужичка этого.

– Лета ждёшь?

– Лета, – кивнул я и даже не удивился, что он мысли мои читает.

А он взглянул на меня, улыбнулся и приказал:

– Цепляй трос.

Еду по просеке, болтаюсь на тросе, грязь со льдом из-под вездехода в разные стороны летит, будто чёрные капли крови, а заснеженные

обочины впитывают грязные брызги так, что только мутный рисунок на зернистом снегу остаётся.

Еду, а сам думаю, сколько этот мужичонок с меня денег запросит за свою своевременную помощь. В той ситуации, в какой я оказался, меня можно было раздевать до носков и кепочки. Но уже хорошо, думаю, что он со мной об оплате не разговаривал, отложил «до берега», так что, прикидываю, если заломит углы моего тощего портмоне – поторгуюсь ещё. Обратного в тайгу не утащит.

Как по щучьему велению, выбираемся на трассу, я трос отцепил, в машину забросил, вот и мужичок подходит, глаза щурит. А глаза редкостные – спокойные, грустные... и в то же время насмешливые.

– Сколько с меня? – бодро спрашиваю, достаю кошелек, а сам приготавливаюсь ему в лоб дать, если завернёт с лихвой.

А мужичок говорит:

– Сынок, ты мне денег не предлагай, мне этого не надо, ты моё добро, которое я тебе сделал, другому отдай.

– Это как? – опешил я.

– Если кто обратится к тебе с просьбой, ты ему и сделай доброе дело бесплатно. Так вот со мной и рассчитаешься.

– Это как же так – по взаимозачёту или по бартеру?

– Сам понимай, – неопределённо сказал мужичок и вознамерился уходить.

– Постой, папаша, – я не смог удержаться от насмешки, но оправдание у меня было: я старше, так что нечего меня «сынком» величать. – А если я тебя, родимый, надуваю самым что ни на есть бессовестным образом? Как тогда? Тебе вот сейчас пообещаю, а сам никому никаких благодеяний не сделаю.

– В этом случае, – опять спокойно улыбнулся он, будто и не слышал моей издёвки, – сколько я сделал да ещё столько же у тебя убудет.

– Это как? – удивился я.

– А там увидишь, – улыбнулся мужичок и исчез вместе со своим вездеходом опять в тайге.

Но я уже ничему не удивляюсь, сажусь в свой «уазик», еду, а сам думаю, как оценить его «добро» в деньгах? Конечно, можно бензин посчитать, амортизацию машины, но как определить действительную стоимость доброго поступка и потом ещё умудриться кому-то там отдать столько, чтобы было не меньше — а больше самому отдавать не захочется. И слышу будто голос мужичка: «Сам понимай».

«Вот же человек какой вредный!» — подумал я и проснулся.

Ну а как проснулся, тут же выкинул всё из головы.

Но прошёл месяц, а сон мне покоя не даёт, будто я и правда кому доброе дело задолжал. И решил я так: ладно, думаю, не убудет, сделаю доброе дело и опять жить спокойно буду, а главное — нормальный сон верну, ведь этот мужичок ко мне по ночам во сне повадился заглядывать. Но доброе дело всё как-то не получалось. Только настроюсь на широкий жест — а рука сама деньги принимает и в кошель суёт. Потом будто опомнюсь, но несерьёзно же деньги обратно человеку возвращать. Хоть иди по улице, как в той сказке, и кричи благим матом: «Кому доброе дело сделать?!» Но понимаю, что нельзя: меня же сразу в психушку увезут. Даже мысли стали посещать — съездить в магазин, купить «сонник» да попытаться понять, что со мною произошло. Но опять-таки денег жалко — пятьсот рублей на дороге не валяются.

Но как бы ни было, а нашёлся я, когда ко мне сосед пришёл с просьбой отвезти на моей машине ему картошку на поле. Отвёз, — и только он за кошелёк взялся, я ему: нет, сосед дорогой, не мне одному мучиться. Так, мол, и так, денег мне не надо, ты то добро, которое я тебе сделал, другому передай. И с особым наслаждением пригрозил, мол, если не передашь, верное тебе слово, в два раза больше потеряешь. Сосед аж присел. Ты что, говорит, выдумал, бери деньги. Я наотрез отказался и опять пригрозил, отдай моё доброе дело другому или не видать тебе ни дна ни покрышки!

Через неделю в цех, где я в ту пору работал, бабка зашла, тяпку подточить. Пока мужики удивлялись, как она мимо военизированной охраны проскочила, я тяпку поправил и так, на всякий случай, чтобы

подстраховаться — вдруг у меня, не дай Бог, задолженность образовалась,— говорю ей:

— Бабуля, денег мне не надо, добрым делом людям вернёшь, а если не вернёшь, на твои поминки даже родственники не придут.

Вроде как смеху ради сказал, но после, как бабке тяпку поточил, про того мужичка на вездеходе и помнить забыл до самой до осени. А осенью уже другой случай: заглянул на одну торговую базу и прикупил с большой сезонной скидкой мотоблок для приусадебного участка, вещь дорогая, но очень полезная. Ташу его вдоль дороги, пытаюсь машину поймать, моя тогда на ремонте была. Останавливаю грузовичок, молодой парень из кабины выглядывает.

— Здорово! Свободен?

— Я всегда свободен, — отвечает. — Помочь?

— Что будет стоить? — спрашиваю.

— Договоримся, — махнул он рукой, я глазом не успел моргнуть, как он мой мотоблок в кузов закинул.

Едем, приехали, я за кошелёк, а он мою руку тормозит и говорит:

— Нет, денег мне не надо, ты моё добро, которое я тебе сейчас сделал, другому отдай, а не отдашь...

— Знаю, — прервал я его, — не первый день живу.

А он выгрузил мотоблок, сел в кабину и кричит:

— Помни, долг платежом красен!

А я стою у подъезда и думаю: «Опять попался, как карась на сковородку!»

Но вижу, в нашем дворе с вытопанной до асфальтного блеска землёй два знакомых бугая, и оба почему-то трезвые, деревья сажают. Бабки не перестройку костерят и демократов «поливают», сидя на лавочке, а с детишками занимаются в песочнице. И подъезд наш отмыт, и соседи здороваются. Что это, удивился я, мир перевернулся?

— Нет, — слышу голос мужичка с вездехода, — эти люди уже научились отдавать то, и больше того, что от меня имеют...

— Мужик, ты кто?

– Сам понимай, – будто слышу ответ.
Тут только и проснулся.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Я думаю, что мужичок, который назвал меня сынком, реально был старше меня, потому что это образ нашей Совести, причём Совести здоровой и крепкой, которая не дремлет.

И второе – удивительная тайна раскрывается в словах о цене сделанного доброго дела. **Любое доброе дело бесценно, а значит, рассчитывать за него никогда не возможно, а потому добрые дела придётся делать всегда.**

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Раскройте содержание сна, который не даёт покоя главному герою. Что в этом сне вам показалось странным?
2. Перечитайте слова мужичка, содержащие ответ на вопрос о стоимости услуги. Как вы их поняли?
3. Подумайте, можно ли определить действительную стоимость (например, в деньгах) доброго поступка? Почему? Что вообще нельзя купить?
4. Как назвал автор мужичка? Почему он был молод? В чём это проявилось? А может ли совесть устать?
5. Передал ли наш герой, как просил его «странный» мужичок, сделанное им добро другим людям? Расскажите, как это получилось?

6. Как вы понимаете слова русского писателя В. Распутина: «...много на себя не бери — замаешься, а возьми ты на себя самое напервое: чтобы совесть иметь и от совести не терпеть»?
7. «Старайся всякому делать добро, а не себе одному», — говорил один из Отцов Церкви Григорий Богослов. Перечитайте фрагмент текста, в котором говорится, чем жильцы дома сильно удивили своего соседа. Почему герой решил, что «мир перевернулся»?

Самостоятельная работа

1. Приходилось ли вам или вашим близким оказывать помощь людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию? Пытались ли они отблагодарить вас? Каким образом? Расскажите об этом.
2. Поясните слова М. Горького: «Человек, который делает добро другим, чувствует себя счастливым».
3. Пользуясь толковыми словарями, найдите значения слов: отзывчивость, взаимопомощь, совесть.

Практическое задание

Поинтересуйтесь, может быть, кому-нибудь нужна ваша помощь? Попробуйте её оказать.

гл. 36

БАЛАМУТ

Учился я в школе, скажем прямо, не очень ровно, поскольку собирался стать великим спортсменом. А для спортсмена, так представлялось мне, главное — это сила, ловкость, скорость и выносливость.

Вернулся со сборов и вдруг узнал, что у нас появилась новая учительница по истории — Наталья Николаевна, женщина молодая и красивая. Я с облегчением вздохнул, потому что к тому времени я уже приобрёл незаурядный опыт, опираясь на который мог безболезненно морочить учителям голову. Молодая учительница, то есть человек без достаточного опыта работы, мне показалась лёгкой добычей.

Пока я отсутствовал, будучи на очередных соревнованиях, Наталья Николаевна вышла замуж. Об этом много болтали наши девчонки. «Ну-с, — подумал я, услышав девичью болтовню, — теперь ей вовсе не до нас». Но прозвенел звонок, и предчувствие тревоги овладело мной — я достаточно ясно осознал, что сегодня меня непременно вызовут к доске рассказывать про Ивана Грозного. Если бы оно посетило меня, когда я был дома, я бы непременно успел познакомиться с необходимым параграфом. Но моё шестое чувство в этот раз опоздало.

Оставался единственный, но очень верный ход — затянуть время, отведённое на опрос домашнего задания, то есть лишить «противника» инициативы, отодвинуть его грозный фронт как можно дальше и заставить его пробиваться к доске и журналу с изнурительными боями местного значения и так, чтобы даже в случае успеха он бы оказался в цейтноте и вынужден был, отложив опрос пленных, перейти к новой теме и следующему стратегическому плану.

– Наталья Николаевна, можно спросить? – я поднялся с места.

– Да, слушаю вас, – она обращалась к нам на вы. Эту привычку молодые учителя наследуют вместе с университетским дипломом, но затем она как-то сама собой стирается.

– Я слышал, вы вышли замуж?

– Однако от вас ничего не скроешь. И что?

– Я хотел поздравить вас от всего класса.

– Спасибо. Садитесь.

Я сел, но тут же прервал её внимательное изучение журнала.

– А сколько вы планируете детей?

Учительница внимательно посмотрела на меня.

– Пять, – ответила она и вновь принялась разглядывать журнал.

– Круто! – оценил я. – А когда планируете первого?

Наталья Николаевна опять внимательно посмотрела на меня.

– Чем же вызван такой интерес?

– Не торопитесь с детьми. А вдруг вы разлюбите мужа, ну, сами понимаете, дело молодое. Разводы на каждом шагу. Я это к чему говорю, чтобы вы помнили, что к тому времени я уже стану совершеннолетним и на вас смогу жениться.

Одноклассники всегда были благодарны мне, хотя и считали меня легкомысленным. Но сейчас в классе воцарилась мёртвая тишина. Такой наглости от меня, видимо, не ожидали даже они, мои одноклассники.

Наталья Николаевна задумалась.

– В меня что, влюбиться нельзя? – я пытался держаться выбранных козырей.

– Почему же, можно. Вы с юмором, а я люблю людей весёлых. Но я люблю и образованных, и перед будущей свадьбой хочу убедиться, что вы, молодой человек, прекрасно знаете историю царствования Ивана Грозного. Так что милости просим к доске.

Я медленно поднялся, понимая, что пересолил свадебный каравай и теперь вместо пиршественного стола неизбежно плыву к позорному столбу.

– Пожалуйста, Николай, коротко и ёмко.

Я вышел к доске.

– Иван Васильевич Грозный, время царствования 1547–1584 годы, – начал я размеренно и стараясь держаться тех скудных строк, какие успел подглядеть в раскрытом учебнике своего соседа. – Наталья Николаевна, не нравится мне Иван Грозный!

– Что же так? – отозвалась вдруг она с пониманием моей затруднительной ситуации и откинулась на спинку стула.

И я почувствовал самыми сокровенными уголками своего живота, что она приготавливается с наслаждением вернуть мне обратно все мои дерзости.

– Понимаете, Наталья Николаевна, у всех цари как цари, а у нас – то тупой, то бездарный. Вот взять того же Ивана Грозного, сколько он народу загубил? А опричники, как фашисты, устраивали карательные операции, жгли, вешали! А сколько царевичей передушили?! Цари против бояр, бояре против царей. На Западе – электричество, а у нас – свечи, там – паровозы, а у нас – полудохлые, заморённые лошади! Даже стыдно. Вот если бы я родился во Франции...

– А что вы знаете о французских королях?

– Ну, там всё в порядке, – невнятно ответил я, понимая, что о французских королях я даже приблизительно ничего не знаю. И напрасно заикнулся в их сторону.

– Мне всё понятно, но я думаю, что многие из вас немного знают, а потому послушайте, что я сейчас вам расскажу. – Наталья Николаевна встала и пошла между рядами. – Иван Васильевич Грозный был достаточно привлекательным человеком: высокий, стройный, с ясным взглядом, прекрасный ритор, талантливейший писатель, философ – христианин, который ежедневно по несколько часов посвящал церковным службам. В три года осиротел. Будучи семнадцати лет от роду взошёл на престол и, невзирая на все интриги, какие сплетали бояре ради своей власти и денег, простил всех. «Забудьте, чего нет и не будет. Оставьте ненависть, вражду», – сказал он с Лобного места народу и боярам.

– Куда вы, Николай? – прервала свой рассказ учительница. – Я за вас сейчас отвечаю урок, а вы даже постоять не хотите.

Я вернулся к доске.

– Иван Васильевич ввёл обновлённый Судебник, – продолжала Наталья Николаевна. – Навёл порядок на севере страны. А затем на южных рубежах усмирил казанских татар, терзавших разорительными набегами окраины России. Именно в царствование Ивана Грозного окончательно формируется русское самосознание и понимание государственности как общего дела и общего служения Родине. Это мировоззрение не претерпело изменений за все прошедшие четыреста лет! Но главное, сформировалась доктрина «Русь – Третий Рим». Теперь об опричниках. Вы, Николай, говорите – фашисты. Параллель, которую вы проводите, просто невежественна, если не сказать – кощунственна, но я прощаю вам вашу необразованность. Да, Иван Грозный – личность, безусловно, незаурядная, сложная, даже противоречивая, но я надеюсь, что к истории своего Отечества вы научитесь относиться уважительно, если захотите узнать её. Кто не знает истории своей Родины, тот не может её любить.

Ивана Васильевича прозвали Грозным. Обратите внимание, не Жестокий, Кровожадный, а именно Грозным. Да, Иоанн родился во время грозы, но прозвище не закрепилось бы за ним, если бы не великая сила духа и политическая воля на пути государственного строения, которую проявил царь Иоанн. Я хочу быть грозным учителем и стану им, если услышу на уроках столь безапелляционные заявления.

Когда бояре в очередной раз попытались втянуть его в интриги, царь создал отряд опричников – людей, на которых можно было положиться и которые решали вопросы государственной безопасности. Символами опричников были собачья голова и метла – это символы преданности и борьбы с предательством. Вот что вы должны были мне ответить сейчас.

– Замечательно, Наталья Николаевна! – рванул я наступившую тишину, понимая, что уже утонул и давно стою не у доски, а на илистом

дне какого-то вонючего водоёма. — Да, всё так, Наталья Николаевна, но Иван Грозный — а вы должны знать это! — был четыре раза женат, а я однолюб и женюсь на вас только один раз и всё! И до самой до вашей смерти.

Наталья Николаевна удивлённо смотрела на меня и почему-то молчала. Ребята тоже сидели не шелохнувшись. Потом она как-то грустно улыбнулась:

— Собственно да, я же старше. Хорошо, Николай, я не буду ставить вам двойку. Вы нас сегодня удачно развлекли, но следующий урок готовьте серьёзно. И вот ещё что, подумайте на досуге, и не только вы, но и все, — она обвела взглядом весь класс. — Я уверена, что человека, не знающего и не уважающего историю своей Родины, нельзя считать патриотом, такой человек не способен любить свою Родину. Подумайте, пожалуйста, об этом. А теперь садитесь.

Одноклассники, предатели, после урока молчали. Поняли, что и сами не умнее меня. Спасибо так никто и не сказал. А ведь я кого-то сегодня вырчил, и он, этот кто-то, не получил двойку.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Дело в том, что **любая информация может быть как объективной, так и «заказной» — специально отобранной или сформулированной так, чтобы работать на политические или экономические интересы какой-либо группы людей. Жизненно важно стремиться с помощью своего природного любопытства воспринимать всё то, что принимают наши уши, с точки зрения исторической объективности и опираясь на статистические факты.**

Худо то, что мы не знаем собственной истории, а порою и не хотим знать; поразительно, конечно, но вдруг стыдимся своих достоинств, своей чести. И всё-таки, объективности ради, сообщая: за время правления Ивана Васильевича Грозного было казнено от трёх до четырёх

тысяч человек, в том числе и отъявленных уголовников. Для объективности также скажу, что некоторые западные историки настаивают на цифре в 12 тысяч человек. Но почему-то мало кто знает, что в те же Средние века за время правления французских, испанских, английских и прочих европейских королей погибало в десятки раз больше людей. Здесь лучшим доказательством может стать только статистика.

Во Франции Карл V за время своего правления казнил более 100 тысяч своих подданных; в 1572 году за одну только Варфоломеевскую ночь Карл IX уничтожил 30 тысяч человек, а в последующие две недели ещё столько же. После этих событий Иван Грозный написал тестю Карла IX, императору Максимилиану II: «А что, брат дражайшей, скорбиш о кроворозлитии, что учинилось у Францовского короля в его королевстве, несколько тысяч и до сущих младенцев избито; и о том крестьянским государем пригоже скорбети, что такое безчеловечество Француской король над толиком народом учинил и кровь толикую без ума пролил»*. Генрих VIII казнил 72 тысячи насильно согнанных со своих земель крестьян за бродяжничество. Вам может показаться странным, но французы без комплексов, гордятся своей историей. Испанские короли мало чем отличались от своих собратьев во Франции: Филипп I уничтожил около 100 тысяч человек в Нидерландах, Филипп II за время своего правления казнил 25 тысяч человек уже собственного народа. В эти же Средние века в Германии за время восстания бедноты было казнено 100 тысяч человек. Эта повторяющаяся цифра 100 тысяч, видимо, только и могла удовлетворить алчный аппетит европейских королей. В Англии, уже в XIX веке, за один 1831 год был вынесен 1601 смертный приговор. И в этой же Англии надоевших жён мужья выводили на рынок и продавали как скот.

Всеми давно замечено, что славянские женщины красивее европейских. Думаете, климат там другой или так им не повезло с красотой? Нет, ответ простой: в Средние века инквизиция и протестантские

* Подробнее: <http://www.vm.ru/news/2013/08/23/5-strashnih-faktov-ovarfolomeevskoj-nochi-210730.html>.

суды сожгли более 100 тысяч женщин, признанных ведьмами. Инквизиторы-монахи, которым отношения с женщинами были запрещены, мстили им смертью, превратившись в женоненавистников, и гибли самые красивые, самые умные, самые достойные представительницы прекрасного пола. В России ничего подобного даже близко не было.

Дела просвещённой и гуманистической Европы в годы освоения Америки, жертвами которого стал не один десяток миллионов человек, я даже комментировать не буду, потому что убивали высокомерно и со знанием дела и женщин, и детей, хладнокровно, и приговаривали: «Хороший индеец — мёртвый индеец». Большого человеконенавистнического варварства и злобы за всю мировую историю нигде и никогда не было**.

Народ, сохранивший свою историческую память, — непобедим.

И последнее: кого ни спроси, все — патриоты. Но так ли это, если он истории не знает и даже прошлым рода своего не интересуется, а то и откровенно стыдится своего рода-племени? Какой же он патриот? Сомневаюсь я.

Если о будущем своей страны не думает и ничего для неё не делает, а только потребляет и гадит, ломает и безумно пользуется. Глянь вокруг, сколько мусора навалили, глянь, как по-варварски рубим и корчем, сносим, травим и разрушаем, глянь, как живём небрежно, трусливо, равнодушно и против неправды молчим. Тот ли патриот, кто, живя удобно в Америке, гордится Россией? Нет, **патриоты живут и работают дома, строят его, обихаживают, наследство охраняют и детям своим передать мечтают. Именно дом — это Родина, именно семья — это народ, именно будущее моего народа — моё будущее — и есть смысл моего ежедневного труда.**

И только те, кто живёт завтрашним днём своей Родины, только те и живут счастливо, прочие медленно и верно умирают, даже если по усам мёд течёт, в будущее он, этот мёд, не попадает!

** Подробнее: статья «Демографическая катастрофа индейцев Америки» на wikipedia.org, http://www.ateismy.net/content/spravochnik/statistika/oxota_vedm.html.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Главный герой рассказа с гордостью признаётся, что за годы учёбы в школе приобрёл «незаурядный опыт». Объясните, каким «опытом» гордится юноша?
2. Как описывает герой молодую учительницу Наталью Николаевну? Почему считает её «лёгкой добычей»?
3. Что подсказывало юному герою его «шестое чувство»? Готов ли он был к уроку истории?
4. Как учительница убедила юного героя и его одноклассников в том, что знать историю своего Отечества не только необходимо и полезно, но и интересно?
Что нового из рассказа Натальи Николаевны открыли для себя именно вы?
5. Как вы думаете, почему молодой педагог не стала ставить двойку за невыученный параграф?
6. Какой урок извлёк герой из данной ситуации? Как вы считаете, повторится ли что-то подобное на последующих уроках?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Письменная работа. Великий русский философ Николай Бердяев сказал: «Чтобы идти дальше, нужно осмыслить прошлое и чётко представлять, что есть в нём значимого. Лишь тогда можно двигаться дальше». Объясните эти слова.
2. Как вы относитесь к школьному предмету «История России»? Какие темы, важные исторические даты вызывают у вас особый интерес? О чём хочется узнать подробнее? Поделитесь своими мыслями с одноклассниками.
3. Пользуясь толковыми словарями, найдите значения слов: баламут, жестокость, патриот.

гл. 37

ПАМЯТНИК

Речка шумно пенилась на частых порогах, бежала за поворот и скрывалась в непролазной чащобе тайги. Небольшая деревушка, кажется, прилегла на крутом берегу, чтобы передохнуть, напиться таёжной силы, да так и осталась лежать, пригревшись на солнышке, глядя на окружающий её покой подслеповатыми окнами крепких, будто гранитных, домов.

Генка, с губами, посиневшими от долгого купания, вскарабкался на пологий валун и прижался к нагретому камню. Он притих, глядя в прозрачную воду на изумрудную россыпь мелких камней, дышал водяной свежестью и дивился, как быстро сохнут влажные пятна на сером граните.

Чуть поодаль женщины полоскали, выжимали и складывали в «поленицы» на плоские валуны туго скрученное бельё. Лет десять назад они и стирали на этих валунах, но вот сбывлась их мечта — в сельмаг привезли стиральные машины. Но полоскать приходилось на речке. Правда, власти грозились вскоре провести в деревню водопровод и заставить женщин навсегда забыть эти походы с тазами белья на шумливую речку, разговоры-пересуды и ломоту пальцев от ледяной таёжной воды. Триста лет здесь, на берегу реки, бабы обсуждали новости, сплетничали, ругались и мирились. Бабье многоголосье и смех река уносила в тайгу, может быть, поэтому вниз по течению охота у мужиков и не ладилась. Здесь же бегали детишки, гоняли одуревших от страха мальков, купались, визжали и брызгались речным серебром.

— Генка, — позвал кто-то из пацанов, — твой отец приехал!

Генка обернулся. У обрыва, неподалёку от дома деда Титова, стоял отец в светлой соломенной шляпе и с рюкзаком в руке. Женщины на мгновение перестали заниматься бельём, тоже посмотрели на берег.

– Стройный мужчина, – сказала высокая женщина. Она бросила выжатую тряпку в таз. – Ох, бабоньки, и полюбила бы я его!

– Тебе что, наших мужиков мало?

– Да что ваши? Матерщинники, а этот культурный.

– Тихо ты, мальчонка его тут.

Генка смутился и отвернулся.

– Вот этот? Ой ты, хужоба. Ну я бы такого рожать не стала, я бы такого высмолила!..

Генке стало обидно и за отца, и за себя, он спрыгнул с валуна и помчался к дому. Отец стоял возле ворот, курил, на скамейке рядом с палисадником сидел дед Титов.

– Папа! Папа! А на тебе бабы жениться хотят! – взволнованно пожаловался Генка, подбегая к отцу.

Дед Титов хохотнул, почесал худую грудь, довольный, и сказал:

– Это они могут, это у них зараз.

– Как отдыхается, сынок?

– Хорошо. А ты мне сапоги купил?

– Сапоги? Ах да, сапоги... Денег пока нет.

Генка помрачнел, но молча вслед за отцом вошёл во двор.

Баба Ева сидела и чистила лук. Дед Титов смастерил для неё табурет, низенький и широкий, с дополнительной распоркой для прочности. Баба Ева очень любила этот табурет, когда она садилась на него, то он исчезал под её юбками так, что невозможно было различить, на чём она всё-таки утвердилась.

Располневшая, малоподвижная женщина, она никогда не ругалась с соседками, да и с дедом бы не ругалась, если бы тот не «задурил». А задурил дед ровно год назад, после празднования Дня Победы – перестал отдавать пенсию. Первые месяцы баба Ева смеялась над ним, потом насупилась. Так продолжалось ещё несколько месяцев, и, видимо,

ничего бы не изменилось, если бы недавно Генка не нашёл рисунки, из которых сделалось ясным, что дед Титов собирается устанавливать себе памятник. Просмотрев листки, баба Ева позвала деда Титова и дала ему «генеральное сражение». Дед Титов отмолчался, но денег так и не дал. И в тот же день перед ним на обеденном столе поставили пустую тарелку. Генка, с аппетитом поглощавший наваристые щи, даже поперхнулся и не смог более проглотить ни ложечки. Дед Титов посидел перед пустой тарелкой, прокашлялся и достал из нагрудного кармана десять рублей. Довольная итогами своего марш-броска, баба Ева поспешила налить ему глубокую чашку с увесистым говяжьим мослом. Но бабке не довелось торжествовать по поводу окончательного сокрушения супротивника – на ужин дед Титов не явился. Не пришёл он и утром, и к обеду тоже не показался, а перебрался со своим скарбом в дровяной сарайчик и даже приготовил себе нехитрую ополченскую похлёбочку. Баба Ева сначала плакала, а потом потребовала от деда Титова развода.

Постепенно страсти утикли. Супруги изредка переговаривались, дед иногда кредитовал старуху десяткой и исчезал в своём убежище.

Так уж случилось, что, отвоевав верой и правдой все четыре года Великой Отечественной, дед вернулся домой без ранений, контузий и без наград. Вот такая военная судьба: ходил в атаки, мёрз в окопах, дошёл до Белграда, а наград не получил. В День Победы собирались деревенские ветераны около правления, в проплевших и полинялых гимнастёрках с яркими орденами и медалями на груди, рассказывали школьникам о войне, хвастались, смеялись, а пуще всего красовались блеском наград. Юбилейная медаль деда Титова поблёскивала, как укор его военной судьбе. Он тоже пытался рассказывать школьникам о днях войны, но те, глядя на одинокую награду на его впалой груди, слушали невнимательно. Обиделся дед. Обиделся так, что покой потерял, и извёлся бы, да вдруг пришла ему мысль увековечить себя в памятнике. Он и глыбу гранитную нашёл, и эскизы подготовил, оставалось только найти скульптора, но денег не хватало. И дед принялся откладывать с пенсии.

– Здравствуйте, мама, – поздоровался отец, перевернул пустое ведро и присел напротив бабы Евы. – Как Генка, не балует?

– Генка-то не балует, а вот вы с дедом ему сапоги обещали? А охоту? Обещали?! – услышал Генка грозный голос бабы Евы и спрятался за углом дома.

– Понимаете, мама, забыл я, закурился. Ремонт. В следующий раз, как сюда поеду, обязательно куплю.

Генка не расслышал, что ответила баба Ева на слова отца, но скоро её голос зазвучал громко и отчётливо:

– Памятник! Впроголодь живёт и нас мучает! Ты хоть с ним поговори как мужчина с женщиной. Титов тоже обещал мальчонке сапоги, а теперь хвостом виляет, всё боится, что на памятник не хватит, совсем с ума спятил!

Генка увидел, как, резко толкнув калитку, со двора выскочил дед, за ним появился отец. Дед проковылял за угол дома и скрылся в узком деревенском переулке, а отец остановился у палисадника и закурил.

От реки по крутому берегу поднимались бабы с бельём в круглых тазах.

– Здравствуйте, – поздоровались женщины с отцом.

– Здравствуйте, – ответил он и вынул изо рта сигаретку.

– Здрасти, пожалуйста, – улыбнулась женщина, которая ещё недавно восхищалась Генкиным отцом. – На рыбалку или так, погостить?

Отошедшие бабы громко рассмеялись.

– Вы осторожней, унесёт она вас прямо в тазу с бельём!

Женщина, не смущаясь, стояла напротив отца и улыбалась. Обеспокоенный Генка подбежал к отцу и встал рядом.

– Ваш? – спросила она, пытаясь погладить Генкину голову. – Да не съем я твоего папку, не съем! – она повернулась и быстро пошла прочь, и только подол юбки нервно заплескался от скорого шага.

Отец внимательно посмотрел вслед уходящей женщине, щёлкнул Генку по лбу и выкинул сигаретку. Генка обиделся и покраснел.

– Ну, пошли во двор, – позвал отец.

Следом во двор вошёл дед с ведром свежевыкопанной картошки.

– Что долго-то? – недовольная, спросила баба Ева.

Дед молча поставил ведро и, вынув из кармана деньги, положил на стол.

– И это всё?! А на сапоги?

– На неделе схожу в магазин.

– Не надо идти, он сам сбегает, ты денег дай!

– На неделе схожу, сказал.

Дед развернулся и поспешил в огород.

– Ах, сатана! Опять обманул! Пошли!

– Куда? – удивился Генка.

– На охоту!

– Как? Без сапог?!

– Без сапог!

– С тобой?

– Со мной, внучек, со мной! – баба Ева сняла передник, швырнула его на кухонный табурет и, тяжело ступая, неуклюже заспешила в дом переодеваться.

– Баба, а как же салат, котлеты?!

– Котлеты с собой возьмём!

– Папа что, есть не будет?

– Папа? Папа – гусь ещё тот, сам приготовит – не маленький!

Генка ринулся в дом и вытащил из плотной темноты плательного шкафа тяжёлое ружьё.

Через пять минут сборы были закончены: баба Ева в плаще и тапочках, в тёплой шали на плечах и с хозяйственной сумкой, в которой скрылись котлеты и пирог, вышла во двор, где её уже ждал Генка с дедовским ружьём на плече.

– Патроны взял? – деловито спросила баба Ева, надела на седую голову белую кепку, оглядела двор и скомандовала:

– Вперёд!

Они вышли со двора и направились в сторону леса.

– Куда это вы? – неуверенно спросил отец, повстречавшийся им по дороге.

– На охоту! – гордо ответила баба Ева.

Дойдя до крайней избы, баба Ева сказала:

– Ты сходи, но ненадолго. Тут с краю поохотишься – и домой. Я-то не дойду, какая охота с моими ногами. Я к бабам зайду, поболтаю.

Генка понимающе мотнул головой.

– Гена, а может, ружьё ты мне оставишь?

– А как же охотиться? – оторопел Генка.

– Конечно, конечно, – смутилась баба Ева.

– Баба, да ты не беспокойся, я умею стрелять! Честное слово!

Не теряя более ни минуты, Генка зашпешил в лес. Высокие сосны, неодобрительно покачиваясь, следили за ним. Генка насторожился, зашпешил обратно и, выбежав на берег реки, уже больше не помышлял о таёжных дебрях. Он дошёл до широкого развоя, которое примыкало к небольшой лесной поляне, и решил охотиться здесь.

Очистив от шишек и сучьев место под сосной, он лёг, приспособив ружьё на упор, зарядил его и несколько раз прицелился по сучьям задохшей берёзы.

Он напряжённо лежал в ожидании какой-нибудь дичи, время текло, дичь не появлялась, и Генка не заметил, как уснул. И приснилось ему, будто стоит в палисаднике у дома деда Титова гранитный постамент. Толпа сельчан собралась на улице. Причёрсанный дед Титов прощается с бабой Евой, медленно поднимается по деревянной лестнице на площадку гранитной глыбы, и вдруг его фигура каменеет. Баба Ева уносит лестницу, а многоликая толпа украшает пьедестал с окаменевшим дедом Титовым круглыми венками и букетами цветов.

...Небрежно брошенное ружьё валялось во мху. Генка вынул из ствола патрон и заглянул в дуло, оно не просматривалось, грязь плотно залепила его внутренность. Расстроенный, он отломил сухую ветку и начал пробивать засорившийся ствол. Сначала дело шло туго, но когда из дула вывалился первый, затем второй и третий комок плотно скрученных купюр, ветка легко вытолкнула оставшиеся деньги.

Генка с минуту рассматривал смятые комки денег, затем оглядел округу, как бы призывая обступившие его сосны в свидетели, что он не делал ничего дурного, и вдруг понял: «Памятник! Это деньги на памятник!»

Он торопливо скрутил деньги, засунул их в ствол, проталкивая вглубь сухой веточкой, собрал разбросанные вещи и зашагал домой.

Ещё издали, на подходе к дому, он увидел деда Титова, тот сгорбленно сидел на низенькой скамеечке у ворот и близоруко глядел вдаль.

– Дед! – закричал Генка и кинулся к дому бегом. – Деда!

– Живой, – всхлипывал дед Титов и, прижав к себе, гладил Генкину голову. – Не стрельнул...

– Я хотел, но там деньги!

– Господь милостив. Разорвало бы ружьишко. И всё, и нет внука. А зачем мне всё без внука-то...

– Дед, – зашептал Генка, – я деньги обратно положил, на памятник...

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Что за тайна затаилась в стволовой темноте дедова ружья? Деньги на памятник? Нет. Там тайна самого счастливого деда на свете, деда, чьё ружьё не выстрелило и не украло самый дорогой для его души памятник – его внука.

Пусть не запечатлелся в граните на века, но он остался в своём внуке, в его ясных глазах, в его памяти, в его чувствах и мыслях навсегда. Дедово счастье в его самой сокровенной, личной тайне осталось живым, и, увидев его невредимым, дед был счастлив так, как не был счастлив никогда в жизни. И не нужен ему вдруг стал памятник, и потеряли своё значение и значимость ордена и награды, и уже не нужна ему стала спрятанная в ствол мечта, а нужен был только один, ничего не понимающий, простодушный, но такой дорогой, такой бесценный, живой голубоглазый человек.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Где и как жил Генка летом? Чем занимался? Как проводил своё время в деревне?
2. Как описывает автор деревню? Почему он сравнивает дома с гранитом?
3. В чём смысл описания природы в первом абзаце рассказа?
4. Объясните значение слова «памятник», подберите к нему родственные слова.
5. Что такое память? Хорошая ли память у героев рассказа? Что помнят, а что забывают? Как вы думаете почему?
6. Почему дед Титов прятал деньги от жены, разве это правильно в семье?
7. Почему дед Титов чувствовал себя виноватым перед Генкой?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Найдите в словаре или энциклопедии описание свойств гранита. Где люди его используют, почему?
2. Вспомните, найдите произведения других авторов с названием «Памятник».
3. Почему поэты и писатели, да и все люди хотят, чтобы их помнили? Всех ли помнят?
4. Что нужно сделать в жизни, чтобы о тебе помнили?
5. Что вы знаете о своих предках? Спросите у родственников о них, составьте генеалогическое древо своей семьи. Напишите о тех, кого уже нет.
6. Пользуясь толковыми словарями, найдите значения слов: память, тайна.

гл. 38

ГРЫЖА

Митька пас гусей на пруду, который сделали первые комсомольцы ещё двадцать лет назад, сразу же после революции. Перегородили обильные родники, которые собирались в игривый ручеёк на дне лога, и получился очень красивый пруд, считай, посередь села Болотнинского. Берега заполненного водой лога образовали слегка овальный круг, который местные жители незатейливо и скоро прозвали некрасиво, но доходчиво — Лоханкой.

Чистый и уютный берег стал излюбленным местом отдыха жителей, которым было лень идти на другой берег большого пруда — Водокачки с красивым сосновым бором на берегу. Карасики в Лоханке появились не сразу, поговаривают, что мужики наловили несколько вёдер на речке Болотной и пустили в пруд. Возможно, и так, потому что наши люди, они особые, то красоту загадят, то мёртвое оживят.

Уже осень, но тепло, гуси щиплют травку, гагачут иногда друг на дружку, но вожака слушаются. Не клюёт у Митьки рыба. Сегодня не клюёт, хотя сухо, солнечно и нет ветра. А когда солнце высоко, то уже и не клюнет.

По дамбе в дальнюю сторону идёт старик, весь белый, бородатый и с палкой. «Хорошо старикам, — думает Митька, — им работать не надо, сиди себе на печи и на баб ворчи. Или ещё лучше: сына поучай или внучков. А ему и молочка, и хлебушка, и уважение, и никто не отругает, по шее не даст, за дровами или водой не пошлёт, сиди себе на печи, коль мороз, или на завалинке, если ведро и не дует, а то пошёл гулять, вон как тот белый старик, иди себе и клюшку свою переставляй, а тебе все встречные да поперечные в пояс кланяются».

– Эх! Хорошо старикам! – вздохнул Митька, отвалился на спину и, уставившись в голубое и прозрачное небо, заключил: – Вот состарюсь и тоже заживу около своих удовольствий!

– Митя! Вставай, в школу пора! – мать положила на берег свёрток: – Переодевайся и пошли с учительницей знакомиться.

– Так я же грязный! – удивился Митька.

– Вода рядом, умывайся и пошли, да не тяни, меня только на час с работы отпустили.

– А гуси?

– Не убегут твои гуси, не воров бояться надо, а твоих гусей.

Но и действительно, гуси у Митьки были дюже сердитые.

«Вот с мамкой всегда так, – думал Митька, черпал ладошкой воду и отмывал грязные ноги, – всё быстрее и быстрее. А старик вот шёл-шёл и присел на бережок, он сидит себе отдыхает и над нами смеётся».

– А книжку мою взяла? – пробурчал недовольный Митька.

– Зачем она тебе в школе? Дома пусть лежит, нечего ей в школе делать.

Отец давно купил эту книгу для Митьки, который ещё не умел читать, но слушал её, затаив дыхание, и мечтал научиться читать, чтобы уж не упрашивать никого. Отец ещё говорил, что написал эту книжку не Ершов, а Пушкин.

– С чего это? – удивилась мама. – Вот здесь написано: Пётр Павлович Ершов.

– А «Записки Белкина» написал Иван Петрович Белкин, а все знают, что Пушкин, а «Конёк-Горбунок» – тоже Пушкин, только мало кто знает об этом.

Отец Мити работал учителем литературы в большой школе, его все знали, уважали и ему пророчили большое будущее.

– Понимаешь, Настенька, – улыбался отец и обнимал жену, – Пушкин написал так много талантливого и гениального, что ему стало стыдно за себя, и он начал придумывать себе псевдонимы.

Школа находилась тут же, около Лоханки, в двухэтажном бревенчатом доме, говорили, что раньше в нём был ресторан «Ялта». Учитель-

ница Митьке понравилась – красивая, а пацаны – все знакомые или почти все. А девчонки так себе, выбражулистые, но в белых фартуках и бантиках, у одних в косу вплетены, а у других, особо вредных, ещё и на голове бант. Смотришь на них, вроде бы, ничё, а приглядишься – дуры дурами.

Выдали букварь и тетрадку для чистописания. Мама сшила холщёвую сумку, а папа подарил деревянный пенал с ручкой, карандашом, перьями и ластиком. А чернильницу нужно было носить отдельно, в специальном мешочке, в непроливашке, но чернила всё равно проливались. И началась учёба. В классе было светло, его заливало солнце, всё утро лило, а потом перемена, на перемене главное не убиться или чтоб тебя с ног не сшибли. Перемены Митьке тоже понравились. Опять-таки дома к Митьке теперь относились с особым уважением, в его комнате появился особый стол для занятий и стул тоже для занятий.

А утром требовали зубы чистить и руки мыть, только и слышно было: «Ты руки помыл?» Родители и раньше требовали чистоты, но стоило пойти в школу, эти требования приобрели скандальную форму.

Как пролетел первый год учёбы, Митька не заметил, так много у него было забот, а тут уже и лето. Но читать Митька научился, правда, по слогам ещё, но некоторые слова читал уже быстро. Каникулы – это хорошо, но Митьке и в школе было недурно.

Однажды утром Митька застал маму плачущей. Отец тут же был, но почему-то не утешал маму.

– Ну ты чё, мам, – подошёл Митька к матери, – не плачь.

– Это не слёзы, сынок, это горе потекло. Война началась с немцами. Фашисты на нас напали, наш папка на войну собрался.

У отца была бронь, можно было не ходить на войну, но он сказал:

– Какой же я коммунист, если за спины товарищей прятаться буду?

Уже на следующий день отец обнял Митьку:

– За мужика оставляю, за хозяина. Главное, маму береги, – посто-ял немного и говорит: – Сынок, а можно я твою книжку с собой возьму?

– Конечно, можно, – обрадовался Митька и принёс отцу свою книжку.

Так и ушёл отец на войну вместе с «Коньком-Горбунком».

И всё сразу изменилось, люди стали ходить быстрее и сосредоточеннее, смех исчез, музыка в парке клуба «КОР» уже не играла, а на станции всё так же раздавались паровозные гудки, но они стали тревожными и злыми.

В новую осень Митька пошёл во второй класс. Учебников не хватало, один на троих, а бумага вообще исчезла, писать начали на полях газет. В конце сентября к ним в дом зашёл дядя Фёдор – отцов друг. Он на войну не пошёл, потому что у него прессом отрезало пальцы на правой руке, остался только большой палец и половина указательного, вот ими он и держал ручку, и всё держал. Он работал почтальоном.

– Здравстуй, Настенька, что Саня пишет, как воюет? – ещё с порога спросил дядя Фёдор и снял шапку.

– Заходи, Федя, присаживайся, – Настя пододвинула к столу тяжёлый табурет. – Если верить его письмам, то он в санатории, а не на войне. Форма удобная, тёплая, кормят «как на убой», – Настя вздохнула и присела за стол напротив дяди Фёдора. – Нет смысла пересказывать Сашкины сказки, сам его знаешь.

– Я, Настенька, к тебе по делу, я же в жилищной комиссии состою. Так вот, тут прибыли эвакуированные из Ленинграда, размещаем на уплотнение. У вас горница и две комнаты, вот, Митькину комнату придётся отдать на время. Я подобрал тебе семью – мать с сыном, видно, что спокойные. А Митька в горнице поживёт, на печке поспит, а уроки за кухонным столом делать будет. А как война кончится, они обратно к себе уедут, и всё нормализуется.

– Что ж, Фёдор, надо, значит, надо, не от радости же они в Сибирь поехали. Привози, приму.

– Да здесь они уже, на улице ждут.

– Так чего же ты людей у дверей держишь? Пусть заходят.

В дом сначала вошла женщина лет шестидесяти, грузная, с двумя чемоданами, а следом мужчина-парень лет тридцати пяти, тоже круп-

ный, с мясистым лицом, на плече у него был тюк, а в свободной руке ещё один чемодан, большой, фанерный, перетянутый бечевой. И в горнице, кажется, сразу не стало места.

– Здравствуйте, – поздоровалась женщина, – меня Фридой зовут, можно просто тётя Фрида, а это мой сын, Михаил.

– Здравствуйте, – ответила Настя. – А вы со своей периной приехали? – удивилась она, глядя на тюк.

– Нет, милочка, это наша кормилица, это швейная машинка, – и тётя Фрида скомандовала: – Ставь в этот угол.

– Митя, иди на печь, не толкись, – подтолкнула Настя любопытствующего сына. – Вот ваша комната, но мне прежде надо вещи Митькины забрать, мы не знали, не готовились.

– А ничё, милочка, мы тут посидим, – и тётя Фрида уселась на скамейку за кухонный стол. – Да поставь же машинку в угол, – гаркнула она на сына.

– Ну, я пойду, – застеснялся дядя Фёдор, – пора мне. Там целый состав эвакуированных, размещать надо.

И он ушёл.

Вечером мать пригласила гостей на чай, те вышли из комнаты и расселись за кухонным столом. Настя расставила чашки, морковную заварку.

– Горе-то какое, я слышала, Ленинград в блокаде, теперь никто выехать оттуда не может. Вот хорошо вы успели.

– Успели?! Нас так бомбили, что ой да ну! Ты знаешь, милочка, что это такое, когда рядом снаряды взрываются?

– Да нет, конечно, откуда нам здесь знать, – растерялась напору Настя, – у нас голодно, а так тихо.

– То-то! Мишку моего чуть из поезда в ополчение не вытащили, а у него грыжа! Понимаете, грыжа! – И тётя Фрида почему-то посмотрела на Митьку, будто это именно он сомневается, что у Мишки грыжа.

– Грыжа, – повторила Настя и указала в угол горницы на ножную швейную машинку, которая была уже развернута и отсвечивала тём-

но-коричневым загаром металлической подставки, — а зачем же он такие тяжести носит?

— Жрать захочешь — понесёшь, — с ухмылкой заметил Мишка.

— У нас на швейной фабрике как раз людей не хватает, выдают по шестьсот граммов хлеба на работающего специалиста, а премии деньгами.

— Милочка, о чём ты? Разве я его прокормлю этакой пайкой? — тётя Фрида и Мишка засмеялись. — Мы как-нибудь без фабрики проживём. Работать мы умеем. А что-то прохладно в доме, подтопи, милочка, не морозь людей.

Скоро всех учеников Митькиной школы разбросали по разным школам Болотного, а в их здании разместился детский интернат эвакуированных детей из Ленинграда, совсем мелюзга. А в железнодорожной школе разместился эвакогоспиталь, и в классах стало ещё теснее, сидели по трое на парту. К учебным и привычным заботам прибавились новые — все мальчики обязаны были ежедневно во дворе школы после занятий колоть дрова: первоклашки — одну вязанку, второклашки — две, третьеклашки — три, и так до десятого класса. Митька мог колоть сколько угодно, он раскалывал любые чурки, даже витые у комля. Старшеклассники удивлялись его сноровке и силе удара. Так война окончательно обосновалась на нашей земле.

Болотнинский базар, который от дома находился совсем рядом, всегда отличался многолюдьем, изобилием и весельем. Но с началом войны веселья и изобилия поубавилось, а столпотворение людей стало ещё плотнее. Митька любил базар, он ему был родным, потому что сколько помнит себя, столько помнит базар с его шумным торгом, степенными разговорами, неожиданными встречами и жульничеством.

Именно на базаре он впервые увидел живого бурого медведя: два мужика держали медведя на цепях и он выполнял их команды. Воришки шарили по карманам ротозеев именно около медведей. Мужики собирали плату за представление в плетённый из бересты туесок, потом шли в «Погребок» — это местное питейное заведение

недалеко от базара, привязывали медведя к коновязи и шли пить «с устатку». А рядом с медведем сидел слепой гармонист, он сидел на маленькой самодельной скамеечке, в перчатках с голыми пальцами и самозабвенно играл, мужики выходили из «Погребка» и ссыпали в его чашечку монетки, а мальчишки воровали эти монетки. Гармонист не знал, что сидит рядом с медведем.

Болотнинский базар никто и никогда не называл рынком, хотя над входом какое-то время висела вывеска «Колхозный рынок», он всегда назывался базаром, люди так и говорили: «Я на базар», «Я с базара».

На базаре отдельный угол был отведён бондарям, умельцам по дереву, здесь возвышались друг на дружке и кадушки, и вёдра, и лохани, а главное, коромысла. Такое многообразие красоты расписных коромысел можно было увидеть только на болотнинском базаре. Отдельно стояли мясные лавки, а рядом на ящиках изобилие овощей: тут и огурчики, и помидорчики, и картошечка свежая, и редисочка, связанная пучками, и лучок, и кинза, и петрушка, и головки мака, шумящие зёрнышками, как детская погремушка, и чай приправные, и целый ряд разговорчивых бабок с лекарственными травами.

Молоко, сметана, сливки, творог, масло — отдельно, и торговцы были в белых фартуках и колпаках, так требовали нормы санитарных служб. С началом войны колбас и мяса поубавилось, они были, но очень дорого, и ассортимент по-военному скудный. За мёдом всегда очередь, и сейчас здесь столпились люди. Молодой мужчина и такая же бойкая хозяйка, оба крепкие, литые, розовощёкие, будто с одной грядки, наливают в подставленную посуду тягучий мёд.

— Аким, а ты чё не на войне? — кто-то дерзко и с вызовом спросил продавца мёдом.

— А грыжа у меня, — нагло отвечает тот.

— Купил, грыжу-то?!

— А не твою ума дело! Иди и купи, если такой умный!

Уже через полгода на базаре появились инвалиды, они пришли или прикатили себя на тележках с разными поделками и игрушками.

Расположились особняком и выложили кто на ящике, кто на тряпичке, а кто и просто на земле свои поделки. А поделки были красоты необычайной, особенно у одного – с резными шкатулками, а другой делал сундуки, не так чтоб огромные, но поменьше. Игрушки для детей всякие: и птички, и уточки, и медведи, и лошадки, и дудочки, и прочие свистульки, – да чего только не было у местных умельцев! Митька ходил по этому ряду как по музею, но купить, конечно же, ничего не мог.

А чуть дальше, если смотреть от школы, то в дальнем углу продавали одежду: и летнюю, и зимнюю, и кофточки, и штанишки, и рубашечки, и платьица – всё было, и сами шили, и от покойников оставалось. Не выбрасывать же. Покупали, а куда деться, голышом ходить не станешь. Вот в этих рядах и отиралась тётя Фрида, она сразу здесь стала своей, будто всю жизнь в Болотном жила.

– Новёхонькое, – показывала она свой товар покупателю, – сама шью, и сынок помогает. Ткань крепкая, нитки, попробуй, не порвать, сносу такой вещи не будет! – убеждала тётя Фрида.

Но и верно, что шили они очень качественную и красивую одежду, а потому к ним скоро потянулись и с заказами. В основном жёны начальствующих лиц, очень влиятельные. Они приходили в Митькин дом, там Мишка угодничал, много улыбался, даже лебезил, снимал мерку с клиента и делал выкройку, а тётя Фрида шила. Но и Мишка иногда садился за швейную машинку и строчил не менее проворно, чем его мать. Работать они действительно умели.

Квартиранты питались в буфете железнодорожного вокзала, там всегда готовили очень вкусно, но дорого. В Болотном буфет на вокзале был вместо ресторана: столы со скатертью, салфетки на столе и вилку с ножом на стол клали. А прочие люди всё ложкой уплетали, главное, было бы чё, и без ножа справлялись. В особо холодные дни квартиранты ели у себя в комнате или выходили попить чай в горницу за кухонным столом. И тогда Митька сгребал свои тетрадки и забирался на печь, но на печи читать было невозможно, потому что темно. Электрическую лампочку можно было иметь в комнате одну и не более 60 ватт, если ревизоры энергосбыта узнают или увидят через окно

большую лампочку, то тогда – крупные неприятности. И как-то Настя, в ответ на просьбу тёти Фриды вкрутить лампу посильнее, сказала, что если узнают, «тогда нам засветят так, что ослепнешь платить штраф».

Главной едой стала картошка, благо в этом году она уродилась, а ещё капуста и мамины солёные огурчики – целая кадушка. И, конечно, хлеб! Хлеб ржаной, но без всяких добавок, а в Новосибирске, говорят, в хлеб уже добавляют отруби. И всё равно, выходя из-за стола, Митьке хотелось есть, очень хотелось, до урчания в животе, до тошноты.

А в последнее время, когда Митька делал уроки, Мишка садился за кухонный стол и демонстративно доставал белый хлеб, сначала мазал его сливочным маслом, а потом обильно поливал этот бутерброд мёдом, так поливал, что мёд тёк по его пухлым пальцам и капал на столешницу. Первый раз Митька стерпел, но чуть не захлебнулся слюной, а когда Мишка уселся жрать бутерброд в следующий раз, Митька встал и ушёл. С этих пор Митька стал ненавидеть Мишку.

В тот вечер Митька пошёл на станцию с маминым поручением, к скорому поезду, чтобы продать немного солёных огурцов, и по дороге потерял сознание. Его привёл домой старик в белой шубе и мохнатой волчьей шапке. Он завёл Митьку в дом, осмотрелся, посадил мальчишку за стол и спросил:

– Где matka?

– На фабрике, – ответила тётя Фрида.

– Ребёнка накормить надо, у него случился голодный обморок, чуть не замёрз малец.

– Так нечем, любезный, – удивилась тётя Фрида, – вот мать придёт, пусть и думает, а мы квартиранты, мы блокадники.

Старик распахнул шубу, под которой оказалась холщёвая сумка, и достал из неё свёрток:

– Вот, сынок, съешь кусок хлеба и сальца, это мне зайчик подарил. Для тебя, мол, отнеси Митьке, а то ему кушать хочется.

Митька посмотрел на увесистый кусок сала и кусок хлеба и всё завернул обратно в бумагу.

– Ты что не ешь-то? – удивился старик. – Опять в обморок упадёшь, вон бледный какой.

– Мама скоро придёт с работы... Спасибо! Только денег у меня, дедушка, нет, я огурцы не продал, потерял, наверно, я огурцы, – и слёзы покатались по его щекам, но он не плакал, он просто был очень благодарен этому незнакомому старику. – Спасибо вам, дедушка, вот мама придёт, и мы покушаем.

– А без мамы никак нельзя?

– Отец велел маму беречь.

– Это правильно, – дед надел свою мохнатую шапку и пошёл к выходу, потом остановился и обратился к выглянувшему из комнаты Мишке: – Ты его хотя бы сегодня не дразни. Трудно ему сегодня.

И вышел на улицу, только облако густого морозного воздуха осталось вместо него.

Так прожили вторую зиму. Митька учился только на пятёрки, потому что в классе так считалось: кто получил пятёрку – убил врага, кто четвёрку – смертельно ранил фашиста, кто тройку – только напугал фрица, а кто двойку – тот помог врагу.

Летом Митька тоже начал торговать на базаре – носил в большом ведре воду и продавал по три копейки за кружку, а иногда продавцы заказывали воду для своих нужд, потому что приезжали в субботу вечером и уезжали в воскресенье после обеда, а вода всегда нужна. И покупали ведро за пятьдесят копеек.

На базаре к Митьке всегда подходил один старик, седой и с белой бородой.

– А зачерпни-ка мне со дна, да погуще, – просил, усмехаясь в свои белые и пышные усы, дед.

Потом он пил воду, которая стекала по его бороде прозрачными и весёлыми каплями, и отдавал положенные три копейки. Митька смотрел на старика, и ему казалось, что он его уже видел, и, может быть, даже именно этот старик и поднял его той зимой из сугроба и привёл домой. Но уверенности не было, бородатых стариков было страсть как много.

Но вот беда, Митька вдруг заметил, что у него среди жёлтой меди одна светлая — двадцать копеек.

Но за весь день ему двадцать копеек никто не давал.

У Митьки появились подозрения. И когда в следующее воскресенье белый дед выпил кружку воды, Митька не стал сразу класть дедовы деньги в карман, а придержал в ладони, а когда разжал, то там оказалась двадцатикопеечная монетка. Как он проморгал и не отдал сдачу — удивился Митька. В следующее воскресенье старик опять подошёл пить, и Митька выпалил ему, что прошлый раз забыл сдать сдачу — семнадцать копеек!

Старик выпил воду и ответил, что кроме трёх копеек он ему ничего не отдавал, и вручил ему три копейки.

- Видишь, — показал дед монетку, — сколько я тебе отдаю?
- Три копейки, — подтвердил Митька.
- Вот и забери, — старик отдал и ушёл.

Но Митька тоже был не простака, он опять не положил эти три копейки в карман, а стал держать их в ладони, да так, что никакая сила не могла бы у него их отнять или подменить, но когда он разжал ладонь, то увидел ясную, как солнце, двадцатикопеечную монету.

Осенью Митькина торговля сошла на нет. В тот день он возвращался домой вдоль линии. На боковом пути стоял эшелон, несколько солдат гоняли футбол, вместо мяча они использовали консервную банку из-под тушёнки, которые недалеко громоздились аккуратной горкой, тут же кашеварили на костре в огромной кастрюле, кто-то просто сидел или лежал на земле, наслаждаясь тёплой погодой. Митька подобрал банку и понюхал её утробу. Он даже остановился, потому что от аромата пряностей закружилась голова и он побоялся опять брякнуться в обморок.

- Где батька твой?

Митька оглянулся и увидел солдата, сидящего в широко раскрытых дверях, тот свесил босые ноги из вагона и болтал ими как мальчишка. Из походного котелка солдат ел кашу.

– На фронте! – с гордостью ответил Митька.

– Голодно, поди? – солдат облизал ложку.

– Нормально, – ответил Митька. – Картоха есть, капуста есть – не помрём, – повторил он слова матери.

– Не помрёшь, но и не растолстеешь.

– Нет, – засмеялся Митька, – не растолстеешь.

– Давай банку сюда, – распорядился солдат.

Митька отдал банку из-под тушёнки, солдат осмотрел её, выкинул, поискал что-то в мешке и подал Митьке непочатую банку тушёнки.

– Матери снеси, она приготовит.

Митька мчался домой изо всех сил, он даже не помнил, сказал спасибо тому солдату или нет, а потом он долго и с нетерпением ждал мать с работы. Мать в этот же вечер приготовила картошку с тушёнкой.

– Да никак ви разбогатели, – ехидно заметил из-за дверей комнаты Мишка. – Запашок как из городского сорта.

Не сговариваясь, Настя и Митька упали со смеху, они так заразительно смеялись, что Мишка не выдержал и спросил, всё так же из-за закрытых дверей:

– И шо я сказал смешного?

Этот вопрос только подлил масла в огонь. Когда всё-таки успокоились и поели, мать сказала:

– Ну вот, и поели, и будто в комедию сходили.

А тушёнки хватило на целую неделю, мать экономно сдобривала её жидко варенную картошку. А тут ещё стало приходиться отцовское жалование – шестьсот рублей! И Настя с гордостью узнала, что её муж стал офицером.

И зажили легче, время потекло быстрее и даже веселее, появилась надежда на скорую победу, ну, во-первых, наши навалили немцам под Москвой, а тут ещё и под Сталинградом! И покатился фронт на запад. И все поняли, что скоро победа.

То было в воскресенье утром, тётя Фрида и Мишка пили чай за кухонным столом, прежде чем идти на рынок. Мишка уже сожрал второй

бутерброд с маслом и мёдом, Митьке с печи всё хорошо было видно, как ненавистный Мишка прихлебывал сладкую вкуснятину чаем.

— Не чавкай! — привычно ругала его тётя Фрида, потом выглянула в окно: — Милочка, там, кажись, хахаль твой пришёл, да что-то заходить не торопится. Вторую цыгарку уже прикурил, а может, ждёт, откуда мы с Мишкой уйдём. А? Хозяйка, ты где там?!

Из комнаты вышла Настя и выглянула в окно. Дядя Фёдор стоял около изгороди, курил и утирал рукавом глаза, в руке он держал конверт.

— Нет! Нет!!! — закричала Настя и упала без сознания.

Митькин отец погиб на Курской дуге, в звании капитана, а потому Митька получал жалование отца до совершеннолетия.

Три года войны наполнили улицы инвалидами. Никогда Болотная не имела столько художников и мастеров, грубые мужики вдруг раскрыли в себе удивительные таланты. Они вязали тончайшей красоты пуховые шали, рукавички и свитера, делали деревянные игрушки, посуду и прочую кухонную утварь, более похожую на выставочные экземпляры, чем на предметы повседневного быта. Мужики запели голосами удивительными, заиграли на инструментах. Собственно, во время войны все пели, даже девчонки в школе, садились во время перемены на подоконники и пели, да так слаженно, что даже хулиганы и забияки, и самые бестолковые пацаны им не мешали петь.

Цоканье костылей, посвистывание подшипников инвалидных тележек, натруженный скрип кожаных протезов — стали привычными звуками на улицах города. Людей перестали пугать пустые рукава, пришитые к карманам пиджаков, безногие колясочники, они сидели на тележках с маленькими колёсиками, а в руках у них были деревянные кулаки, которыми они опирались о землю и толкали себя вперёд, а на лестницах с невероятной ловкостью и силой перемещали своё тело вверх. Митька запомнил одного, который поднимался по лестнице, он шёл на руках, неся своё тело без ног на весу. Он шёл боком, сначала одну руку ставил на верхнюю ступеньку, потом другую, а люди рассту-

пались, пропуская его вверх. Иногда он появлялся на базаре с гармошкой и пел жалостливые песни:

Дорогая жена, я калека,
У меня нету правой ноги,
Нет и рук, они честно служили
Для защиты родной стороны.

На обрубках его ног лежала серая в крапинку кепка, в которую сердобольные люди кидали мелочь. Он рвал меха и чуть ли не орал:

От жены я письмо получаю,
С ней я прожил всего восемь лет.
Она только в письме написала,
Что не нужен, калека, ты мне...

А однажды, перед первым сентября, Митька пошёл с дядей Фёдором в железнодорожную баню. Когда они зашли в моечную, то увидели просторный зал с двумя рядами бетонных скамеек и по периметру такие же толстенные бетонные плиты, каждая скамья делилась неглубоким желобком на два места. Банная шайка громохала колокольно, а по залу гоняло из угла в угол нескончаемое эхо из отрывков фраз и прочих звуков. На скамьях сидели мужики, и среди них было неожиданно много людей в шрамах. Выцветшие швы и ещё свежие синие, неровной резьбой впивались в руки, ноги, грудь. У инвалидов без рук и без ног швы неровно стягивали кожу на торцах култышек.

Митька смотрел во все глаза, пока дядя Фёдор не подтолкнул его и не заставил мыться, но Митька всё равно через мыло в глазах смотрел на изуродованных людей, и любопытство перебивало страх и брезгливую оторопь. Вот только когда Митька понял, что такое война.

Когда Митька прибежал домой и хотел рассказать матери об инвалидах, из маминой комнаты вывалился растрёпанный Мишка, а за ним вылетел круг колбасы.

Митька выскочил из дома, пробежал двор, выдернул из колоды топор.

– Дмитрий! – позвал кто-то. – Не найдётся ли водички испить?

У калитки стоял тот старик, который платил за воду двадцать копеек. Дед был древний и совершенно белый, его украшала лохматая шевелюра седых волос, а на груди лежала такая же белая борода, а в руках посох, с крючком на конце.

– Что, дедушка? – ещё не мог прийти в себя от клокочущей ненависти Митька.

– Водички испить, в груди пересохло!

Вода стояла в сенках, ещё утром Митька принёс два ведра и наполнил бачок. Митька зачерпнул ковшиком воды и осторожно, чтобы не плескаться, понёс на улицу. Дед уже сидел на крыльце, положив посох около себя.

– Спасибо, сынок, огромное спасибо.

Дед принял ковшик, но не торопился пить.

– Ты знаешь, сынок, что люди бывают разными? Вот ты – человек светлый, а тот, что в доме, он боится света. Ты живёшь, а он жуёт. Ты тоже можешь жевать, но его сердце не может светить, как светит твоё ясное и очень доброе сердце. Его жалеть не надо, но и убивать тоже не стоит.

Митька вздрогнул всем телом. И со страхом посмотрел на старика, а тот продолжал говорить, держа ковшик с водою в руке:

– Потому что, убив, ты станешь как он, – старик задумался, но скоро продолжил: – Человек всякий раз умирает, совершая плохие поступки, но всякий же раз находит в себе силы вернуться к жизни. А убив человека, ты умрёшь вместе с ним. И самое страшное, что умрёшь навсегда. Ты понимаешь, сынок, о чём я? А теперь подумай, стоит ли он великой жизни светлого, солнечного человека!

Дед Арефа протянул Митьке ковшик с водой:

– Испей водицы, остуди сердце и наполни его любовью, не к нему, но к близким своим, кому дорога твоя любовь, к тем, кто ждёт твоей любви. Люби тех, кому нужна твоя любовь, а прочих обходи стороной.

Митька поднёс к губам алюминиевый, мятый, весь в ссадинах, как его коленки, ковшик и начал пить прохладную родниковую воду.

А утром в дровянике под навесом, когда Митька складывал дрова на руку, чтобы протопить остывшую за ночь хату, скрипнула калитка, и во двор вошёл дядя Фёдор.

– О, Митька, уже хозяйствуешь! – похвалил дядя Фёдор.

– Мать попросила печь затопить, ночь прохладная была, – похозяйски ответил Митька.

– А давай помогу, – дядя Фёдор ухватил всю громоздкую связку искомандовал: – Марш двери открывать!

Митька кинулся быстрее ветра, распахнул сенца, потом громоздкую дверь в дом. Дядя Фёдор, видимо, со света не заметил порожка и со всею поленницей рухнул на тётю Фриду, сметая и её, и швейную машинку.

Митька прикрыл двери и осмотрел горницу: Мишка сидел за столом с толстым бутербродом, с которого стекал на столешницу мёд. Тётя Фрида лежала у стены, а швейная машинка с треснутым основанием и отломанной ручкой валялась посреди горницы.

– Убил, – произнесла тётя Фрида, – как есть убил!

Дядя Фёдор лежал тут же на животе и зачем-то пытался надеть зимнюю шапку, потом откинул её в сердцах прочь и закричал:

– Я же тебе, старая бестия, уже говорил, чтобы ты свой швейный цех в комнату убрала!

– Я на чём теперь работать буду? – завизжала тётя Фрида.

Из комнаты вышла Настя и почему-то очень спокойно ответила:

– Фрида Борисовна, это не беда, у нас на швейной фабрике машинок много, а хороших швей не хватает, найдётся и вам, и Михаилу рабочее место. Да с вами и вашим опытом мы по два плана делать будем!

Митька вышел на улицу, чтобы никто не заметил его счастливых глаз, и вдруг увидел удаляющуюся фигуру старика с посохом в руке.

– Дед, постой, не уходи, – прошептал Митька и услышал в ответ:

– Я здесь, сынок, я рядом.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Война – горе общее, только по-разному люди переживают это горе, а есть и такие, для которых «война – мать родна». Мы знаем такие примеры, когда спекулянты продавали хлеб, выменивая его на фамильные драгоценности у умирающих от голода жителей блокадного Ленинграда во время Второй мировой войны, когда олигархи наживались на чеченской войне конца прошлого столетия, а кто-то и сейчас волно торгует, когда идет спецоперация на Украине.

Но только смывает время имена этих людей в самую беспмятную яму истории, а **люди помнят других – ясных людей, самоотверженных и искренних, тех, кто сохранил честь и достоинство человека, оставшись маленьким, но гордым и мужественным создателем великих побед народа.**

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. О каких событиях идёт речь в рассказе «Грыжа»? Предположите, почему так назван рассказ?
2. Чем занимается главный герой Митька? Какие мысли его одолевают, когда он впервые видит старика?
3. Как изменилась его жизнь, да и отношение к ней с началом войны и уходом отца на фронт?
4. У автора есть слова: «Вот только когда Митька понял, что такое война». Почему именно в этот момент? Найдите в рассказе этот эпизод и перечитайте его.
5. «Война – горе общее, только по-разному люди переживают это горе». Какими словами старец Арефа останавливает Митьку от необдуманного преступления? Найдите и прочитайте фрагмент.

6. Вспомните индейскую притчу «Два волка», какой поучительный для себя урок нужно извлечь из неё? Уместен ли он в данном случае? Поясните свой ответ.
7. Уместны ли в военное время милосердие, сострадание? Автор пишет: а есть и такие, для которых «война – мать родна». Приведите примеры из рассказа, подтверждающие это.
8. «Испей водицы, остуди сердце и наполни его любовью, не к нему, но к близким своим, кому дорога твоя любовь, к тем, кто ждёт твоей любви. Люби тех, кому нужна твоя любовь, а прочих обходи стороной». Выскажите своё отношение к словам автора в сочинении-эссе.
9. Почему Митька понял, что нельзя убивать Мишку?
10. Стал ли Митька сильным человеком после всех событий?
11. Каких героев рассказа можно назвать патриотами и почему?

гл. 39

ПРИМЭ

У моей мамы было огромное количество подружек, которые работали в самых непрехотливых местах в нашем технически сложном и очень умном городе. Была тётя Неля – буфетчица из цирка, и мы всегда имели доступ в центральную ложу для высокопоставленных гостей, другая подружка – Людмила Александровна распоряжалась путёвками в Облсовпрофе, от неё тянулись всепроникающие нити во все самые потаённые склады и отделы, обеспечивающие жизнедеятельность миллионного города. А вот Мария Александровна Скворцова стояла чуть в сторонке от широкой дороги потребительского рынка, она была лишена материального значения, состарившаяся балерина осталась работать администратором в Новосибирском театре оперы и балета. И неудивительно, что именно эта бесплатная прихоть так увлекла нас и скоро мы стали театральными завсегдатаями и балетоманами. Пригласительный билет мы получали в окошечке администратора и, миновав просторный холл, фойе, назидательного и непримиримого вида дежурную с программками в руке, располагались в средней лодочке – так называли балкончик, нависающий над зрительным залом.

Я полюбил Оперный театр за обстановку праздника, роскошь бархатно-бордовых кресел, огромную двухтонную люстру, которая, как замок, распирает и тем поддерживает свод главного купола, кстати, самого большого купола во всём необъятном Советском Союзе. Московский, так называемый Большой театр с потрохами поместится в нашем Оперном.

Мы с мамой посещали только балет, несколько попыток слушать оперу увенчались полным провалом, я не понимал, как ни силился, о

чём так громко поют наши оперные дивы. А вот балет — то самое моё. Во-первых, в балете много девушек, во-вторых, я занимался спортивной акробатикой и мне понятны были великие труды щуплых, совершенно обезжиренных девчонок.

Скоро я влюбился. Понятно, что моей избранницей стала не соплюха из кордебалета, в котором подвизаются новички, только что окончившие хореографическое училище, и не рядовая, но уже заносчивая балерина, а солистка — красивая и лёгкая как пушинка, грациозная, страстная и удивительно лиричная — Любовь Гершунова. Правда, были и непредвиденные обстоятельства: Люба вышла замуж за артиста балета, знаменитого Анатолия Бердышева. Я его ненавидел, хотя он был красив как бог, строен, мускулист и, невзирая на обтягивающие его ноги трико, было очевидно всем, что он достойный мужчина. Но все его вызывающие достоинства не поколебали мою любовь к Любви Гершуновой, я ходил на все спектакли с её участием, а потом, когда он уехал в командировку танцевать с Майей Плисецкой, я вообще возомнил, что он уже больше не вернётся, я успею подрасти и жениться на ней. Но то были мои юношеские фантазии троечника из восьмого «В» класса двадцать второй школы. Бердышев всегда возвращался, а потом вовсе забрал мою возлюбленную, и они уехали гастролировать по всему миру.

Прошли годы, прошло много лет, я стал издателем, авторитетным и маститым, как потёртый кожаный диван в холле академической библиотеки. В 2001 году нам пришла идея создать книгу «Созидатели», в которую вошли бы очерки о наиболее деятельных людях нашего города. В процессе отработки списка знаменитых и достойных горожан вдруг мелькнула знакомая пара: Гершунова — Бердышев.

Любовь Гершунова... сердце заволновалось. Очерк о балетной паре взялась написать известный балетмейстер-режиссер, одноклассница Гершуновой, Наталья Викторовна Соковикова. Но я всё-таки решил познакомиться с примой и наконец-то объяснить.

Любовь Васильевна встретила меня на Красном проспекте недалеко от Дома быта. Я не узнал её: маленькая, худенькая женщина,

морщинистое лицо, и мне показалось, что она была немного выпивши. Меня тоже не узнают те, с кем я встречался последний раз сорок лет назад. Ничего удивительного, прошла целая жизнь.

Мы шли медленно, потом так же медленно, с трудом поднимались на этажи. Её мучила боль, страшная позвоночная боль.

— Знаешь, Коля, — она легко перешла на ты, — диски стёрлись, суставы болят, не сплю, совсем не сплю. Всё время на обезболивающих.

В небольшой квартире нас встретил Анатолий Васильевич Бердышев, а вот его я узнал сразу — такой же красавец, стройный, широкоплечий, плотная шевелюра с проседью. Мы разместились в небольшом зале, в креслах, а Бердышев на диванчике. Скромная обстановка, около стены старый тёмный комод с ручками-раковинами. У нас тоже был когда-то такой, но он остался в детстве. Я рассказал про книгу и попросил разрешения задать несколько вопросов.

— Любовь Васильевна, я начну с банального вопроса, как вы оказались в хореографическом училище?

— Брела по городу, смотрю — написано большими буквами: «Хореографическое училище». Если есть слово «хор» — значит, подумала я, поют, а я очень петь любила, и мама моя пела хорошо, я зашла и записалась.

— Отличная история! А вы? — я обратился к Анатолию Васильевичу.

— Мне было уже одиннадцать лет, мы переехали в Новосибирск, на Первомайку, из деревни Дмитриевка Алтайского края. Места в домике не хватало, жили очень тесно, мне приходилось спать со старшей сестрой на одной кровати, валетом. Она ворочалась, повернётся, а я с койки падаю. Она смеялась, говорит, если я по ночам летаю, то, значит, расту. Я сбежал из дому, а тут в хореографическом училище кормят и кровать отдельная.

Разговор шёл свободный, но Бердышев больше молчал, говорила Любовь Васильевна. Я тоже по привычке был изрядно раскован и прост.

— Люба, а скажи, как на духу, в театре много женщин, а у тебя муж красавец, как ты справлялась с соперницами?

Любовь Васильевна продолжительное, будто вспоминая, посмотрела на мужа, сжала кулачок и погрозила кому-то:

– Он знает, что я с ними делала!

Я не смог сдержать смех, мне показалась забавной решительность этой маленькой женщины и совершенно спокойное поведение её мужа. У него даже глаз не моргнул, он так же, полуразвалившись, сидел на диване. Я окончательно освоился и сказал:

– Люба, а я в тебя был влюблён!

– Да ну! – удивилась она, и морщинки на её лице вдруг и буквально на миг исчезли. – Придумал уже!

И я рассказал всё: и как ходил на её спектакли, как любовался ею, её красотой, лёгкостью и искренностью её танца. Она была не просто лёгкой как пушинка, она была невесомой, не Бердышев подхватывал её, а она сама летала вокруг него. Она была прекрасна, как белая и прозрачная бабочка. И при этом она сама наслаждалась своим танцем, она жила в нём, отдаваясь эмоциям полностью и до предельного конца, и умирание или воскрешение происходило на глазах зрителей, и зрители умирали и рождались вместе с нею. Казалось, что она танцует какой-то свой танец, и нет ей дела до зрителей, спектакля и режиссёра, она просто танцует, потому что ей так хочется. О, какое это было сладостное, гипнотическое очарование, и какое восторженное удовольствие, и как потом аплодировал благодарный зритель, люди непроизвольно вскакивали, и грохот и крики, огромная люстра над головой звенела хрусталём, а купол глох от оваций!

Любовь Васильевна слушала меня внимательно, даже взволновано. Странно, но объясняться в любви великой прима и уставшей больной женщине в присутствии её мужа мне было легко. Я так раскрылся и был взволнован собственным путешествием в молодость, что если бы он вызвал меня на дуэль, я сам засадил бы себе пулю в сердце.

Любовь Васильевна с 1967 по 1990 год танцевала, репетировала и опять выступала на сцене, работала и работала, истязая себя новыми нагрузками, чтобы всегда быть в форме, в высшей физической форме,

которая даёт в полной мере выразить своё мироощущение в танце. Именно за этот титанический труд – медаль «За доблестный труд», и Государственная премия, и орден Трудового Красного Знамени, и звание народной артистки России! Этой удивительной и звёздной паре рукоплескали более пятидесяти стран мира, среди которых Япония, Канада, Австралия, Франция, Бразилия...

Какое это было великое государство – Советский Союз, который подхватил послевоенных детей, накормил и помог стать кому-то великими артистами, кому-то олимпийскими чемпионами, а кому-то летописцами.

– А меня все забыли, – вдруг сказала Любовь Васильевна, – только театр Гранд-опера из Парижа до сих пор присылает поздравления с днём рождения.

– Вы не правы, мы же книгу пишем, и там будет очерк о вас и про Анатолия Васильевича. Никто вас не забыл. Вы не правы, – я замолк в некоторой растерянности, потом попросил: – Для книги нужны будут ваши фото, у вас есть фото?

– Открой комод, – сказала она мне.

– Какой ящик?

– Любой.

Я выдвинул самый нижний, он битком был заполнен чёрно-белыми фото. Я открыл следующий, а потом ещё один – они все были забиты фотографиями, старыми, выцветшими, с поломанными и оторванными уголками. Я выбрал всего три фото и вернул их Любе уже вместе с двухтомной книгой «Созидатели» в 2003 году. Всё на том же пустом углу Красного проспекта около Дома быта. Она меня ждала. А ещё через три года Гершунова Любовь Васильевна умерла. Она прожила всего пятьдесят девять лет.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Любовь Васильевна не права, мы её не забыли, как не забыли и Анатолия Васильевича Бердышева, который умер в 2015 году и похоронен рядом с женой на Заельцовском кладбище.

Пройдут годы, пройдёт много лет, но чувство прекрасного, зародившееся, кажется, случайно, останется с нами на всю жизнь, и мы в свою очередь постараемся это чувство передать своим детям.

Мир вам, великие труженики, не пожалевшие себя, ради только одного нашего удовольствия прикоснуться к прекрасному! И в наших силах полюбить это прекрасное и попытаться рассказать будущим поколениям о тех, кто научил нас видеть и творить красоту.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Какие ассоциации вызывает у вас слово «прима»? Что оно означает?
2. Почему для автора Любовь Васильевна осталась примой, невзирая на пройденные годы?
3. Первая симпатия и влюблённость... Насколько театральная атмосфера повлияла на романтичность этих чувств? Сложно ли полюбить балет?
4. Почему возвышенное отношение к прима Гершуновой так и осталось для автора ни с чем не сравнимым?
5. Можно ли боготворить людей заочно?
6. В чем причина светлой грусти рассказа?
7. Почему скромность квартирки Бердышевых и простота общения лишь добавляют им величия? К чему стремились эти таланты?
8. Текст рождает множество чувств и вопросов. Попробуйте задать свой.

Гл. 40

СТОЛЫПИН

Летом в 1910 году в Болотную прибыл Пётр Аркадьевич Столыпин. А дело было так. Поехал Пётр Аркадьевич инспектировать Сибирь, проверить, как там чиновники и прочий служивый народ делом заняты. Едет к губернатору в Томск, а по дороге – станция Болотная. Паровоз чёрный, от лоску блестит, и четыре вагона за ним, а третий особый – бронированный, с апартаментами царскими. Там и столовая, и кухня с посудой, разумеется, по нужде место есть и ванная с титаном и горячей водой. Никто вагон бронированный среди других не различит, а я могу, потому как в ту пору осматрщиком вагонов работал и был за правильное мышление и добрые навыки определён на осмотр состава поезда самого министра правительства Столыпина. Впрочем, мне Егор Потапыча дали в помощники, он местный пристав, видимо, чтобы диверсий каких не случилось.

Пропыхтел паровоз, отцепился и за водичкой по рельсам уплыл, а я с Потапычем ходовую часть осматриваю. Идём мы вдоль вагонов, молоточком стук, а звон должен быть как у колокола-подголоска – тонюсенький и непрерывный, значит, трещин или иных каких вредителей нет. Потом крышку боксы крючком открыл, уровень масла проверил, по надобности из маслёнки ливанул и дальше идёшь, а сам всё видишь, как она там вся ходовая часть настроена.

С одной стороны прошли, на перрон забрались и дальше стук да бряк. И вдруг дверь вагона открывается, и слышу я голос:

– Пётр Аркадьевич, не планировали мы на этой станции прогулку совершать!

Выходит на перрон мужчина высокий и лысый — он — сам Столыпин, а за ним Кривошеин — главноуправляющий по земле всей Российской — барин, сытый такой, холёный. Из соседнего вагона охрана хлынула, саблями гремят, Столыпина в плотное кольцо взяли.

— Нельзя вам, — причитает Кривошеин, — опасно, Пётр Аркадьевич.

А и то верно, к тому году на Столыпина уже десять покушений было. А Столыпин стоит, эдакий орёл, высоченный — вылитый Император, не зря Николашка, царь наш, нервничал: ни того ума, ни того росту.

— Да не пойду я никуда, — махнул Столыпин рукой, — здесь постою, ноги разомну. Что за станция?

К нему кинулись разом волостной старшина и начальник станции, а Столыпин, как увидел их холуйский прыжок, так рукой махнул в сторону, мол, уйдите с глаз долой, и ко мне поворачивается.

— Скажи-ка, любезный, как станция называется?

— Болотная! — встал я во фронт и руки по швам, а в правой молоток на длинной ручке, а в левой — маслёнка с носиком гусиным. И вдруг кто-то сзади у меня молоток хватить, и маслёнку тоже отобрал.

Я обернулся, говорю офицеру:

— Верни струмент, я за него в отчёте, а тебе без надобности! Да ещё измажешься ненароком, — а тут и понимаю всё, и такой на меня смех напал, ну и Пётр Аркадьевич вместе со мной засмеялся.

— Не обижайся на них, — говорит мне Пётр Аркадьевич. — Скажи лучше, как вы тут в вашей Болотной живёте? — И смотрит на меня эдак внимательно.

— Хорошо живём, спокойно, вашими молитвами, Пётр Аркадьевич!

— Моими, говоришь, молитвами. Ну что, Александр Васильевич, если дерзит, значит, не врёт. Кто врёт — тот холуйствует. — И опять ко мне повернулся. — Откуда сам-то?

— Здешний я, болотнинский.

– Это понятно, родом откуда?

– А местный я, всегда здесь жил, уж и не помню сколько, но очень давно. Ещё до великого мора.

– Ты смотри что, – удивился Столыпин. – А Чингисхана помнишь?

– Нет, ваше благородие. Сыну его Ибаку, хану Большой Орды, когда подарки везли, я проводником был, да меня шатун помял, так и не повидался с ним.

– Прямо-таки шатун? – не поверил Столыпин.

– Как есть шатун, ваше благородие, я таких крупных более не видел, – я снял форменную фуражку: от самого темечка по затылку шли три бурундучьи полосы, оставленные когтями зверя. На них никогда не росли волосы.

– Ты смотри-ка! – опять удивился Столыпин.

– А Кучума я видел, но издалека, а с его старшим сыном достопочтенным ханом Али разговор имел. Хороший юноша, он на лечении у нас состоял.

– На лечении, говоришь... Его что, тоже медведь помял? Велики чудеса твои, Господи! – Пётр Аркадьевич перекрестился, и все, кто слышал, грохнули единым смехом.

– Как звать тебя, любезный?

– Арефий я.

– Работай, Арефий, не будем тебе мешать. А байки складывать ты хорошо умеешь! И послушайте, ведь все имена знает! А если и работает так же складно, как врёт, то цены такому нет.

– «Лжец недостоин памяти потомков», – сказал мне хан Али. Я не лгу, ваше высокоблагородие. Завтра кому скажу, что с самим Петром Аркадьевичем Столыпиным беседу вёл, мне не поверят. Скажут уверенно, что лгун я отменный. Не так ли, Пётр Аркадьевич?

Министр задумался, и тишина наступила, даже охрана саблями греметь перестала.

– А ведь молодец, сукин ты сын, Арефий, а! А как точно подметил! А что ещё сказал хан Али?

– Он сказал, что лгут только трусы и предатели своего народа.

– Вот! – тряхнул кулаком Столыпин. – Вот это должен знать и помнить денно и ночью всякий член Государственной Думы! Вот именно! «Лгут трусы и предатели» – как это верно. Изолгались господа наши, только мошну свою неуёмную набить да гордыню потешить. Не то что Родину продадут – мать по миру пустят! Вот так, Александр Васильевич, я начинаю верить в реинкарнацию. А ты хотел, чтобы я в вагоне сидел, а я тут, в Болотной, чуть ли не с Христом встретился. Прощай, Арефий, не будем больше тебе мешать. – И прочь пошёл, за ним все.

А потом начальник станции меня с вестовым зазвал и червонец даёт, и говорит, мол, от Столыпина благодарность. А сам я вижу, что недоволен начальник станции, что не с ним, а со мной Столыпин разговор затеял. Долго я эти деньги хранил, а потом добротный тулупчик у знакомого крестьянина сосватал, как раз за десять рублей.

А Столыпина всё-таки убили, застрелили в театре, в Киеве, стрельнули и попали. Жаль мужика, хороший был человек, у меня глаз на хороших людей зрячий.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Пётр Аркадьевич Столыпин личность не однозначная. В нём было всё: и самоуверенность, и жёсткость, и барство, и некая дворянская напыщенность, но всё это сочеталось в нём с простотой, добродушием и безмерной любовью к России. Вся его жизнь состояла из жестоких компромиссов, ему приходилось согласовывать интересы простого народа и дворян, а также следовать государственным интересам огромной Российской империи.

Необходимо знать, что после отмены крепостного права в 1861 году землю крестьянам не отдали бесплатно, а заставили её выкупать втридорога. По этой причине крестьяне не хотели уходить со своей земли и предпочитали кредитное рабство. Дворяне содрали с крестьян много больше, чем стоила земля, банкиры тоже удовлетворили свои интересы, и столыпинская реформа переселения в Сибирь стала тем благом,

которое манило крестьян Украины, Белоруссии и центральной России в неведомый край. Посудите сами: на каждого члена семьи, не только на мужчин, как это было принято в России, а на каждого члена семьи давали десять десятин земли безвозмездно, более того, оплачивали переезд, выдавали подъёмные, оказывали бесплатные юридические услуги, кормили в специальных столовых, построенных вдоль всей Транссибирской магистрали, обеспечивали семенами на первый посев.

Между всеми этими противоречиями, между государственными, дворянскими и людскими интересами и находилась душа Столыпина. Именно по этой причине он ездил с инспекциями, чтобы проверить исполнение решений правительства.

Очень бы хотелось, чтобы молодые люди, как будущие Столыпины нашего Отечества, всегда помнили о важности искреннего служения интересам своего народа. Всё, что было плохого и неудачного, — всё забудется, а в памяти народной останется только то, что сделано во славу России.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Что вы знаете о Столыпине и его реформах?
2. Почему Столыпин говорил с Арефой на равных?
3. Почему Столыпин передал ему червонец через начальника станции, а не вручил лично?
4. Удалось ли автору представить нам живой образ П.А. Столыпина?
5. Какие слова Али-хана понравились и запомнились Столыпину? Почему этот образованный человек не стесняется учиться у народа?
6. Какую цель ставил перед собой Столыпин как государственный человек?
7. «Лжец не достоин памяти потомков» — как вы понимаете это выражение?

ЗАГРУЗКА...

ЮНОШАМ И ДЕВУШКАМ

15+

КОММЕНТАРИИ К РАЗДЕЛУ

В данном разделе представлены художественные произведения для совместных размышлений об актуальных нравственных проблемах обучающихся юношеского возраста и работы, направленной на формирование мировоззрения, внутренней позиции молодых людей по отношению к себе, к другим людям, а также к моральным ценностям, которые составляют ядро нравственного самосовершенствования юношей и девушек на уровне основного, среднего общего или профессионального образования. Поэтому целевым приоритетом воспитания в этом возрасте является создание условий для развития социально значимых отношений, и прежде всего ценностных отношений, связанных с потребностью молодых людей утвердить себя как личность в системе отношений, свойственных взрослому миру, для их вхождения во взрослую жизнь.

Поиск профессии — важнейшая проблема юности. В этом возрасте особую значимость приобретает формирование уровня профессиональных притязаний, планирование семьи, карьеры, своей деятельности, образа жизни, становление мировоззрения, собственных ценностных ориентаций. Особенностью юношеского возраста являются самовоспитание, самооценка, развитие познавательного интереса, самоорганизации в учении.

Учителя и родители для работы над нравственным содержанием каждого рассказа могут руководствоваться целевыми ориентирами результатов воспитания, представленными в Примерной основной образовательной программе основного, среднего общего образования, требованиями к результатам освоения программы основного, среднего общего образования, сформулированными в Федеральном государственном образовательном стандарте, Примерной программе воспитания. К ним относятся личностные результаты гражданско-патриотического, духовно-нравственного, эстетического, трудового, физического, экологического воспитания, а также ценности научного познания.

Авторы пособия понимают, что в указанных документах представлен настолько широкий спектр нравственных понятий, что осмыслить их в таком не-

большом разделе является достаточно трудной задачей. В начале книги, в содержании авторы сделали акцент на одной, на их взгляд, ведущей нравственной проблеме, поднятой в каждом конкретном рассказе. Однако художественное произведение позволяет поднять и обсудить со школьниками более широкий спектр проблем, поставленных автором. Круг нравственных ценностей определяется исходя из поставленных педагогом целей и актуальности проблем для обучающихся.

Данные материалы могут быть полезны ученикам 9-х, 11-х классов и учителям русского языка для подготовки к итоговой государственной аттестации по русскому языку.

Гл. 41

Звездочёт

Помнится, со своей женой мы первые полгода как сиамские близнецы ходили. И вдруг вечером, на излёте столь круглой даты, она меня спросила:

— Почему ты свою одежду около кровати складываешь, а не в шкаф на плечики вешаешь?

— Я так привык, — чистосердечно ответил я.

Она спросила, я — ответил и забыл. Не то чтобы недоумения, даже огорчения не показал.

По простетвии некоторого времени она вновь и уже с каким-то нескрываемым раздражением принялась меня пытаться:

— Это что же, — говорит, — так теперь и будешь всегда свою одежду у кровати постилать вместо ковриков?

Даже не столько вредный тон, сколько одно только обстоятельство, что на меня, хозяина и мужа, возможно указывать каверзным пальцем, совершенно лишило меня умиротворённого и присущего мне мудрого расположения духа.

— А ты, — воткнул я ей наводстрённую булабочку, — всю стиралку своими помазульками и тушами заставила. А ватки, — здесь я вдохнул и дунул уже самым острым перцем, — нарочно в раковину бросаешь! Я забодался их оттуда вязальным крючком выковыривать!

— А, так ты меня попрекаешь! А говорил, что любишь!

Последний и беспомощный довод окончательно взбаламутил моё спокойствие — я был оскорблён глупейшим содержанием спора и совершенно нелогичным выводом.

– При чём здесь наша любовь?! Я тебе рассказываю про ватки в раковине, а не про нашу с тобой любовь.

– Вот она, вся ваша мужская суть!

– Суть – это глагол множественного числа. Он есть. Они суть, – я был хладнокровен и беспощаден. – А сущность в том, что ватки суть не на своём месте, а полощутся в таком приборе, который им не присущ.

– Ты сейчас с кем разговаривал?

– С тобой! И этот наш разговор задевает мою мужскую сущность. Хотя, в сущности, что тебя в ней не устраивает?

– Всё не устраивает!

– А что именно?!

– Я же сказала – всё!

– Ты ничего не сказала, кроме беспредельного раздражения в мою сторону. И желания обидеть меня.

– Нет, это ты меня обидеть хотел!

Далее поезд проследовал без остановок. Многим знаком этот упрямый и шаткий бег и назойливое желание дёрнуть наконец стоп-кран и сойти посередь дороги, и броситься в кусты ли, в канаву, в лес или к придорожному буфету – куда угодно, лишь бы замереть в одиноком и послушном только тебе покое. И многим, я думаю, хочется ещё раз прокатиться в этом молодом и шумном вагоне, потереться друг об дружку лбами, пожевать кулинарный пирожок, разломанный пополам, запивая его кислым соком, и ещё раз, как летящие мимо станции, перечислить и оспорить все предназначенные и выдуманные привилегии.

Так мы тешились года два. Правда, здравый смысл и подсказанные им привычки примиряли нас к ночи. К этому времени у нас составила довольно-таки подробная табель обоюдоострых недостатков и пороков, оставалось только придать ей беспощадную системность и выучить наизусть, с тем чтобы сойтись уже на окончательной границе и с открытыми забралами.

И тут вмешалась тёща. Она наконец-то решила, что я плохой муж и меня будет не в пример как лучше развести с Ириной, не только по

разные стороны боя, но и самой линии судьбы. Хотя она не знала, что эта самая линия и без её помощи двоится и ведёт себя крайне неровно. У нас просто не было привычки крошить осколками за пределами своей избушки.

И едва лишь на линии нашего всесокрушающего, но суверенного огня появилась «третья сила», имеющая своё мнение и свои интересы, как нас вдруг это сильно задело и даже заело, причём зажевало сразу обоих и в одном и том же конкретном направлении. И мы объединили не только свои усилия, но и обрушили в её сторону всю накопленную и притёртую к боям огневую мощь. Тёща тоже оказалась не сдобным пряником, подтянула резервы и нашла даже союзников в лице давно позабытых, но очень заботливых родственников. Нам пришлось отложить до времени свои баталии и защищать свою независимость и права от упрямого и равнодушного мнения несуразного блока, от его сплетен и легенд.

Окончательно же нас сплотило известие о том, что Ирина беременна. И я понял, что я настоящий мужик и скоро смогу стать отцом!

И это был первый вечер, в котором мы оказались вместе, но наедине со своими мыслями: Ирину впечатлял её живот, в котором кто-то затаился до времени, меня – собственные и очевидные заслуги. Наши размышления нечаянно привели нас к некоторому решению, в правилах которого мы согласились не проводить более дискуссий с повышенной громкостью и таким же эмоциональным напряжением, чтобы не беспокоить более ни ребёнка, ни то существо, которое его носит. Я предложил:

– Ира, давай, едва лишь начинаем свару, немедля расходимся по разным комнатам и считаем до тысячи. А затем уже вновь встречаемся на кухне и продолжаем разговор. Если опять доведётся поругаться, повторяем опыт сызнова, и так – до состояния мира.

– А что будем считать? – немного подумав, Ира задала в свойственной ей манере странный и неожиданный вопрос.

Я задумался и, опершись на банальности, предложил:

– Звёзды.

– А днём звёзд не видно.

– Видимость или невидимость не означают отсутствия. Если это непонятно, будем считать и ссориться в тот момент и в том месте, где видимость и присутствие сольются воедино.

– А сейчас ты с кем разговаривал? Ты сам-то понимаешь, о чём говоришь?

– Я понимаю и надеюсь, что скоро мы будем понимать друг друга с полуслова.

Я в молодости был сентиментальным, а потому недальновидным. Счастливая пора невинных обольщений!

И видимость, и чёрт в ступе, и другие потусторонние подробности сошлись в тот же вечер – лоб в лоб и со страшным треском, немедленно организовав беспощадный поединок. Опираясь на условия заключённого пакта, мы с неохотой разошлись по комнатам. Я, конечно, не стал считать до тысячи, а постоял минут пять-семь и вернулся на кухню. Вскоре появилась Ира.

– Ты считаешь быстрее меня, – сказала она.

– Ясен перец, у меня же соображалка мужского рода.

– Конечно, ты – мужчина. А вот женщине уступить не можешь.

– Могу. Билет на «Титаник», – ответил я, и мы вновь отправились заниматься арифметикой.

Когда уже в третий раз мы сошлись на кухне и посмотрели друг на друга, то, наконец, рассмеялись.

– Чему ты смеёшься? – спросил я и обнял жену.

– Я больше не могу считать звёзды, у меня в глазах рябит и язык заплетается, – ответила Ира и положила голову мне на грудь.

– А ты что, считала звёзды?

– Да, а ты?

– Детонька, я давно уже досчитал до одного триллиона семи. А дальше, сказать по правде, немного устал.

– По какой ещё правде? Ты что не считал звёзды? Ты же врун. Врун! Это же невозможно. Ты же мне на каждом шагу лжёшь. Лжёшь.

– Не лжу. Вот сделай шажок и подойди к окошку, – мирно предложил я. – Видишь вон то пятнышко? Это туманность Андромеды. Там триллион звёздочек. А вон в том ковшике – семь. Итого звёзд мне хватает на 999 миллиардов наших ссор, плюс скромный запас на чай и перевязки.

– А, так ты всё-таки меня обманул! – Ира оттолкнула меня. – Так не считают.

– Считаю, считают, – подтвердил я. – И ещё я считаю, что одной звёздочки в том ковшике не хватает.

– Почему? – она вдруг с интересом посмотрела на обозначенное мною созвездие.

– Потому что она у меня в руках, – улыбнулся я и обнял жену.

На другой день я повздыхал, однако развесил свои одёжки на дурацких плечиках, а жена обзавелась какой-то банкой для ваток, которая, сказать по правде, всё время кувыркалась и норовила побить раковину. Но для пресечения этой невинной шалости у меня ещё оставался приличный счёт в звёздном банке.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Самое время поговорить о семейном мире. Зачастую молодожёны думают, что после свадьбы и далее каждый день у них на столе будет дежурить сладкий торт, облитый шоколадом и украшенный ягодками. Нет, торт необходимо приготовить при пособии труда и терпения, а на шоколад заработать деньги. Нам же хочется сразу в рай, а получается иначе. Через месяц-другой после начала совместной жизни муж замечает, что его жена – дама не только с формами, но и с характером, весьма своенравным и не похожим на асфальт, ведущий к Дому Правительства. Оказывается, у неё есть глаза, которые не только распахиваются или тактично прикрываются, но и способны замечать всякие ехидные колкости, и даже нос, который, помимо запаха «одеколони»,

способен различать и другую, не присущую парфюмерии, вонь. И стихи, утратив крылатые рифмы, постепенно перебегают в прозу самого скандального и неопрятного свойства, и не имеющую в финале никакого ясного и щадящего решения.

После свадебного праздника начинается совместная семейная жизнь, в которой необходимо понять одну простую истину. Когда не только стараешься замечать недостатки своей второй половины, но и свои не забываешь подчёркивать красным грифелем, твоя вторая половинка сможет показаться и оказаться если не ангелом, то, по крайней мере, человеком исключительно положительным. Всё, как известно, познаётся в сравнении. **Нет человека без изъяна. Но есть жёны и мужья, которые помогают друг другу преодолеть недостаток пониманием, терпением, смирением, а есть жёны и мужья, которые готовы растерзать, унижить, оскорбить друг друга за любую оплошность, нисколько не заботясь о своём совершенстве.**

Много прошло лет, прежде чем я понял, что у семейного скандала не бывает одной виновной стороны и одной причины, а только одна общая неряшливость, которую необходимо изживать вдвоём, не прибегая к помощи адвокатов и нечаянных сторонников. И для меня сделалось очевидным: **оказывается, с годами настоящая любовь только крепнет и становится яснее и подробнее. Для того необходима большая работа над собой — взаимовыручка и взаимная поддержка.** А как иначе? В одиночку не вытянуть и не сохранить любовь и семью. Для «плоти единой» необходимы общие победы над своей единственностью. И такие победы, которые невозможно и не нужно делить с кем-то ещё, даже с детьми, а только с супругом или супругой. От этой точки начинается путь к счастливой семейной жизни.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Первые годы совместной жизни для героев рассказа оказались самыми трудными. Почему?
 - Какие бытовые вопросы, по мнению автора, провоцируют ссоры между супругами? Как вы считаете, насколько они серьёзны?
2. Можно ли говорить, что молодожёны в попытке самоутвердиться на ролях мужа и жены обнажают свои недостатки и тем самым приходят к «познанию» друг друга? Стоит ли из-за этого разрушать семью?
3. Какой выход из сложившейся затруднительной ситуации предложила тёща, мать Ирины? Как вы понимаете слова, явившиеся ответной реакцией молодожёнов: «нас это сильно задело», «мы объединили свои усилия» и «обрушили... всю огневую мощь»?
4. Готовы ли вы закрывать глаза на недостатки друг друга, сознавая, что умение договариваться, идти на уступки, терпение — вот те составляющие, которыми должна руководствоваться молодая семья?
 - Кто из супругов оказался мудрее в вопросе сохранения семьи?
 - Какое решение семейной проблемы нашли герои рассказа?
5. Как вы думаете, какую роль в семейных отношениях играет терпение?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Выпишите слова молодого супруга, обращённые к своей жене, в которых отражена искренняя вера в положительный исход в отношениях. Возможно, в первые годы совместной жизни подобные слова необходимо говорить друг другу как можно чаще.
2. «Создание семьи с одним человеком и на всю жизнь – это подвиг», – говорил российский актёр Олег Янковский.
– Найдите значение слова «подвиг» в толковом словаре. Какое из значений этого слова использовано в высказывании актёра? Докажите свою мысль.
– Приведите примеры счастливых, на ваш взгляд, семейных отношений известных вам людей.
3. Пользуясь толковыми словарями, найдите значения слов: умиротворение, обида, терпение и смирение.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ

1. Составьте кодекс поведения в семье, который вы бы хотели соблюдать, при этом чтобы не нарушались личные границы мужа/жены.
2. Приведите примеры из литературы, где представлена работа над отношениями как в позитивном ключе, так и негативном. Каковы будут последствия для каждого варианта?

ДОМАШНЯЯ РАБОТА

Как вы думаете, почему рассказ назван «Звездочёт»? Напишите, в чём, по-вашему, заключается смысл названия, если учесть, что это слово означает того, кто предсказывает судьбу по звёздам.

гл. 42

«НЕНАВИЖУ»

Витьке исполнилось двенадцать лет. Он учился в пятом классе, уже дважды был влюблён, ходил вместе со мной на акробатическую секцию, сносно стоял на руках, но в школе успевал так себе. Бросался в наступление, когда одолевали двойки, но, едва лишь в дневнике появлялись четвёрки и пятёрки, сдавал позиции.

Однако в тот день Витька был тщателен и последователен. И даже гордился своею хозяйской рачительностью. Он появился во дворе с авоськой, в которой, точно рыбёшка в подсачнике, ёрзала свежая булочка. Навстречу ему шёл отец. От неожиданности Витька остановился. Он не знал и стеснялся своего следующего шага. И всё потому, что несколько месяцев назад папа покинул пределы этого двора, а мама сказала, что он ушёл к другой женщине.

Витька знал, что значит прогуляться с другой девчонкой, но не понимал, отчего такая мысль вошла именно в папину голову.

Его родители долгое время увлекались скандалами и даже дрались. Первой, как правило, начинала мама. Она подступала к отцу с открытыми и ярыми до мщения ладошками, стремясь отщемить от него какой-нибудь клочок волос или свитерной шерсти. Папа опрокидывал её на диван, складывал ей на груди руки и держал некоторое время, точно больного, нуждающегося в полезном, но противном уколе.

— Милицейские приёмчики применяешь! — шипела придавленная к дивану мать и обещала больше не драться.

И вот теперь, в шляпе и длинном плаще, отец вышел к Витьке навстречу и держал большой и немного влажный кулёк с виноградом.

— А! Про детей вспомнил! — крикнула вдруг от парадных дверей мама. — Нет у тебя больше детей!

— Витя! С днём рождения, — сказал отец и протянул кулёк с виноградом.

— Не нужны нам больше твои подарки! Ушёл и ушёл! Опомнися! Что, тоскливо стало со своей мымой?!

Витька почувствовал, что презирает мать за этот всесторонний крик и рыночный говорок. Он не понимал отца, его молчание, его уход, его беспомощность. Но понимал только, что способен любить их вместе за их согласие и свой покой.

А мама кричала всё громче, чтобы все слышали, какой он, её бывший муж, плохой. Отец стоял и что-то говорил Витьке. И Витька вдруг побежал. Побежал прочь со двора.

— Витя! Сынок! — услышал он отца.

Но слёзы уже текли по щекам, и рыдание перехватило горло.

— Вот! От тебя даже дети убегают! — победно кричала мама.

Витька вдруг остановился, обернулся к ним и заорал срывающимся голосом:

— Ненавижу! Не-на-вижу!

— Ага! Дождался! Дети тебя ненавидят! — кричала мама, стремясь заглушить и себя, и двор, и все возможные возражения и доводы.

Нет, Витька кричал это не только отцу, он кричал это им обоим. Как он мог их ненавидеть, если он их любил? Но он уже не останавливался, он бежал дальше, он уже рыдал.

Витька забежал в строящийся дом. Вокруг — битый кирпич, хрустящий под ногами. Лестничный пролёт упирался в голубое и тёплое небо. Он сел на деревянный поддон, утёр слёзы и уткнул голову в колени, на которых лежал мягкий батон хлеба.

Домой Витька вернулся поздно. Мать суетилась подле, точно чувствовала свою вину. А ему почему-то сделалось всё безразличным, остались лишь тоска и ощущение, что у него нет родителей, что он — сирота.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Сиротой Витька закончил своё детство. Его родители весь остаток жизни ненавидели друг друга. Отец умер, так и не простив свою жену. Когда Витька пытался уговорить его простить мать, губы отца вздрагивали, от волнения кашель забивал горло, и он с тяжёлым хрипом и болью откашливал астматическую слюну.

Уже в то время нашей молодости разводы между родителями были не редкостью, теперь статистики утверждают, что на десять браков приходится семь разводов. Разводы, а в итоге — осиротевшие дети заполнили наши дома. Страна брошенных детей.

Если спросить взрослого и вполне грамотного человека, в каких родственных отношениях находятся муж и жена, в большинстве случаев ответа будет два: первый — «муж и жена — одна сатана», второй — «в никаких». Не одну тысячу лет люди знали, что муж и жена — это единое целое, и древние брачные обряды всех племён и народов мира полны символами единства и неразрывной целостности супругов, а теперь мы легкомысленно уверены, что «в никаких».

И я сам не так давно понял, что муж или жена — не просто случайность, а самая что ни на есть закономерность, соответствующая твоему характеру. И потому всякий последующий муж или жена будут не лучше. Почему? **Для того чтобы появилась хорошая жена или муж, или изменилась и стала лучше твоя собственная половина, измениться должен ты сам, измениться — стать лучше.** А если ты смог стать лучше, добрее, внимательнее, справедливее, сдержаннее, тут же изменится и твоя половина, причём в ту же, положительную, сторону. Конечно, не в одночасье изменишься ты сам, и понятно, что не вмиг отреагируют на эти перемены твои близкие — всё это процесс трогательный, трудный и длительный, но счастливый. И если проявлено терпение и преодолена собственная уязвлённая гордость, тогда возникает естественный вопрос: зачем менять свою родную половину на неродную, с которой, будь уверен, поселятся в твоём доме всё те же проблемы боя и выживания.

И не дай Бог, конечно, дожить, чтобы дети, от великой, чистой, ангельской своей души, со всей не вмещающейся в их сознание любовью, когда-нибудь крикнули вам: «Ненавижу!»

А ещё страшнее, когда не простил пусть неправого, но родного человека, не проявил милости, не помиловал.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Одним из любимых детских праздников считается день рождения.
 - Каким событием был омрачён двенадцатый день рождения героя рассказа Витьки?
 - Почему этот день надолго останется в памяти юного героя?
2. Как вы считаете, что явилось причиной развода Витькиных родителей? Что об этом говорит автор?
3. Педагоги утверждают, что процесс развода родителей является причиной тяжёлой психической травмы для ребёнка.
 - Опишите состояние, в котором пребывал главный герой.
 - Какими словами он выразил своё отношение к обоим родителям? Почему?
4. Какое противоречие возникло в душе ребёнка? Найдите в рассказе предложение, содержащее в себе это противоречие. Как это можно объяснить?

Дополнительные задания

Напишите сочинение на тему «Сирота при живых родителях».

Самостоятельная работа

Пользуясь толковыми словарями, найдите значения слов: сирота, стресс, супруг.

гл. 43

МАРИНКА

Маринка родилась на берегу Оби, среди высоких сосен. Их домик стоял недалеко от устья малой речки. Здесь росло много тальника и черёмухи, а чуть далее целая роща калины, поздней осенью красной, а после первого мороза сладкой и терпкой, но вкусной. Маринка любила калину, а её подруга Светка с умным видом как-то сказала, что если Маринка «жрёт без меры калину, значит, в организме не хватает витаминов». Наверное, Светка права, но Маринке больше не хватало трезвых родителей — мамы и папы, и её младшей сестрёнке и совсем ещё малому братику тоже не хватало родительского внимания, а иногда и просто еды. Если бы не картошка, так хоть милостыню проси.

Окончив девятый класс, Маринка без сожаления уехала в Болотное и без особого труда поступила в педколледж, голова, как говорила мать, у Маринки всегда была светлая, а память, она и сама знала, цепкая да крепкая. Когда в приёмной комиссии на собеседовании её спросили, почему выбрала профессию учителя, она, не моргнув глазом, соврала, мол, всю жизнь мечтала учить детей, хотя всё было иначе: ей нужен был диплом, а профессию она потом найдёт себе по душе. Просто бесплатная общага, кормёжка и полторы тысячи стипендии за хорошую успеваемость, и чтобы недалеко от дома, короче, другого более выгодного и удобного варианта не было. А для того, чтобы получать талон на пятьдесят восемь рублей ежедневного питания, ей всего лишь нужно было взять справку о малообеспеченной семье. Жизнь Маринка начинала без затей, с холодного и практичного расчёта, чтобы «не прогибаться» под этот «изменчивый мир». Маринка была настроена решительно и строго.

Сосед дядя Вадим давно поглядывал на Маринку, а сам всё ждал, когда подрастёт. Маринка замечала похотливые глаза соседа, но плевать ей было на него, сила в ней таилась не городская — полудохлая, а наработанная — деревенская. Если надо будет, то так двинет, что и костей не соберёт. И вдруг, уже перед отъездом, дядя Вадим остановил Маринку на улице и протянул коробочку.

— На, это смартфон, есть и покруче, но для «педа» сойдёт. Негоже в колледже без смартфона появляться.

Вот это был подарок! Сбылась Маринкина мечта, а то по деревне ещё совсем соплюхи и те со смартфонами бегают, а у неё кнопочный и без симки. Но кто бы знал, что в сотике даже симки нет. Идёт, бывало, Маринка по деревне и будто с кем разговаривает по телефону. А кто видит, что без симки?! Главное, что разговаривает! Но на симку в новый смартфон денег всё равно не нашлось. И уже в день отъезда «родаки» дали тысячу на дорогу, вот и симка появилась, купила её уже в Болотной около вокзала, и телефон заработал. Но ненадолго: абонентскую плату всё равно платить нечем. Но это мелочи, главное, смартфон в руках! А про комп Маринка даже не мечтала: «Вот закончу «пед» и куплю ноутбук, сама и какой хочу, с первой же зарплаты куплю», — так она решила.

В общаге жилось свободно, весело, а главное, бесплатно. Но голодно... В обед кормили в столовой по талонам, не густо, но всё же до вечера хватало. А вечером, первое время в компании девчонок, то там поест, да там укусит, вот и сыта. Потом опять-таки картошка — сибирский хлеб, и как говорила одна девчонка, выручала ещё «быстрорастворимая лапша кукса». Чтобы до дома добраться, денег занимала тут же в общаге у девчонок, старалась потом рассчитаться за долг всё той же картошкой.

Но однажды студентка-старшекурсница, из «модных» (её мать владела магазинчиком около железнодорожного вокзала), вечером припёрлась в общагу и за именинным столом сказала при всех, что Маринка «тварь прожорливая и нищелюбка, всю общагу уже объела,

побирушка». К сожалению, Марина не сдержалась, видимо, копилось давно: и пьяные мать с отцом, и оборванные брат с сестрой, и полторы тысячи стипендии и прочих доплат за хорошую успеваемость, которых ни на что не хватало. И если с голодухой ещё можно было справиться, то как справиться с одеждой, которой вовсе нету, а впереди зима, уже белые мухи полетели. Схватила Маринка эту «модную» за космы и так мотанула, что самой её жалко стало. Потом собрала невеликие пожитки и ушла вовсе из общежития.

Бродила по Болотному со своей котомкой, на вокзал зашла, там полицейский, как полицай, стал за ней следить, ушла и побрела вниз по Водопроводной к Водокачке. Смотрит – дедок снег от калитки метлой метёт. А сама Маринка уже промёрзла, зуб на зуб не попадает, одёжонка-то сквозная, для осенней, но тёплой погоды.

– Дедушка, – обратилась она, а у самой голос дрожит, чуть не плачет, – комнату не сдадите?

Дед перестал мести, глянул на студентку, пригладил белую бороду и ухмыльнулся:

– А что, и платить есть чем?

– Найду, дедушка, я тихая и прибираться буду.

– Тогда заходи, если тихая, да ещё и прибираться будешь.

В доме было тепло, как заходишь – сразу горница, она же кухня.

– Вот твоя комната будет, – показал на дверь Арефа, – ставь вещички. Я один коротаю, всё силюсь, а помереть никак не могу. Давай-ка, дочка, ужинать будем. Аль сыта? Не поверю, с такого ветродуя сытым не будешь.

Накормил дед сытно, чаю заварил, да вкусного, запашистого, никогда не едала такого Маринка. Легла и уснула, как в бездну провалилась. Утром дед заскрёбся в дверь:

– Пора, дочка, идти за наукой. Без неё тебе не прожить.

И опять покормил. Потом показал на часы:

– Видишь, уже семь тридцать, как раз до «школы» успеешь добежать.

Бежит Маринка в педколледж, а у самой сердце из груди вот-вот выскочит, думает, что ей сейчас будет за эту «модную», полиция, наверно, уже ждёт. Прибежала, а её девчонки толпой встречают и говорят, мол, не волнуйся, мы этой «гадине» сказали, что если пожалуется, мы ей тёмную устроим.

Но не утаить шило в мешке в женском коллективе, после второй пары её оставила в аудитории «классная дама» Татьяна Васильевна. Когда дверь за последним студентом закрылась, она спросила:

– Марина, до меня дошли слухи, что вчера ты поссорилась с девчонкой с третьего курса и побила её, это правда?

– Меня отчислят? – насупилась Маринка, готовая постоять за себя.

– Пока нет, так вопрос не стоит, но если... Можно я дам тебе совет, на правах старшего и опытного человека?

«Началось...» – подумала Маринка. У них классная руководитель в школе была страшная зануда, и приходилось лекции её слушать по полчасу, одно и то же, и ещё гнусавым голосом. И здесь то же самое.

– Вот мой совет: на слово – ответ словом, нет слова – тогда молчи, а вот если на тебя напали, вот тогда дерись и побеждай. Поняла?

– Нормально, – мотнула головой Маринка.

– Что нормально? – не поняла Татьяна Васильевна.

– Совет нормальный.

Потом классная пыталась узнать, на что живёт Маринка, кто помогает ей и сколько. Но Маринка держалась, как партизан на допросе. Врала и уходила от ответа. А в заключение, чтобы от неё отцепились навсегда, соврала, что на работу устроилась, полы мыть. Правда, не смогла ответить, куда именно. Татьяна Васильевна попросила Маринкин номер телефона, написала свой и с предложением, мол, если какие вопросы будут, чтоб звонила без стеснения. В коридоре затрещал звонок на урок, и в класс ворвалась новая группа студентов. На том и закончились разборки того инцидента. Отделалась лёгким испугом – выдохнула Маринка и с тех пор старалась ни в каком «кипише» больше не участвовать.

Впервые в столовой Маринка обедала спокойно, не торопясь, вместе со всеми, а то все ещё борщ доедают, она уже компот выпила. С «модной» она старалась не встречаться, благо, в другой группе и на другом курсе, а когда девчонкам сказала, что комнату сняла, те сильно удивились. Покатились деньки, всё успокоилось и наладилось. В доме дед Арефа печь топит да еду готовит — всё сам, Маринке ничего делать не велит, а она сидит и только педагогическую науку изучает.

Однажды вечером вдруг подсказывает Маринка, и к вешалке.

— Ты куда на ночь глядя? — А на улице уже сумрачно и метёт беспощадно. — Куда же это ты в своём сарафане собралась, за воспалением лёгких или менингитом?

— За словарём, дедушка! Забыла словарь взять, а библиотека районная ещё работает, к закрытию как раз успею. Я потом свой смартфон подключу, и там интернет будет, тогда и в библиотеку бегать не придётся.

— Ох и техника пошла, даже в библиотеку уже ходить не надо. Ты, прежде чем гнать, скажи, чё за словарь тебе нужен, может, я чё вспомню?

— Да ну что вы, дедушка, там слова мудрёные, в вашу эпоху такое не учили.

— А что ты знаешь про нашу эпоху? Ничего. Вот и показывай свои слова мудрёные, а вдруг дед Арефа их ведаёт?

— Сейчас, — засмеялась Маринка, выскочила из уже обутых ботинок, — сейчас, дедунечка, проверим твои знания по немецкому языку.

— Фу-у, это легко, я вот хинди забывать стал, с татарами тоже давно не общался, поговорить бы не мешало, и древним русским, славянским сладким языком давно не думал и не писал. Неси свои слова загадочные.

Маринка принесла текст, выданный для перевода.

— Вот, дедушка, вот это и это слово не могу перевести.

Дед приспустил очки на нос, поелозил пальцем по тетрадке и говорит:

– Да и вот это слово ты неправильно перевела. И вот это. Это же партицип цвай!

– Что, деда?!

– Партицип цвай, говорю, – причастие прошедшего времени. А ты переводишь как? Партицип цвай играет важную роль в немецком языке. Без него ж немцы вообще никуда...

– Деда, ты откуда вообще такие слова знаешь?

– С моё, дочка, поживёшь и не то узнаешь. Да, и эпоха ещё недавно была грамотных людей.

– А мы этого в школе не проходили.

Через полчаса Маринка ушла к себе в комнату с переводом текста и многими знаниями о некоторых удивительных особенностях немецкого языка. Но скоро вернулась:

– Деда, а вот посмотри, мне план надо подготовить классного часа с четвёртым классом на тему «Семья». Здесь творческий подход нужен. Ты как в педагогике? А у тебя дети есть?

– Нет, детей у меня нету, внуков и правнуков и праправнуков, собственно, тоже нету. Но в вопросах педагогики я разумею, хоть и понимаю хитрость твою бабью.

– Шутишь?! А я серьёзно. Понимаешь, у нас практика, и я хочу, чтобы классный час был незабываемый. У нас в школе учительница не «классные часы» проводила, а сплошные разборки. Их не то что помнить – их вспоминать противно. Ты понял, деда? Как бы так провести, чтобы этот классный час на всю жизнь детям в память запал? Вот, смотри, я даже план уже накидала. Может, посмотришь?..

Дед походил по комнате, погладил бороду, расправил усы.

– Может, кушать хочешь? – вдруг спросил он. – У меня такие голубцы получились, как живые!

– Дед, – строго, учительским взглядом, посмотрела на Арефу Маринка, – сам не хитри, не знаешь, так и скажи, мол, не знаю, откуда бы мне знать. Но ведь языки ты знаешь: и татарский, и немецкий, и хинди, и старославянский.

– И французский, и английский... Дочка, я много что знаю, но...

– А стихи писать умеешь? – засмеялась Маринка и покатила со смеху. – Дед стихи пишет! «Я вас любил: любовь ещё, быть может, в душе моей угасла не совсем...» – продекламировала Маринка и опять покатила со смеху. – Вот умора!

– Ну почему же умора, – вздохнул дед, – писал и стихи, было время, и я молод был, и стихи были. Ладно, разыгралась, давай свою педагогику, коль от голубцов моих отказалась.

– Всё, деда, беру себя в руки, но ты уморил меня сегодня. Короче, как интересней провести собрание в четвёртом классе, тема «Семья»? Ваши предложения, мудрый педагог Арефа.

Дед сосредоточенно почесал затылок и посмотрел на потолок, и Маринка опять укатилась в хохот. Но дед не сдавался:

– Проведи этот классный час с родителями, совмести и классный час и родительское собрание, ну чтобы и дети, и родители вместе – это раз. Второе: начни со сценки на тему отношений родителей и детей, по какому-нибудь рассказу, актёрами дети пусть будут, таких произведений много. Дети сыграют сценку – это развлечёт и расслабит и детей, и родителей. А потом подготовь вопросы по сюжету сценки, на которые сначала отвечают дети, а потом родители. Вот увидишь, будет весело, познавательно, а главное, сдружатся не только дети, но и родители.

– Дед! Ты гений!

– А я те чё говорил, а ты всё смеёшься. Так голубцы будешь или нет?

– Буду! Даже два буду!

– Правильно, растущему организму нужно вкусно кушать.

На выходные перехватила Маринка денежек и поехала в деревню, одежду надо добывать, хотя бы фуфайку. «Ну и пусть смеются, – бодрила она себя, – зато тепло, а потом, я круглая отличница, никто так не учится, как я. А сейчас ещё классный час проведу с родителями, – всё смелее становилась Маринка, – все вообще на уши встанут. Пусть учатся у меня, а я в фуфайке похожу, не гордая, потерплю».

Дома она наварила пельменей, которые отсыпала втихушку у деда Арефы, накормила сестрёнку и брата. Потом пришли родители, лучше бы не приходили.

– Маринка, сбегай к дяде Вадиму, он десять тысяч отцу за дрова должен сёдня отдать, и тебе на дорогу будет.

Маринка кинулась к соседу, а тот уже ждал. Толкнул её на диван.

– Сотню дам! – он полез ей под кофточку.

– Сотню?! – оборвалось у Маринки.

Она вышла от Вадима, застегнулась на ходу и стремительно направилась домой.

– Деньги где? – спросила мать.

Маринка ответила матом и добавила:

– Я с дядей Вадимом за смартфон рассчиталась.

В Болотное она уехала тотчас, на попутке. А следом поехала ещё одна машина, на которой повезли дядю Вадима в больницу со сломанной челюстью. Не сдержалась Маринка, выполнила наказ «классной дамы» и врезала дяде от всей души – ну чтобы уж на всю жизнь запомнил.

Дед Арефа не стал удивляться, отчего Маринка так скоро вернулась из родного дома, и так по ней было видно, что не в себе девка. Он покормил её и, будто утешая, сказал:

– Родителей не кляни, ты сильная, пробьёшься. Главное – душу сберечь.

– Что ты, дед, знаешь? Они меня не просто предали, они меня как... Тебя продавали когда-нибудь?! То-то! – Маринка в сердцах махнула рукой.

– Душа, если окаменеет, долго не живёт. Обида – это такая зараза треклятая, всю душу выесть может, как червь.

– Говорить вы горазды, а приглядишься к вам, такая же дрянь выйдет!

– Ну ты не очень-то, а то смотри, разговорилась! – погрозил дед Маринке. – Так скажу: есть ошибки, которые легко исправить, есть

ошибки, которые тяжело исправить, а есть ошибки, которые исправить нельзя. Не соверши такую ошибку, о том и прошу.

Маринка проплакала всю ночь. Фуфайка осталась в деревне. В педколледже в тот день жизнь текла своим чередом, девчонки смеялись и сплетничали. А Маринка делала вид, что читает учебник. Потом долго гуляла по улицам Болотного, погрееется в каком магазине и опять на улицу, всё думала, думала, думала... Пришла уже поздно и сразу к себе в комнату. Скоро дед робко поскрёб дверь.

– Да заходи, что скребёшься! – грубо ответила она.

Арефа открыл дверь и увидел полураздетую Маринку.

– Заходи, что оробел, – Маринка говорила, не узнавая собственного голоса, продолжила раздеваться.

Арефа ничего не сказал, отвернулся и плотно прикрыл дверь.

– Ну и чёрт с тобой, – огрызнулась Маринка, схватила со стола стопку книг и швырнула об стену.

Но вдруг стукнула входная дверь, и знакомые шаги скрипучим снегом прошли мимо обмороженного окна.

– Дед! Ты куда? Ты это зачем?! – Маринка сорвалась с места и начала одеваться, вдруг на вешалке увидела чью-то куртку, накинула её, поверх шарф, шапочку, влетела в незнакомые, но мягкие пимы, которые стояли тут же под вешалкой и бегом на улицу.

А там сумерек, ночь светлая, но всё равно темно, она вглядывалась вдаль в одну сторону, а потом в другую, и будто кто там мелькнул или, может, только показалось, но Маринка кинулась за этой тенью. Дорога шла вниз, к Водокачке, она ветром слетела вниз, вбежала на плотину и остановилась на мосту.

Мирно шумел обледеневший огромными сосульками шандорный водопад. Вдруг повалил снег, хлопьями, прямо как на Новый год, празднично и очень красиво. Маринка перелезла через волноотбойник и ступила на робкий лёд. Она знала, что здесь, у шандоры, самое глубокое место, лёд ещё тонкий, а куртка намокнет быстро, потянет её вниз и смерть будет не очень мучительной. Но вдруг кто-то прошёл по мосту в направлении Бора. В знакомой шубе и лохматой шапке!

– Деда! Дедонька, миленький! Стой! Прости! Прости меня! – Маринка кинулась на дамбу, она бежала изо всех сил, но не смогла догнать. – Деда, деда, дедулечка, – задыхаясь, плакала она, прошла ещё немного по белой тропинке и села под огромной сосной. И выдохнула:

– Не хочу больше жить! Не хочу! – И решила идти обратно напрямки, по льду.

Она поднялась и шагнула к берегу. Но что это?! Вдоль уреза по берегу шёл огромный, невиданных размеров Белый волк! Он остановился и сел, глядя в сторону Маринки.

– Боже мой! Деда! Дедунечка! Прости меня! Да прости же ты меня!!! – закричала она во всю мочь. – Я всё поняла, дедушка, я всё поняла, это ты охраняешь меня, дуру поганую, ты хочешь, чтобы я жила. Я буду жить! Дедунечка! Прости! Клянусь! Как же я сразу не поняла?! Почему же я такая дура?! Это же ты мне курточку приготовил и валеночки белые, и шапочку, и шарфик, и даже варежки в карман курточки сунул – всё ты!

Она озиралась вокруг, но Бор молчал, великие сосны стояли плотной стеной, и хлопья праздничного снега медленно кружили и падали под ноги. Тихо и тепло.

– Боже! Чем же я лучше дяди Вадима? Такая же дрянь! Это надо же было так опуститься! – прошептала Маринка.

Она шла по дамбе, Белый волк следовал за ней. Она остановилась на мосту, над шандорой, которая так же мирно и загадочно шумела ледяным водопадом.

– Спасибо, – сказала Маринка Белому волку, – я дальше пойду сама. Скажи дедунечке моему, что всё будет хорошо. Скажи, что я поняла, что жизнь подарила мне счастье видеть его, а он мне подарил счастье жить.

А пятого декабря вдруг пикнул телефон, засветился экран, и Маринка прочитала, что в счёт абонентской платы поступило триста рублей. На следующий день, сразу же после занятий в колледже Маринка пришла в офис сотовой связи, но там ей не смогли сказать, кто при-

слал деньги. «Ладно, — подумала Маринка, — кто-то удачно ошибся». И ей срочно захотелось кому-нибудь позвонить. Но кому, если она не пользовалась ещё телефоном, а только зачем-то держала его на прищипке зарядки. Она набрала Татьяну Васильевну.

— Здравствуй, Марина, — ответила Татьяна Васильевна.

— Здравствуйте, а у меня всё в порядке, и вот, телефон заработал.

— Марина, хорошо, что ты позвонила, завтра останься после занятий, мы обсудим твою замечательную идею совместного классного часа.

Маринка вслушивалась в интонацию учительницы, пытаясь открыть тайну неожиданного платежа.

— Это не моя идея, — ответила Маринка, — это идея деда Арефы.

— Идея деда Арефы? — удивилась и засмеялась Татьяна Васильевна. — Чудны твои дела, Господи! Но главное — провести его на уровне, ведь мы соберём в классе детей и родителей.

Так ничего Маринка и не выяснила, но каждый раз пятого числа нового месяца «пикал» телефон, светился экран, и чёрные строки официально и отрешённо сообщали, что на счёт поступило триста рублей.

И вот эти триста рублей, а более — огонёк светящегося экрана, стали чем-то очень важным для Маринки, она ждала это сообщение как признание в любви, как ласку неведомой матери из самого высокого далёка. И не было ей дороже света, чем тот мёртвый свет равнодушного смартфона. Последний платёж пришёл перед выпускным. И никто не знал, что Александр — муж Татьяны Васильевны — ругал жену за эти и другие перечисления:

— Ты что, хочешь весь мир согреть? — спросил он как-то вечером, усаживаясь за письменный стол напротив жены.

А Татьяна Васильевна просто ответила:

— Хочу, и сколько в силах будет, столько и согрею. От маленькой поддержки иногда зависит судьба человека. Понимаешь? Из-за пустяка: слова, сочувствия, трёхсот рублей, маленького разговора или

просто внимания, — смотришь, человек встал на крыло и устремился вверх, как птица, всё выше и выше до самых облаков.

Александр наклонился к Татьяне Васильевне и спросил:

— Ты не находишь, родная, что иждивенчество — это зло? — Александр обнял жену. — Ты их балуешь, понимаешь, а в этом есть какая-то маленькая нехорошость, они получают незаработанные деньги.

— Это не я их балую! — отстранилась Татьяна Васильевна. — Это жизнь их балует пьяными, опустившимися родителями, а других — родителями, которые просто не могут ничего заработать, потому что развалилось хозяйство, закрылось предприятие и кругом неуверенность в завтрашнем дне. Их балуют пятьдесят восемь рублей на обед и полторы тысячи стипендии за пятёрки, их балуют неподъёмные и неужённые цены на еду и космические — на одежду, а они — девочки, девушки, они невесты!

— Все так живут, всем трудно.

— По-разному живут. Но я не об этом. Знаешь, в чём я уверена: когда мои студенты придут учителями в школы, то станут надеждой и путеводной звездой для многих детей, и уже за этот их подвиг я не то что триста рублей, я душу за них отдам.

Ещё два года Маринка жила в доме деда Арефы, дрова не кончались, и сколько бы она ни топила зимой, угля в углярке не убывало. А куда делся дед Арефа? Хоть бы весточку прислал. Потом она действительно устроилась мыть полы в небольшом коммерческом офисе, и ей платили десять тысяч рублей в месяц, уже жить можно!

Маринка закончила Болотнинский педколледж, вернулась в свою деревню молодым специалистом. Забрала в свой, выделенный ей сельсоветом, маленький домик сестрёнку и братишку. И никого и никогда так не любили дети этой деревни, как её — учительницу маму Марину. В деревне она вдруг стала тем светом, которого давно все ждали, будто солнышко заглянуло в каждое сердце. А одна девочка так и сказала:

— Я когда вырасту, то приду к вам жить.

– Хорошо, – ответила Марина, – но только когда вырастешь большой-большой.

Девочка кинулась к Маринке, обхватила её руками, уткнулась ей в живот и заплакала.

– Почему ты плачешь? – спросила Маринка.

– Не знаю, – засмеялась девочка.

Однажды её отправили на курсы повышения квалификации в Новосибирск. Это было в июне, из деревни в Болотное она приехала загодя, до электрички оставалось ещё больше часа. И Маринка, без всякой надежды встретить деда Арефу, пошла в его дом на Водопроводной. Середина крыши провалилась, калитка заросла травой, видно было, что её давно никто не открывал. Дверь, кольцо щеколды, сумрак горницы, дрова на месте и угля полный ларь. Часы на стене показывали семь часов тридцать минут – именно в это время Маринка выходила из дома на учёбу.

И всё-таки ей было очень грустно, что дед Арефа покинул свой дом. Зачем? Почему? Маринка разместилась в вагоне электропоезда, зашипели насосы, закрылись автоматические двери, и поезд поплыл в командировку. Мелькали дома, столбы и деревья, люди в вагоне притихли, кто изучал свой смартфон, а кто-то уже и дремал. На станции Чахлово вошло несколько пассажиров, поезд тронулся, и вдруг Маринка увидела на перроне деда Арефу. Он смотрел ей в глаза и улыбался своей хитрой и мудрой улыбкой.

– Деда! – вскочила Маринка, но Арефа помахал ей рукой и уплыл вместе с платформой.

Значит, жив, значит, простил, значит где-то рядом и сегодня спасает кого-то здесь, в Чахлово.

– Родственник? – спросил парень, который сел напротив и смотрел на Маринку пронзительно-голубыми глазами.

– Дедушка, – дрогнуло сердце Маринки, и она, закрыв лицо руками, засмеялась: опять Арефа, опять его происки, он и о женихе позаботился!

– Девушка, вы меня простите, но если вы замужем, то вы видите перед собой самого несчастного человека в мире.

– Нет, я не замужем, но у меня есть дети.

– Дети?! Не может быть!

– Да, двенадцать, и все учатся в третьем классе!

На станции Новосибирск-Главный молодой человек помог Марине выйти из вагона, и они вместе стали подниматься по лестнице переходного моста.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

В жизни человека, как и в истории государства, нет однозначности: плохо или хорошо, правильно или нет – всё намного сложнее и запутаннее. Вот и жизнь Маринки не простая, а в поиске правильной дороги. Всякий из нас хочет стать хорошим человеком и вершить только добрые дела, но то характера не хватает, то обстоятельства мешают нам придерживаться тех истин, которые мы и сами уже хорошо знаем: быть честным, порядочным, верным, справедливым, добрым и доброжелательным. Но бывают и испытания непреодолимой силы, такие испытания, которые человеку не под силу перенести. **Кто-то убегает от страха или гордости в смерть, кто-то сходит с ума, а кто-то поднимается, раздавленный и покалеченный, и продолжает жить дальше. Вот такой и есть герой – кто нашёл в себе силы подняться из грязи обстоятельств, отмыться и пойти дальше вперёд, вверх.** Не в стакане утопить себя, не на игле забыться, а совершить такие подвиги добра, которые станут спасением для многих, кто рядом. Вот такими были и «классная дама», и старик в Маринкиной жизни, и дай бог каждому из нас такую человеческую помощь, соучастие и бескорыстие. Но не только судьба даёт таких людей, их и самому надо научиться видеть.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Чего Маринке не хватало в детстве?
2. Почему Маринка выбрала педколледж?
3. Сосед Вадим дарит подарки, но вызывает отвращение. Почему?
4. Какую роль в судьбе Маринки сыграла «классная дама»?
5. Оценила ли Маринка заботу и безмерную доброту деда Арефы?
6. О чём муж Татьяны Васильевны спорит с женой? Кто, по твоему мнению, из них прав?
7. Как триста рублей помогли Маринке стать учителем?
8. Хотели бы вы, чтобы Маринка работала в вашей школе?
9. Почему она простила своих родителей?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Расскажите одноклассникам о своей первой учительнице или напишите сочинение на эту тему.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ

1. Если вы видите вокруг себя таких детей, как Маринка, вы можете им помочь? Нужно ли им помогать?
2. Есть ли рядом с вами люди, которым действительно нужна ваша помощь? Что вы можете сделать для них? Перечислите конкретные действия.
3. Составьте продолжение рассказа.

Гл. 44

Работая только ради материальных благ, мы сами себе строим тюрьму.

И запираемся в одиночестве, и все наши богатства – прах и пепел, они бессильны нам доставить то, ради чего стоит жить.

А. Сент-Экзюпери

ВАРВАРА

Райцентр, в котором родилась и где окончила школу Варвара, был симпатичным городком и находился поблизости от большого города, полчаса езды на автобусе. Новое «перестроечное» поколение мальчишек и девчонок отличалось раскрепощённостью, они казались деловыми, не стеснялись выступить со сцены, быстро осваивали компьютер, в старших классах разговаривали с учителями на равных.

Варвара была по-настоящему красива. Именно поэтому её заметил заместитель главы района, молодой человек, и, даже не дождавшись окончания учебного года, сделал Варваре предложение. Более того, он посетил их дом и познакомился с родителями. Родители Варвары были скромными и трудящимися людьми: мама всю жизнь проработала воспитателем в детском саду, отец – мастером энергосбыта.

Но у Варвары были свои планы. Она решительно отвергла всякие предложения, даже на перспективу, сказав, что замуж не собирается вообще. Её интересуют только учёба и бизнес.

На втором курсе университета она с подругами провернула первую сделку и открыла агентство недвижимости. Арендовали маленький офис, в котором трудились три красавицы-студентки. Дежурили по очереди, в учёбе успевали, тем более что в университете был не-

гласный, но твёрдый преискуронт стоимости заваленных экзаменов. У них были средства на удовлетворение требований преискуронта. На четвёртом курсе Варвара подобрала из студентов пробивных ребят и организовала рекламное агентство. В мэрии они понравились и неожиданно получили максимум доверия. «Откаты» были внушительными, но и право «попилить» бюджет тоже «не на дороге валяется».

На пятом курсе удалось наладить поставку угля на ТЭЦ города. Вот где были деньги! И только этот договор заставил Варвару уступить ухаживаниям плешивого чиновника, который торговал квотами. Чиновник был удивлён и напуган тем, что Варвара оказалась девственницей.

Потом пошла череда неприятностей. От чиновника Варвара забеременела. Дальше – аборт, осложнение и долгое скитание по больницам.

Первую машину она разбила за год, но научилась мастерски водить и прекрасно ориентировалась в огромном городе. Джип она купила после того, как поняла, что «встречают по одежке».

Бизнес процветал. Она впервые поехала за границу. Познакомилась с молодым человеком. Он был великолепен, красив, обходителен, попросил занять, чтобы отдать долг. Но Варвара не смешивала деловые отношения с личными. Итог был печален: скандал, ссора, пропали серёжки, осталась венерическая болезнь.

Варваре решительно не везло на личном фронте. Снова больница. Воспаление. Бесплодие.

После операции Варвара никак не могла прийти в себя. Она поняла, что матерью ей уже не стать никогда. Она и не собиралась: дети не сочетались с её перспективным планом жизни. Однако осознание того, что она, если захочет, всё равно уже не сможет, выбило её из привычного состояния равновесия. Варвара захандрила. Она взяла отпуск, неделю просидела дома, не отвечая на звонки, пила коньяк, смотрела индийские фильмы и плакала.

Она вдруг почувствовала себя незащищённой женщиной. Деньги, крутая машина, уважение и восхищённые взгляды мужчин уже не

приносили удовлетворения, напротив, они начали раздражать. Особенно мужчины, они ухаживали одинаково, говорили одни и те же комплименты, но главное, сама Варвара не верила никому – ни мужикам, ни партнёрам по бизнесу. Неожиданно привычное одиночество стало тоскливым.

Варвара впервые поняла очевидное – деньги решают многое, но не всё. Даже бешеный темп работы и усталость не гарантировали покоя, вечером дома её ждала тоска. Варвара пошла к психоаналитику.

Психоаналитик, как показалось Варваре, лез в душу, был излишне предупредителен и слишком уверен в том, что непременно поможет Варваре. И оставлял после себя неприятный привкус – будто бы он готов помогать, с удовольствием и непременно, пока у неё не закончатся деньги в кошельке. Она ушла от психоаналитика с решением не возвращаться и с рецептом на антидепрессанты.

Нынче у Варвары – сеть цветочных магазинов, ресторан, спортивно-оздоровительный клуб, масса поклонников, которых она презирует, в сумочке – ключи от машины, от квартиры, пачка презервативов и антидепрессанты.

Есть у неё и «бойфренд». Она изредка звонит ему, он приезжает и остаётся до утра. Никаких романтических разговоров, на прощанье она говорит: «Я позвоню».

Как-то «бойфренд» спросил Варвару:

– Почему ты никогда не зовёшь меня по имени?

– Не хочу привыкать, – ответила она и, чтобы прервать неловкую паузу, предложила: – Тебе кофе сварить?

С одноклассниками и однокурсниками Варвара не встречалась. Ей завидовали, у неё просили денег, но благотворительность и бизнес не находили общего языка.

Родители продолжали высаживать картошку, выращивать морковь и держать кур. Варвара периодически привозила старикам деньги. Предложила отцу купить машину, тот отказался, – сказал, что ездить ему некуда. Просил внуков.

По совету подруг она начала много путешествовать. Любезная за- граница ей не понравилась, и Варвара начала осваивать горные лыжи. С некоторых пор все, кто ещё недавно посещал теннисные корты, на- чали кататься с гор. Менялись президенты, менялась мода.

Следующий отпуск она провела, сплаваясь по необжитым рекам Красноярского края. Там познакомилась с Михаилом. Она не была влюблена, она была удивлена. Когда-то Михаил покинул Москву и стал охотником-промысловиком, что не помешало ему окончить два инсти- тута и написать несколько книг. Он жил на берегу Енисея в старом, покосившемся домике в две комнаты. Топил печь, ел сырого тайменя, а сковородки с пригоревшим хариусом отдавал вылизывать собакам. У него была одна серая от стирки простыня и один пододеяльник для гостей. Сам он нежился в спальнике на полу. Варвара прожила у него две недели. Это был действительно чудесный отпуск. Михаил читал ей свои новые «повестухи», орал на собак, готовил рыбу и был на удив- ление заботлив, как отец. И главное, его нисколько не интересовал её бизнес и деньги. Он довольствовался тем, что она рядом.

— Оставайся, — предложил он Варваре, — хозяйкой будешь. Я дом новый построю.

Остаться в деревне в двадцать домов, без телефона, без причала на реке и дороги на большую землю, она, конечно же, не могла. Но ког- да Михаил вёз её на своей моторной лодке к теплоходу, ожидавшему пассажиров на середине Енисея, она впервые за отпуск вспомнила про успокоительные таблетки.

Праздник закончился. Кудлатый Мишка остался в моторке, груст- ный и бородатый, как старовер. Варвара вернулась домой и с головой ушла в работу. Но когда становилось особенно тоскливо, она включала компьютер и подолгу рассматривала енисейские пейзажи и Мишкину улыбку. А завтра, послезавтра и во все последующие дни чередой сле- довали планёрки, счета и платёжки, деловые встречи, договоры, пре- зентации и светские тусовки, тухлые комплименты, пошлые намёки и бездушный секс по выходным — всё как всегда. Знакомо и невыносимо.

Вчера Варвара вселилась в новую квартиру в элитном доме в центре города.

Она стояла у огромного, во всю стену, окна, под ногами лежала бурая шкура сибирского медведя, в чёрно-стеклянных глазах которого отражались огни вечернего города. Ей впервые показалось, что она прожила целую жизнь. Она привычно выпила успокоительные таблетки и вновь уставилась в окно. Огни, огни, огни. Но ей не интересен был город, и ей не хотелось знать, какую жизнь освещает огонь в окнах городских квартир. Ровное и ворчливое дыхание города изредка разрезали тревожные сирены. Она стояла у окна, улыбалась, плакала и шептала: «Я сильная. Я сильная. Я сильная».

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Человек – сложное создание. Существовая в физическом мире, как и всё живое на земле, он принадлежит более тонкому и сильному духовному миру, это проявляется в присущей не только человеку, но и всему живому, осознанной совести. В процессе жизни духовное начало в человеке может измениться, побеждая материальное начало или уступая ему. Духовное в человеке растёт – и он становится нравственно совершенным, нравственно богатым, или замирает – и он становится бессовестным, нравственно бедным, а в своем низменном проявлении может стать человеком-зверем.

Люди, которые не учитывают свою духовную составляющую, а живут только меркантильными заботами, нарушают саму природу человека. А всякое нарушение гармонии приводит к проблемам духовного плана, а те, в свою очередь, порождают проблемы физического и психологического здоровья человека.

Зачастую человек не может объяснить, что его мучает, но это мучение или неудовлетворённость преследует его. Антидепрессанты помогают, как и спиртное, до утра, но заканчивается их действие, и

беспокойство будто ждёт человека. Это беспокойство – из мира духовного и подсознательного.

Наша Варвара утратила главное – смысл жизни женщины. Она потеряла то, что могло сделать её неподдельно счастливым человеком. Трагедия нашей героини в том, что, встретив бородатого «красноярского медведя», она вдруг поняла всей глубиной своей природной интуиции, что такое женщина! Она поняла, что **быть женщиной, женой, мамой – это именно то, к чему стоит стремиться всю свою жизнь и чего стоит по-настоящему хотеть.**

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Главная героиня Варвара принадлежит к «перестроечному» поколению мальчишек и девчонок.
 - Как автор характеризует этих молодых людей?
 - Какое впечатление возникает у вас при знакомстве с Варварой?
2. Проследите по тексту, насколько быстро и успешно продвигается бизнес девушки во время учёбы в университете.
 - Как вы понимаете слова и выражения: «первая сделка», «внушительные откаты», «встречают по одежке», «бизнес процветал»?
 - Как меняется отношение читателей к героине рассказа? Что начинает настораживать в ней?
 - Насколько законной была деятельность Варвары? Что было незаконным? Как решала героиня свои проблемы?
3. Как вы думаете, почему девушке не везло «на личном фронте»? Как автор повествует о её отношениях с мужчинами? О каком мужчине мечтала Варвара?
4. «Сеть цветочных магазинов, ресторан, спортивный оздоровительный клуб, куча поклонников...» – этот перечень, что есть у Варвары, можно продолжать.

- А чего в этом списке не хватает? Кто в этом виноват?
 - Сделало ли богатство счастливой Варвару?
 - Составьте свой перечень тех «богатств», которые должны быть у каждой женщины.
5. Почему женщина две недели, проведённые на берегу Енисея, называет «чудесным отпуском»?
 6. Какое предложение сделал охотник нашей героине? Почему она ответила на это отказом? Смогли бы вы остаться с любимым человеком в тайге, бросив всё в городе?
 7. Что вы знаете о 90-х годах прошлого столетия из истории России?
 8. Как вы думаете, чем отличаются советские люди от людей перестроечного периода и современных людей?
 9. Что явилось переломным моментом в жизни главной героини?
 10. Согласны ли вы с утверждением, что «деньги решают многое, но не всё»? Когда поняла это Варя?

Дополнительные задания

1. Подумайте над последними строками рассказа со слов: «Вчера Варвара въехала в новую квартиру...»
 - Что и как противопоставляет автор в этом фрагменте? Почему?
 - Найдите слова и выражения, характеризующие безысходность жизни героини.
2. Что ожидает Варвару в будущем?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Перечитайте эпиграф к рассказу «Варвара». Согласны ли вы с высказыванием А. Сент-Экзюпери? Почему автор в качестве эпиграфа взял именно эти слова? Как они соотносятся с жизнью главной героини?
2. Многие считают, что современная деловая женщина добилась многого. Она наравне с мужчиной решает общественные, политические и экономические вопросы, успешно осваивает традиционно «мужские» профессии, виды спорта, несёт службу в Вооружённых силах России и т. д.
 - Как вы считаете, объяснимо ли желание таких женщин лишиться семейного счастья, радости материнства?
 - Материнство как природное предназначение вызывает у вас чувство уважения?
 - Является ли материнство социально значимым для нашей страны, общества? Может ли женщина, имеющая много детей, чувствовать себя необходимым членом общества?
 - Считаете ли вы, что смысл жизни женщины в материнстве?
3. Пользуясь толковыми словарями, найдите значения слов: богатый, бедный, страдание, антидепрессанты.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ

1. Научитесь пеленать ребенка.
2. Подберите пословицы и поговорки, которые отражают деятельность и жизнь Варвары. Поясните свой выбор.
3. Составьте рассказ о том, как сложилась бы жизнь героини, если бы она согласилась остаться с Михаилом навсегда.

Гл. 45

В Заливе Терпения

Мутное заходящее солнце. Зелёно-стальное море усеяно безбрежным стадом бурунов. Наше судёнышко, то, задирая нос, взбирается на волну, то беспомощно падает в водяную бездну, и тогда исчезает размытый горизонт, туманный берег и равнодушное солнце. Сердце замыкает от окружающей стихии, неумолимой и истинной.

Я заметил её ещё на пристани. С ней была девочка-первоклассница. Несколько настырных пассажиров, не внимающих предупреждениям о штормовом море, гонимых своими заботами, загружались на болтающийся у пристани мотобот. Я радовался её присутствию, морскому простору и предстоящему путешествию. Мы столпились за рубкой, где не так трепал ветер. Она чуть поодаль, и я мог наблюдать за ней украдкой, как мальчишка, с волнением и наслаждением. Она из тех красивых, недостижимых и непонятных женщин, в которых влюбляются, как в мечту. Странно было видеть её в этих краях — на грязной пристани, среди простого матершинного люда, или теперь, на этом ржавом ботике, с помятыми от частой и неумелой швартовки бортами, с рыжим косматым рулевым, у которого красное от водки и ветра лицо и заскорузлые грязные ногти. Её должна окружать иная, очень красивая жизнь.

Девочка рядом со мною; так получилось, что, приняв на борту, я укрыл её за уступом рубки, и невольно забота о ней легла на меня. Ребёнок раскован, любопытен и только в момент особенно сильных ударов волн пугливо прижимается ко мне, уцепившись за куртку. Женщина лишь взглянула на нас, спросила у дочери, хорошо ли ей, и отвернулась навстречу ветру. Девочка говорила со мной, как с давним

знакомым, сыпала вопросами, слушала и опять говорила. Я завидую: она естественна и свободна — я был другим, я так и остался в прошлом. Знаю наперёд, что не подойду, не заговорю, не познакомлюсь, а потом буду злиться на себя за свою уже пожизненную застенчивость.

Мы давно в дороге, ветер крепнет, волна усиливается, мы заложники своей безрассудности. А ведь нас предупреждал жадный хозяин ботика, что переход может стать опасным. Море обдаёт нас горько-солёными брызгами, но ни волна, ни ухающее в качке сердце, ни вцепившийся в мою куртку ребёнок не могут усмирить сладостного волнения от присутствия этой женщины, от желания ещё большего шторма и опасности. Я тоже смотрю встреч ветру, и мне смешно видеть бесплодную ярость моря, его солёные плевки не оскорбляют, а вселяют ещё большую уверенность, до презрения и надменности.

А где-то далеко от этого клокочущего простора, в сибирском берёзовом покое другая женщина и другой ребёнок живут в крепком кирпичном доме и ждут меня. Тепло и радостно, и грешно, и я ещё крепче держу чью-то дочку, спасаю как свою, родную.

Долог путь, но как ни долог, вот он, берег. Швартуемся. Матросская суета на корме. Я помогаю девочке, женщина принимает её на причале; она, немного бледная и рассеянная от пережитой качки и страха, внимательно, показалось, недоверчиво посмотрела на меня, взяла ребёнка за руку, и они, такие разные, но стройные и уверенные, прошли под единственным фонарём на причале. Девочка обернулась, махнула рукой, я поднял руку в ответ.

Вот и всё, грустно отдалось в груди. Что это было? Стихия, волны, размытый горизонт, огни далёких судов, её стройные ноги в прозрачном капроне, тревожный взгляд, тёплый бок ребёнка, страх, желание беды и порока. Какая всё это чехарда, странность и истинная правда. Её появление, будто из прошлого, с запахом прелого осеннего листа, как навяждение, из-за которого забываешь, куда спешил, к чему стремился.

Я сижу на холодном кнехте, слушаю визгливое трение опустевшего ботика о кранцы. Пытаюсь понять себя, понять желание опасности,

подвига, её руки, благодарности, и почему всё так смешалось с тоской по дому.

Меня тронули за плечо, я поднял голову и вдруг увидел её. Она поблагодарила меня за помощь и заботу о девочке, на этом изнурительном переходе ей было «так непросто и страшно». Растроганный её чудесным появлением, я вдруг взял её руку, поцеловал, извинился и, подхватив сумку, зашагал прочь.

Запыхавшись, уже на самом верху берега обернулся: пустая пристань, густая темнота ночного моря, плотный, как подушка, ветер и далёкие огни кораблей. Впереди меня ждал ещё долгий путь. Путь к дому.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Дорогой читатель!.. Кто из нас, тоскуя в тесной клетке обыденности, не испытывал острую потребность в сильном поступке, не мечтал о подвиге? Порой кажется, что всё привычное: вещи, люди, события, то, что окружает нас ежедневно, — является серым и скучным... И тогда душа рвётся в неизвестность, в чужие края, влекомая романтикой мечты о свободе и подвиге... Что же делает мужчину сильным?

Эта загадочно недостижимая незнакомка, прекрасная своей слабостью и беззащитностью перед диким буйством стихии, пробуждает в герое рассказа жажду мужества, делает его настоящим героем. Почему же её появление было «будто из прошлого, с запахом прелого осеннего листа, как наваждение»? Романтика давно забытых чувств наполнила душу новыми силами, помогла вернуть давно потерянные смыслы и цели. А «впереди его ждал долгий путь к дому», жена и ребёнок, с которыми он теперь, должно быть, никогда не разлучится. Почему же, почему так неправильно устроены люди? **Как это несправедливо, что мы привыкаем к тем, кто нам более всего дорог! В суеете обыденности лишаем их самого главного — своей любви!**

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Почему после прочтения возникает необоримое чувство щедрой зависти к автору, способному на такие сильные чувства и эмоции?
2. Что выдает в незнакомке её женское и человеческое достоинство?
3. Догадалась ли женщина о чувствах автора и почему вернулась поблагодарить?
4. Как автору удалось передать душевное родство и единство матери и её дочери? Почему они сразу пошли на свет одинокого фонаря?
5. Почему главным мотивом рассказа стал баланс стихии и сдержанности?
6. Как молчание незнакомки подчеркнуло силу шторма, а её красота – ветхую убогость судна?
7. Чем этот короткий рассказ похож на большой приключенческий роман?
8. Что для вас является серым и скучным, а что светлым и радостным?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Прочитайте рассказы о море К. Станюковича и А. Грина.
2. Опишите образ моря в рассказах. Как оно передаёт чувства героев?

Гл. 46

ИСТОЧНИК

Люблю тяжёлую и просторную «Волгу», и чтобы рядом сидела жена, и чтобы дурманило бензином и качало, как на финской волне. Ира всегда внимательно следит за дорогой, назидательно указывает на возможные опасности, изредка забывает об обязанностях ментора, опускает солнцезащитный козырёк, в котором есть маленькое зеркальце, и, чуть разомкнув губы, поправляет причёску. Люблю летнее утро, в котором не содержится ещё признаков зноя и душной людской суеты. Люблю чувствовать в себе бодрость и силу и обольщать жену сосредоточенным спокойствием.

Шесть часов утра. Дороги свободны от подслеповатых пешеходов и прозорливых гаишников. Можно покачать закосневшую педаль газа и познакомиться неуклюжую машину с её собственными возможностями.

– Куда разогнался? Я хочу ехать без напряжения, имею я право отдохнуть или нет?

Я ждал этого вопроса, и потому сбросил скорость. Ира действительно имела полное право на отдых, на покой, на что угодно, но, при всём нашем всесемейном старании в сторону обеспечения этого неприхотливого женского права, создать условия для его действительно присутствия нам никак не удавалось: облегчить ей жизнь, уберечь от потрясений, переживаний и всяких непредвиденностей. На её голову, и обязательно при отсутствии моих мужественных плеч, падали все возможные беды и несчастья: роды нашей собаки, её собственные роды и даже роды наших соседей сверху, которые в суматохе забыли закрыть кран с горячей водичкой; даже роды жены нашего электрика – и те пришлось кстати и ровно на мою командировку, и моя семья

провела при свечах три незабываемых вечера. Такова метафизика моего дома – всё непредвиденное и внезапное в нём случается без моего согласия и охранного глаза, но только чьими-то упрямыми усилиями.

В тот день мы путешествовали в сторону Ложка, так называется местечко за Искитимом. В этом отдалённом и неприятном местечке когда-то располагался лагерь для политзаключённых. А теперь о нём знают благодаря целительному источнику, пробившемуся, как говорят люди, недалеко от того места, где расстреляли священника.

Указатель с надписью «Ложок» я нашёл довольно скоро, однако задумался, точно витязь на распутье, разглядывая паутинку из просёлочных дорог, прихотливо разбегавшихся в разные стороны. Я решился попылнить по самой накатанной и натруженной колее. И не прогадал.

Мы прорвались через берёзовые колки по тряской скалистой дороге, и вот перед нами широкий простор: огромный зелёно-цветочный луг; за ним, прицепившись тонким ручейком, будто ниточкой за воздушный шар, большое бело-зеркальное озеро, а прямо перед глазами домик-часовенка с деревянным крестом на крыше.

– А где же родник? – спрашивает жена.

– Теперь уже найдём, – бодро отвечаю я, останавливаю машину недалеко от часовенки, выхожу размять затёкшие ноги.

Пока я выходил из машины, Ира, прикрыв голову пепельным шарфиком, уже встала против простенькой бумажной иконки Иисуса Христа и перекрестилась.

Мы стали спускаться вниз, к глубине лога; высокая, не успевшая выгореть трава и цветы оросили потемневшие штанины до колен, я сорвал несколько ромашек, уложил плотным букетиком и повернулся к жене.

– Неужели ты вспомнил, что у тебя есть жена? – растрогалась довольная вниманием Ира. – А я уже начала подозревать, что ты про меня вообще забыл.

Она протянула руку за букетиком. Подражая небезызвестным рыцарям-паломникам, я опустился на колено и, склонив упрямую голову,

преподнёс своей даме букетик, норовя украдкой обхватить её стройные ноги.

– Ну началось, ты не можешь не кривляться!

– О Господи, – воздев руки, взмолился я, – накажи эту женщину участью жить со мною до конца третьего тысячелетия!

– Боже, – засмеялась Ира, – упаси меня от этого наказания, – но вдруг сделалась серьёзной. – Хватит болтать, не отдыхать приехали, а к Святому источнику.

Мы нашли родник, устроенный какими-то умельцами так, чтобы удобно было набрать катящуюся по желобку святую воду в пластиковую канистру. Около родника стол и две лавки по бокам, но мы пошли вниз по ручью – были наслышаны о купальне, где можно окунуться в святые воды источника.

Мы шли медленно, выбирая дорогу, радовались, что одни, что утро свежее, говорили о расстрелянном священнике.

– А где он похоронен? Давай найдём его могилу и положим цветы, – Ира с надеждой посмотрела на меня.

– Не думаю, что найдём могилу, но, может, часовенка и стоит на могиле священника?

– Да, наверное. Мы цветы у часовенки поставим, я банку с собой взяла, чтобы воду черпать, в неё цветы и поставим.

После этих слов Ира затихла и задумчиво произнесла:

– Отчего люди такие жестокие, друг дружку убивают. Какая пустота в душах, темень непроходимая.

А меня удивило не это, хотя всё, что сказала Ирина, верно; меня удивило другое: за убийство – не наказание жестоким людям, а Святой источник на исцеление. Иногда меня приводит в ужас много терпение Бога, сколько же зла совершено человеком.

– Знаешь, – продолжала Ира, – мне иногда представляется наш Бог в виде солнца, он дарит нам любовь-свет, а мы, люди, – это зеркальца-души. Если душа чистая, то она отражает Божественную любовь, и маленький лучик летит обратно на солнце, и это радует Бога,

а наша планета похожа на шарик с миллионами светящихся огоньков. Но если человек грешит, то его зеркальце-душа начинает отворачиваться от Бога, и свет его души улетает в пустоту, а у самых отъявленных грешников, которые отвернулись от Бога, в них отражается только тьма. Когда человек умирает, его чистая душа по лучику, как по ниточке, улетает к Богу, а душа злого человека остаётся без любви.

Я представил себе Бога в виде солнца и земной шар, светящийся kaleydоскопом чистых душ, и мне стало хорошо и уютно.

Купальня была оборудована неожиданно добротной, а тропинка вымощена плитами. И даже сами вязкие берега укрыты опрятными камушками.

– Нужно помолиться и трижды окунуться в воду, – назидательно сказала жена.

Мы трижды окунулись в ледяные воды Святого источника, клацая зубами, с трудом произнесли «Отче наш» и выскочили на берег.

Тела наши стали розовыми и лёгкими. Я натянул рубашу и штаны, обуваться не стал. Чтобы согреться, мы побежали вверх по тропинке, остановились на косогоре, отдышались. Потом мы медленно побрели к часовенке.

– Как хорошо, что мы сюда приехали, – радовалась жена и срывала цветы.

Я шёл рядом, помогал ей в нехитром деле, тоже выискивал крупные ромашки, укладывал в букет и чувствовал себя удивительно молодым и счастливым.

– Нам нужно приехать сюда с детьми, но не как теперь, а на весь день, и обязательно искупаться в Источнике.

– Хорошо, будем считать, что нынешняя поездка – это разведка боем.

– Этот Источник, – вслух продолжила свои размышления Ира, – многих исцелил, и никто ещё ни разу от купания в нём не простыл...

Мне нравилось, что она осталась наивной девчонкой, верящей в сказки, волшебство и чудеса. Я обхватил жену, сильно прижал к себе и поцеловал.

– Мне больно, ты груб, у тебя только животные инстинкты...

Я не дал ей договорить:

– Я люблю тебя, я люблю детей, я люблю Бога, даровавшего мне мою жизнь, мою жену и моих детей. Я не знаю, за что я счастлив, но я счастлив, и пойдём, поставим этот букет, наш с тобой букет, к часовенке, помянем священника и поблагодарим Бога за моё незаслуженное счастье.

Ира посмотрела мне в глаза и сказала:

– Хорошо, но мы забыли налить воду, – и она протянула мне литровую стеклянную банку.

Я помчался обратно к ручью, вихрем летел обратно на косогор, желая удивить жену скоростью в исполнении поручения, но замер, удивлённый: Ира стояла около часовенки и плакала, горько плакала.

– Ира, что случилось? – я огляделся кругом, пытаюсь увидеть обидчиков.

– Посмотри, что они наделали! – Ирина обвела меня вокруг часовни и показала на иконку Божьей Матери, простреленную мелкокалиберными пулями.

Ира поставила цветы у часовенки-домика, перекрестилась, поцеловала осквернённую икону и пошла к машине.

Я смотрел на лик расстрелянной Богородицы, на рваные дырочки, расставленные по образу со снайперской тщательностью.

«Что ж ты, парень, натворил? – думал я. – В кого стрелял? В жену, мать, дитя, Россию, Бога? Стрелял в них, а попал в себя...»

На следующий год, когда мы приехали в Ложок, с удивлением узнали, что чуть выше Источника пробился ещё один родник и тоже с водою необычной – святою.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Я не думаю, что «стрелок» был атеистом или испытывал какие-либо негативные чувства к церкви, он был просто невежда, беспробудный, дикий невежда, не знающий и не ведающий, что делает. Проще сказать дурак, мракобес, недоучка, который не способен дать отчёта в том, что он делает. Много всяких бед натворили такие невежды.

Сегодня нередко случается, когда спиливают красные звёздочки с памятников жертв Гражданской войны и устанавливают на их месте кресты. Кто это делает? Конечно, мракобесы, как и мракобесы только могут построить туалет из икон. Ни один умный, образованный атеист или человек иной веры никогда не сможет войти в такое сооружение, потому что войти в него — это значит стать источником зла, ненависти, предательства, подлости и измены своему народу.

Наш нынешний максимализм разрушителен: то храмы строим ударными темпами, то по иконам стреляем, то звёзды рушим. Однако ни то, ни другое, ни третье не есть русский человек. **Настало время, давно настало время учиться быть русским человеком — братолюбивым и честным, жертвенным и требовательным, созидющим и умным, смелым и думающим, искренним и ответственным!**

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Какие святые места изображены в этом рассказе?
2. Выпишите из текста рассказа словосочетания со словом «святой». Пользуясь словарём, объясните значение этого слова в данном употреблении.
3. Работа в группах. Словесно изобразите пейзаж тех мест, где происходит действие в рассказе.
— Какие краски будут преобладать в вашем описании?

- Как изображение природы связано с настроением главных героев? При ответе на вопрос обратите внимание на повтор слова «люблю» как в начале рассказа, так и на последних его страницах.
- 4. Перечитайте отрывок, в котором героиня делится с мужем своим представлением о Боге.
 - Что показалось интересным в плане представленных образов, в плане цветового решения?
 - Как это связано с внутренним восприятием нашими героями окружающего мира, Бога?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Одной из проблем, поднятых в рассказе, является вандализм.
 - Определите значение этого слова, пользуясь толковым словарём.
 - Найдите в тексте пример вандализма.
 - Выразите своё отношение к проступку, описанному в рассказе.
 - Предложите свои пути решения данной проблемы.
2. Как вы понимаете слова героя рассказа: «...За убийство – не наказание жестокому народу, а Святой источник на исцеление»?
3. Напишите, в чём, по-вашему, заключается символический смысл названия рассказа.

Гл. 47

УСАТЫЙ

Сменный мастер приходил к восьми часам, широко открывал входную дверь и ступал тяжёлыми пимами в маленькую комнатку мастеров. Наш рабочий уголок, язык не повернётся назвать его кабинетом, походил на тамбур пассажирского вагона. Дверь не успевала открыться, чтобы запустить человека, а тёплый, нагретый жужжащими батареями воздух вмиг оказывался на воле, но зато прокалённый морозцем и, кажется, посиневший, будто лёд на пруду, свежий воздух плотно набивался в комнатку, грелся о тёплые стены и спины людей.

Сменный мастер Виктор Карлович, крупный, ленивый немец, приходил всегда загодя, ставил на свободный стул пузатый портфель с едою (мы работали по суткам и продукты брали с расчётом на всю смену), уходил переписывать остаток вагонов на станцию.

Вслед за Виктором Карловичем на пороге появлялся невысокий худой человек. Даже через густой налёт угольной пыли на лице, от которого живыми оставались только глаза, можно было понять, что он немало попил горькую на своём веку, поскитался по белу свету. Он входил в комнату быстро, чуть приоткрыв входную дверь, останавливался напротив меня и молча ожидал. Настоящее его имя и фамилию знали только мы, мастера и бухгалтерия, остальные звали его запросто – Усатым. Усы у него действительно были, но чуть видимые, как у подростка, редкие, с рыжим оттенком, а подбородок и шея чернели от вьёвшейся угольной пыли и, может быть, поэтому всегда казались заросшими.

Усатый терпеливо ждал, пока я заполню наряд на разгруженные им за ночь вагоны. Последние годы он жил тут же, в механическом цехе угольного склада, ел в грязной комнатке около раздевалки,

к дверям которой была прибита табличка: «Комната для принятия пищи», отдыхал в сушилке — узком коридоре с дополнительным рядом отопительных труб, на которых грузчики сушили свою промокшую под дождём или влажную от пота одежду. У него не было квартиры, и он нигде не снимал угол, у него не было даже паспорта. Бухгалтерия, которая знала его уже не первый год, давно притерпелась к нему и выдавала деньги без предъявления каких-либо документов.

Никому и в голову не приходило интересоваться его прошлым, хотя, наверное, догадывались о нём, потому что прошлое у всех бичей похожее. Он частенько выпивал, но ни разу не валялся пьяным (а это, по нашим складским меркам, признак чуть ли не аристократического поведения), играл с грузчиками в домино и карты, иногда проигрывался и после весь месяц работал на долг; он часто шутил, но все шутки у него выходили какими-то злыми.

Помню, в декабре, накануне Нового года, выйдя из своего тёплого кабинетика, я увидел, как Усатый забрасывает пустые бутылки на заснеженную крышу механического цеха.

— Что ты делаешь? — спросил я, подозрительно оглядывая хмельного бича.

— Не бойся, начальник, — недовольный моим внезапным появлением, ответил Усатый. — Копилка у меня там, на чёрный день.

Я проследил, как оставшиеся бутылки улетели на крышу, и пошёл по своим делам, но он вдруг окликнул меня:

— Слышь, начальник, ты не звонил бы про моё хранилище.

Я не ответил, лишь согласно кивнул. Ничего предосудительного в том не было — видимо, Усатый решил подкупить бутылок поболее и сдать весною на внушительную сумму. Я прикинул аппетит нашей бригады грузчиков и отдал должное остроумию Усатого.

— Хорошо, — вслух согласился я, — только часть бутылок спрячь на другой крыше, эта может не выдержать.

Угольный склад — большая площадь, сплошь засыпанная углём и рассечённая во всю длину двухметровой высоты эстакадой. Когда

тепловоз заталкивал на эстакаду вагоны, с верхом гружённые углём, казалось, гигантская гусеница вползает в лабиринты чёрных угольных гор. Люки в полу вагонов открывались, и, поднимая тучи плотной, как подушка, пыли, уголь обильным потоком высыпался, вагоны зачищали грузчики, и после уже опустошённая гусеница выволакивалась со склада вон.

Впервые на угольном складе Усатый появился восемь лет назад вместе с группой линиялых алкашей, которые «покалымили» недельку и, почуяв нелёгкий труд, убрались восвояси. Усатый остался. Первое время он жил где-то неподалёку и прибегал на разгрузку, как только устанавливали на эстакаду вагоны с углём. Но, чуть пообтеревшись, он как-то незаметно для нашего внимания перебрался жить в мехцех. В раздевалке поставил кабинку для одежды, куда вошёл весь его гардероб, а в бойлерной на водяном баке устроил себе постель из рваных фуфаяк и толстого лоскута ватина. Ватин, правда, скоро украли, и, надо признаться, обворовывали Усатого в год два раза. Впервые это случилось, когда директор, узнав о прижившемся у нас биче, вызвал милицию, и Усатого забрали в тот же день. Через неделю грузчики решили, что тот уже не вернётся, вскрыли его кабинку, покопались в грязном белье, нашли две поллитровки водки, пачку сигарет и сорок рублей денег. Водку и деньги пустили «на коллективизацию». Усатый появился через месяц, остриженный, худой и со справкой вместо паспорта. Он никому не пожаловался на грабёж, навесил новый замок и вновь зажил размеренной жизнью бездомной, но трудолюбивой собаки.

Случилось так, что я ближе всех познакомился с Усатым. Была обычная смена, днём работала бригада грузчиков, а в ночь оставшиеся вагоны начал разгружать он. Всё шло своим обычным чередом: я заполнил нужные бумаги, отчёты, наряды, посмотрел телевизор, почитал недельной давности газетку и лёг спать. Около трёх часов меня разбудил стук в окно.

— Начальник, — звал Усатый.

Я открыл дверь, включил свет и, протирая глаза, уселся на стол.

– Разгрузил? – спросил я и глянул на часы.

– Начальник, я пас.

Только теперь я поднял на Усатого глаза, и с меня разом слетела сонливость. Он стоял, прислонившись к стене, по лицу стекали капли чёрного от пыли пота, а из носа струилась удивительно алая кровь.

– Что с тобой?

– Кранты, начальник, – прохрипел Усатый и вышел на улицу. Я за ним. Он, пошатываясь, дошёл до бойлерной и лёг на валяющуюся на полу ватиную тряпку.

– Сейчас, – я, наконец, сообразил, что нужно делать. – Скорую вызову.

– Нет, начальник, не суетись, не успеет. Что будет, то будет.

Эти слова он произнёс таким твёрдым голосом, что я не посмел его послушаться. Устроив поудобнее лежанку, я сбегал за водой, обмыл его лицо и положил прохладный тампон на переносицу. Усатый, кажется, задремал, кровь остановилась, но был он по-прежнему чрезвычайно бледным. Я сбегал на эстакаду, собрал разбросанный инструмент и под ослепительным светом прожектора увидел большое красное пятно на деревянном трапике около головного вагона. Крови он потерял много. Вернувшись к больному, я пощупал его пульс.

– Что с тобой случилось? Сердце?

– Лагеря, – неопределённо ответил он. – Я здоровье там оставил, себе шиш взял.

– За что же ты сидел? – участливо спросил я.

– За что? За воровство. Первый раз за лошадей, угнали. Пацаном ещё... В соседнюю деревню драться ездили, тебе не понять, мы всегда деревня на деревню. Дурачье, одним словом. Лошади колхозные, пять лет строгого.

Усатый умолк и закрыл глаза. Я тоже затих, боясь нарушить тишину, понимая, что он сейчас вспоминает те давние деревенские годы, когда лихо скакал на колхозной гнедой по высоким луговым травам, в которых и осталась его настоящая жизнь.

– А ты знаешь, какие у нас покосы были? – прошептал Усатый.

Я содрогнулся от того, что так верно угадал его мысли.

Что-то хрипнуло в горле больного, и кровь вновь тонкой струйкой сбежала по подбородку. Я намочил в глубокой чашке, что стояла у изголовья, лоскут материи и наложил ему на переносицу.

– Тебе много ли ещё до пенсии?

– Мне-то? – он поправил холодную примочку и вновь закрыл глаза. – Девять лет.

Я невольно оглядел его: худая фигура, по-стариковски морщинистое лицо, – и вспомнил Виктора Карловича, который, уезжая после смены на дачу, нагружал полный рюкзак угля и, нисколько не пригибаясь, шёл к станции, будто пух нёс. Я вспомнил его мощную грудь, из которой часто и совсем не вовремя нёсся храп. На собраниях он непременно засыпал, и ему всякий раз делали внушения «как руководителю среднего звена, как опытному члену партии».

– Начальник, у меня в кабинке капли, флакон в целлофан завёрнут... принеси, коль уж такой жалостливый.

Я сделал вид, будто не услышал насмешки в его словах, быстро направился в раздевалку, открыл его шкаф, покопался на верхней полке, нашёл лекарство, собрался было закрывать, но увидел на задней стенке старую фотографию женщины с грудным ребёнком на руках. Ребёнок был запелёнут, а женщина с широким скуластым лицом улыбалась, прислонившись к шербатому палисаднику, за которым виднелся рубленый дом.

Знать, не только деревенское детство и тюремные годы терзали душу Усатого, но спросить о том я так и не решился.

– А ведь я сегодня ещё буду жить, – улыбнулся Усатый. – А то ведь думал, всё, кранты. Одному помирать страшно...

Через несколько дней после случившегося Усатый вновь разгружал вагоны, появлялся вслед за Виктором Карловичем, но на моё предложение присесть по-прежнему молчал и садился только в том случае, если действительно сильно уставал. У меня даже появилось подозрение,

что он стесняется встречи со мной из-за откровенности в минуту слабости в ту памятную ночь. Возможно, что я ошибаюсь, но всякий раз в восемь часов утра вслед за Виктором Карловичем, который в полусонном состоянии прожил всю свою сознательную и несознательную жизнь, в комнате появлялся избитый судьбой, измождённый человек, потухший, доживающий. Взгляд Усатого был равнодушно-холодный, такой не похожий на подёрнутый послеобеденной поволокой, всегда готовый замутиться сном взгляд Виктора Карловича.

С тех пор много угля разгрузили на складе, тысячи вагонов-гусениц опустошили свою утробу на высокой эстакаде. Неделя назад Усатый исчез. В этом не было ничего удивительного, такие исчезновения случались и раньше, то были дни загулов и самоотпусков. Дни, когда милиция забирала его для «выяснения личности», а выяснив, выдавала ему справку вместо паспорта, которую он тут же терял или выбрасывал. Это небрежение было для нас удивительным, он ненавидел паспорт и не признавал прописку. «Я свободный человек!» – вспоминал я его слова и завидовал. Да, завидовал: вот он, Усатый, бесправный бич, которого с территории склада гнал всякий подвыпивший грузчик, мог, единственный среди нас, похвастаться действительной свободой. Нет, пожалуй, я преувеличиваю свою зависть, вспоминая старую фотографию на задней стенке шкафа, – понимаю, что абсолютная свобода лишила его многого в этой жизни.

Прошла неделя, как исчез Усатый. Более всех чертыхался Виктор Карлович, вагоны у которого по ночам простаивали.

Теперь каждое утро он начинает с одного и того же вопроса:

– Усатый не появился?

– Нет, – отвечаю, будучи совершенно уверенным, что Усатый на склад более никогда не вернётся. Вот такая ни на чём не основанная уверенность, но, странное дело, всякий раз, когда Виктор Карлович уходит на станцию переписывать вагоны, я в ожидании смотрю на дверь, и мне кажется, что сейчас она распахнётся и на пороге появится Усатый, весь чёрный от угольной пыли.

Усатого, бездомного и беспаспортного бича, нашли на исходе второй недели. Его вытащили из-под кучи угля, под эстакадой, куда, видимо, он упал и был засыпан углём. Он окоченел и был изуродован гусеницами бульдозера. На его подбородке настыла красная налесь; я понял, что с ним произошло, – значит, умер он всё-таки в одиночестве.

Его увезли в морг. Грузчики хмуро говорили о случившемся, я распорядился вскрыть его кабинку. Там, как и в первый раз, нашли две бутылки водки и сорок рублей денег. Я отправил грузчиков на крышу собирать пустые бутылки. Вот и пришёл тот чёрный день, о котором с усмешкой говорил Усатый. Деньги я отправил в морг, чтобы тамошние работяги хорошенько отмыли пыльное тело грузчика. Я аккуратно оторвал фотографию от задней стенки шкафа, решив непременно положить её к покойнику в гроб.

Вернувшись из столярки, где мужики бойко стучали молотками, сооружая Усатому домовину, я увидел спящего Виктора Карловича. Он сидел за столом, запрокинув кудлатую голову назад, и его храп забивал жужжание отопительных батарей.

– Да послушайте, вы! – не выдержал и закричал я на спящего.

– А? Что? Вагоны? – Виктор Карлович спросонья начал искать на столе карандаш.

Я вышел на улицу, сильно хлопнув дверью.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Что-то не пошло в жизни человека, что-то пошло не так, думаем мы. Чего он хотел добиться? Свободы? Но не существует свободы, потому что желание свободы – это уже не свобода. Не в тюрьме теряет человек свою истинную свободу, а в душе, когда его представления о жизни не совпадают с теми требованиями, традициями, законами, которые предъявляет ему общество. Тюрьма отбирает свободу передвижения, но не способна лишить свободы духа и мысли. Усатый же

лал полной и безоговорочной свободы, но не получил её, потому что это невозможно, потому что **человек не может жить вне общества, а значит, и вне законов этого общества**. Но тогда, возможно, желание полной воли и свободы и привело Усатого ко всеобщему равнодушию?

Кого в рассказе считать «хорошим» или «плохим»? Может быть, Виктора Карловича, который живёт всю жизнь в полусне, не замечая людей, событий, который не проявил ни капли сострадания по поводу смерти Усатого... А сегодня? Разве мы живём иначе? Так чем тогда мы лучше Виктора Карловича?

Или автора, который стал единственным на складе свидетелем и помощником физической и душевной боли Усатого? Или помощь – это уже тогда, когда есть сострадание? Почему он не узнал о нём всё? Может, та женщина с фотографии была жива, ждала? Может, Усатому требовалась помощь, а он стеснялся о ней попросить?

Или, наконец, Усатый. Он «плохой» или «хороший»? Жизнь его сломала или закалила? Он опустил или вознёсся? Может быть, он стал истинно вольным человеком? Или всё растерял, совершая опрометчивые поступки, потерял даже своё имя. А может, он, подобно праведникам Николая Лескова, через грехи пришёл к святости?

И всё-таки **страшно, когда мы перестаём замечать людей, перестаём пытаться помогать в горе и радоваться чужому счастью. Страшно жить по принципу «моя хата с краю, ничего не знаю». Страшно жить без людей!**

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Какая моральная, нравственная обстановка царит на угольном складе?
2. Где и как жил Усатый?
3. Что мы узнали о его прошлом?
4. Как вы думаете, почему никто на угольном складе не пытался узнать историю жизни Усатого, не помог устроиться иначе в жизни? Могли ли они помочь?
5. Какое единственное светлое воспоминание хранил в памяти Усатый, что было его настоящей жизнью? Почему спустя годы и испытания он не захотел к ней вернуться?
6. Чего больше всего боялся в оставшейся жизни Усатый? Разве не был он одиноким, пока жил? Почему смерть так страшила одиночеством?
7. Как понимают свободу рассказчик и герой? В чем разница? А что такое свобода для вас?
8. Как на угольном складе отнеслись к исчезновению Усатого? Изменилась ли жизнь тех, кто работал на угольном складе, после смерти Усатого?
9. О чём вас заставил задуматься этот рассказ?
10. Как вы думаете, нужна ли была помощь Усатому? Почему он ни к кому не обращался? А часто ли вы просите о помощи?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Является ли прозвище «Усатый» столь уж очевидным для героя? Почему автор выбирает именно его?
2. Каково общее настроение рассказа? Есть ли отступления?
3. Как вы считаете: наша жизнь зависит от нас самих, мы решаем, какой ей быть? Или есть то, что в разы сильнее нашей воли?
4. Почему автор рассказа так много внимания уделяет образу Виктора Карловича (мы знаем о нём гораздо больше, чем об Усатом)?
5. Пользуясь словарями, найдите значения слов: равнодушие, сострадание, свобода, воля.

ДОМАШНЯЯ РАБОТА

1. Обсудите с родителями вопросы:
 - Всегда ли мы бываем внимательны к людям, окружающим нас?
 - Что мы знаем о них?
 - Что знаем об их прошлом и настоящем?
 - Знаем ли об их проблемах?
2. Напишите эссе о равнодушии или о человеке, который для вас стал примером отзывчивости и доброты.

Гл. 48

ТВОЙ ВЫБОР

Дальнее глухое окно, больше похожее на люк, было открыто полностью, напоминая нижнюю губу, раззявисто свисавшую и покачивавшуюся в такт неспешному ходу поезда.

В окно пробивался луч утреннего света, октябрьского, не тёплого, но всё ещё яркого солнца. И этот луч на поворотах зорко осматривал внутренности теплушки: железную неуклюжую печь в углу, отгороженных кривыми жердями холёных офицерских лошадей и, с иной стороны, так же отгороженное жердями сено, в котором спали Иван и его друг и односельчанин, а кто-то поговаривал в деревне, что и дальний родственник, — Прохор. Тот завернулся в шинель и буквально закопался в сено. Иван не спешил вставать, пару дней назад он подошёл к прапорщику Давыдову и сказал, что у Прохора подозрение на тиф. Давыдов покачал головой и хмуро ответил:

— Среди людей поменьше болтайтесь.

— Ваше благородие, — подтянулся довольный Иван, — уже кровохлёбки раздобыл, да дёгтю, спасти друга буду. А лошадки тифом не болеют.

А после взял кусок извести и нацарапал на дверях вагона одно волшебное слово — тиф, и к ним разом все потеряли интерес.

А тиф свирепствовал, косил людей десятками, тифозных оставляли прямо на перронах, на усмотрение местных властей. А поскольку власть отступала вместе с Колчаком, то выходило, что оставались они на милость providения и добрых людей. Полковой лекарь говорил о гигиене, но как в дороге соблюдать эту гигиену? Воды нет, со-

ртир — дырка в вагоне, кипятку на вокзале не добыть — всем надо, а где его на все двадцать вагонов напасёшься.

В колчаковской армии Иван и Прохор числились конюхами и были приставлены к лошадям генерала Литовкина, полковника Казарезова, и ещё одна кобыла принадлежала члену Государственной Думы Головинову — крикливому и очень энергичному господину. Однако подозрительный Прохор, наверно, прав — никакой он не «член», а проходимец.

Попали они в армию Колчака случайно; ещё во время войны с немцами в России случилась революция, сначала скинули царя, а потом и тех, кто скинул царя. К власти пришли большевики. Воевать ни Иван, ни Прохор ни за красных, ни за белых не собирались, тем более что никто не понимал, на чьей стороне правда. И накануне запланированного друзьями-однополчанами побега армия Колчака сама поехала в сторону родного дома. Бог благоволил, и Иван с Прохором остались при «генеральских» лошадях, а в Казани их теплушку зацепили к Золотому поезду, который тут формировался и который должен был везти под усиленной охраной чёртову уйму золота и царского драгоценного барахла. О такой удаче никто даже мечтать не мог: их кормили, охраняли и везли домой.

За Новониколаевском есть станция Чебула, от этой Чебулы до родной деревни с милым названием Светлое Озеро и трёх вёрст не будет. Но Бог сыпал милость, не останавливаясь. В Омске вдруг выяснилось, что по дороге исчезло несколько тонн золотых слитков. Генерал Литовкин подпрыгивал перед членом Государственной Думы Головиновым и отрицал пропажу. Как выяснилось, описи драгоценностей ни у кого не было, а потому и доказать пропажу никто не мог. И тогда этот чёрт из Думы решил составить опись и заставил вытаскивать ящики с золотыми слитками из вагонов на перрон.

— Слышь, Прохор, хватит храпеть, — толкнул друга Иван, — разве можно теперь нам спать, когда мы богаты, как буржуи?!

— Чё, Ваньша? Чё не спишь?

— Я говорю, что мы с тобой теперь как два буржуя, и на хрена нам теперь большевики со всеми своими декретами?

— Большевики точно не нужны! Но, Ваньша, — счастливый Прохор сел в сене и, протирая глаза, с восхищением сказал: — Как ты это повернул?! А?! Это надо же было так обернуться, я ещё и сообразить ничё не успел, а ты нате вам ящик золота!

— Так понимаешь, Проша, у всех паника, все орут: «Красные! Красные! Занять круговую оборону!» А паровоз со всего маху в состав, нас чуть лошади не придавили, ты дверь откатываешь, чтобы «матушку» вспомнить, а тут ящики золота к ногам подъезжают, и никого — все круговую оборону заняли, а кто под вагоны залёг, тех колёсами подавило! И крику ещё больше! Все орут, бегают, а ящики с золотом на перроне стоят, и никому дела нет. — Довольный собой Иван потянулся. — Я вот думаю, можно было бы ещё один ящик подрезать!

— Нет, Ваньша, — Прохор встал и поднял сенную пыль, но вразумительно заметил: — Большое легче потерять. А тут и так шесть слитков по двенадцать кило — это же дворец построить можно.

— Дворец, — повторил Иван. — Но, как условились, два слитка твоих, а четыре моих.

— И за то тебе спасибо, да если бы не ты и твоя башка сообразительная, я бы так и стоял у открытых дверей, а ты меня оттолкнул, хвать ящик, и только потом я понял и дверь запер.

— Да, это так, но если бы ты дверь не открыл, я бы золота не увидел. Короче: тебе два слитка, а мне четыре, — Иван подал руку Прохору, и они сжали пальцы друг друга с благодарностью и будто с клятвой сдержат своё слово.

— Теперь мы навеки друзья, — сказал Прохор, — пойду лошадам овса подсыплю да приберусь, пока на ходу, вон сколь навалили.

В Новониколаевске долго не стояли, поменяли паровоз и прицепили ещё теплушку с поляками, те тоже драпали домой через Владивосток. До Чебулы оставалось около сотни вёрст, и получалось, что проезжать придётся потемну. Всё, кажется, складывалось как нельзя лучше, но вдруг подходит прапорщик Давыдов и говорит:

– Заберите одного подозрительного на тиф. Всё равно у вас тиф, вот и лечитесь все вместе, — а сам в стороне стоит, заразиться боится.

Забрался в теплушку тифозный и руку тянет, мол, Никифор я. А Иван боком обходит его:

– Вот что, Никифор, мы уже, почитай, здоровые, а у тебя всё только в начале, потому старайся от нас держаться стороной.

Переглянулись Иван с Прохором и без слов договорились, как стемнеет, от тифозного будут избавляться, чтобы тот потом не рассказал кому, где и с каким ящиком бежали два конюха. Темноты ждать не стали, оглушили Никифора и подтянули к выходу. Иван обшарил тифозника, нашёл его документы и сунул себе в карман.

– На кой они тебе? — удивился Прохор.

– Жрать не просят, а ему уже без надобности. Вон смотри, зовут его Никифор Огурцов, — потыкал Иван в документ.

Когда раскачали и кинули тело с расчётом под встречный поезд, то Ивана вдруг потянуло из вагона. Он стоял на самом краю, махал руками, пытаясь удержать равновесие, а перед лицом мелькали вагоны встречного поезда и тянули за собой. Но тут Прохор схватил его за шинель и втянул обратно в теплушку.

После, как закатили двери, друзья долго сидели молча, будто переживая всё случившееся ещё раз.

– Представляется мне, брат Иван, — наконец-то вымолвил Прохор, — что у каждого из нас по три слитка золота?

– Согласен, — ответил Иван. — Пойдём готовиться, скоро Чебула. — И они широко раскрыли сдвижные двери вагона со стороны откоса.

Вот проплыла мимо будка смотрителя с единственным фонарём на всю округу, вот деревня Таганай — тёмная, её только угадать можно по лаю собак, вот перегруженный состав замедлил ход на восьмитысячном подъёме... Двери открыты настежь, всё готово: ящик крепко обвязан верёвкой, чтобы не разбился, три винтовки, вещмешки, шинели скатаны, прыгать решили налегке.

– Пора, Ваньша, — прошептал Прохор.

– Нет, терпим, – ответил Иван, высунувшись из вагона, – сейчас пойдёт левый поворот, и нас ваще никто не увидит.

– Так от дому уезжаем!

– Дойдём, здесь всего-то три версты.

И вот скрипнули колёса, и скрылся из виду паровозный прожектор.

– А теперь пора, – скомандовал Иван и выпрыгнул из вагона.

Он не упал, потому что прыгал навстречу бегущей земле, и побежал рядом с вагоном. Прохор подал ящик, Иван принял и исчез в темноте, а Прохор скинул на насыпь всё приготовленное, потом прыгнул, как учил его Иван – ногами вперёд, однако Прохор не удержался и упал, но остался лежать. Состав медленно проплывал мимо, наконец-то последний вагон, там два проводника – это самое опасное, главное, чтобы они не увидели. Но они не увидели, потому что Прохор успел сообразить и откатиться в кусты.

Они шли навстречу друг другу и собирали разбросанные вещи, искали на ощупь в темноте, но помогала полная луна. Собрали всё, не нашли только винтовку Никифора.

– Нехай с ней, пусть ему остаётся, – согласился с потерей Иван, – здесь и без того тяжести хватает.

– Придём домой, Ваньша, – чуть не заорал Прохор, – я напьюсь! Ей-богу, как свинья, до икоты напьюсь!

– Не ори! Напейся, только языком не болтай!

– Да я что, враг себе, что ли?

Друзья надели шинели, поверх на спину закинули вещмешки и винтовки, с двух сторон подцепили ящик с золотом и смело зашагали в сторону дома. Луна освещала дорогу, по полям, по колкам, всё здесь было знакомо с детства.

И вот родное озеро Светлое, оно и теперь светило лунной дорожкой. Друзья остановились на высоком берегу под старой берёзой, Прохор закурил.

– А у меня первая свиданка здесь была, под этим деревом. Стешку, солдатку, помнишь её, у неё Аким раньше нас ушёл, говорят, его сразу убило.

— А, — неопределённо ответил Иван, — а я чуть в озере не утоп, ногу свело. Ещё пацаном, полезли в мае купаться, только лёд сошёл, ну и свело. Еле выкарабкался, тогда мне дед сказал, что жить буду долго.

Обошли озеро уже видимой в рассвете тропой, но вдруг из-за плетня вышел мужик и остановился как вкопанный.

— Микола, ты? — спросил Иван.

— Я, а ты кто есть? — не узнал Микола.

— А я Иван, а рядом Прохор, ты что своих не узнаёшь? — друзья поставили ящик на землю.

— Ваня? Прохор? Ребята! Живы! Радость-то какая! — кинулся обниматься Микола. — А я было на станцию собрался, хотел в Болотную ехать, да не судьба. Нечего там делать, время лихое, прибьют ещё. Хотел колбаски продать. А теперь нет, теперь мы ею закусим, у меня и самогончика есть! Вот радость-то какая!

Прохор достал кисет.

— Давай перекурим. Мы, Микола, с войны идём, кончилась для нас война.

— А что, прям с ружьями отпускают?

— Правильно, сам знаешь, время какое, а как солдату домой без винтовки живым добраться? Вот, видишь, в полном обмундировании, даже со штыком.

— А в ящике снаряды, что ль? А что в ящике-то?

— Патроны, как винтовка жить будет без патронов и штыка?!

Иван спокойно снял с винтовки штык, вроде показать, и ударил Миколу в грудь.

— Ваньша? — удивился Микола и медленно осел на землю.

— И чё теперь делать? — почесал голову Прохор.

— Здесь рядом сухой колодец, понесли туда.

Сначала сбросили ящик с золотом.

— Правильно, Ваньша, а то из-за этого проклятого золота всю деревню перережем.

Потом дотащили и сбросили в колодец Миколу.

– Пусть охраняет, целее будет, – пошутил Прохор и наклонился над колодцем, пытаясь разглядеть темноту, – давай-ка сверху присыплет слегка кустарником и травой.

Но договорить Прохор не успел, штык точно угодил ему в сердце. Иван сбросил в колодец Прохора, обе винтовки, прежде чем сбросить вещмешок, положил туда свои документы.

– Всё, нет теперь Ивана, – он собрал листву вместе с веточками и травой и припорошил клад. – Правильно ты сказал, Прохор, надо прикрыть.

Потом он поднял котомку с колбасой и бодро зашагал в сторону Московского тракта. Он шёл знакомыми полями, жевал колбасу, судьба ему улыбалась, теперь у него было шесть слитков золота.

До Московского тракта всего пара вёрст. А что будет дальше, Иван уже и не знал, события складывались сами по себе, как бы и без его участия. Вдалеке, в глубоком распадке он заметил огонёк. Удивился, зная, что деревень в этих местах не было, ни деревень, ни хуторов. Но если хутор, то на нём его не знают, а значит, можно будет попроситься на ночлег и рассчитаться колбасой.

Но то был не хутор, то горел костёр, а около костра сидел старик, в светлом овчинном тулупе, в волчьей мохнатой шапке, с белыми пышными усами и белой бородой.

– Привет, дед! – поздоровался Иван. – Никак ты здесь ночевал, заблудился ты, что ль?

– Нет, Ваньша, места сии знаю хорошо, плутать ещё не приходилось. Тебя жду.

– Меня? Чудеса, дед, и имя моё знаешь, а я тебя что-то не припомню.

– Коль не видал никогда, то и не припомнишь.

– А ты меня видал? Так, что ли? – Иван осмотрелся и увидел у костра обрубок ствола берёзы. – Погреться-то пустишь?

– Погрейся, тепла не жалко, всё одно к солнышку оно летит, а там и так жару много. Вон оно, солнышко, уже скоро объявится.

Иван уселся на обрубок и ещё раз огляделся кругом: ни дома, ни землянки, никакого признака жилья.

– Так и что ты меня ждёшь, старик? Дело есть?

– Дела с тобой делать опасно, посмотри, у тебя руки в крови.

Иван вздрогнул и начал осматривать свои руки, брызнуло, может, а он не заметил. Но нет, руки были чистыми, и на шинели ни пятнышка, Иван даже встал и осмотрел полы своей шинели.

– Ты, дед, ничё не попутал? Ты, поди, обознался, а может, я это и не тот, кого ты ждешь?

– Тебя трудно с кем-нибудь перепутать, ты за день три души загубил: Никифора и двух своих друзей – Прохора и Миколу. Ты выбрал неверный путь, Иван, твой путь – это путь к гибели.

– Понял, ты из попов, – рассмеялся Иван, а я думаю, откуда знает, а тут вон чё, тут проповедь. Тыфу ты, чёрт бородатый! Напугал! Ну как есть напугал! Но откуда столько знаешь? – Иван опять огляделся кругом, пытаясь понять загадку.

– Неверный путь, говорю тебе...

– Слышь, дед, ты мне в душу не лезь, это мой путь и я его выбрал сам. Не твоево ума дело, куда я отсюда пойду.

– Да, это твой выбор, потому и пытаюсь тебя вразумить.

– Дед, ты о себе думай, а я о себе сам позабочусь. Сидишь на печи и клопов давишь, крестьянская твоя душа. Что ты, деревенщина, знаешь? Вот и ковырайся в своей грязи, а людям в душу не лезь.

– Знаю я многое, и про души, тобою загубленные, и про золото в колодце – всё знаю.

Иван подскочил, выхватил из-за голенища короткий нож, но осел обратно на бревно – около старика вдруг появился невероятных размеров Белый волк.

– Я сейчас должен умереть? – спросил оторопевший Иван.

– Нет, не сегодня. Твой выбор всё ещё за тобой. Можешь идти, коль согрелся.

Иван не мог поверить, он встал и пошёл прочь, он оглядывался и не понимал, что произошло. А старик сидел у костра, шевелил прутья-

ком огонь, а рядом с ним стоял огромный, просто невероятный Белый волк. Иван шёл, не разбирая дороги, и когда вышел на Московский тракт, то не сразу заметил, что окружён всадниками.

– Кто таков? – спросил один из них.

Иван сразу понял, что перед ним отряд красноармейцев.

– Я, ваше благородие, рядовой Никифор Огурцов, – доложил Иван.

Отряд, человек десять, дружно засмеялся.

– У нас, Никифор Огурцов, господ нет, у нас только товарищи. И куда ты путь держишь?

– Я, ваше... короче, сбежал с поезда, из армии адмирала Колчака, потому как насильно был мобилизован. Служил конюхом. Поезд следовал на восток, но он не обычный поезд, он вёз золото. Сейчас, должно быть, поезд в Болотном. Однако в Новониколаевске к нему прицепили дополнительную охрану – вагон с поляками.

– Вот оно как! Отлично! Спасибо, Никифор Огурцов, за ценные сведения. Служить пойдёшь в Красную Армию?

– Так точно, товарищ командир! Конюх он везде нужен, а я и лошадок лечить могу.

– Очень хорошо. Скажи, солдат, в Болотном живёт поэт и комсомолец Александр Огурцов, он не родственник тебе?

– Никак нет, товарищ командир, я один у родителей на грядке мужик, остальные, простите, бабы.

– А где винтовка твоя, солдат Огурцов? – было очевидно, что командир все ещё сомневается.

– Когда из вагона прыгал, я прежде винтовку бросил под откос, но потом в темноте не нашёл.

– Далеко отсюда? У нас, видишь ли, всякая винтовка на вес золота.

– Вёрст пять будет, – Иван махнул в сторону железной дороги.

– Петро, заberi с собой товарища Огурцова, поищите винтовку, и на заимку. И оружие найдём, и сомненья разведем. А откуда у тебя столько колбасы?

- Прошу прощения, у купца одного своровал.
- Поделишься?
- Поделюсь, конечно, не моё, общее!
- Всё. В путь. Встретимся на заимке.

На поиски винтовки командир выделил двух человек. Очевидно, что не доверял он новоиспечённому Огурцову. «Вот когда винтовка Никифора «выстрелила», – улыбался Иван, сидя на одной лошади с Петро. Винтовку они нашли сразу и тропками, которые указал Иван, скоро оказались на желаемой заимке.

Армия Колчака вперемежку с Чешским корпусом отступала на восток. В состав белочехов входили в основном чехи, словаки, поляки, которые выступили на стороне белого движения и занимались карательными экспедициями, расстрелом тех, кто поддерживал красных, и грабежом мирного населения. Весь ноябрь и первую половину декабря народ жил под страхом смерти. Колчаковцы лютовали: отбирали скот, лошадей, телеги, сани и рекрутировали мужиков, заставляя везти отступающую армию. Кого-то отпускали, кто-то бежал, бросив лошадей и сани. Мужики уходили в партизаны, стреляли по колчаковцам из-за угла, появились небольшие партизанские отряды в Старой Чебуле, в посёлке Горном. Активно действовали отряды в Тайге и на Алтае, особенно успешно – в Барабинских степях. Колчаковцы сражались за Россию, но Россия отвергла их.

Новоиспечённый Никифор Огурцов, он же – Иван, Ваньша из деревни Светлое Озеро, служил в Красной армии, на рожон не лез, но и в окопе не отсиживался, скоро оказался главным конюхом при командирских лошадях. Однако получил ранение. Ранение пустяковое, но нога начала гнить. Сначала был госпиталь, потом отправили на лечение в Омск, оттуда в Крым, на воды. Гражданская война давно закончилась, а он продолжал мыкаться по госпиталям и водолечебницам. Итог оказался страшным: ему ампутировали левую ногу. Он долго привыкал к костылю, а потом к протезу. Но на этом беда не закончилась, всякая малая царапина начинала гнить и долго заживала, Иван забыл,

что такое жизнь без боли. Орден Красного Знамени, который украшал его грудь, открывал ему все двери, но радости не прибавлял.

И только в 1929 году ему удалось добраться до станции Болотная, здесь он планировал купить лошадь и проведать золотой клад в сухом колодеце. Чтобы его не узнали, хотя он и изменился за эти годы изрядно, отпустил «ленинскую» бородку и «сталинские» усы. Но на базаре в Болотном при покупке лошади его узнал земляк, сообщил, что их деревни уже нет, кто помер, а кто уехал сам. На радостях земляк пригласил «Ваньшу» к себе в гости и поплатился — и сам, и жизнью жены. Ваньша вышел из их дома, спокойно, не торопясь, сел на только что приобретённую лошадь и поехал навещать родную деревню.

Домов на Светлом Озере уже и правда не было, несколько покосившихся сараев и загонов для скота. А озеро причудливо играло на солнце, песочек волнистыми барханчиками украшал дно мелкого залива. Добрые сосны знакомо качали головами, противоположный берег желтел высоким обрывом — всё было на месте, не стало только родной деревни.

Сухой колодец Иван нашёл сразу, тот ещё больше подгнил и обвалился. Иван привязал к берёзе лошадь, нашёл толстый сук, закрепил верёвочную лестницу и стал спускаться в колодец. На дне немного веток, гнилых венцов колодезного сруба, сгнившие тряпки с костями друзей и истлевший ящик с нетленными золотыми слитками. Иван поднял один череп, потом другой.

— Ну что, братья, как вам в аду небесном? И у меня скоро такая же рожа будет, — Иван присел, задумался о несправедливой жизни. Вот он уважаемый человек, орден есть, жильё выделяют где ни попросит, боец за советскую власть, золото — шесть слитков дождался его возвращения, и не стар — всего тридцать семь годков, а воняет от него, как от дохлого, гниёт он язвами по всему телу. Сложил Иван слитки в мешок заплечный, надел тугие лямки и ступил прежде костылём на лестницу. Сук, к которому была прикреплена лестница, треснул и обрушился на голову Ивана.

- Не может быть! – удивился Иван. – Так не бывает!
- Бывает, – ответил кто-то сверху.
- Ты кто? Слышь, ты кто?!

И тут Иван увидел в светлом окне колодца старика, белого, с такой же белой бородой.

– Несколько лет назад я пытался тебя образумить, но ты сделал свой выбор сам, разве мог тебя кто-то остановить, кроме тебя самого?

– Слышь, дед! Я тебе заплачу, помоги выбраться! Дед, ты где? Это ты, который был с Белым волком? Дед, ты сможешь мне?! Ты же добрый, дед, да?

– Нет. Не помогу. Прощай.

– Я тебя убью! – Иван схватил винтовку.

– Они ржавые, ты даже себя убить не сможешь.

– Гад! Так зачем же ты сюда пришёл, скотина?!

– Лошадку отвязать, она-то зачем страдать будет. Так что за лошадку ты не беспокойся.

– Дед, я тебе всё золото отдам, выручи меня!

Но Ивана уже никто не слышал. Арефа шёл вдоль сияющего озера, он вёл под уздцы лошадку, а зло осталось умирать.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Война – это всегда плохо, это всегда против человека. Понятно, что защищаться нужно, понятно, что свобода важнее жизни, но убивать людей – это противоестественно человеку, это ненормально, вот почему человеческая душа на войне озлобляется, сатанеет, а чувства злобы, ненависти, беспощадности обостряются.

Драгоценный дар – человеческая жизнь на войне теряет свою ценность, уже не жалко ни себя и никого. Человек становится жестоким. И эта жестокость бывает разной, потому что она воюет по разные стороны. Вот почему, когда старик приходит к сухому колодцу, то спасает

не попавшего в западню человека, а только лошадь. Он испытывает жалость только к животному, а к погибающему человеку — нет.

Добро — это способность отдавать в сторону созидания, а зло — всегда доминировать ради себя, в свою пользу.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. О каких исторических событиях нашей страны идёт речь в рассказе «Твой выбор»?
2. Проследите путь Ивана и Прохора от службы в колчаковской армии до возвращения в родную деревню. Отметьте ситуации, где им необходимо делать выбор. Аргументируйте свой ответ фрагментами из текста рассказа.
3. В чём выражается свобода выбора Ивана и Прохора? Какие чувства вызывает у вас выбор Ивана? Как вы думаете, это поступки или преступление?
4. Что такое моральный выбор?
5. Говорят: «Жизнь — бумеранг, всё и всем возвращается по заслугам». Как наказала жизнь новоиспечённого Никифора Огурцова, он же — Иван, Ваньша из деревни Светлое Озеро?
6. Как вы понимаете последнее предложение рассказа: «Но Ивана уже никто не слышал. Арефа шёл вдоль сияющего озера, он вёл под уздцы лошадку, а зло осталось умирать»? Аргументируйте свое отношение к выбору деда Арефы.
7. Какие плохие качества характера погубили жизнь Ивана?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Напишите сочинение-эссе на тему «Сознательный выбор, что это?».

Гл. 49

Косач

Пётр Косачёв родился калекой в деревне Грязное, их пятистенки стояли на берегу речки Зелёной.

У него одна нога была короче другой, а потому ходить он учился сразу с костылями. Врождённое уродство словно въелось в характер злобой и недовольством. Чем старше он становился, тем более не любил людей, и не только — его раздражало всё: и лес, и речка за огородом, и даже гуси во дворе, одного он даже пнул, просто проходя, и сломал ему ногу. Мать сетовала на дворнягу и недоумевала, как собака могла сломать ногу крупной птице, но гуся пришлось съесть до времени. Эта нелюбовь скоро подарила ему прозвище — Косач.

И когда деревенские пацаны бегали по вольным улицам, играли в лапту, притихали на рыбалке или соревновались на сборе грибов, Косач сидел дома или около дома и пытался учиться. Изредка к нему заглядывал дьячок из Болотнинского храма Николая Угодника, он оставлял ему книги, разъяснял некоторые уроки и обещал, что скоро заберёт его и тот будет петь на клиросе. Учиться Пётр Косачёв тоже не любил, но памятовал обещание дьячка, старался выполнить все задания, мечтая уехать от опостылевшего дома и стареньких безропотных родителей. Став подростком и уже овладев письмом и счётом, он вдруг приобрёл в деревне значение, а получив первых нерадивых и сопливых учеников, понял, какой великой властью обладает учитель — это стало настоящим открытием, которое изменило его планы на будущее.

Его страстное желание учиться окончательно покорило сердце доброго дьячка, и тот договорился с железнодорожным начальством,

чтобы убогий раб Божий Пётр мог бесплатно посещать занятия в Министерской железнодорожной двухклассной школе, которая разместилась рядом со станцией Болотная на улице Линейной. Жить Косач устроился при храме, в подвальной каморке у истопника, который с удовольствием разрешал Пете поддерживать тепло в храме, пока сам отлучался к куму в Кондукторский переулок.

Скрип деревянных самодельных костылей ежедневно следовал вдоль улицы Линейной от храма Николая Угодника к железнодорожной школе и обратно. Два года тягостно, но сытно прошли в Болотном, родное село Грязное, случайно примкнувшее к железной дороге, позволяло изредка навещать стариков, пополнять запасы картошки и солонины. Друзей в Болотном у Косачёва не появилось, но прозвище Косач, будто по щучьему велению, передалось от грязновских пацанов болотнинским.

Скинули царя, железная дорога забурлила сначала мешочниками, торговками, новыми магазинами и питейными заведениями, из которых по всей ночи неслась потрескивающая музыка сначала граммофона, но скоро французская фирма «Пате» предложила усовершенствованный патефон. Косач просто влюбился в это чудо — музыку, и однажды случайно своровал такой агрегат у раззявистого пассажира. Грязное вдруг ожило и затанцевало, к Косачу потянулись парни с просьбой включить «музыку» на вечерке. Гармонь молодёжь уже не устраивала.

Жизнь текла своим чередом, Пётр Косачёв жил учительским трудом, принимая оболтусов из зажиточных крестьянских семей. Девочек грамоте в деревне не учили, считали делом не нужным, и, как говорили: «пусть прядёт». Грязновские девочки умели изрядно прясть уже в шесть лет. Однажды, считай, под самую зиму из Болотного прибыл уполномоченный, собрал сход и сообщил, что в Болотном власть у Советов, что, по декрету вождя большевиков товарища Ленина, заводы теперь принадлежат рабочим, а земля — крестьянам. Но продрозвёрстку, которую ввело Царское правительство ещё в 1916 году и позже утвердило Временное правительство ещё в начале 1917 года, и при Со-

ветах никто не отменял. Пшеницу, как и прежде, сдавали государству, а себе оставляли только на еду, посев и хозяйственные нужды.

В феврале 1918 года развернулась полномасштабная Гражданская война. При поддержке стран Антанты окончательно сформировалось Белое движение. Против белого террора большевики объявили красный террор. Однако в столь бурное и кровавое время именно ненавистная хромоногость спасла жизнь Петру Косачёву. События развивались молниеносно, железная дорога лихорадочно перевозила солдат сначала с востока на запад, а потом, когда красные начали побеждать, — с запада на восток. Деревня Грязное, так удачно прилепившаяся к железной дороге и получившая от этого определённые выгоды, теперь терпела бедствия — её грабили все кому не лень.

Косач придумал такую хитрость: как только в деревне начинался грабёж, или поиск красных-белых, или продовольствия, мать разбивала в доме тухлое яйцо, отец ложился в постель якобы с тифом, а сам Косач в лохмотьях и на костылях выходил во двор покурить. Убогого жалели все, но если и врывались в дом, то от вони и от «тифа» бежали прочь.

Продуктовые запасы Косача ни разу за почти два года военной перебранки не пострадали. Более того, инвалид детства сам научился промышлять, однажды ему удалось добыть двух добрых коней. Седоки в том и другом случае были побиты в бою, и осиротевших лошадей выловил Косач, потому как в это время прочее дееспособное население сидело по погребам. Уже на следующий день Косач выменял лошадей на еду, одежду и инструменты, так у него появился второй патефон. На кой ему второй патефон, Косач и сам не знал, но ответил удивлённому отцу, что «не твоево ума дело».

Грязное лихорадило не только от стука проходивших поездов, от былых выгод или нынешнего лихолетья — именно благодаря железной дороге население деревни Грязное увеличилось. Однажды притормозил состав, и из вагонов вынесли сразу несколько больных тифом колчаковцев и уложили под насыпь, а сами поехали дальше, но не сразу,

машинист не рассчитал, а возможно, и не знал о крутом подъёме в сторону Чахлово, который сами железнодорожники звали «восьмитысячником». Этот участок Транссиба считался самым сложным, потому что от Чебулы до Чахлово тянулся крутой подъём, и машинисты, как правило, разгоняли состав, чтобы преодолеть его, а составы, которые ехали в обратную сторону, беспощадно воняли тормозными колодками, разгоняясь с горки в сторону Чебулы. Паровоз побуксовал немного, потом помощник машиниста рассыпал по рельсам песок для лучшей сцепки колёс, и состав с трудом, но уплыл, оставив свой тифозный «выкидыш» на откосе.

Время хоть и злое, но люди в Грязном жили добрые, и скоро тифозников разобрали по домам. Не по себе становилось, когда несли больного, а тот не мигая и бессмысленно смотрел в небо, а на вопросы отвечал невпопад. Так к ближайшей соседке Косача тётке Зое, солдатке, потерявшей мужа в Первую мировую, принесли парня длинноногого, назвался Михой Туралиным — худой, тонкий, красивый. Выходила его тётка Зоя, уже через месяц, опираясь на палочку, больной вышел на улицу и присел на завалинке. И стал Михаил тётке Зое сыном, а не мужем, как поговаривали в деревне. И что удивительно, выходили всех, похоронили только одного да и того — от ранения. Не победил солдатик две болячки разом.

Лечили тифозных чесноком и мёдом, опять-таки в каждой хате закуры сделали из черного дёгтя, чтобы самим не заразиться. А тут ещё и знахарь забрёл в деревню — Арефа — известный в здешних местах кудесник и ведун, он пришёл с травками, обошёл все хаты, раздал советы и оставил настой из кровохлёбки, крапивы и зверобоя, а может, и ещё чем поил, людям было неведомо. Но более всех приходу Арефы была рада жена Семёна, которому Арефа вырвал давно сгнивший коренной зуб, да так искусно, что Семён даже испугаться не успел. А потом вдруг сильно расстроился, мол, как я теперь жить без самогона буду, я же им целый год от боли спасался. Но повод выпить Семён нашёл уже утром, он торжественно и благодарно поднял чарочку за здоровье спасителя.

Косач же к милосердию отнёсся равнодушно и тифозника в дом не взял, мол, «своего говна хватает», чтобы ещё и с насыпи подбирать.

Осенью, как раз в вересень, в день Световита, а христиане в этот день празднуют рождество Пресвятой Богородицы, в самое раннее туманное и тёплое утро, раздался непонятный, но жуткий гром и скрежет, потом будто взрыв и опять тишина. Управляясь одним костылем, Косач выпрыгнул из дома, остановился на крыльце и стал прислушиваться к утренней заре, которая всё ярче расцветала на востоке в мареве молочного тумана. Косач понял, что нечто случилось на железнодорожном пути, тем более что за дальним поворотом находился самый опасный участок восьмимысячного подъёма – крутой поворот. Опыт подсказывал Косачу: где беда – там нажива! Накинув старенький серый зипун и прихватив второй костыль, он скоро заспешил вдоль железнодорожного полотна, по стороне, которая проходила по высокому склону. Косач понимал, что если случилась катастрофа, то все вагоны внизу, в глубоком распадке, который тянется от речки Берёзовой до самой станции Чахлово. Но остаться неувиденным ему не удалось, он ходко пропрыгал с полверсты, как ему навстречу вышли три мужика.

– Петро?! – удивился один из них.

Косач узнал двоих: сапожника Казеткина из Болотного и рабочего с угольного склада Владимирова.

– А ты что здесь? – мужики переглянулись, очевидно, спрашивая друг друга, как быть?

– Я – могила, – Косач почувствовал опасность и перекрестился, – матерью клянусь!

– Лады, – согласился Казеткин, – ты нас не видел. И лучше тебе туда не ходить. Там под откосом карательный отряд поляков, если увидят, сразу убьют, даже разговаривать не будут.

– Это вы их... того? – уважительно спросил Косач.

– Меньше вопросов, скачи лучше домой! – огрызнулся Владимир.

Мужики прошли дальше, и скоро Косач услышал топот удаляющихся лошадей.

«Уехали, — понял он, — выжил, а могли бы и убить. Я бы убил». Он поднялся и медленно пошёл дальше, но теперь с предельной осторожностью, но и понимая, что два раза за день не умирают.

С горы Косач увидел всю страшную картину катастрофы. Вагоны, колёсные пары, человеческие тела — всё перемешалось с сырой землёй глубокой впадины. Паровоз лежал отдельно с разорванным котлом. Партизаны пустили под откос пять вагонов с поляками. Оставшиеся в живых копали две ямы, к которым сносили убитых и изувеченных людей. Вдруг раздались выстрелы, Косач упал на землю, но выстрелы прекратились.

Страшная картина волновала его, он даже наслаждался и риском, и кровью, и количеством трупов. Но вдруг его объёял ужас, два солдата и офицер, ходившие среди развороченных вагонов, стреляли в раненых. А другие тут же подбирали их и несли к ямам. Офицеров хоронили отдельно от солдат.

У Косача вдруг пересохло в горле, язык стал шершавым, он даже не мог сделать глотательное движение, но где здесь, на высокой сопке, можно найти воду? И вдруг он увидел гриб, старый, коричнево-чёрный моховик, он потянулся, сорвал его и начал есть, грибная влага смочила губы и горло, и приступ сухоты стал отходить, оставляя пряный грибной вкус.

К полудню похороны были закончены, оружие собрано и прикопано под двумя сросшимися берёзами у самого подножия склона. Потом свежую землю над схроном припудрили листвой и сухими ветками. Перед тем как уйти, поляки построились около могил и после команды выстрелили в воздух. Салют, понял Косач. Поступила команда, и неровным строем поляки пошли вдоль насыпи в сторону Чахлова.

Целую неделю с первыми лучами солнца Косач ходил к месту катастрофы и, как собака, искал и вынюхивал всё, что могло пригодиться в хозяйстве.

И он был не единственным, скоро вся деревня копошилась среди искорёженных вагонов, и кому-то удавалось найти винтовку или саблю, но ни к могилам, ни к схрону с оружием никто не подходил.

Красная армия теснила отступающих колчаковцев, а вместе с ними и примкнувших белочехов, в Грязном уже не осталось ни одной лошади, ни одной телеги — всё было реквизировано отступающей армией Колчака. Однажды заглянули красные партизаны, зашли к Косачу.

— Привет, Петро! — поздоровался Казеткин. — Счастливый ты человек!

Косач пожал руки мужикам.

— Спасибо, что не пристрелили, — криво улыбнулся он.

— Петро! А что у тебя так дюже воняет?

— Яйцо тухлое мать раздавила.

— Во люди живут, тут жрать нечего, а у него яйца протухают.

И Косачу пришлось рассказать, как отпугивал тухлыми яйцами грабителей. Посмеялись мужики, вышли на волю, закурили, чтоб вонь с себя сбить.

— Слышь, Петро, а у тебя ружьишка какого нет? Не прикопал случайно где, у поляков ружей было много. Понимаешь, с оружием у нас проблема, а я тебе кобылу до времени оставлю.

— Кобылу я у вас куплю, — сказал Косач и вытащил из комнатки отца патефон.

— Музыка?! — удивились партизаны. — А работает? А, может, она того, а? Ну-ка включи, давно душа не грелась.

Косач открыл аппарат, несколько раз крутанул ручку, установил иголку на пластинку, и запрыгало вместе с солнцем над навозным двором и серой камышовой крышей пятистенка: «Я кукарача! Я кукарача!»

Насмеялись мужики вдосталь и нервный озноб сняли.

— Ну, спасибо, Петро! Потешил ты нас куда с добром. Что, мужики, меняем лошадку на музыку?

— Меняем, — загудели мужики.

Подвели кобылу. Взял её под уздцы Казеткин и говорит уже без смеха:

— Вот, Петро, вручаю тебе лошадь нашего товарища, погибшего за счастье трудового народа. Береги её, это тебе наш подарок и поручение.

Все встали и сняли шапки.

— Я грамотный, время правильно понимаю, — принял лошадь Косач, — новые времена наступают, народ всем править будет и красные большевики.

— Молодец, Петро, правильно всё понимаешь. Ну всё, товарищи, пора. — Но вдруг Казеткин остановился. — Слышь, Петро, а, может, тебе музыку жалко, может, самому хочется про кукарачу послушать? Так оставь себе.

— Нет, у меня ещё один патефон есть.

Вот тут не выдержали даже не улыбочивые. А как просмеялись да утихомирились, Косач положил руки на седло кобылы и одним движением рук вознёс себя в седло, подтянул костыли и приторочил к сиденью.

— Силён, — удивился Казеткин, — силён.

— Ну а теперь, господа партизаны, — обратился счастливый Косач, — поехали решать второй вопрос. Надеюсь, что схрон на месте. Будут вам винтовки!

Умело он развернул лошадь и погнал галопом, да с такой удалью и озорством, что и птицам такая лихость не под силу.

Единственным в деревне, кто радовался встрече с Косачом, был Мишка Туралин. Завидя соседа, Мишка выходил на улицу и орал, будто счастье к нему привалило:

— Петро! Здорово! Ну, ты как?!

И эта счастливая улыбка соседа раздражала и радовала Косача одновременно, и он присаживался поговорить с Мишкой. Тётя Зоя гнала самогонку, и несколько раз Мишка уже зазывал к забору соседа, пропихивал в редкий плетень стопочку, наполненную до краёв, и огурчик.

– Испей, Петро, самогоночки! Будь здоров, брат, с уважением и по-соседски.

Мишка жил охотничьим промыслом, благо вдоль речки Зелёной и зайца, и лисы, и косули было много. Бывало, и большая удача заглядывала к нему в ствол ружья — и он валил сохатого.

Когда начали организовывать колхоз, Косач одним из первых подал заявление и благодаря грамоте скоро стал делопроизводителем и счетоводом. Но верил он, что это только начало служебного роста, впереди намечалось открытие школы. Вот школа и была его главной целью, мечтой, если хотите, и возможностью закончить-таки в Томске педагогические курсы.

Школу скоро открыли, детей всех переписали, дом сбежавшего кулака под школу определили, но Косача к школе не допустили. Оказалось, что по нормативам ещё с царского времени инвалиды от рождения не имели права работать в исполнительных органах и школах. Какая-то мышь канцелярская когда-то придумала, что у инвалидов детства психика какая-то не такая и допускать их к детям нельзя. Более того, вполне официально считали, что всякое врождённое уродство есть знак вырождения, а рыжие не принимались даже как свидетели в суде. Их считали от рождения лживыми людьми. Но компенсацией Косачу стало повышение его до должности управляющего колхоза. Теперь он становился блюстителем порядка во всём Грязном и во всём колхозе имени Кагановича.

Женился Косач не по любви, а оттого свадьбу не играли, записались в сельсовете, и будет. Дуняша была девицей скромной, тихой, даже робкой, но не красивой. Её уродовал непомерно большой рот, редко утыканный заострёнными, как семечки, зубами.

Но вечером того дня, Мишка Туралин, увидев молодожёна, пришёл в полный восторг и заорал, как оглашенный:

– Петро! Нет, так дело не пойдёт! Подгребай к причалу, будем праздновать.

Косач не сопротивлялся: плетень, стопарик, огурчик и краюха чёрного и запашистого от конопляных семян хлеба.

Когда Косач впервые увидел молодую жену Михаила, красавицу Ольгу, он остолбенел, и взорвалось его сердце. Он по-соседски заговорил с ней, облокотившись на плетень, но та была вежлива и хладнокровна. И понял тогда Косач, всем нутром почувствовал, что эта женщина навсегда останется недоступной. И возненавидел он её, как человеку ненавидеть невозможно.

Скоро в семье Туралиных появилась девочка, и как только «нянька» подросла, родился мальчик. Косач сидел на крыльце, курил, а детский плач и утешительная песня матери качались, как люлька в созвездии Большой Медведицы, он слушал и шептал: «Чтоб ты сдохла».

Должность управляющего была по душе Косачу, он честно и подчёркнуто добросовестно выполнял свои обязанности. Он выявлял малейшие проступки или недочёты и тут же сообщал в НКВД, и скоро виновник исчезал из деревни отбывать назначенный срок. А если вдруг у Косача появлялся недоброжелатель или даже самому Косачу показалось, что кто-то поглядел на него не так, судьба этого человека была уже решена. И ничего не было слаще, чем придумывать и организовывать вредительство или воровство. В этом была и изобретательность, и риск, и сладость победы над выбранной жертвой. Злоба и жестокое мщение стали смыслом жизни Косача. За эту непримиримость его ненавидели все, а председатель колхоза доподлинно знал, что если что случится, органы узнают всё от Косача, и когда его вызывали в район, он ехал готовый ко всему самому страшному, а жена собирала ему одежду и еду на случай, если вдруг его арестуют. Правда Косача была как бритва — резала всех без разбора, и раны заживали долго.

Власть заботилась о людях, строила школы, детские сады, дома культуры, коровники и свинарники, не было года, чтобы в МТС не поступала новая полуторка или трактор, комбайн или сеялка. Люди выбралась из полуразвалившихся хат, солому на крышах заменили на шифер и железо, комфортно обустроивали быт, в Грязное провели электричество, а железная дорога, как неистовая труженица, возила и возила грузы, плотность грузопотока ошеломляла — несколько минут

между составами, а по пассажирским поездам в деревне сверяли часы. Власть заботилась, но власть и отучала бездельничать и требовала ответственного отношения к своей работе, а воровство было приравнено к статье «измена Родине» и каралось как измена — десятью годами лишения свободы. Столь суровая государственная жестокость была продиктована подготовкой к войне. Фашисты гремели оружием так, что слышал весь мир, и, когда весной, уже накануне посева, у Мишки Туралина исчезли два мешка посевного отборного зерна, он уже знал свою дальнейшую судьбу. Вечером он окликнул Косача:

— Петро, можно тебя на минутку.

А Петро сидел на крыльце и курил.

— Петро, не губи, я сыщу это зерно, не я его крал.

Косач встал и молча зашёл в свою избу, плотно закрыв входную дверь. Мишка постоял, замотал кудлатой головой и завыл. Утром он был ещё пьян, когда за ним приехали два сотрудника милиции, на первом же допросе его спросили о колчаковском прошлом. Через три месяца началась война.

Грязновские мужики с вещмешками за спиной потянулись вдоль железнодорожного полотна в сторону станции Чахлово, потом пригородным поездом до Болотного, и на фронт. А в Грязном, как и во всей стране, наступили вечные сумерки, на всю деревню из мужиков остались механик, без которого ни один трактор работать не хотел, и хромой управляющий. Председателем, вместо выбывшего на фронт, назначили женщину, которая до того заведовала свинофермой. Косач только ухмыльнулся, все, и он в том числе, знали, чья теперь власть в Грязном.

Два года войны позади, с трудом убрали урожай сорок третьего года, всё на себе, потому что машины и лошадей забрали в первые дни войны, остались только бабы, которые и впряглись в непосильную работу: «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик».

В тот вечер Ольга бежала домой, уже выпал снег, но ещё не застыла земля, крутила ранняя ноябрьская вьюга. Только белая грязь под

ногами, густая метель и жердь крайнего загона. Она очень спешила, оглядывалась и озиралась кругом, будто боялась кого.

И вдруг ей навстречу вышел незнакомый человек, он был без шапки, ветер сдул копну белых волос на бок, белую распахнутую шубу трепало ветром, как флаг на колхозной управе. Ольга ойкнула и замерла, ей этот старик показался привидением, явлением из другого мира.

– Прячься за изгородь, – приказал Арефа.

– Что? – не поняла Ольга.

Арефа толкнул её к изгороди и сам шагнул за нею, прикрыв её спиной. В это время мимо прошла лошадь, наездник глянул на Арефу и поспешил дальше, только погрозив старику:

– Гляди мне, не балуй!

Всадник растворился в белой мгле.

– Ты что же творишь, девка?! – чуть не закричал старик.

– Что, бабушка?!

– Ведь он же тебя выслеживает и день, и ночь!

– Не губите, бабушка! – упала на колени Ольга. – Я всего лишь немного пшенички взяла, вот в кармашек, совсем есть нечего, детишек поддержать!

– Встань, чего в грязи ползаешь.

Вдруг неистовый и злобный рык оглушил деревню, будто сто паровозов издали звериный клич, а потом грохот стремительно несущегося по отчаянному чаховскому склону очередного эшелона. Он спешил на фронт, потому что шла война.

– А теперь иди, но воровать не моги, скоро победа, и Михаил твой вернётся, он на фронте.

– На фронте? Он же в тюрьме!

– Уже на фронте, героем вернётся. Не весь, но вернётся, жди. Уже на офицерском довольствии, скоро и до тебя помощь его дойдёт.

Ольга схватила руку деда и, прильнув горячими губами, омыла её слезами радости и горя, страха и отчаяния. Когда она очнулась, около неё никого не было, только в руках осталось несколько червонцев.

Косач вернулся домой ночью, уставший, злой и голодный.

– Эй, – гаркнул он, – дай самогону!

– Что, Петя? Что-то случилось? – выглянула из комнатки растрёпанная со сна Дуняша.

– Случилось! Крыса ускользнула! Нагребла пшеницы полные карманы и ускользнула! – Косач пнул табурет.

– Да кто же, что за крыса? – Дуняша спешила налить в стакан самогон.

Косач выхватил полный стакан, плескнул на пальцы, выпил залпом, утёр коротко стриженные усы, выдохнул и сматерился.

– Ты когда-нибудь белого волка размером с лошадь видел?

– Господь с тобой, – ахнула Дуняша.

– А сову говорящую?

– Да помилуй меня Господи! – замлела от страха бедная женщина.

– А старика белого, огромного, как дом, вот с такой бородой? – Косач ударил себя по животу.

Дуняша в испуге отступила от мужа, прикрыв себя руками.

– А я видел! Щас только! Еле ноги унёс.

Косач сбросил на пол полушубок, сел на кровать, стянул грязные сапоги и как был в штанах и тёплой поддёвке забрался в постель.

Сон окутал его розовой пеленой, и он уплыл куда-то в иной сказочный мир, в котором он должен был жить на самом деле, а не в этом убогом, в котором он родился калекой. Не в этой ненавистной реальности, среди людей, которые умели, как чудовища, дышать завистливой злобой и достигли в этом такого совершенства, что даже умудрялись находить разницу между завистью и злобой. И вдруг он увидел свою совесть, совесть прожитой им жизни, она, как грязный и вонючий карлик, брызгала ядовитой слюной из открытого рта и кричала что-то непотребное, но понятное только ей. Карлик метался среди людей и пытался ловить загубленные им души, но только лишь с одной целью, чтобы опять задушить.

Но вдруг откуда-то пробился свет и подул лёгкий и свежий ветер, а живительная роса стекла по листве и траве, смывая марево розового тумана. Издалека начала приближаться тень, она росла и скоро проявились очертания могучего старика, с широкими плечами и седого как лунь. Простая одежда и развевающиеся волосы наполняли его образ удивительной, сказочной добротой. Косачу немного полегчало, он заглянул в глаза старика и увидел в них то, как он на самом деле должен был прожить жизнь, как карлик превратился в доброго человека: злоба истончилась добротой, зависть преисполнилась щедростью, а ненависть утонула в любви к людям.

Утром Косач не смог встать с постели, к полудню перестал узнавать жену, а к вечеру помер. Врач из Болотного приехала, когда помогать было уже некому, засвидетельствовала ненасильственную смерть и уехала обратно. Односельчане не могли поверить, и всякий спешил к Косачу в дом убедиться и недоумевал столь скорому исходу. В народе жило уверенное поверье, что подлые и лживые люди живут долго, а этому и сорока не было.

Три дня председатель колхоза уговаривала механика и баб помочь похоронить управляющего. Все отказывались и ссылались, кто на здоровье, а кто невесть на что. Через пять дней, когда трупная вонь летала по всей деревне, председатель привезла ящик водки и пообещала тем, кто выкопает могилу, выдать дополнительно пшеницы. Могилу копали уже вечером, потемну, гроб тащили бабы волоком по сырому снегу, уже изрядно выпимши. Следом шла вдова Дуняша. Спихнули гроб в могилу и быстро закидали землёй, отдышались от вони и ещё раз помянули. Слов добрых не сказали, но и плохих не произнесли. Только утром подавленная Дуняша заметила, что могилку выкопали неправильно, поперёк всех могил, не как у людей. На что измученная похоронами председатель резонно ответила:

— Как жил, так и похоронили.

Поминала жена мужа в одиночестве.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Весной 1919 года большевики, бывший старший унтер-офицер Канаев, сапожник Казеткин и рабочий угольного склада, пустили под откос колчаковский воинский поезд у станции Чахлово. Могилы поныне выделяются двумя квадратными провалами в земле.

Случай «поперечного» захоронения в Сибири не единственный, так люди хоронили «стукачей». Деревня Грязная ликвидирована в период укрупнения колхозов.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Инвалиду с детства очень тяжело жить, потому что он родился с проблемой, с которой трудно смириться, потому что его жизнь не может стать нормальной и обычной, как у всех. Он с малых лет заиклен на своём недуге, ему каждый день приходится если не бороться за свою жизнь, то преодолевать свой недуг.

Однажды на литературном фестивале на сцену вышла девушка с ярко выраженным церебральным параличом – это двигательные расстройства, она выходила на сцену неестественно переступая, будто все суставы её тела сломались. Она прочитала стихотворение, и все ей доброжелательно похлопали. Я был хорошо знаком с нею и после мероприятия подошёл и попросил больше никогда не писать стихов о несчастной инвалидной жизни. Я спросил её:

– Ты хочешь стать настоящим поэтом?

– Да, я мечтаю написать поэму.

– Тогда **навсегда забудь о своей болезни, и люди тоже забудут о ней, и будут аплодировать не твоему мужеству, а твоему таланту.**

С тех пор та девушка пишет удивительно светлые стихи, а сама её жизнь стала красивой поэмой.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. За что Пётр Косачёв получил прозвище Косач?
2. Приведите из текста примеры безнравственных поступков Петра, начиная с самого раннего детства.
3. Как вы думаете, для главного героя свойственны такие понятия, как стыд, совесть, добро, сочувствие, милосердие?
4. Рассказ «Косач» начинается: «Врождённое уродство въелось в характер злобой и недовольством...» Можно ли утверждать, что физическое уродство повлияло на отсутствие каких-либо нравственных ценностей у Косачёва? Можно ли согласиться с тем, что только Пётр виноват в том, что вырос «моральным уродом»?
5. Найдите в рассказе фрагмент о последних днях Косачёва, начиная с абзаца: «Утром Косач не смог встать с постели...» Как вы думаете, правильно ли поступили сельчане с ним: «Как жил, так и похоронили»? Аргументируйте свой ответ.
6. Пользуясь толковыми словарями, определите значения слов и сочетаний: добро, зло, пороки, добродетели, милосердие, сострадание, забота о слабых, любовь, корысть, совесть, зависть, злоба.
7. Как Пётр относился к своему горю на протяжении всего рассказа?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Подготовьте сообщение о знакомых вам людях с ограниченными возможностями здоровья с рождения или ставших в течение жизни инвалидами. Охарактеризуйте их.
2. Найдите в рассказе и запишите в два столбика пороки и добродетели Косачёва. Сравните и сделайте свой вывод.

гл. 50

Дезертир

Тяжёлый 7450 год от Сотворения Мира, или 1942 год по новому стилю. Осень. Сентябрь яркий и тёплый, но сегодняшний день слегка нахмурился и приснул неназойливым и тёплым дождём.

И даже не дождём, а какой-то невероятно мелкой влажной пылью, будто где-то там, на море-океане, за тысячу вёрст, о скалистый берег ударила волна, а сюда, в Сибирь, долетела влажная пыль, принесённая порывистым ветром. Водокачка казалась чёрной, даже грозной, стальная глубь недобро и холодно смотрела в такую же холодную, глубокую и тёмную пелену неба. Камыш у самой дамбы, росший прибрежным островком, шершаво шелестел острыми жёлто-серыми листьями. Коричневые наконечники зрелыми головками кланялись и пьяно раскачивались, пытаясь сопротивляться порывистому киселёвскому ветру, который набирал особую силу вдоль речки Болотной и который не мог удержать преграждающий путь крутой кладбищенский косогор с покосившимися вековыми чёрными крестами.

Шёл второй год войны. Совинформбюро скупно сообщало о боях местного значения, хотя уже шёл третий месяц Сталинградской битвы, которая продлится шесть месяцев и унесёт более полумиллиона жизней красных бойцов, но станет переломной в ходе войны с фашистской Германией.

Арефа сидел на корневище сосны-великана, здесь за стеной векового бора ветра не было, только макушки деревьев шумели где-то там высоко над головой. Здесь внизу было тепло и даже уютно смотреть на непогоду, будто из окна натопленной избы.

На дамбу со стороны посёлка ступил красноармеец, в новой шинели и суконном шлеме, с вещмешком на спине, к которому был прикреплён вольный котелок. Он прошёл будку охраны, развёрнутую спиной к ветру, лицом к обводному каналу, красноармеец козырнул постовому и зашагал по дамбе. Водокачка вместе с насосной станцией, водозабором и обводным каналом числились объектами первой важности, потому что отсюда качалась вода для паровозов на узловую станцию Болотная.

Ветер рвал полу его шинели, заворачивал и силился вовсе оторвать, пенистая волна с шумом и волчьим рыком нападала на бетонную стену дамбы, разбивалась и водяными ошмётками летела через всю дамбу в глубокий и сухой откос. Боец не торопился, и это было необычно для наступившего военного времени, он медленно перешёл дамбу и начал сосредоточенно, будто считая шаги, подниматься в Бор, скоро он поравнялся с Арефой.

— Будь здоров, Алексей, — приветствовал его Арефа, — заглядывая по моей хаты, здесь тепло, — старик показал на место под сосною.

Юноша на миг остановился, огляделся по сторонам, никого не обнаружил и повернул к старику:

— Откуда вы, дедушка, знаете моё имя?

— Так слышал и запомнил, Болотная она только с виду большая, а так — деревня деревней, не скроешься даже здесь в Бору.

Алексей сделал вид, что не понял последней фразы старика, скинул вещмешок и уселся вместе с Арефой на корневище, достал кисет и начал сворачивать «козью ножку».

— Будете, папаша? — предложил он кисет старику.

— Нет, милый, спасибо, откурил своё, а начинать поздно. Судя по ромбику, ты командир, Алёша?

— Да, окончил курсы младшего комсостава.

— При Белоцерковском училище, что с Украины в Томск эвакуировали?

— Так точно, — Алексей раскурил самокрутку и со вкусом втянул махорочный дым, чуть было не закашлялся, но справился и похвалил: — Хороший табачок.

– Отпустили домой на побывку? – не глядя на молодого командира, поинтересовался старик.

Алексей настороженно скосил взгляд в сторону старика и не сразу ответил:

– Вечером эшелон. За успехи в учёбе отпустили в Болотную, проститься с родными.

– Отец-мать, что, живы разве? Вроде как, померли они у тебя.

– Деда, а ты странный такой! Откуда всё знаешь? Ты что, соседом был?

– Почти соседом, но знаю, что тётка тебя воспитывала.

– А я вас не помню, – удивился юноша.

– А и не мудрено, я давно по заборам лазать перестал, а ты вот только-только. Тебе же семнадцать?

– Так точно.

– Ты приписал себе годик, чтобы на фронт попасть?

– Так точно, – Алексей довольный собой пустил клуб дыма.

– Молодец! Это по-нашему, у нас, почитай, вся Болотная добровольцами пошла. Ну а невесту-то повидал? – Арефа прищурился, глядя Алексею в глаза.

Алексей вздрогнул.

– А ты почём, дед, знаешь?!

– Значит, повидал. Ну и расскажи, как повстречались, что решил? Из-за бабы жизнь решил погубить?

– Не скажу, – нахмурился парень, – пойду я.

– Погодь, сынок, сейчас троих выведут, и сразу три землянки свои – любую выбирай. Жизнь – это дело добровольное.

– Кого выведут?!

– Дезертиров. А вот и они!

Из Бора показалась группа людей. Четыре человека в форме сотрудников Наркомата внутренних дел вели троих бородатых мужиков со связанными за спиной руками. Один из сотрудников отделился от группы и пошёл в сторону Арефы и Алексея.

– Здравия желаю! – коротко козырнул сотрудник. – Попрошу предъявить ваши документы.

Первым подал Арефа. Сотрудник раскрыл паспорт, прочёл:

– Арефий Фёдорович... Знаю тебя, старик, ты знахарь местный, слышал, травами лечишь. Молодец, – он принял документы Алексея, просмотрел на юношу внимательно и углубился в чтение документа. – Поясните, пожалуйста, товарищ курсант, зачем и с какой целью вы здесь находитесь?

– Отпущен на сутки в отпуск после успешного окончания курсов младшего комсостава. Мой эшелон прибывает из Томска на станцию Болотная в восемнадцать ноль-ноль.

– Хорошо, – сотрудник отдал Арефе и Алексею документы и кинул уже через плечо, – не опаздывай, командир, у нас поезда ходят вовремя!

– Это ты на них стукнул? – удивлённо спросил юноша, когда группа была уже на дамбе.

– Зачем же я? Бестолковые жёны сами натоптали тропинку к схранам. А охрана Водокачки это заметила.

– А что с ними теперь будет? – задумался Алексей.

– А ничего не будет. В прошлом годе, как война началась, – расстреливали, а теперь всех дезертиров на рудники под Салехард, где морозы под минус пятьдесят, и это ещё счастливый случай, а остальных под Искитим, в Ложок, там известь добывают. Те двое, что впереди идут, чуть больше года протянут, а тот, subtilный, до конца войны доживёт, как раз ко дню победы помрёт. Известь – это такая зараза, как не кутайся, всё равно просочится и лёгкие разьест.

По дамбе шли трое арестованных дезертиров. Их с умыслом проведут через всю Болотную до милиции, по самой главной улице Московской, посередь дороги. Люди будут останавливаться, смотреть им вслед, молча и с сожалением, что погибли мужики зазря.

– Вот, Алексей, прими от старика. Это древний оберег, ему очень много лет, он верный. Носи, не снимай, он защитит. А если не защитит,

всё едино, слава твоя века переживёт. Героем станешь, верю. После войны сюда приходи, я дождусь тебя, а ляжешь смертью храбрых, всё равно здесь с тобой встретимся. Тогда и поговорим. А что невеста не дождалась, значит, не твоя это невеста, считай, горе мимо прошло, а плохая баба — это пострашнее другой войны будет.

— Деда, ты так много знаешь! — с подозрением и восторгом удивился Алексей.

— Нет, сынок, я не знаю, как и какое такое слово сказать людям, чтобы они жить стали, как людям подобает! Чтобы женщины верно-стью красили нашу жизнь, а мужчины мужеством. А теперь иди, сынок, правильно сотрудник из НКВД тебе сказал «не опоздай».

— Дедушка! Я понял, вы мой родственник!

— Правильно понял, родственник и есть, и мне нужно, чтобы вну-чата мои героями вернулись, и из-за баб худых голову не теряли и по лесам не прятались. А то в моду взяли схроны копать. Иди, Алёшенька, иди, побеждай.

Они обнялись, сильно прижал Алексей старика к своей крепкой груди.

— Спасибо, деда, спасибо! Я вернусь, вот увидишь, ты только не помри ненароком, а то я тогда совсем один останусь! Я запомнил: ты Арефий Фёдорович — хорошее имя, я по имени тебя найду, только не помирай, пожалуйста.

Алексей побежал вниз, а там сквозил холодный тягун с киселёв-ских полей, который разгонял огромные волны по простору Водокачки и бросал их с неистовой силой на бетонные плиты дамбы. Капли род-ной воды окропляли лицо Алексея и стекали счастливой слезою вос-торга и желания драться с врагом.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Как тонка эта грань между добром и злом, как легко ошибиться! Стоит только поддаться настроению, обиде, гордой эмоции, и ты уже вне закона и жизнь твоя пошла под откос. Хорошо солдатику, обиженному невестой, встретился добрый человек, который предостерег его от роковой ошибки. Но думается мне, что солдатик и сам справился бы с собой и своей обидой, и вырулил бы на ровную дорогу честной жизни.

Всю жизнь так – думать надо и гнать истерику чувств, особенно мужчинам, потому что чрезмерные эмоции ведут, как правило, к ошибке.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Рассказ, который вы прочитали, называется «Дезертир». Что обозначает данное слово? Уточните по толковому словарю С.И. Ожегова.
2. Что вы ожидаете от рассказа, исходя из его названия?
3. Найдите в рассказе, где автор описывает, какое наказание ждёт дезертиров.
4. Как поступили бы вы на месте главного героя? Оправдываете вы или осуждаете поступок Алексея?
5. Как вы думаете, каковы будут дальнейшие действия Алексея после встречи с дедом Арефой? Найдите тому подтверждение в тексте рассказа.
6. Определите главную мысль рассказа «Дезертир».

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Напишите сочинение-рассуждение «Как гражданская позиция человека соотносится со свободой выбора?». Аргументируйте свой ответ.

гл. 51

Немка

Не зря древние называли февраль — лютедь. Нынче земля простыла до глубин могильных, снегов навалило — не пройти, а тут ещё то метель, то пурга. Ветродуй беспощадный, будто лютый зверь, кусал руки, ноги, прошивал фуфайку насквозь, а стены домов становились влажными, и окна превращались в толстый ледяной узор, который рос каждый день, стекал от вечерней печной топки на подоконник, а утром твердел новым узором и толстой наледью, свисающей с подоконника. Одно слово — лютедь.

День зимнего солнцестояния, кажется, уже позади, но ночи всё ещё бесконечные, темнеет рано, и только прямые хвосты дымов из печных труб, освещённые яркой луной, красили белое безмолвие замёрзших дней. Птица не пела, уставшая скотина грелась друг об дружку, а хозяин не прибирался в стайке, чтобы животным было теплее. А в другой день вдруг помутнеет небо, и станет теплее, но тут же налетает порывистый ветер, и метёт так, что утром не разгрестись, и только у опытных сибиряков двери открываются внутрь сенок, а по-другому не выйти, вернее, не выползти из дома. А то и полностью накрывало весь дом снегом, как нынче накрыло одинокий скит Арефы. Он уже состарился, не так бодро бегал на лыжах, но был ещё достаточно подвижен и силен.

Очаг гудел толстыми берёзовыми поленьями, две лучины освещали стол, кружка с травяным чаем парила ароматом, дед, поправляя очки, делал записи в своей тетради. Он макал перо в баночку с чернилами из сажи и старательно выводил буквы. Летопись его жизни насчитывала уже много томов, уложенных в ряд на стенной полке.

И вдруг гул очага, шум пурги прорезал волчий вой. Арефа поднял голову, прислушался, но, не дождавшись нового сигнала, вернулся к задумчивому письму. Но вновь завыл волк, вот теперь Арефа услышал, что не от тоски, не от одиночества или иного страдания завыл волк, он звал его, ему нужна была помощь человека.

— Ну что ещё? — проворчал дед, который не любил оставлять дело незаконченным, тем более такое ранимое, как творческое изложение мыслей на бумагу.

Он накинул полушубок, шапку-ушанку и вышел в сенки, а потом во двор. Белый волк сидел напротив входа, и когда увидел Арефу, поднял голову и трубно и призывно завыл.

— Ну тогда жди, — ответил ему Арефа, — одеться надо, не лето на дворе.

Белый повёл его сначала вдоль речки Ыйксу, потом по льду. Темень кругом и пурга, луна лишь на миг выглядывала из-за тяжёлых туч и скрывалась вновь, будто от сквозняка пряталась.

— А метёт-то как! Далеко ль ещё? — затревожился Арефа. Но волк уже остановился и сел, поднял голову и опять завыл.

— Да что ж за прихоть, — посетовал Арефа, но в это времяхватило проблеска луны, чтобы увидеть людей. Они сидели в сугробе, уже изрядно заметённые снегом: мать и двое деток.

— Мать честная! — удивился Арефа. — А вы что здесь делаете?

И дети, услышав его голос, вдруг разом заплакали, а потом этот плач подхватила мать. Арефа уже разгребал сугроб, вытащил прежде пятилетнего, а после трёхлетнего ребенка.

— А ну, подставляй спину, — приказал он Белому.

Белый вёз детей, ухватившихся за его шерсть, а Арефа вёл мать, и все они выли, а иногда и Белый поднимал свою громадную голову и издавал протяжный и трубный вой.

Арефа редко пользовался керосиновой лампой, керосин во время войны стал дефицитом. Он зажёл лампу и приказал матери:

— А ну, распеленовывай дитёв, чё встала, дура-мать!

И сам принялся за младшего: сорвал с него платок, пальтецо, ботиночки, бросил мальчонку на кровать и принялся растирать ледяные руки, ноги. Потом достал какую-то бутылку, смочил руки и с ещё большей яростью принялся тереть ребёнка.

— Чё стоишь? Бери раствор и три второго-то!

Потом дед приготовил чай, ливанул туда самогона и ещё что-то и насильно влил сначала одному, а потом второму ребёнку. После протянул кружку матери:

— Пей! Всё пей! Вон там ещё налей, тебе эта доза не поможет.

Утомлённые и согретые дети перестали плакать и скоро, укутанные в овчину, крепко уснули.

— Ну вот, дитёв, кажись, спасли, — удовлетворённый Арефа разглядел в свете керосиновой лампы румянец на щеках детей. — А теперь ты, сымай обувку. Чё пялишься? Сидай, — Арефа толкнул её на стул, нагнулся и стянул с неё задубевшие ботинки. Он подал ей раствор. — Сымай чулки и растирай хорошенько. И ещё самогонки хлебни, да и я с тобой.

Он налил до краёв, посмотрел в сторону и заключил:

— Я-то от волнения.

— Найн, — сказала женщина и отвела руку Арефы с кружкой самогона. — Их тринке кайнен шнапс!

— Мать честная! Немка, чё ли?! — дед сел на свободный табурет и устался на женщину. — Почитай, восемьсот лет прожил, а такого не видал, чтобы немка с двумя дитями из Германии во время войны в Сибирь пришла.

Дед отпил из кружки и протянул остатки женщине. И начал говорить по-немецки:

— Пей, дочка, за встречу, коль за здоровье своё не хочешь.

Женщину звали Эльза. В августе 1941 года их депортировали с Поволжья, где они жили в Немецкой Советской Социалистической Республике. Определили их в деревню Икса Болотнинского района. Только они успели немного залатать брошенный на краю деревни домик, ко-

торый им выделил сельсовет, мужа и ещё двух деревенских девушек призвали на Кузбасские шахты, в народе говорили — в Трудармию. Требовались люди, вместо ушедших на войну шахтёров. Поволжских немцев на войну не брали, не доверяли. Муж немного знал русский язык, а она нет, устроилась в колхоз, весь день на работе, а дети одни, есть нечего, хлеба дают четыреста граммов ей и по двести пятьдесят граммов на каждого ребёнка. Одежду поменяла на картошку, по выходным ходили в соседние деревни побираться. А потом началась лютая зима, в доме холодно, не натопить, да и дров нет.

— Они вечером кушать просят, плачут, а что я им дам?! — будто оправдывалась Эльза. — Выйду на улицу, нагрёбу в кастрюльку снегу, накаю шариков, они их пососут и засыпают.

Эльза вдруг заплакала, с надрывом и воем, по-звериному, гортанно и протяжно, как выл Белый, когда звал Арефу спасти людей.

— А тут с фронта пришёл сосед, без руки и хромой, — от нахлынувшей обиды Эльза начала икать и захлебываться собственными словами. — Он пришёл к нам в дом пьяный, с плёткой и избил меня. Он бил, а я кричала, и дети кричали, а он только говорил: «Сука! Сука! Сука немецкая!» А потом сел рядом и сам заплакал, я и подумала, что сейчас он нас всех убьёт.

Эльза закрыла лицо руками. Арефа не мешал ей, а только погладил по голове, как девочку, как маленькую девочку, которую сильно обидели.

— И я решила сама убить себя и детей! И просто пошла в лес. И вот чудо! Я встретила в лесу немца, который спас нас.

— Да нет, Эльза, я русский, сибиряк я коренной, просто очень давно живу и не забыл немецкий язык. Я его выучил, когда был в плену в Германии, ещё в Первую мировую войну. В плену тоже было всякое, — дед поправил бороду, пригладил основательно, прижимая к груди. — Иди, дочка, к детям, там места много, выпись хорошенько, а я уже не усну, да и травку мне для вас приготовить надо, чтобы хвори какой не случилось. Промёрзли детки-то. Промёрзли.

Арефа вышел в сенки, но скоро вернулся с мешочками, в которых хранил травы. Эльза спала, сидя за столом и положив голову на руки. Он тронул её за плечо, но она даже не шелохнулась.

– Ну и ладно, спи уж здесь. С таких страданий и стоя уснёшь.

Утром дети ели кашу, просили ещё, но Арефа ворчал:

– Эльза, ты им скажи, что с голодухи много нельзя – кишки завернутся.

Потом он долго провожал их, пурга успокоилась, на прощание сунул свёрток с едой.

– Это на первое время, потом приспособишься, выживешь. Ну а что тебя Василий побил, ты не сердчай, не таи зла, он же мастером был, и гармонистом, и работягой хоть куда, и семья у него хорошая, и душа у него добрая, отзывчивая, вот увидишь, и детишек четверо, таких же, как у тебя: мал мала меньше. Горе оно у всех горе, никого не милует.

...Прошло несколько лет. Всю войну Василий помогал Эльзе, а с его женой она и вовсе сдружилась, и Валентина научила Эльзу говорить по-русски. Потом вернулся муж Эльзы, худой, но здоровый. В 1946 году Эльза получила орден Трудовой Славы за большой вклад в победу над Германией. Сначала умер Василий, верно говорят, что инвалиды долго не живут, а скоро на погост ушёл и муж Эльзы – шахты здоровья не добавляют. Выросли её дети и уехали жить в Германию со своими русскими жёнами, а она ехать отказалась.

– Куда я поеду? – говорила Эльза. – Я в России родилась, здесь мой муж похоронен, здесь мои подружки: кто на кладбище, а кто ещё и жив, как я без них?

Эльза часто вспоминала про Арефу, расспрашивала о нём, а однажды она пыталась найти его дом в лесу, но не нашла. Эльза слышала всякие истории про Арефу, больше говорили, что он колдун, но она не верила этим рассказам.

– Он другой, – говорила она и рассказывала, как он и Белый волк спасли её и детей, но ей не верили.

Кстати, старший сын Эльзы помнит и Арефу и Белого волка, но больше всего — огонь в очаге и кашу. Каша была очень вкусной.

За моим окном февраль — лютый и ветреный. Позёмка крутит снежные воронки, которые наперегонки бегут по обкатанным сугробам и валунам, но много солнца, очень много ослепительного солнца. Лютень на дворе, отчего он мне напоминает жизнь — замороженную горем, страданием и слезами, освящённую смелостью, добротой и любовью? Лютень — это тяжесть холодных бед и чудо яркого солнца! Это терпеливое ожидание весны и лета, с которыми приходит тепло и сытость и которые скоро опять укатает в ледяные сугробы постылая зима!

Да, такова жизнь, в которой радость обретения сменяется печалью потери, а подвиг рождается из беды. Такова жизнь, в которой важно захотеть и свершить чудо, которое запишет Арефа в своей Книге памяти в назидание и утешение нам и нашим потомкам.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Последние годы в СМИ усиленно обсуждается тема о насильственном переселении поволжских немцев, начавшемся осенью 1941 года. В действительности проблему взаимоотношения национальностей надо рассматривать шире и увидеть, как нашу многонациональную лодку пытаются раскатать наши общие враги. По немцам мнения столь противоположны, что мы решили посмотреть на эту тему поближе и сделать не только попытку объективного осмысления, но и поделиться информационной квинтэссенцией.

Очевидно, что тема поволжских немцев изучалась, обсуждалась и продумывалась на самом высоком государственном уровне, и решение о переселении немцев — это не прихоть одного или нескольких человек. И об этом свидетельствует очень серьёзный документ. Указ правительства о переселении немцев лучше привести полностью:

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

УКАЗ

от 28 августа 1941 года

О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населённых немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, — следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами, в Республике немцев Поволжья или прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьёзных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить всё немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землёй и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землёй районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землёй и угодьями в новых районах.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. ГОРКИН

Москва, Кремль

28 августа 1941 г.

Приведённый документ особых комментариев не требует, потому что достаточно подробно объясняет причины и условия переселения.

Организацию переселения осуществляли отряды НКВД. В эшелонах, в которых только что отвезли солдат на фронт, грузились немецкие семьи с небольшим количеством вещей и запасом пищи. Трое суток в дороге, с короткими остановками на перегонах. На крупных станциях по вагонам разносили в вёдрах суп или кашу. Слабые умирали, беременные рожали тут же в вагонах. От железнодорожной станции кому-то предстояло ехать ещё на пароходах вверх и вниз по течению Оби. От пристани и станций по деревням немцев разводили спецпредставители от деревень, они довозили переселенцев до места. Расселяли в свободные дома, на квартиры к малосемейным, а кому-то пришлось копать землянки. Это была распространённая практика в военные годы, специалисты эвакуированных заводов жили первый год в землянках. Тёплую одежду собирали у населения, как правило давно ношенную. Мужчин-немцев, тех, кто принимал участие в организации заговора, осудили и расстреляли. Работающие немцы наравне с местным населением получали по 600 граммов хлеба в день, иждивенцы – 400 граммов в день. В некоторых районах норма падала до 400 граммов для работающих и 250 граммов для иждивенцев независимо от национальной принадлежности.

В то же время необходимо заметить, что некоторые эшелоны останавливались, немцы выгружались и их отправляли на уборку урожая. По воспоминаниям очевидцев, так было в Колывани. В сентябре привезли немцев, те отработали на уборке урожая (мужчины-колыванцы были на войне, убирать урожай было некому), а после председатель колхоза в Малом Оёше выдал дополнительно каждой семье мешочки с крупами. Вот почему в некоторых воспоминаниях немцев иногда встречаются слова о том, что до места назначения добирались больше месяца.

Трудармия – не было такого понятия, был трудовой набор, призыв на заводы. Более 90 процентов призывников были из русских девушек, несовершеннолетних юношей и мужчин непризывного возраста, тех,

кому за 50 лет. Немцы, как и прибалты, из-за утери доверия не призывались в действующую Красную армию, а призывались к станкам – вот этот призыв люди теперь называют призывом в Трудармию. Оплата и условия жизни для призывников были такими же, как и у кадровых рабочих.

В воспоминаниях труженников тыла, детей войны и поволжских немцев часто упоминается такой факт, что весной ходили по полям и собирали прошлогоднюю мёрзлую картошку, потом из неё делали «драники» или «тошнотики». Да, картошки на полях в зиму осталось много, потому что при посадке рассчитывали, что её будут убирать вместе с мужчинами.

Но труднее всего переживались не материальные проблемы, а моральный климат. Если трудолюбивые взрослые немцы скоро завоевали авторитет и доверие среди населения, а это было непросто: соседи получали похоронки на мужей и сыновей, то у детей, особенно у мальчиков, жизнь складывалась сложнее.

Но мы задались ещё одним вопросом: «А как там, в «цивилизованном» мире государств – участников войны? Происходило ли нечто подобное у них?»

И вот несколько фактов.

США. У американцев антияпонские настроения сложились задолго до 1941 года. Поэтому после объявления Японией войны 7 декабря 1941 года японцы, а вкупе с ними и немцы, и итальянцы были объявлены в Соединённых Штатах «враждебными иностранцами» по этническому принципу (имеющееся гражданство не учитывалось). Президент Франклин Рузвельт 19 февраля 1942 года подписал Чрезвычайный указ № 9066, который разрешал перемещать вышеуказанных граждан в «зоны выселения». Большинство так называемых «спецлагерей» построили на землях индейских резерваций. Очевидно, что американцы не изобретали ничего нового, а шли давно и надёжно протоптанной тропой искоренения индейцев континента. В итоге насильственному переселению в «спецлагеря» подверглось более 120 тысяч человек. Их имущество было изъято. Интернированных разместили в «бараках простой конструкции, покрытых толью, без канализации и кухонь».

Лагеря окружили, по всем законам военного времени, колючей проволокой и вышками с вооружённой охраной. Выход за пределы лагеря был запрещён.

В 1944 году Верховный суд США подтвердил конституционность интернирования, аргументировав это тем, что ограничение гражданских прав расовой группы допустимо, если того «требуется общественная необходимость».

Великобритания. К началу войны на туманном Альбионе находилось около 80 тысяч немцев и австрийцев. Подавляющее большинство их было арестовано и перемещено в концентрационные лагеря. Чуть позже то же самое произошло с 19 тысячами итальянцев, проживавших в Британии. Большинство лагерей находилось на острове Мэн.

Германия. О жёстких мерах, предпринятых немецким правительством сразу же после прихода к власти нацистов в 1933 году, в первую очередь к инакомыслящим немцам, а потом евреям и прочим и прочим, рассказывать нет смысла, эта информация достаточно подробно отражена в различных документальных источниках.

Я не знаю, как бы поступили мы с вами, дорогой читатель, оказались мы перед угрозой полного истребления нашего народа. **Нельзя судить о событиях в отрыве от реалий конкретного времени.** Но вместе с тем мы, конечно, знаем, каким страданиям во время войны подверглись все советские люди, как они выживали — работали, голодали, мёрзли — страшно даже представить. Тем более переселенцы, оказавшиеся в чужом краю без жилья и одежды. А выжили они благодаря помощи окружающих людей.

Скажу более того: переселение поволжских немцев спасло их от гибели. Легко представить, что могло случиться, если бы в Поволжье появились отряды немецких партизан, то есть в глубоком тылу Красной армии, когда фашисты стояли уже под Москвой. А такая опасность, по донесениям спецслужб, имела основания. Тогда никто бы уже не церемонился, а прошлись бы ковровой бомбёжкой по всем немецким сёлам, и никто бы уже не выжил в ту лютую зиму 1941–1942 годов: ни мужчины, ни женщины, ни дети.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. Перечитайте описание месяца февраля-марта в начале рассказа и в заключении, отметьте, как автор олицетворяет природу, наделяет её человеческими свойствами. Какие чувства вызывают у вас эти описания природы?
2. Какую в действительности проблему взаимоотношений национальностей рассматривает автор в рассказе «Немка»?
3. Что из рассказа вы узнали о судьбе Эльзы, депортированной с Поволжья, из Немецкой Советской Социалистической Республики, в деревню Икса Болотнинского района?
4. Прочитайте Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» и объясните причины и условия переселения. Как вы думаете: что спасло от гибели переселенцев Поволжья? Согласны вы с автором? Свой ответ аргументируйте.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Пользуясь толковыми словарями, определите значения слов и сочетаний: гражданский мир, человечность, депортация, спецлагерь, эвакуированные, трудовой набор.
2. Расспросите ваших родственников, как они относятся к иным национальностям, и оформите результаты вашей работы в виде сообщения, подготовьтесь к выступлению перед одноклассниками.

гл. 52

Я ВСТРЕТИЛ СЕБЯ

С поворотом ключа в хлипких дверях дачного домика закрывался ещё один год жизни и прятался в тайник памяти, а ключ в целлофановом пакетике — под домик. Всё по-хозяйски прибрано и аккуратно уложено на участке с надеждой, что никто не влезет, не взломает, не найдёт, не украдёт.

Знакомая, остывшая и потому, наверное, неприветливая тропинка от пролома в заборе дачного кооператива по тополиным тёмным посадкам вдоль железнодорожной насыпи выводит на ровный асфальт платформы полустанка.

Электропоезд уже слышно, но я знаю, что прибудет он минут через пять, с оглашенным свистом и на полном ходу, с вечным желанием проскочить мимо; завизжат тормоза, обожжёт нос железной гарью, и состав застынет, клацнув короткими автосцепками. Мне давно знаком норов дачной электрички, и я, опытный пассажир, всегда оказываюсь напротив шипящих вакуумными насосами дверей, потом — четыре заплёванные окурками железные ступеньки, грохот расхлябанных роликов дверей из тамбура в вагон и жёсткая, неудобная скамейка.

Мой любимый вагон — второй, потому что в демисезонье экономные машинисты отапливают только первые два вагона. Я люблю шестую лавку по правой стороне, и если она вдруг занята, томлюсь на другой всю дорогу. Сегодня мне повезло — «моя» лавка свободна, только мальчик сидит неподалёку и грустно смотрит в окно.

- Позвольте? — спросил я у мальчика и сел напротив него.
- Да, — ответил тот и взглянул на меня голубыми глазами.

Я удивился, потому что на меня смотрели до боли знакомые глаза. Потом я привычно расположился, прежде закинув свой упругий рюкзак на полку над головой, опять посмотрел на мальчика, пытаюсь вспомнить, где я видел эти глаза. И вдруг понял, что это мои глаза. Я ещё раз глянул и обомлел, напротив меня сидел я, да — я, но не теперешний, а когда ещё был двенадцатилетним мальчишкой.

— Юноша, — спросил я, — вас зовут Колей?

Мальчик удивлённо посмотрел на меня и кивнул:

— Да.

— Ты едешь с дачи, ты только что спрятал лопаты и грабли в дровах, а ключ от домика завернул в целлофановый пакет... Нет, так теперь не говорят, это я в своём детстве заворачивал ключ в целлофан, а ты, верно, завернул его в полиэтиленовый пакет и подсунул под дом.

Он с тревогой посмотрел на меня и обернулся на пассажиров в вагоне.

— Не волнуйся, я хороший человек, я сам только что спрятал ключи в щели между фундаментом и домом, и меня тоже зовут Колей, ну, может быть, дядей Колей.

Мальчик ещё раз внимательно посмотрел на меня и смущённо отвернулся к окну. А за окном мелькали прозрачные ветви деревьев и потемневшие от дождей деревенские низкие дома с покосившимися заборами и грязными дворами.

Когда-то, очень давно, я, как и этот юный Коля, ездил в электричке на дачу. Я чувствовал всю полноту власти и самостоятельности на наших четырёх сотках, уже тогда я планировал заботы на лето, и мне нравилось восхищение соседей моим трудолюбием и хозяйственностью. Мы жили бедно, мы жили трудно, но мы жили весело и с удивительным и непроходящим ожиданием счастья.

Глядя на знакомое лицо, я знал, что этот маленький человек очень стесняется своего крупного носа, боится девчонок, но втайне всегда влюблён. Я знал, что он мечтателен, наивен и честен.

Я вспомнил, каким светлым и чистым ребёнком я был. Наивность моя и доверчивость не знали пределов. Я так любил людей, отчётливо

помню это состояние души и ощущение, что вокруг меня все такие хорошие, добрые и умные люди. И не менее отчётливо помню то время, когда вдруг пришло понимание необходимости бороться за место на земле, за свой клочок неба над головой. И я променял всё небо на этот клочок. С такой оголтелой настойчивостью и энергией я приспособливал себя к окружающему миру, что и не заметил, как изуродовал себя. Я научился лгать, изворачиваться, подстергать и ненавидеть, научился быть вероломным и рачительным. Я окончил большую школу, но теперь я понимаю, ясно и жестоко понимаю, что учил не те предметы.

Я сидел молча и понуро, изредка поднимал глаза и украдкой глядел на юного соседа-себя. Я не мог и предположить, что когда-нибудь встречу себя совсем юного, я оказался не готов к этой встрече. Что сказать, как предупредить, как оградить этого маленького Колю, своё детское отражение, от бед и несчастий? Как в двух словах рассказать, что такое жизнь и почему она такая сумасшедшая? Я не знал, как рассказать, и потому сидел и молчал. Трусливо молчал, потому что боялся, что этот мальчик сам испугается моих рассказов о жизни, не поверит и подумает, что только сумасшедший может рассказывать о сумасшедшей жизни, и убежит.

Мы подъезжали к городу, но вдруг я сообразил и торопливо снял с полки свой рюкзак, развязал горловину и в многочисленном ворохе вещей нашёл тонкую книжечку.

— Возьми, прочитай. Это я написал. Посмотри, на тыльной стороне обложки есть моя фотография.

Мальчик принял книжку и посмотрел на моё фото.

— И мы когда-то были рысаками, — пошутил я, оправдывая свои морщины и лысину.

— Спасибо. Это, правда, вы написали?

— Я, честное слово. Николай, я очень старался, когда писал её. Я писал её о себе, но то, о чём там написано, касается и тебя лично. Поверь мне. Ты поймёшь это, пусть не сейчас, пусть через несколько лет, но ты обязательно поймёшь. Я буду очень рад, если она поможет тебе. Ты её только не потеряй, хотя бы до времени...

Электропоезд медленно вполз на конечную станцию. Мы поднялись с жёстких скамеек и побрели к выходу. Двери впустили сырой холодный воздух улицы. Коля спрыгнул со ступенек вагона первым и, обернувшись, крикнул:

– До свиданья!

Я махнул ему рукой и, кажется, захотел остановить его. Потом долго стоял, наблюдая, как он быстро поднимается по лестнице перехода.

От меня удалялся я сам, и теперь уже – в вечное будущее.

«Терпи, сынок, – думал я, – терпи, у тебя впереди ещё целая жизнь – непрожитая жизнь».

Я утёр онемевшее от напряжения лицо. Что мне радостного было в ней, в этой неустроенной и запутанной жизни? – Ничего! Сколько страданий и горя? – Гора! Так почему же так щемит сердце и тоскливо сжимается грудь? Почему жаль, что она осталась позади? И я вдруг понял, я понял, что должен был сказать и о чём предупредить. Я должен был сказать, что главное в жизни – это любовь! Да, конечно, и без сомнения – главное – это любовь! Но ведь, чтобы он поверил мне, я должен был рассказать ему, что такое любовь. И что я стал вдруг и сразу счастливым человеком, когда понял, что такое любовь.

А как за несколько минут рассказать, что любовь – это искренняя доброта, бескорыстная щедрость и горячее милосердие; любви не бывает, если твоё сердце не полнится осмысленным состраданием и твои поступки не полны разумной, полезной помощью людям и созидательным трудом, а чувства твои должны гореть ярко и радостно вечной надеждой на лучшее. И особенно ярко, когда кругом тьма! Понимаешь ли, сынок! Понимаешь ли, особая честь и радость – гореть именно в кромешной и беспощадной темноте! Если бы ты только знал, сколько безупречного и ясного восторга я испытываю нынче в осознанном труде, наполненном надеждой на лучшее.

Любовь не ищет выгоды и не торгуется, она бескорыстна! Любовь – и только любовь – есть смысл жизни, только ради неё и стоит жить. Вот на чём держится человечность и чем наполняется человеческое достоинство – любовью!

Я смотрел на опустевшую лестницу железнодорожного моста, на ступеньках которого остывали мои следы. Смотрел и думал, думал вдогонку ушедшему себе: Коля, Коленька, сынок! Удастся ли тебе уберечь свою чистую душу от горя и бед? Трудно. Попробуйся, может, у тебя получится, у меня не получилось. Я жил, страдал и часто мучился, потому что делал не то и не так, потому что понял смысл истинного счастья, когда стал стариком, но я успел-таки стать счастливым человеком! Ты молод, ты совсем ещё юн, тебе так много дано — целая и непрожитая жизнь! Жизнь, которую целиком и полностью ты можешь прожить радостно и счастливо, если поймёшь, что сила и ценность её — в любви, в твоей готовности служить высокому и непостижимому. А понять это и просто, и трудно. И дело не в том, в какое время ты живёшь, где живёшь и кто рядом, кто твой друг и какая власть над тобой, главное дело в том, для чего ты живёшь. Понимаешь ли, не оборачиваясь ни на кого, знать, для чего именно ты живёшь! Конечно, не последнее дело — кто у власти и кто рядом с тобой, и когда счастье твоего бытия родилось и живёт в твоей душе; а более того, когда это торжество забилось, застучало в твоей груди равнодушным сердцем.

Настойчиво зарабатывай деньги, упорно делай карьеру, радуйся славе и творческим успехам, потому что все эти материальные блага позволят тебе совершить много добрых дел и послужить вечности, потому что любовь нетленна, она и есть — вечность! Вот что стало теперь смыслом моей жизни.

Сегодня я встретил самого себя. И что я сделал, чем помог? Подарил книжку? Какая наивность! Мне кажется, что наивность — это единственное, что осталось у меня с детства, от меня самого настоящего. Но ведь я должен оставить что-нибудь для будущего. Я так хочу, чтобы люди жили счастливой жизнью! И я подарил книгу. Утешит ли это меня и оправдает ли многие годы, прошедшие в поиске смысла собственного бытия? Не знаю, а теперь это и не важно. Но так хочется, если бы вы только знали, как хочется, чтобы моё прошлое примирилось с моим настоящим и моё детское наивное счастье соединилось со счастливой судьбой старика!

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

1. В вагоне электропоезда произошла неожиданная встреча главного героя с двенадцатилетним мальчиком Колей.
 - В чём состоит необычность этой встречи?
 - Проследите по тексту рассказа, что объединяет этих двух героев.
2. О чём, с точностью до мелочей, может рассказать главный герой о детстве маленького Николая?
3. Продолжите ряд слов, передающих характер юного Коли: самостоятельность – трудолюбие – ...
 - Как вы понимаете слова, сказанные героем: «Мы жили с удивительным и непроходящим ожиданием счастья»?
4. Юному доверчивому Коле герой противопоставляет себя, уже повзрослевшего.
 - Какими новыми качествами стал овладевать герой, приспосабливая себя к окружающему миру?
 - Составьте новый ряд слов и выражений, позволяющий представить уже взрослого Николая: оголтелая настойчивость – изуродовал себя – ...
 - Объясните авторскую метафору: «... теперь я понимаю, что учил не те предметы».
5. Что бы вы сказали себе самому ещё совсем молодому, если бы вдруг встретились сегодня? Какое предупреждение или совет дали себе?

Дополнительные задания

1. «Любовь – и только любовь – есть смысл жизни, только ради неё и стоит жить», – вот заключение, которое сделал для себя герой, прожив долгую и трудную жизнь.
 - Письменная работа. Найдите определение любви, предложенное автором, выпишите его в тетрадь.
 - Запишите своё определение слова «любовь». По отношению к кому или чему, по-вашему, она проявляется?
2. Пользуясь толковыми словарями, найдите значения слов: душа, наследство.

Домашняя работа

1. Напишите сочинение-размышление на тему «В чём смысл жизни человека?».
2. Обсудите в кругу своей семьи вопросы, поднятые в рассказе «Я встретил себя». Попросите старших членов семьи высказать своё мнение о смысле жизни. Поделитесь с одноклассниками результатами вашего разговора со старшими, учитывая при этом, что некоторые их доводы пригодятся вам в дальнейшем.

СИСТЕМА КООРДИНАТ

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

КРУГОЗОР

для самостоятельного
изучения

КОММЕНТАРИИ К РАЗДЕЛУ

В разделе помещены статьи, которые призваны помочь в первую очередь учителям и родителям сориентироваться в современных глобальных процессах, которые, собственно, и формируют информационное пространство, в котором живем не только мы, но и наши дети. Авторы пособия поместили в этом разделе статьи, в которых раскрываются сущности этих процессов и технологии влияния на нас и наших детей.

Статьи рассчитаны на подготовленного читателя и, возможно, покажутся сложными для детей, но под руководством взрослых и благодаря их комментариям, тема может быть раскрыта достаточно глубоко, а разбуженное любопытство приведёт к поиску и прочтению иных статей. Но надо помнить, что всякую информацию мировоззренческого толка нужно брать под сомнение, перепроверять её, а потом уже предлагать для обсуждения в классе или дома.

ОРУЖИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Как давно замечено, российские исторические сломы происходили в период экономического и промышленного подъёма, роста благосостояния населения, который сопровождался духовно-нравственным кризисом и потерей высшего смысла своего существования. Судьба Советского Союза не была оригинальной: тот же экономический подъём промышленности, лучшая в мире система образования, фантастические достижения науки, всеобщая погоня за материальным благом, кризис идеала и, как следствие, крах государства. Кажется, неизбежное и даже данное самой природой культурное ядро вдруг подверглось идеологической атаке, осмеянию и глумлению.

Новая «элита», пришедшая во власть, ничего не придумала лучшего, как попросить помощи у геополитических врагов. Потребительская идеология стала первым и главным подарком зарубежных «друзей», которые тут же ударили по ключевым очагам культуры и образования. Задача стояла предельно ясно: уничтожить оружие стратегического назначения — культуру, инструмент воспитания — образование, переведя их на коммерческую основу финансирования. А голос народа — средства массовой информации срочно были скуплены частными лицами и коммерческими компаниями. Так было оккупировано духовное пространство России. Будущее нашей страны начали формировать зарубежные «коллеги» и либерально настроенная российская интеллигенция — те, кого потом назовут «пятой колонной». Пошёл процесс клонирования людей новой формации, людей-потребителей. Внимательный и наблюдательный читатель в сценарии 1991–1993 годов увидит детальное сходство со сценарием государственного переворота, воплотившегося в Февральской буржуазной революции 1917 года.

Паразитирующая экономика США в конце XX века наглядно продемонстрировала миру агонизирующий кризис потребительской цивили-

лизации. Оккупация духовного пространства России гарантировала решение экономических проблем США на достаточно длительное время. В настоящее время по подсчётам некоторых ответственных экспертов за счёт ограбления России агония США продлена на тридцать лет. *«Что касается США или Великобритании, то эти прирождённые мировые эксплуататоры (как и сетевые ростовщики) умеют делать деньги из воздуха. Прежде всего, печатать доллары и фунты, наживаться на всех войнах и эпидемиях, выступать арбитрами в идущих спорах за деньги, разрабатывать и навязывать всему миру разные правила – в своих интересах».* Именно поэтому шаги самостоятельного развития России, сделанные в начале второго десятилетия XXI века, становятся неприемлемыми для западных «друзей». Очевидно и то, что старания зарубежных «коллег» сохранить своё мировое господство втянут Россию в новый мировой конфликт.

Недавние недружественные поступки наших соседей заставили Россию сделать попытку освободиться от информационной оккупации, народ в одночасье вспомнил забытое чувство свободы и собственного достоинства. Овечьи шкуры сползли с волчьих голов, и истинные интересы «коллег» из США стали очевидны даже ленивым и не желающим видеть и знать. Но очевидно и то, что в далёком историческом прошлом осталась идея православного царства, маловероятно, что повторится «строительство коммунизма», но и потребительской идеологии приходит конец, зреет нечто новое, доселе невиданное.

На дворе война, она идёт давно, информационная, но не менее беспощадная и драматичная, с периодическими кровавыми вспышками локальных инцидентов, и временные передышки, напоминающие былые времена спокойной и стабильной деградации, будут сменяться ещё большими войнами. Этот период распада закончится полным и безоговорочным крахом существующих цивилизаций.

Сохранение традиционного мировоззрения и создание на её базе новой идеологии – вот главная задача современной России. Потому что политические, экономические и социальные идеи следуют из понимания мира.

Мировоззрение есть основа цивилизации, то есть то, что формирует цивилизацию, превращая толпы людей в единое общество.

Культура и образование – питательная среда цивилизации или инструмент, с помощью которого строится, формируется цивилизация.

Идея государства – это единое направление движения развития общества – источник власти.

Идеология – это инструмент в руках власти, с помощью которого претворяются в жизнь главные политические, экономические и социальные задачи, стоящие перед обществом.

Понятно и то, что ни природные богатства, ни гигантские просторы России, ни деньги, закопанные в огороде или в швейцарском банке, не спасут от предстоящего кризиса мировоззрений ни одну из мировых цивилизаций. Идеи закончились, осталось накопленное оружие, и оно выстрелит. Но в той войне не будет победителя.

Выиграет новая идея, устремлённая в будущее. Никакие обкатанные политические структуры, ни экономики, ни оружие, ни финансовые аферы – все они «нестабильный капитал» в современной войне мировых цивилизаций. Только люди, объединённые одной новой идеей, способны будут проявить политическую волю, создать новую идеологию, власть и ресурс. Эта идея «далеко за пределами потребительской цивилизации – эта идея идеала, нового понимания человеческой сущности, смысла и образа жизни» (Проект Россия. Книга первая. М.: Эксмо, 2007). На этом поле брани культура играет главную, стратегическую роль. В новом времени потребуется новая шкала ценностей. Борьба корыстных интересов останется в прошлом, наступит эпоха борьбы идеалов – борьбы культур.

Россия с идеократическим кодом идентичности, подточенным, но все ещё мощнейшим культурным ядром и уникальным народом, с гигантским творческим потенциалом имеет возможность и способность сформулировать «технологии современного сопротивления» и создать центр стабильности.

ЯДРО КУЛЬТУРЫ

Ядро культуры, код идентичности или в просторечии «душа народа» представляет собой набор нравственных стандартов и правил, привычек и исторического опыта. Именно ядро культуры формирует мировоззрение личности и народа, его единое и одинаковое понимание, что есть добро, а что есть зло. А само ядро культуры формирует вся система воспитания, во всём её многообразии средств, но решающими являются семья и школа.

Главная функция ядра культуры — сохранение и передача самоидентичности личности, то есть понятия или даже ощущения «свой — чужой», и оно обладает высокой устойчивостью и минимальной изменчивостью. Но при всей своей стабильности ядро культуры не может оставаться абсолютно неизменным. Время течёт, окружающий мир меняется, меняется и ядро культуры и её мировоззренческая составляющая.

В то же время ядро культуры изменяется несопоставимо медленнее, чем реальная окружающая социально-технологическая среда обитания и жизнедеятельности народа. Особенно очевидна инертность и стабильность ядра в вечном споре между детьми и родителями. Молодые люди требуют революционных преобразований, но старшее поколение сдерживает их и сопротивляется. Именно благодаря этому сопротивлению, к моменту, когда дети взрослеют, занимают ключевые позиции в семье и в обществе, к ним приодит опыт и мудрость сохранять и беречь ядро культуры и ту ценность, которую представляет собой самобытный и оригинальный сюжет традиционного мировоззрения. Вот как об этом писал Марк Твен: «Когда мне было 14 лет, мой отец был так глуп, что я с трудом переносил его, но, когда мне исполнился 21 год, я был изумлён, насколько этот старый человек за истекшие семь лет поумнел».

На переломах цивилизационного развития при глобальных научно-технических революциях и тем более при революционном переходе от одной политической формации к другой, когда вдруг появляются иные стандарты, правила и система нравственных приоритетов, стабильность ядра культуры может оказаться в непреодолимом противоречии с теми изменениями, которые произошли в обществе. Ярким примером из отечественной истории является революция 1917 года и уже совсем свежим, с ещё не окончившимся сюжетом, государственный переворот 1993 года. Именно сегодня мы потрясаемы несоответствием привычных традиционных норм и правил жизни с системой введенных ценностей и стандартов.

В то же время геополитические враги, которых никто не отменял и не отменит ни в прошлом, ни в будущем, понимают фундаментальное значение ядра культуры для нашей российской цивилизации. Поэтому атаки на ядро культуры, предпринимаемые нашими недругами, нужно средство бескровной, но очень эффективной войны. Технология изменения, а вернее сказать, революционного разрушения ядра культуры очень проста. Учитывая информационную сущность ядра, внедряется информация иной социотехнологической среды, посредством кардинального реформирования всей системы образования и культуры, с помощью существующих технологий через средства массовой информации. Информационная война – это не просто ложь или искажение прошлого и настоящего, это в первую очередь расчётливая подмена нравственных ценностей и традиционных стандартов поведения. Разрушение ядра культуры приводит к полному параличу общества и гибели государства. Примеров из мировой истории не счесть.

В настоящее время новая шкала ценностей и незыблемый стандарт – «общечеловеческие ценности» – это приоритетное и безусловное право эго, которое превратилось в воинствующий эгоцентризм, рушащий самобытную культуру России. Потребительская идеология эгоцентризма через манипуляцию сознанием внедрила в систему воспитания понятие успешности, по сути своей безнравственное и

преступное, успешности любой ценой как главной цели жизни. А понятие толерантности – защищает откровенное нравственное преступление и приглашает к терпимому отношению ко злу.

Из этого вытекает жизненно важная необходимость формирования современной системы защиты государства в ближайшей перспективе. А это всегда было, есть и будет полем деятельности воспитания. Современное воспитание должно стать защитным поясом ядра культуры – души народа, его сути и сущности, его исторической памяти и самобытности.

Для ответа на этот вызов главной задачей современного воспитания должно стать воспитание патриота. Справимся с этой задачей, и будет у нас всё: и заводы построим, и поля засеем, и детей нарожаем. Потому что **патриот – это тот, кто изучает, знает, почитает историю своей Родины, в то же время планирует, проектирует и создает будущее своей страны и видит себя в этом будущем.**

Все участники образовательного процесса, всё общество подошло к пониманию необходимости формирования ядра традиционной, национальной культуры. И что совсем замечательно, государство чётко и ясно сформулировало цели и задачи системы образования в процессе воспитания молодёжи. В первом ряду – Федеральный государственный образовательный стандарт, утвержденная Стратегия развития воспитания в Российской Федерации и, конечно, Основы государственной культурной политики.

СИМФОНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Русская культура столь многолика, многогранна, а своеобразие каждой грани так индивидуально, неповторимо глубоко и красочно, что невольно приходит желание разделить величайшую и не помещающуюся в человеческом сознании русскую культуру на отдельные и предельно понятные части: ведическую, христианскую, советскую... Но это только внешняя непохожесть, глубинная философско-мировоззренческая основа этих частей одна. И это единство прослеживается особенно убедительно, когда речь заходит об эпических героях традиционной культуры.

Наши народные персонажи: Иванушки – Емелюшки, Ильи Муромцы, и блаженные Серафимы – православные святые, и безудержные строители свободного будущего – Павки Корчагины, жертвенные воины-комсомольцы – Александр Матросов и Зоя Космодемьянская – все они неразделимая цепь героического эпоса единой русской культуры. Суть подвига всех таких разных и непохожих героев одна – победить зло, помочь, спасти, выручить ближнего своего. Вот почему многотысячелетняя культура славян, русских и советских людей – это наша единая и единственная культура, культура одного народа. Да, эпохальный цвет разный, но глубинная сущность у них одна.

Русский народный герой – это незатейливый, слегка чудаковатый, разухабистый, но не наивный, а вечно всем помогающий, выручающий и спасающий человек. Наш богатырь совсем не похож на европейского рыцаря, жаждущего подвига ради славы и благосклонности дамы сердца. Наш богатырь вставал, когда беда пришла, когда нужно было защитить или спасти, когда нужно было победить зло.

Европейская культура в её традиционной устремлённости к комфорту для нас не суть цивилизации. Для нас уровень цивилизованности, её вершина и смысл не в приобретении материального блага, а в

устремлённости к высшему идеалу через служение ближнему своему. Русская идея – идея любви – вот она, основа идентичности народа, самая её глубина. В этом заключалось и заключается наше многовековое непонимание с Западом друг друга, в этом наша непримиримая непохожесть.

Европа в вечном поиске комфорта или блага любой ценой, хитростью или войной, торговлей рабами или обустройством колоний. Этот вывод может подтвердить индийский писатель, философ и общественный деятель прошлого столетия Р. Тагор. Вот что он написал, уже будучи восьмидесятилетним стариком: «Настанет день, когда, по воле судьбы, англичане вынуждены будут покинуть Индию, пока ещё входящую в их империю. Какую ужасную бедность оставят они после своего ухода, какое опустошение! Сколько грязи останется после того, как схлынет поток их более чем векового господства. Когда-то я от всей души верил, будто духовное богатство Европы станет источником новой, подлинно прекрасной цивилизации. Теперь, в час прощания с жизнью, этой веры больше нет».

Вся исконно русская культура пронизана всеподчиняющим чувством справедливости и человеколюбия, коллективистской хваткой и подсознательным общинным чутьём, которые всегда были и бронёю, и сутью, и сущностью русской цивилизации. В основе своей – это всегда жертвенное служение Родине.

Но ценность русской культуры ещё и в той непроходящей способности – ценить в человеке Человека. Глубинная наднациональная традиция – в гармонии общего и личного, в способности принести себя в жертву ради всех и способности всех озаботиться твоим личным счастьем. Потому что вселенское счастье складывается по крупице из счастья каждого человека. Вот почему истинная и традиционная русская культура устремлена к строительству единого и монолитного здания, в котором каждый «кирпичик» должен быть счастлив! И всякое нарушение симфонии общего и личного приводило к социально-политической трагедии.

Устремлённость к человеку, к его духовному достоинству позволила объединить разнорелигиозную и многонациональную общность в единый, сильный и великий народ. Именно эта глобальная цивилизационная основа объединила русский многоликий мир, который и до сего дня пронизан всеподчиняющей общинностью русского неделимого на веки и сроки характера – его главного культурного кода, передаваемого через глубокие образы, красоту языка, через архаичную сказовость, через былинную мелодичность, ведущую к познанию сущности нашей чудесной и чудотворной культуры.

Глубина произведений высокой культуры – в видении и в понимании, в очаровании и в движении к совершенству, устремлённому к высшему смыслу жизни, через образ яркий, душевный, честный и красивый. И это истинно по-русски – превозмогать несовершенство мира добром и любовью. Потому что только настоящая, истинная, искренняя, всепобеждающая любовь способна возродить духовное величие, дать силы и помочь понять, что нет ничего дороже, чем верность своим близким, своей земле, своему народу. Понять самим, передать своим детям с любовью и поклониться с благодарностью тем, кто для нас это всё сохранил, – вот что такое симфония русской культуры.

ЛЮБОВЬ И КУЛЬТУРА

В жертвенном служении проявляется любовь к Родине, потому что любовь – это всегда жертва. Жертва защитника Родины – жизнь. Жертвенная любовь матери и отца – воспитание дитя. Жертвенная любовь детей к престарелым родителям всегда трепетно-заботлива и максимальна. Без жертвенной любви не может быть крепкого брака и семейного счастья, которые держатся на терпении и прощении. Семьи складываются только тогда, когда молодые супруги находят в себе силы принести в жертву личное честолюбие и привычки, позже эта жертва превращается в радость общения, в счастье совместного бытия. Жертва во всём и всегда, где проявляется любовь.

Любовь созидают те, кто постигает вечные истины: бескорыстие, дружбу, взаимопомощь, щедрость, милосердие, доброту, сотворчество, сотрудничество, товарищество, трудолюбие, смелость, сострадание, искренность, преданность, верность, заботу. Именно эти нравственные координаты помогают научиться любить.

Легко проследить, как без способности и умения любить даже великие вечные истины добра превращаются в вечные истины зла: обязанность без любви становится раздражительной, справедливость – жестокой, ум превращается в хитрость, а приветливость без любви становится банальным лицемерием. Власть без любви превращается в насилие, честь – в высокомерие, богатство – в жадность, а вера – в фанатизм.

В самом центре культурного ядра русской цивилизации – любовь, она главная идея нашего кода идентичности. Мы становимся крайне уязвимыми, когда наша главная идея подвергается нашему же сомнению – мы, многонациональный русский народ, тут же превращаемся в дикое племя. Тому же европейцу или американцу легче (я не сказал «лучше»), у них иной менталитет, они с детства привыкают к контролю

юридического закона и приучаются его исполнять. Поэтому, наверное, у них гомосексуализм — это не душевная болезнь, а норма узаконенного безумия. По форме как бы проще, а по содержанию — омерзительно и унижительно для человеческого достоинства. И если западноевропейский ксёндз, падре или кюре на проповеди заикнётся, что однополые браки не в традиции христианства, этого священника непременно потащат в суд. А у нас совесть выше любого иного кодекса или юридического закона, потому что она — совесть — оружие нравственного духа, нравственной идеи, которая и есть для нас власть и закон наипервейший. К закону юридическому, придуманному людьми, у нас в России всегда было отношение творческое, а страха-то и вообще не было. Вот почему всё доброе и вечное у нас без любви или по принуждению закона, нарушающего нравственный закон, превращается в дикое и злое. Вот почему важно, чтобы наши законы не противоречили традиционному нравственному закону.

Каждый человек имеет свою особую ценность, которая должна уважаться другими людьми и государством. В то же время человек является такой ценностью, которая определяет ценность общества. Если человек живёт, ориентируясь на вечные истины добра, и совершает добрые поступки, то такой человек наполняется достоинством — вот в чём смысл русской жизни!

Собственно, человек создан таким образом, что от природы своей сориентирован на совершение нравственных поступков. Иначе говоря, плохими люди не рождаются, плохими они становятся. Человек — результат воспитания. Помощником в поведенческом выборе человеку служит совесть. Но совесть — это такой инструмент, это такое чувство, которое подвергается влиянию, и хитроумный человек очень живо умеет уговорить свою совесть помолчать, а некоторые умудряются и вовсе потерять её и стать бессовестными людьми. Это означает только одно: мало ориентироваться только на совесть в определении, что есть добро, а что есть зло. Проблему правильного выбора помогает

решить традиционная культура, сформированная на традиционных нравственных принципах и системе духовно-нравственных координат.

Вечные истины являются добросовестными помощниками в свободном и правильном выборе между добром и злом. Именно правильный выбор помогает человеку приумножить своё достоинство и понять достоинство другого человека. Само слово «достоинство» означает «то, что заслуживает уважения и чести, и то, что имеет большое значение и ценность».

В традиционном обществе выбор между добром и злом помогал сделать сложившийся за многие тысячи лет жизненный уклад – это образец, который способен привести людей к мирному и счастливому существованию. Вот почему современные и не только современные недоброжелатели первым делом пытаются разрушить традиционный уклад жизни – уклад доброй, сильной и оттого независимой и индивидуальной жизни, жизни, способной создавать условия для созидания добра в творческом уединении, но под покровом уклада – закона общественной жизни.

Особую сложность в процесс правильного выбора между добром и злом вносят современные установки защитников свободы личности – своеобразные идеологические топ-менеджеры современных транснациональных глобалистов. Под их защиту попали такие порочные с позиции традиционной нравственности явления, как гомосексуализм, усыновление детей однополыми «семьями», эвтаназия, аборт, феминизм, и другие виды поведения, активно, а порою и агрессивно защищаемые международными организациями, которые де-факто нарушают суверенитет нравственной традиции. Под защиту международных правоохранителей далеко не случайно попадают люди – идеальные потребители.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Наш язык остаётся загадкой для всего мира.

Однажды из Гамбурга в Россию приехала женщина, изучавшая русский язык. Ей было важно пожить среди русских. Собственно, так же поступаем и мы: когда хотим хорошо овладеть тем или иным языком, мы едем к носителям этого языка.

Когда наша гостыя зашла на рынок, то попросила продать «коровину», не говядину, а «коровину». Женщина была по-своему права: если свинья — это свинина, баран — баранина, конь — конина, то корова, естественно, «коровина». Все на рынке хихикали, но разве немка была не логична?

Да, трудно иностранцу изучать русский язык, очень трудно. Вот старый анекдот про чёрную смородину:

- Бабушка, какую ягоду продаёте?
- Чёрную смородину.
- А почему она у вас красная?
- Потому что ещё зелёная!

Это мы с вами понимаем, что когда чёрная смородина ещё красная, то она не поспела. А каково чужеземцу?

Стихи и сказки Александра Сергеевича Пушкина переведены на иные языки, но переводчики при всей своей добросовестности не могли передать образы и смыслы, заложенные в стихах великого поэта. Впрочем, так же с трудом удастся переводить с любого языка, ведь каждый язык — это история народа, этой свой словарь и набор уникальных, непередаваемых понятий.

Но вот примеры из «Сказки о золотом петушке»:

«Негде, в тридевятиом царстве, в тридесятом государстве, жил-был славный царь Дадон...»

Итальянцы перевели: *Non so dove, in fondo in fondo, in un regno in capo al mondo...* Дословно по-русски это: «Не знаю где, глубоко-глубоко, в королевстве на краю света...»

Из всеми любимого «У Лукоморья дуб зелёный...»: «Избушка там на курьих ножках...»

Перевод на немецкий: *Auf Hühnerfüßchen eine Hütte...*

Перевод на английский: *On chicken feet a hut is set...*

Куриные ножки в магазине продаются, а у нашей избушки они курьи. Смысл, заложенный в «курьих» ножках, уходит в глубокую древность.

Eine Hütte, а *a hut* — это наше слово «хата». «Избушку» вообще невозможно перевести на другие языки. А Лукоморье? А жил-был поп, толоконный лоб? Баба-Яга? Царь Кощей, который над золотом чахнет?

И сразу вспоминаешь «Мцыри» М.Ю. Лермонтова: «А душу можно ль рассказать?» Нет, не можно и невозможно.

Далее проведём эксперимент. Кто-то воспримет его как игру словами, а кому-то он, возможно, позволит взглянуть на наш язык с другой стороны.

Mushroom с английского переводится как «грибы». Так это наш «мухомор», буквы *r* и *m* местами поменяли. *Watch* — «смотреть», а мне слышатся «очи». *Vue* — а не укороченное ли это «баю-бай», а *bebi* — «бабий». Да и действительно, ребёнок он чей? Конечно, бабий. *To be* — укороченное «быть». Страшное слово *war* — «война». Если читать по правилам фонетики английского языка, у меня получается «вор»; да, война — это вор, она ворует, безвозвратно ворует людские жизни и ресурсы, это форма разрушения, разделения собранного воедино. А если прочитав *war* как будто написано русскими буквами, вы услышите «в-ар». «В ар, в ар!», что по-славянски означает «в землю». А идя в атаку, наши солдаты кричат слово «У-ра», то есть — с Богом! Вот так, выясняется, что «ар» — это по-славянски «земля», а переставьте буквы местами — Ра, «солнце».

Это всего лишь любопытный опыт. Но мы настоятельно рекомендуем молодым людям изучать иностранные языки — чтобы увидеть, узреть, почувствовать красоту собственного родного русского языка. А как по-другому? Только в сравнении.

И всё-таки несколько слов о древности нашего языка и письменности, уж слишком много расплодилось мифов на эту тему. Прочитирую

мнение О.Ф. Мирошниченко, доктора филологических наук, доцента кафедры русского языка МГПУ им. В.И. Ленина: «Как отмечают многие учёные (Ф. Воланский, Е.И. Классен, Дурга Прасад Шастри, П.П. Орешкин, Г.С. Гриневич, О.М. Гусев, Ю.Д. Петухов и многие другие), русский язык является первым, древнейшим языком нашего евразийского континента. Он, собственно говоря, не был тогда русским, он был общим для всех, единым, но вот сохранился до нашего времени без особых изменений только у русских, у славян. Именно от него пошли многие, если не все, языки Европы и частично Азии. В русском языке, по подсчётам А.Ф. Гильфердинга (1831–1872) (см. его работу «О родстве языка славянского с санскритским», СПб, 1853 г.), 80 % санскрита, но, как заявил профессор Делийского университета санскритолог Дурга Прасад Шастри: «русский язык даже более древен, чем санскрит, и является древнейшим диалектом санскрита». И не нужно никаких иных доказательств этому, кроме географической карты, где 90 % топонимики (географических названий) нашего Севера (Архангельская, Вологодская, Мурманская, Костромская области, Северный Урал, север Западной и Восточной Сибири – являются санскритскими и в то же время нашими, русскими, так как индусы, иранцы (скифы, аланы и сарматы) и славяне – это родные братья, это самое близкое родство, это один корень, хотя и другие народы Европы тоже являются родственниками и имеют единую прародину – Арктиду, Гиперборею, Арктику, где в районе Северного полюса было раньше четыре больших острова, которые в VIII тыс. до н.э. (в результате извержения вулкана) стали уходить под воду, изменился климат, стало холодно. И народ пошёл к югу вдоль Уральского хребта.

К концу XX века, когда рассеялась эйфория 60-х годов, что мы всё знаем и всё можем, разразился кризис Естествознания, кризис теоретической физики, и оказалось, что мы ничего не знаем и многого не можем. Мы не знаем, как произошёл человек, как возник язык. Мы не имеем подлинной истории. Та история, которая преподаётся в школе и которая была сочинена немецкими академиками Миллером, Шлёцером и Байером в XVIII века, приглашёнными Петром I, двое

из которых даже вообще не знали русского языка (Шлёцер и Байер), очень далека от истинной и намеренно искажает события. Недаром наш великий М.В. Ломоносов, когда услышал на заседании Академии наук вариант русской истории Миллера, не мог удержаться и не просто поругался с ним, а... побил его, за что был приговорён к смертной казни через повешение..., отсидел год в Петропавловской крепости и, естественно, как это бывает со многими великими людьми, чьи знания и открытия расходятся с общепринятыми догмами... неожиданно умер в возрасте 54 лет. Так же, как и П.П. Орешкин, русский дешифровщик, живший в Риме, которому в 1987 г. удалось расшифровать древнеегипетские иероглифы и который утверждает, что они читаются по-славянски, вдруг неожиданно умер, ничем не боля, в возрасте 55 лет.

А польского учёного XIX века Фаддея Воланского за то, что он впервые высказал «крамольные» мысли, что этрусские тексты читаются по-славянски, приговорили к сожжению на костре <...>

В настоящее время исторические горизонты начала письменности значительно расширились и уходят далеко в глубь тысячелетий. Сегодня самыми древними памятниками письменности на планете Земля, уже расшифрованными, являются глиняные таблички из местечка Винча (Югославия, Сербия) на Дунае и таблички из местечка Тертерия в Румынии, относящиеся к V тыс. до н. э., найденные при раскопках в 1964 г.

Эти таблички являются более древними, чем таблички из Шумера, написанные на таком же языке и относящиеся к IV тыс. до н. э.; написаны они, как выяснилось при расшифровке, на протославянском языке типа «черты и резы», или «славянской руницей». Похожая письменность была обнаружена на о. Крит при раскопках дворца Миноса, около 10 000 глиняных табличек в 1900 г. английским археологом Эвансом. В настоящее время эти таблички с о. Крит, письменность долины Инда, многие этрусские надписи, считавшиеся до настоящего времени «нечитаемыми» (etruskan non ligature), а также упоминавшиеся выше самые древние на планете Земля памятники письменности из местечка Винча и Тертерия и многие другие расшифрованы выдающимся русским учёным Г.С. Гриневичем на основе протославянского Алфавита,

или славянской руницы, являющегося на Земле самым древним видом фонетического письма»*.

В нашем языке полно оборотов и словосочетаний, которые иностранцев ставят в тупик: лёд тронулся, грибы пошли, пойду постою, река встала, зуб даю, след простыл, волосы дыбом, сердце ушло в пятки, платье идёт к лицу, сапоги сидят на ноге, птичка села на ветку, часы стоят, а потом, когда их отремонтируют, — идут. А как понимать такие словосочетания: деловая колбаса, ехать зайцем, да нет конечно, бабка надвое сказала, пошёл купить выпить, вылетело из головы, курам на смех. Безусловно, в каждом языке есть свои устойчивые выражения, идиомы. В русском языке их просто море. А как быть с теми словами, которых ни в одном языке просто нет? Словосочетание «свободный человек» есть во всех языках, а «вольный человек» — только в русском.

И все-таки радуется, что интерес к родному языку, к его истории не угасает. Правда, некоторые выводы порой кардинально расходятся с общепринятой теорией. Так, есть версия, что в живом великорусском образном языке было 49 букв. И каждой буквице соответствовал образ и не один, и слова читались: слева направо — считывался образ, справа налево — управление образами. Буквицу сократили до алфавита из 33 букв.

Стоит ли этому верить? Однозначного ответа нет. Остается только обращаться к истокам да изучать авторитетные труды.

Реформы, как и всё в нашей жизни, носили как положительные, так и отрицательные последствия. И всё-таки наш язык столь велик, что и после двух реформ (Петра I и Луначарского)** в нашем языке осталось

* Мирошниченко О.Ф. Тайны русского алфавита. М., 2005. С. 6–7, 10–11.

** 29 января (8 февраля) 1710 года в России завершилась петровская реформа кириллического алфавита, где Пётр I собственноручно изменил и утвердил новую азбуку и шрифт, якобы для упрощения русского языка, убрав пять букв и изменив начертание ещё нескольких. Суть петровской реформы заключалась в упрощении состава русского алфавита за счёт исключения из него таких избыточных букв, как «пси», «кси», «омега», «ижица» и других. Также начертания букв были округлены и упрощены, реформированный шрифт получил название гражданского шрифта. В нём впервые устанавливаются прописные (большие) и

сочетание звука и буквы: определённый звук — конкретная буква. А в английском, а в немецком, а в прочих языках? Там по несколько букв соответствуют одному звуку.

Порой даже крадётся мысль, что синонимов в русском языке нет, а есть слова одного содержательного ряда и каждое слово несёт один определённый смысл. Например, можно было бы обойтись глаголами «видеть» да «смотреть». Но ведь есть ещё: узреть, обозреть, углядеть, взирать, созерцать, выгледеть, рассматривать, наблюдать, следить, зреть, разглядывать, оглядывать, заглядывать, поглядывать и, конечно, подглядывать, осмотреть, взглядываться, всматриваться, тарачиться, просматривать, шуриться, присматриваться. И ещё более трёхсот слов одного ряда! Да кто же кроме русских разберётся в таком обилии и многоцветии одного действия?!

Все языки, на которых говорят жители нашей планеты, прекрасны. Плохих языков не бывает. Каждый язык выражает, отображает особенности, характер, самобытность народа, говорящего на нём, и каждый язык неповторим и по наполнению, и по звучанию. К примеру, итальянский язык очень мелодичен, у французского языка свой особенный шарм, английский лаконично изыскан, немецкий точен в передаче оттенков, настроений, чувств... Что ж, русский язык и мелодичен, и точен, изыскан, у него своя чарующая сила, и своя душа — душа нарастающая, которая, без сомнения, прекрасна.

строчные (малые) буквы. Следующая реформа задумывалась ещё в 1904 году, и окончательно состоялась в 1917–1918 годах. Но уже с 1912 года появляются единичные издания, напечатанные по новым орфографическим нормам. В соответствии с реформой, из алфавита исключались буквы ѣ (ять), ѳ (фита), ѵ (ижица) и і («и десятеричное»), вместо них должны использоваться привычные нам Е, Ф, И. Одно из наиболее значимых изменений — исключение буквы ъ (ер) на конце слова, она стала называться твёрдым знаком, который сохранялся качестве разделительного. Изменялось написание приставок на -з/-с («с» перед глухой согласной, «з» перед звонкой и гласными). В родительном и винительном падежах прилагательных и причастий окончания -аго/-яго заменялось на -ого/- его (нового — нового). Форма личного местоимения она родительного падежа ед. ч. с «ея» («нея») менялась на «её» («неё»). (По материалам <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1858423>)

ТЕХНОЛОГИЯ*

Атомная бомба называется оружием массового поражения из-за большого масштаба поражаемой площади. Современное информационное оружие по площади покрытия превосходит атомную бомбу. Атомная бомба поражает огромный физический объём, информационная бомба – огромный духовный объём. Сегодняшний «оружейный уран» – информация. Именно она составляет основу современного оружия массового поражения.

Оба типа оружия состоят из двух частей – боеголовки и носителя. Боеголовка без ракеты бессмысленна, равно как и ракета без боеголовки. Оружие поражения возникает при совмещении боезаряда и способа доставки его до цели. Боеголовка атомной бомбы – это десятки килограммов урана-238 и механизм запуска цепной реакции. Боеголовка информационной бомбы – это книги, песни, фильмы и т. д. Механизм запуска цепной реакции – технология привлечения интереса.

Мощь атомной бомбы зависит от количества урана, мощь информационной бомбы – от активации человеческой природы. Привлекательность сюжета, игра актёров, спецэффекты и прочее имеют вторичное значение. Главное – идея, обёрнутая в эти фантики. Чем ярче фантик, тем сильнее идея действует на эмоции, распространяя энергию, и тем шире область поражения.

Рассуждая с позиции элиты, исповедующей материализм, мы приходим к выводу: чтобы изменить взгляд человека на мир, нужно изменить его сознание. Оптимально насытить пространство соблазнами

* Глава 7 «Технология» из книги «Проект Россия. Третье тысячелетие. Книга третья». М.: Эксмо, 2009.

«Проект Россия» – серия публицистических книг анонимного авторства. В книгах рассматривается широкий спектр вопросов духовной, общественной, политической и экономической жизни России и мира, поднимаются ключевые проблемы современного общества.

тельной, притягивающей и интересной информацией, несущей одну (нужную) идею.

Дети не формируют себе рацион питания. Народ не формирует информационный рацион. Те и другие питаются тем, что им приготовили. Ребёнок добровольно съест лекарство, если оно по виду и вкусу напоминает конфету. Поведение взрослых идентично детскому. Они примут любую информационную продукцию, если она привлекательна, не вникая, какая идея вшита в развлечение.

Чтобы «накрыть» всех, от младенцев до стариков, от бомжей до президентов, задействуется множество жанров и стилей. Информация разнится по форме, но идентична по вшитой в неё генеральной мысли «живи для себя и ни о чем не думай». Вторая часть фразы – «ни о чём не думай» – является фундаментальной составляющей атаки. Поведение есть следствие сознания. Кто формирует сознание, тот формирует поведение.

Яркий пример – девушки. Каждая представительница прекрасной половины человечества получает от рождения женский капитал (женские прелести и красоту). Это в прямом смысле капитал, который можно во что-нибудь вложить. Самое лёгкое – поменять его на деньги (проституция, содержание) или развлечения (веселиться, пить-гулять). Вариант вложения женского капитала в карьеру – серьёзнее, но велик риск его бездарной потери (пока девушка отдаёт себя работе, чтобы обрести независимость, женский капитал попросту усыхает). Наиболее эффективное вложение – в создание семьи. Все остальные варианты проигрышные, хотя и выглядят поначалу привлекательными.

Глупее всего менять капитал на деньги. Если спросить любую девушку, согласна ли она расстаться с красотой и молодостью за миллион долларов, она откажется. Но именно это она делает по факту. Когда у неё кончится женский капитал, спонсорского тоже не будет.

Эмансипированные девушки считают вложение в карьеру беспроигрышным вариантом. Кажется, независимость, свобода и вытекаю-

щие из этого плюсы. Но по факту тут тоже одни минусы. К моменту, когда карьера сделана, нет ничего из того, что составляет женское счастье. Случайные попутчики к тому времени найдут более привлекательные женские туловища.

Даже если даме максимально повезёт и она станет, допустим, миллионершей, всё равно не избавится от ощущения, что чего-то не хватает. А не хватает главного — любви (не путать с близостью, которую настойчиво культивируют СМИ). Альфонсов её будет окружать много, но их ухаживания не дадут той энергии, которую излучают близкие люди, любящие не за деньги, а в первую очередь как друга, жену и маму.

Система не заинтересована раскрывать обладательнице капитала глаза на ситуацию. Напротив, она всеми силами старается убедить девушку не рассматривать свой капитал как ценность. На базе незнания система провоцирует поведение, являющееся мощным разрушительным элементом социума. Молодым барышням навязывают стереотип поведения стрекозы из басни И. Крылова, живущей по принципу «здесь и теперь», «бери от жизни всё», «купи мне всё-всё-всё, и я дам тебе всё-всё-всё».

Женщина генетически запрограммирована на сохранение вида и продолжение жизни. Перепрограммирование слабого пола с помощью индустрии соблазнов отключает инстинкт самосохранения женщины и в результате человечества. Зло пакуется в красивую обёртку, привлекательную для наивной и доверчивой души. На смену длинноногой красотке Барби, погубившей или покалечившей духовно и физически тысячи девочек (ради достижения ее пропорций они морили себя голодом и прочее), пришла семейка кукол «Братц», что на американском сленге означает «оторва».

Уродливые пропорции куклы способны поднять самооценку самой неуклюжей девчонке. Но главное, это лицо и одежда. Авторам изделия удалось воспроизвести выражение глаз и макияж типичной «ночной бабочки». Одежда соответствующая.

«Угадай, почему меня и моих подружек прозвали «Карамельки»? Правильно, ведь мы такие яркие, сладкие, игривые и... немного легкомысленные» — это аннотация к игрушке для девочек от 8 до 13 лет, а не слоган из мужского журнала.

Когда перепрограммирование завершится, институт брака, который как-то ещё скрепляет наше общество, отомрёт. Последствия легко прогнозируемы: глобальное снижение рождаемости, старение, физическое и нравственное вырождение человечества.

Женщина сегодня в положении человека, обладающего ценными бумагами, но не знающего им цену. Неудивительно, что эти «бумаги» любой прохожий может выменять на «мороженое»: «лучшие друзья девушек это бриллианты», мерило любви — подарки и деньги. Большинство представительниц слабого пола живут сердцем, а не умом, и потому легко расстаются с сокровищами души и тела, как папуасы с золотом при виде стеклянных бус. Обман обнаруживается только к старости: женщина раскаивается, что делала ставку на вечную красоту и молодость. Но поздно.

Умные женщины вкладывают свой капитал в создание семьи, но их становится всё меньше и меньше. Девушка беззащитна против навязываемых стереотипов. Если ей денно и нощно внушают: «всё имеет цену», она думает не о создании семьи, а о правильной торговле своими ценностями.

* * *

Люди с одинаковым стандартом поведения в одинаковой ситуации примут одинаковое решение. Значит, кто формирует ситуацию и стандарты, тот формирует поведение. Фактически это и есть неограниченная власть. Завоевание мира происходит в два этапа. Первый шаг: разрушение традиционного сознания, слом вертикальных связей поколений, хранящих традиционное понимание мира. Второй шаг: на расчищенной «поляне» насаждается единый рационально-потребительский тип сознания. Общество превращается в стадо, стремящееся к одной цели — увеличить потребление.

Разрушить внутренние связи могут информационные боеголовки, начинённые «взрывчаткой»: агрессией, эгоизмом, цинизмом, порнографией и прочим. Чтобы взорвать мировое сознание, нужно наладить массовое производство такой продукции.

Вопрос решается нетрадиционным способом. Борец за власть над миром не собирается сам производить «бомбы». Он понуждает к тому своих жертв. Например, американская академия киноискусства есть инструмент понуждения. Она раздаёт «Оскары», которым творческие туземцы радуются точно так же, как раньше радовались стеклянным бусам. Никто из туземцев не задаёт вопрос: за что его наградили. Со всех сторон ему все в один голос твердят: мол, за талант. Что ещё человеку для счастья надо?

Американская киноакадемия стала своего рода «палатой мер и весов» кино. Она задаёт генеральное направление и тональность информационного потока, определяя, чему нужно подражать, чему нельзя. Творцы в погоне за признанием вынуждены следовать указанным курсом. Система так устроена, что от получения «Оскара» зависит их слава, их признание, их деньги.

Творцам как бы говорят: творите что хотите, выражайтесь как считаете нужным, но награду получит тот, кто следует заданным курсом. Отклонившегося от стандарта выдают на обочину, маргинализируют или интеллектуализируют. Он прекратит влиять на массу, станет непопулярным, непродаемым и прочее. Творческие натуры ощущают эти указания шестым чувством... и идут «правильным» курсом.

Премия «Оскар» в прямом смысле идол. Если ею отмечают фильм, проповедующий терпимость к наркомании, развращённости или агрессии, творческие туземцы тут же начинают подражать оскароносцам. Они участвуют в формировании потребительского подсознания, не понимая этого. Благодаря действиям «солдат втёмную» разрушающей продукцией накрывается вся планета.

Никакой кино- или музыкальный критик, оценивая фильм или музыкальный продукт, не задаётся вопросом: какие установки формиру-

ет это произведение. Единственный критерий – уровень эмоционального воздействия. Если творческий продукт сильно воздействует на чувства – значит, он хороший. Если слабо воздействует – значит, плохой. Чтобы понять абсурд, представьте: ценность продуктов питания определяют не полезностью для здоровья, а способностью принести приятные ощущения. Надо ли говорить, что самой востребованной будет не та пища, что делает человека физически здоровым, а та, что вызывает наркотические галлюцинации.

Чтобы привлечь к производству информационного оружия лучшие силы, вокруг киноиндустрии и шоу-бизнеса голливудского формата создан ореол элитности. Он как магнитом вытягивает из общества таланты. Во времена создания атомной бомбы вокруг физики создавался такой же ореол. Он стягивал в отрасль огромные творческие и организаторские энергии. Такая концентрация талантов порождала огромный слаженный производственный механизм.

У творцов потребительского формата нет мировоззрения. Для них это демагогия и тёмный лес. При этом каждый изливает из себя подсознательные установки, нужные заказчику. Во все их творения, упакованные в тысячи форматов, в том числе патриотический и религиозный, вшита одна мысль: «бери от жизни всё». Творцу кажется, радость или счастье должны выглядеть в виде золота, красавиц, удачи в бизнесе...

Сотни тысяч безвестных творцов, заполняющих информационное поле, – словно рабочие секретного завода, делающие детали, но не знающие, что в итоге делают бомбы. В результате информационные бомбы штампуются со скоростью военного времени. Скорость смены афиш кинотеатров, хит-парадов, поп-звёзд позволяет утверждать: работает целая индустрия. Задействованы наука, финансы, технологии.

Обратите внимание на парадокс: технология изготовления информационных бомб максимально открыта, тогда как технология изготовления атомной бомбы максимально закрыта. И наоборот: стратегические цели атомной бомбы понятны каждому, стратегические цели информационного оружия непонятны почти никому.

Родители кормят детей духовной пищей, ведущей к отравлению души и сознания. Подросток, не уважающий родителей, распущенный и прочее, стал таким не от плохой колбасы, а от плохой информации. Если посмотрите, чем он «питался», вы обнаружите в его «рационе» компьютерные игры, голливудские боевики, порнографию, диснеевские мультфильмы и т. д. Именно они искалечили его духовно.

Но кто из взрослых способен увидеть связь между духовным состоянием ребенка и духовной пищей, которую он потребляет? Никто. Родители сами покупают весь этот яд, а потом искреннее удивляются: почему ребенок отравился? Почему квартиру у них через суд отнять хочет? Почему убивает бабушку, чтобы получить наследство? Таких «почему» тысячи. И все они не имеют ответа, потому что люди — дети, даже если им по 20, 70 и больше лет. С возрастом не прибавляется взрослости. Тело растёт, а масштаб мышления и глубина понимания — нет.

Как следствие, перед информационной атакой общество беззащитно. По факту его разрушают, но обществу кажется, его развлекают. Большинство не связывает рост негатива с качеством информационной продукции. Секретность темы обеспечивается самой системой. СМИ, переведённые на коммерческий формат, гонятся не за той продукцией, что полезна для здоровья общества, а за той, что приносит прибыль. Так как вниз толкать легче, чем вверх, начинается эксплуатация низменных инстинктов.

Масштаб затронутой проблемы превосходит масштаб мышления обывателя. Желание докопаться до корней ситуации выглядит компрометирующе. Можно обсуждать игру актёров, сюжет, спецэффекты и прочее. На тему, какое действие производит на сознание продукт в целом, говорить не принято, это дискредитирует инициатора разговора. Люди на него косятся, искренне не понимая, что он хочет сказать.

Придуманно огромное количество терминов, посредством которых дают оценку тому или иному творению. И нет ни одного, с помощью которого можно оценить степень полезности или вреда творческой

продукции. В итоге тема остаётся тайной за семью печатями. Кто укажет на её наличие, будет высмеян, проигнорирован и через маргинализацию выведен из диалога. В лучшем случае его объявят чудачком.

Используя тотальное непонимание ситуации, мировой игрок получил возможность организовать производство информационного оружия за счёт ресурсов систем, которые он хочет разрушить. Образцово-показательные производства типа Голливуда или Диснея находятся на территории США. Филиалы информационно-стратегического концерна, производящие духовную смерть (порой превосходя в этом учителя), беспрепятственно работают на территории европейских государств, России, Китая, Японии и других стран. Формально они независимы и автономны, фактически же трудятся в рамках заданных стандартов.

«Свободные творцы» выпускают видеопродукцию, музыкальные клипы, компьютерные игры и прочее строго голливудского и диснеевского формата. Люфт с поправкой на культурные и национальные особенности имеет место, но в целом никто не выходит за «флажки».

Мировая элита разработала невероятно эффективный способ завоевания планеты. Материальный, творческий, интеллектуальный потенциал народа направлен на массовое производство «творческого оружия», которое люди сами изготавливают и сами же взрывают на своей территории. Весь негатив, который мы сегодня наблюдаем, – следствие работы этой технологии.

При правильно организованном процессе люди сами оплачивают затраты, связанные с разрушением их сознания. Они покупают билеты в кино, на концерты, приобретают диски, игры, смотрят рекламу... Возникает самовоспроизводящийся цикл. Бомбометатель получает прибыль и делает ещё более мощные бомбы. Они ещё эффективнее взрываются в сознании. Люди получают ещё более сильные ощущения и готовы ещё больше платить.

Информационное пространство наполнено нечеловеческими звуками и образами, активирующими тёмную сторону человека. Нелюди и монстры задают модель поведения, ломая традиционный образ

действий. Продукция выполнена в разных форматах и жанрах. Приправленная тысячами разных «соусов», она несёт одну-единственную идею – «бери от жизни всё».

Стратегический узел общества – молодёжь. Кто формирует сознание молодёжи, тот формирует будущее. Молодёжь не только самый важный, но и самый уязвимый узел. Она полна жизненной энергии, гормоны выше разума. Любое кричащее явление с элементом протеста привлекает. Миллионы юношей и девушек устремляются на этот «свет», как ночные бабочки на огонь. Людям не важно, что несут в их сознание. Людям важно, как несут.

Посмотрите вокруг себя, и вы увидите огромное количество духовных инвалидов и трупов. Они стали такими из-за потребления ядовитой духовной пищи. Невозможно отравить душу некачественной колбасой. Нравственно здоровым или больным человека делает только духовная пища. Всё дело в качестве. Если бы духовную пищу проверяли на предмет отравляющих душу веществ так же тщательно, как проверяют колбасу, население было бы здоровым, что отразилось бы на всех сферах жизнедеятельности общества.

Духовно отравленные люди зависимы от отравы. Вы можете представить свою жизнь без телевизора? А без прессы? А без музыки и радио? Нет. Человечество подсело на них и не желает слушать голос разума. Оно как наркоман: смотрит, слушает, читает, не понимая, что это пошло и неинтересно. И успокаивает своего внутреннего цензора в стиле «от этого никто не умирал». Оно рассуждает как типичный алкоголик или курильщик: в любой момент могу бросить. Все имеют отговорки, почему потребляют эту продукцию. Одни считают её развлечением. Другие говорят, мол, просто интересно понять, как людей зомбируют, и чтобы быть в курсе, смотрю новостные и аналитические передачи.

Враг пользуется не только лобовым продвижением информации, но и косвенным. Например, смещением ролей, когда монстр может быть положительным героем (диснеевский мультяш «Шрэк»). Этот

приём разрушает традиционные стереотипы. Становится непонятно, где добро, где зло. Монстр добрый, девушка злая, соловья обманом убила, а из его невылупившихся птенцов яичницу приготовила.

Хорошая идея оформляется так, что достигается противоположный эффект. Например, в «Би Муви» проводится мысль: общество должно трудиться, иначе оно разлагается. Дети, основные потребители мультика, не улавливают правильной идеи. Зато впитывают огромный объём негативной информации, вшитой в тысячи микродеталей, посредством которых преподносится идея. Это примерно как голая девушка, принимающая откровенные позы, читает проповедь. Как бы ни были правильны её слова, эффект будет обратный.

Существует множество «тройских коней», которых человек не способен зафиксировать. Единственный способ защиты – отказаться от продукции голливудского формата. Оттуда ничего доброго не приходит. В этом легко убедиться, ознакомившись с жизнью создателей подобной продукции. Они чужие, их подсознание пропитано потребительской идеей. Стараясь изобразить хорошее, они изобразят его в соответствии со своими шаблонами.

«Тройские кони» бывают двух типов: сознательно создаваемые и бессознательно. Первый тип не так часто встречается (например, в мультфильм «Красавица и чудовище» вмонтированы кадры, видимые только при замедленной прокрутке). Или пример с внедрением в нашу жизнь слов, обозначающих явление. Наркомафия – термин Голливуда. Профессионалы-лингвисты запустили это слово, потому что оно имеет оттенок некой особой крутости. Если бы наркомафию Голливуд выставлял не как сообщество бесстрашных крутых ребят, а как отстойное сборище деградировавших элементов, наркомания распространялась бы значительно медленнее.

ВОСПИТАНИЕ И МАНИПУЛЯЦИЯ

Воспитание – целенаправленное формирование личности в целях подготовки её к участию в общественной и культурной жизни в соответствии с социокультурными нормативными моделями. Манипуляция – это внушение желаний, заведомо противоречащих главным ценностям и интересам человека. Иногда люди путают понятия воспитания и манипуляции из-за сходства некоторых приёмов воздействия: игра на чувствах, шантаж, страх, предрассудки, искушения и так далее.

Манипуляция провоцирует нас на поступки, которые приводят к проигрышу, а манипулятора (фокусника) – к выигрышу. Иной подход у воспитателей: учителя, работники культуры, родители, старшие товарищи – они открыто направляют людей к такому поведению, которое способствовало бы нравственному укреплению и материальному благосостоянию общества, то есть было бы на пользу людям. Именно поэтому у воспитателей нет нужды скрывать свои намерения. Если вспомнить аналогию «государство – семья», то очевидно: незачем «отцу» облекать тайной своё желание воспитать дитя или уберечь его от проступка. «Родители не маскируются, они воспитывают, обучают, заставляют, они повелевают – эта система названа тоталитарной. У манипуляторов иной подход и иные цели, они предпочитают тайное воздействие через массовое внушение» – эта система названа демократической (Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2000).

Для примера, вспомним начало девяностых, когда манипуляторы убедили советский народ в том, что приватизация и безработица – это норма жизни, что всё созданное несколькими поколениями советских людей – это совковый примитив, отсталость и дикий тоталитаризм – позор для всего цивилизованного мира. А как умело нас убедили, что жить в кредит – это не просто нормально, а ненормально не жить в кредит. Ростовщики и банкиры в России просто жиреют на глазах. Такого бесстыдного блага они не имели нигде и никогда. А подавляющая

часть молодёжи страны живёт ныне под игом ипотеки. Теперь мы имеем закредитованное общество. Как бочку стягивает бондарь, так банкиры стянули население страны в скованную массу озлобленных и растерянных людей.

«Манипуляция – это та же система господства – вторая после тоталитаризма. Это скрытая система деспотизма, при которой человек, выполняя чужую волю, чувствует себя свободным» (Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием).

Об этом же говорит известный в России человек, руководитель Сбербанка Герман Греф. Вот что он сказал на Петербургском международном экономическом форуме 25 июня 2012 года:

«Вы знаете, уважаемые господа, я хочу сказать вам, вы говорите страшные вещи! От того, что вы говорите, мне становится страшно. Почему вы предлагаете передать власть в руки населения?»

Как только люди поймут основу своего я, самоидентифицируются, управлять, то есть манипулировать ими будет чрезвычайно тяжело.

Люди не хотят быть манипулируемыми, когда у них есть знания. В иудейской культуре Каббала, которая давала науку о жизни, 3 тысячи лет была секретным учением.

Потому что люди понимали, что такое снять пелену с глаз миллионов людей и сделать их самодостаточными. Как управлять ими?

Любое массовое управление подразумевает элемент манипуляции. Как жить?

Как управлять таким обществом, где все имеют равный доступ к информации, все имеют возможность судить напрямую, не препарируя получать информацию, через обученных правительственных аналитиков, политологов?

Огромные машины, спущенные на голову населения – средства массовой информации, как бы независимы, а на самом деле мы понимаем, что все средства массовой информации заняты сохранением страт.

Как в таком обществе жить? И мне от ваших рассуждений становится страшновато, честно говоря».

Именно такая манипуляционная система управления на Западе называется демократией, считается прогрессивной и очень эффективно работает не только на территории западных стран. Внешнее подчинение уступило место внутреннему подчинению, видимое господство подменяется незримым господством. Реально скрытая система управления лишает человека большей свободы, чем внешнее управление. Скажем более конкретно: на территории России вместо традиционной открытой системы повелевающего управления возник новый тип тоталитаризма, скрытый тоталитаризм, который заменил кнут на более эффективный и антигуманный инструмент, превративший человека в безвольный объект влияния, а точнее – в раба чужой воли.

В государственном масштабе тайному воздействию подвергается культурное ядро традиционного общества, которое включает в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, о прекрасном и отвратительном, множество символов и образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта многих веков. Пока культурное ядро стабильно, в обществе имеется «устойчивая коллективная воля», направленная на сохранение существующего порядка. **Подрыв культурного ядра и разрушение коллективной воли – вождельный объект стараний манипуляторов. Манипуляционные технологии – современное оружие врагов Отечества. Вот почему культура и образование – объект самого интенсивного нападения, но они же и оружие защиты целостности государства, а работники сферы культуры и образования – реальные и действительные защитники Отечества.**

Современный период развития нашего общества вот уже двадцать лет называют «переходным периодом», то есть очевидно, что мы накрепко застряли между двумя типами жизнеустройства. Но нас настойчиво подталкивают к жизнеустройству, где главным средством господства является не отцовский авторитет, а технолог-манипулятор. Застряли, потому что страна огромная, инерция великая, культура мощная – самобытная, глубокая, народ с такой культурой столкнуть в пропасть трудно.

Иерархия цензуры

Во многих странах культура живёт и развивается под неусыпным оком государства, её основы охраняются, а повседневная жизнь находится в пределах бескомпромиссных ограничений и запретов. Основы традиционной культуры незыблемы. Тенденция творческого поиска всегда касается внешней, изобразительной части для более яркой, запоминающейся и эффективной трансляции духовного потенциала культуры. Заимствования поощряются до пределов, пока эти заимствования не начинают подтачивать или искажать основы традиционной культуры.

В России изначально сложилась вертикальная иерархия, своеобразная лестница, на ступеньках которой разместились высокая культура и низкая культура. На вершине всегда были лучшие, классические образцы произведений, в которых идеально сочетались глубокое содержание, эффектная форма и мастерство исполнения с желанием явить пример положительного героя или обличить негативное общественное явление. Середину этой своеобразной лестницы занимала масскультура, попкультура, развлекательная культура. Низкая культура часто называлась бескультурьем, потому что не несла в себе жизнеутверждающего содержания, побуждающего к высоким идеалам, чувствам и свершениям. Низкая культура ориентируется, как правило, на низменные чувства и инстинкты. Низкая культура (бескультурье) презириалась обществом и выживала лишь в кругу маргиналов.

С некоторых пор в России стал энергично внедряться иной взгляд на сферу культуры — «в плоскости», разделив её на сегменты с равными правами. Так, вершились попытки подточить основание традиционной культуры России, особенно в последнее время — риторикой о толерантности (терпимости) к инакомыслию, о равном праве на самовыражение всех и вся, в действительности шла пропаганда терпимости к бездарности, пошлости и примитивности. Последним победным аргументом

«борцов за свободу творчества» звучал вопрос: «А судьи кто?» И даже выдающиеся деятели культуры подавленно умолкали. Так начался агрессивный процесс размывания ещё недавно чётких границ между произведениями высокой и низкой культуры. И борцы за вседозволенность, надо признать этот факт, немало преуспели и продолжают активно вредить отечественной культуре. Терпимость ко злу – это путь деградации и духовной смерти.

Но для русской культуры остаются базовыми критериями оценки в сфере культуры – вечные истины, традиционные духовно-нравственные ориентиры. Так было вчера, так должно быть сегодня и завтра, непременно, потому что истинное и прекрасное искусство «измеряется вечностью».

Но и сегодня, не взирая на общественный протест, свободные от государственного и общественного контроля средства массовой информации беззастенчиво и открыто продолжают разрушать наше духовное культурное ядро. Нас убедили, что «чёрный квадрат» и «целующиеся полицейские» – это современное искусство. Создателям оскорбившего православных людей спектакля «Тангейзер» вручили международную премию зрительских симпатий. Понятно, что это очередная провокация, но церемония вручения награды прошла не в Вашингтоне, не в Брюсселе, а в Москве! Все антироссийские мерзости признаются и премируются Западом с особой охотой и трепетным зудом. И с особой охотой нам навязывают сомнительного качества произведения искусства, оспаривая право всякой гадости на самовыражение, нас энергично и настойчиво уверяют в невозможности объективной оценки качества того или иного произведения, мол, творчество оценить невозможно! И опять ложь, потому что критерий оценки качества есть, и он удивительно прост и не зависит от жанра, стиля или способа выражения! **Произведение искусства должно и обязано побуждать человека на совершение хороших, добрых и патриотических поступков.** Все остальные разговоры о толерантности или особом видении – провокация, вред и зло!

Наша традиционная культура – это культура, устремлённая вверх. Низкая культура никогда не имела поддержки, но всегда освещалась как низкая и вредная для духовного развития человека. В обществе культивировалось негативное отношение к образцам низкой культуры.

Можно ли представить доктора, «толерантно» относящегося к опасному вирусу, когда организм требует срочной защиты? Ответ очевиден. А если сознание человека повреждено терпимым отношением ко злу, итог понятен: душа этого человека скоро понесёт непоправимый ущерб.

Отечественная культура, её высокие образцы и её творцы вместе с государственным ресурсом призваны воспитать высококонравного человека, готового к созидательному труду и защите Родины. Потому что человек – это результат воспитания.

Почему мы уверены в том, что нельзя запрещать низкие образцы культуры? Потому что нет такой необходимости побеждать. Всякое решительное действие вызывает яростное противодействие, которое приумножает силы порока или откровенного зла. А потому всё низкое должно медленно и спокойно перегнивать в собственном соку и уходить в никуда. Борьба должна быть умная, превентивная и спокойная, а лучше, если высокопрофессиональная.

И ещё один критерий оценки качества от великого Л.Н. Толстого: «Как только искусство перестаёт быть искусством всего народа, оно перестаёт быть делом нужным и важным, а становится пустой забавой».

наше СОКРОВИЩЕ

РУССКО-СЛАВЯНСКИЙ
СЛОВНИК

КОММЕНТАРИЙ К РАЗДЕЛУ

В предлагаемом разделе мы не только собрали слова, в которых заключён нравственный смысл, но мы попытались выяснить происхождение слова. Более того, нам представляется важным донести до читателя ещё и родственные связи слов, побудить к самостоятельному поиску корнеслова, чтобы самому увидеть чудо рождения нового слова.

Мы работали со многими авторитетными словарями, чтобы наш словник стал интересен и понятен учащимся от третьего до одиннадцатого класса.

1. Большой академический словарь русского языка (БАС).
2. Большая советская энциклопедия (БСЭ).
3. Большой толковый словарь русского языка (БТС).
4. Большой энциклопедический словарь.
5. Виноградов В.В. История слов.
6. Исторический словарь.
7. Малый академический словарь (МАС).
8. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова.
9. Реальный словарь классических древностей.
10. Славяно-русский корнеслов А.С. Шишкова.
11. Современный толковый словарь Т.Ф. Ефремовой.
12. Словарь иностранных слов.
13. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка.
14. Словарь символов.
15. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н.А. Абрамов.
16. Современная энциклопедия.
17. Социологический словарь.
18. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля.
19. Толковый словарь русского языка Д.В. Дмитриева.
20. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова.
21. Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова.
22. Философский словарь.
23. Философский энциклопедический словарь.
24. Школьный этимологический словарь русского языка.
25. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.
26. Энциклопедический словарь педагога.
27. Этимологический словарь С.А. Кузнецова.
28. Этимологический словарь Г.А. Крылова.
29. Этимологический словарь русского языка А.В. Семёнова.
30. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера.
31. Этнопсихологический словарь.

А

АВОСЬ — от древнерусского «авосе» со значением чего-то непредвиденного, случайного. А (славянский противительный союз) во (вот=то) сь (сѣ)=сѣ — в переводе на современный язык означает «ни то ни сѣ». Родственные слова: авоська (лёгкая хозяйственная сумка из сетки, взятая на всякий случай, на авось), вот.

АД —

1. Заимствованное из греческого «преисподняя», буквально переводится как «невидимое», царство Аида, место мучений для грешников.

2. По В.И. Далю: адея, геена, бездна, преисподняя, тьма кромешная, печь огненная.

Родственные слова: адище, адский, адовый, Аид.

АЗБУКА — славянский алфавит. Слово произошло от букв азбуки: Аз и Буки. В то же время слово «алфавит» происходит от греческого «алфавита» — графический свод букв.

АЛЧНОСТЬ — ненасытная жадность. От общеславянского «алкати» — испытывать голод, жажду. Родственные слова: лакать, лакомка, лактация, алкоголизм.

АНГЕЛ — от греческого «ангел» — вестник. Неземное существо, посланник Бога. Родственные слова: ангельский, Ангелина, Архангельск, Евангелие.

АТЕИСТ — от греческого «человек, отвергающий богов, безбожник», человек, верующий, что бога нет. Родственные слова: атеизм, теизм.

Б

БАЛАМУТ — подстрекатель, болтун, смутьян. От общеславянского «лгать, сеять смуту». Сложное слово от сочетания «бала» и «мутить». Родственные слова: балабол, балагур, обалдеть, взбалмошный, балда как простак и Балда как полное прозвищное имя.

БАЛОВАТЬ — потворствовать прихотям, праздному и лёгкому образу жизни. От исконного «балясить» — болтать, бездельничать (в укр. «ляси» — пустословие). Родственные слова: избалованный, баловень, баловаться.

БЕДА — от праславянского «беда», несчастный случай, несущий вред, убыток, горе. Родственные слова: победа, бить, убедить, бедность, бедолага.

БЕЗНАВСТВЕННОСТЬ — отсутствие нравственных принципов, нарушение общественных правил морали. От общеславянского корня «норов». Родственные слова: нравоучение, нравы, разонравиться, норовистый.

БЕЗРАЗЛИЧИЕ — состояние полного равнодушия, безучастного отношения, отсутствие интереса. Родственные слова: лик, лицо, безликий, личность, отличник, личинка, приличный, двуличие.

БЕЖЕНЕЦ — русизм, от общеславянского «бежати» со значением «покинувший дом, гонимый с родных мест, бежавший от беды». Родственные слова: беглый, сбежавший, перебежчик, побег, набег, беглец.

БЕСКОРЫСТНЫЙ — сознательно живущий для других, поступающий без выгоды для себя, без корысти. Синоним слова — «альтруист» от латинского корня «альтер» — другой, иной.

БЕССОВЕСТНЫЙ — нечестный, без укора совести, наглый.

БЛАГО — от древнерусского «болого» — благой, добрый, хороший. То, что даёт достаток, удовлетворяет потребности. Родственные слова: благотворный, благой, благотворительный, благополучие, блаженный, благодетель, благодать, отблагодарить, город Бологое.

БЛАГОДАТЬ — от старославянского, образовано сложением слов «благо» и «дать». Милость, благой дар. Родственные слова: благодарный, благодетель, благодатный, благоденствие.

БЛАГОПОЛУЧИЕ — обеспеченная, спокойная жизнь, полоса удачи, успеха. Сложное слово от общеславянского «благо» и «получил». Родственные слова: благо, блажь, луч, получка, случай.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ — дар, добровольное совершение добрых поступков, жертвование средств на общественно полезные дела.

БЛАЖЕНСТВО — от праславянского «блажити» — хвалить, возносить, почитать. Состояние счастья, высшего удовольствия, истинного наслаждения. Родственные слова: блаженный, блажить, блажь, благо.

БЛУД — распутство, половые связи вне супружества. Родственные слова: блудать, заблудиться.

БОГ — от общеславянского «наделяющий богатством». Мировая гармония, причина бытия, творец жизни и человека, вселенский дух, мыслящий разум. В различных религиях различное представление о боге и богах. Родственные слова: богатый, богатырь, богатство, обожать, божница, убогий.

БОГАТЫЙ — обладающий большим имуществом, деньгами, очень зажиточный (о человеке).

БРАК — от древнерусского «браче» (от него — «брать»). Женильба, то есть братья замуж, предложить руку, супружество, законный союз мужчины и женщины. Новобрачные — держащиеся за руку. Родственные слова: рука, браться, поручиться, рукав.

БРАКОНЬЕР — от французского «охотиться с легавой собакой», тот, кто охотится или ловит рыбу в запрещённых местах, в запрещённое время, или запрещённым способом, или занимается недозволенной вырубкой леса. Аналоги, синонимичные данному слову, в современном русском языке отсутствуют. Видимо, славяне жили в согласии с окружающей природой и берегли её, она кормила их.

БРОДЯГА — от общеславянского «брести». Славяне — по характеру и образу жизни люди, ищущие истину. Неслучайно в старые времена на дорогах России можно было встретить бредущих путешественников, ищущих знание и просветление. Родственные слова: брод, бредень, сброд, бражка и др.

В

ВАНДАЛИЗМ — от слова «вандал», по названию древнегерманского племени, разграбившего Рим. Бессмысленное, жестокое разрушение исторических памятников и культурных ценностей, варварство. Аналоги, синонимичные данному слову, в русском языке отсутствуют. Видимо, подобный образ поведения не свойственен славянскому народу.

ВАРВАРСТВО — от греческого «варвар» — чужеземец. Невежество, дикость, грубость, жестокость.

ВЕДАТЬ — знать, разуметь, понимать, иметь о чём-то сведения, из-вестия.

ВЕРА — от общеславянского «вера» — истина, правда. Глубокая уверенность, убеждение, которое не нуждается в доказательствах. Родственные слова: верность, веровать, верно, уверенность, верный, вверенный, поверье.

ВЕРНОСТЬ — стойкость, неизменность и преданность в чувствах, отношениях, убеждениях, исполнении своих обязанностей и обещаний, долга. Обладать верностью — значит жить по правде.

ВЕЧНОСТЬ — от старославянского «век» — сила, здоровье, жизнь, время. Неограниченность во времени, бесконечность. Родственные слова: вечный, вековечный, извечно, увечный.

ВЗАИМОПОМОЩЬ — исконно-русское, от праславянского «мочь». Добровольная взаимная помощь. Родственные слова: мощь, помощник, могущество.

ВЗАИМОПОНИМАНИЕ — от славянского корня «имать», «братъ». Взаимное понимание, согласие, взаимопринимающее поведение. Человек, способный к взаимопониманию, принимающий иное слово, способен не только понять, но и простить другого.

ВИНА — от общеславянского «вина». Ответственность за проступок, преступление. Признание действий, нарушивших долг, обязанности, закон, договор или этические нормы. Родственные слова: виновный, повинность.

ВЛАСТЬ — от старославянского «владеть, господствовать». Инструмент управления для достижения цели. Люди, обладающие правом и возможностью подчинять своей или общественной воле. Родственные слова: властолюбивый, владеющий, властитель.

ВОЛНЕНИЕ — от общеславянского «вал», который возникает в результате движения водной поверхности. Сильное беспокойство, тревога, нервное состояние, душевное напряжение, отсутствие покоя. Родственные слова: волна, подвал, вал, навалиться, волнистый, волновать.

ВОЛШЕБСТВО — от старославянского слова «влошь» — колдовство. Древняя форма религиозного воздействия на живую и неживую природу сверхъестественными силами. Родственные слова: волхв.

ВОЛЯ — от общеславянского слова «велеть». Благородная, безотчётная, счастливая свобода духа. Нравственная сила, способная мобилизовать для решения поставленной цели и настойчиво добиваться положительного результата. Родственные слова: вольно, волевой, великий, приволье, произвол, повелевать, невольник, вельможа, вольнолюбивый, вольница. **ДОБРОВОЛЕЦ** — тот, кто без принуждения, по своей воле, добровольно сделал выбор. Синоним — **ВОЛОНТЁР**.

ВОСПИТАНИЕ — от праславянского «питати» — пить, питать. Целенаправленное развитие человека, включающее освоение культуры, ценностей и норм общества. Родственные слова: воспитанный, воспитатель, воспитанник, пища, напиток, пропитание, пропитка, упитанный, запой.

ВОР — от старославянского «врать». Первичное значение — «лгун, мошенник». Человек, занимающийся кражами. Преступник, незаконно присваивающий чужую собственность. Родственные слова: обворовывать, воровать, ворьё, врать, завираться, враньё, воришка, вороватый, воруга, воровской, воровайки.

ВНИМАНИЕ — от старославянского «внимать», то есть слушать, от глагола «имати» — брать, иметь. Сосредоточенность на каком-то одном объекте или действии. Родственные слова: имя, именины, внимательно, неужёмный, имение.

ВРАГ — от старославянского «враг» — неприятель. Человек, стоящий на позиции непримиримого противостояния. Родственные слова: враждебный, вражина, вражеский, вражда.

ВРЕД — от общеславянского «веред» — нарыв, болячка. Ущерб, порча, убытки, физические или моральные потери. Родственные слова: вредничать, беречь, повреждение, вредитель, привереда.

ВРЕДНОСТЬ — необоснованная, неоправданная, упрямая настойчивость, приводящая к личной и общественной потере, вреду.

ВРЕМЯ — от старославянского «веремя» — вертеть, нечто вращательное, возвращающееся, чередование дня и ночи. Понятие, позволяющее установить ход события относительно другого события. Родственные слова: временный, вертеть, вертлявый, веретено, вереница.

ВЫБОР — от общеславянского «брати» — выбирать, брать ответственность. Родственные слова: забрало, забор, недобор, отборный, сборы, убранство.

Г

ГАРМОНИЯ — от греческого «связь, стройность, сочетание, соразмерность». Согласованность, стройность в сочетании. Родственные слова: гармоничный, гармоника, гармонь, гармошка, гармонист.

ГНЕВ — от старославянского «гниль». Неуправляемое чувство сильного возмущения, негодования, недовольства. Страстная, безудержная, порывистая досада. Родственные слова: гнойник, гной, гноить, гневливый, прогневить.

ГОНОР — от латинского «честь», в римской мифологии проявление почестей.

ГОРЕ — от праславянского «гореть». Первоначальное значение — то, что жжёт, мучает. Родственные слова: гореть, гарь, горевать, горесть, горько, горчица, горемыка, угар, погорелец, загар, огарок.

ГОРДОСТЬ — от старославянского «гора» со значением уровня собственного достоинства, удовлетворённости, чести и самоуважения. При определённых условиях может трансформироваться в высокомерие, необоснованное высокое

мнение о себе и опасно завышенную самооценку. Родственные слова: горб, горделивый, гордый, гордец, гордыня.

ГРАЖДАНИН — от старославянского «горожанин» — житель общины (в укр. «громадянин» — житель громады). Родственные слова: гражданство, гражданка, городничий, городской, град, пригород, иногородний, ограда, городить.

ГРЕХ — от старославянского «грех» — ошибка, путаница, заблуждение. Сегодня означает нарушение морально-нравственного закона, лежащего в основе традиций конкретной цивилизации, и то, что отягощает совесть как чувство вины. Родственные слова: грехопадение, огрехи, греховный, грешить, прегрешения, грешно, греховодник, непогрешимость, грешник, погрешность, прегрешения.

ГРУБОСТЬ — от старославянского «грубый» — неотёсанный, горбатый, что по аналогии перешло к понятию характера человека, нарушающего правила общения и отношений, ведущего себя по-хамски, дерзко и невежливо. Родственные слова: нагрубить, грубиян, огрубеть, грубый.

ГРУСТИТЬ — от старославянского «грызть» — съедать себя изнутри. Грустить — значит то же, что и горевать, испытывать чувства уныния, тоски и печали. Родственные слова: грустный, грусть, грустящий, грустинка, грустно.

Д

ДЕРЖАВА — от древнерусского «держа» — владычество, могущество. В руках царя был символ власти — держава — золотой шар с короной и крестом. Родственные слова: самодержец, задержанный, поддержка, удержание.

ДОБРО — от старославянского «добр». Нечто положительное, полезное. Может обозначать согласие, а также имущество, вещи. Родственные слова: добрый, добряк, сдоба, Добрыня, одобрить, сдобрить, добротный.

ДОБРОТА — от слова «добро». Отзывчивость, душевное расположение к людям, стремление приносить пользу.

ДОВЕРИЕ — от общеславянского «вера». Уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности и добром отношении. Родственные слова: вера, поверенный, доверитель, проверка, верно.

ДОСТОИНСТВО — от общеславянского «достояти», настояться — быть таким, каким следует, каким должен быть. То, что имеет цену, значение, смысл, делает честным, прямолинейным, несгибаемым.

ДРУЖБА — от праславянского «дружить» — защищать друг друга. Близкие, приятельские отношения, тесное доверительное знакомство, общность взглядов, интересов и увлечений. Родственные слова: друзья, дружеский, дружина, подруга, дружно.

ДУРАК — от древнерусского «дурый» — глупый.

ДУХ — от древнерусского «дух» — душа, разум, воздух. Метафизическая природа человека, нравственная составляющая человека, инструмент духа — совесть и воля. Родственные слова: духовный, духовой, душевный, духота, душить, духовник, душа, воздух, дышать .

ДУХОВНЫЙ — от слова «дух». Такой, для которого нравственное совершенство является приоритетным. Для духовного человека ориентирами служат высокие морально-этические нормы и исторические примеры нравственного подвига.

ДУША — от праславянского «душа». Жизненное начало человека, проявляется через чувства, эмоции, желания, ум и характер. Родственные слова: душевный, душистый, душенька, бездушный, отдушина, подушка, дыхание.

ДЬЯВОЛ — от старославянского «диавол». В религиозной мифологии злой дух, противостоящий Богу. Употребляется как бранное слово.

Ж

ЖАДНОСТЬ — от древнерусского «жадовать» — желать, жаждать, быть нескромным в желаниях. Чрезмерная любовь к благам, непреодолимое желание и настойчивое стремление получить их и непомерно умножить. Родственные слова: жадюга, жадный, жажда, жадина, жаждущий, жадоба, жадно, пожадничать.

ЖЕРТВА — от древнерусского «жрети» — приносить в жертву. Пострадавшие от обстоятельств или сознательно понёсшие большую утрату. Родственные слова: пожертвовать, жертвенник, жрец, жертвенность.

ЖЕСТОКОСТЬ — от праславянского «жестый» — твёрдый. Излишне строгое, суровое, разрушительное отношение к окружающим. Родственные слова: жестокий, жечь, жестокосердый.

ЖИЗНЬ — от древнерусского «жизнь». Одна из форм существования материи, характеризующаяся стадиями роста, развития и разрушения. Родственные слова: живот, живой, общежитие, живительный, живучий.

3

ЗАБЛУЖДЕНИЕ — от старославянского «блуждати» — ошибаться. Ошибочное мнение. Родственные слова: блудить, блудница, заблудший, забулдыга, блуд.

ЗАВИСТЬ — от общеславянского «видеть». Желание иметь то, что есть у другого. Завистник - человек, сильно страдающий, испытывающий обиду, досаду и раздражение от успехов и благополучия окружающих. Родственные слова: вид, завидовать, завистливый, ненависть.

ЗАКОН — от общеславянского «кон» — граница, «за кон не заступать». То, что было изначально, определяется традицией. Обязательный и универсальный свод норм и правил. Родственные слова: законный, искони, конец, на кону, незаконный, кончина, законник.

ЗАПОВЕДЬ — от общеславянского «ведать» — знать то, что сообщено. Правило, положение, служащее руководящим указанием, то, что необходимо соблюдать. Родственные слова: заповедный, поведать, ведаю, ведьма, ведун, исповедь, сведущий, известие, повесть, неведомо.

ЗЛО — от старославянского «зло» — беда, грех. Нечто дурное, вредное, противоположное добру. Отрицательное явление общественной и личной жизни, ведущее к разрушению. Созвучно слову «зело» (сильно, очень), связано с усилием и приобретает отрицательный оттенок, когда нарушает привычный, нормальный ход жизни, то, что надо преодолеть, а лучше победить. Родственные слова: злой, злость, злодей, злоба, злиться, злыдень, озлобить.

ЗЛОБА — от общеславянского слова «зло». Чувство гневного раздражения, вражды, недоброжелательности, агрессии.

ЗЛОСЛОВИЕ — от общеславянского «зло». Оскорбление, словесное выражение ненависти, раздражения, зла, злоречия. Родственные слова: сквернословие, злодей, злюка, злодеяние, зловоние.

ЗНАНИЕ — от праславянского «знати». Форма существования и полной систематизации плодов познавательной деятельности человека, форма социальной и индивидуальной памяти. Постигание действительности человеком. Обозначает теоретическую деятельность ума, претендующего на объективность. Родственные слова: знак, знамя, знахарь, знаменитый, значение, знакомый, знатный, знать, знаться, знакомиться.

И

ИДЕАЛ — от немецкого «идеал». Образец совершенства. Родственные слова: идеальный, идеализировать, идеализация, идеализированный.

ИДОЛ — от старославянского «идол» — изображение. Скульптура, изваяние божества, предмет религиозного почитания и поклонения.

ИНТЕЛЛЕКТ — от латинского «понимание», «познание». Умственные способности человека, позволяющие находить оптимальный и самый верный путь решения проблемы. Родственные слова: интеллектуальный, интеллигенция.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ — социально ориентированная группа интеллектуалов, профессионально занимающихся умственным трудом в области науки, техники и культуры. Родственные слова: интеллигент, интеллект, интеллектуал.

ИСКРЕННОСТЬ — от древнерусского «искрь» — близко. Человек, выражающий подлинные чувства, тот, кто говорит чистосердечно и правдиво, о чём думает и что чувствует в данный момент. Родственные слова: искренний, искристый, искра.

ИСКУШЕНИЕ — от старославянского «кусити» — вкушать, кусать, питать, познавать, подвергать испытанию. Попытка соблазнить на совершение запретного, нежелательного поступка, испытание для характера, воли, совести. Родственные слова: искушённый, искусство, искусный, искусственный, искус, вкус, искуситель.

ИСПЫТАНИЕ — от праславянского «пытать» — подвергать проверке или исследованию на прочность, качество, веру, пригодность и надёжность. Родственные слова: испытать, пытать, пытка, пытливый, испытываемый, испытанный, попытка, опытный, опыт.

ИСТИНА — от общеславянского «истый» — истинный, настоящий. Знания объективной действительности, правда, всё, что верно, подлинно и справедливо. Соответствие действительности, опыту и познанию. Родственные слова: истинный, исступление, неистовый, истый.

К

КЛЕВЕТА — от старославянского «клевать», «кляю». Злобное, заведомо ложное обвинение или слух, позорящие человека. Родственные слова: клюв, клювка, клёкот, клеветник, поклёвка.

КОВАРСТВО — от старославянского «ковати», «ковати ковы» — замышлять зло, строить козни. Задуманное преступление, заведомо хитрая ложь, нанесение вреда, лукаво прикрытое ласковым, приятным, доброжелательным отношением. Родственные слова: коварный, ковать, прикованный, оковы.

КОЛДОВСТВО — от старославянского слова «колдовать», то есть очаровывать. Сверхъестественные способности человека воздействовать на силы природы, на людей, умение исцелять их или наводить болезни, беды. Родственные слова: колдун, колдунья, заколдованный.

КОНЦЕПЦИЯ — от латинского, система понимания. Употребляется в значении «набор добрых пожеланий, система взглядов на что-либо, основная мысль чего-либо». Родственные слова: концептуальный, концентрат, цепной. В то же время существует ещё одна версия, которая предлагает иную историю происхождения этого слова: от праславянского «цеплять», то есть собирать.

КОМФОРТ — от английского «комфорт» — уют, удобства. Совокупность хороших, благоустроенных бытовых условий и душевное спокойствие. Родственные слова: комфортный, комфортабельный.

КОРЫСТЬ — от праславянского «корить, покорять», производное от слова «кора». Когда-то было примечено, что победившие воины снимают с убитых соперников доспехи, оружие, одежду, то есть обдирают их, как плотники очищают дерево от коры. Сейчас слово обозначает добычу, жажду наживы, стремление получить достаток любым путём. Родственные слова: корыстолюбие, корить, кора, коршун, корзина, корица.

КОЩУНСТВО — от древнерусского «кощуна, кощунить» — рассказывать забавные, скверные шутки. Кощуна — ведьма, ворожея, Кощей — волхв. С приходом христианства приняло значение «насмехаться, глумиться над тем, что почитаемо, кому-то дорого и ценно». Родственные слова: кощунствовать, кощун, кощунственный, Кощей.

КРАСОТА — от старославянского «краса» — то, чем обладает Бог. Его сущность, его отличительная черта, вот почему «красота спасёт мир». Это то, что приносит радость, эстетическое и нравственное удовольствие, наслаждение. Родственные слова: красивый, красный, краска, прекрасно, красавица.

КУЛЬТУРА — латинское *cultura* в буквальном смысле означает только возделывание, обрабатывание почвы под посевы, а позднее, в широком смысле — сохранение и приумножение всех достижений духовной и материальной жизни того или иного народа. Происхождение слова «культура» связано с латинским *colere* —

обрабатывать, ухаживать, заботиться, чтить и уважать, от которого происходит слово *cultus* — возделывание, почитание. Этому же происхождению и слово «культ» (*cult*) — преклонение, вероисповедание. Близкие по значению слова «колония» и «колонист» (поселенец) происходят от глагола *colo* — возделывать.

Л

ЛЕНЬ — от древнерусского «лень» — медлительный, вялый, сонный. Нежелание работать, обусловленное отсутствием нравственного или материального стимула. Состояние человека, не приносящего пользы ни себе, ни обществу. Родственные слова: ленивый, лентяй, лениться, леность, ленивец.

ЛЕСТЬ — от древнерусского «лесть» — обман, совращение. Угодливая хвала, лицемерное подхалимство, притворное одобрение. Родственные слова: лстывый, льстец, прелесть, польщённый, польститься, лестно, прельщать, прелестница, обольщение.

ЛИХОИМСТВО — от древнерусского слово «лихва» — чрезмерно взятое, лишнее, незаслуженно присвоенное, не заработанное, а значит, преступно приобретённое. Родственные слова: лихо, лихие, лихачество, лихой.

ЛИЦЕМЕРИЕ — от праславянского «лицемер» — меняющий лицо, двуличный. Поведение обманщика, который прикрывается доброжелательностью и чистосердечием.

ЛИЧНОСТЬ — от старославянского «лик». Родственные слова: лицо, отличник, приличие, наличность.

ЛОГИКА — от греческого «логос» — разум. Наука правильно рассуждать, здравомысленная последовательность, объективное осмысление реальных обстоятельств. Родственные слова: логично, логистика, логический, логопед.

ЛОЖЬ — от старославянского «лъгати» — ложная весть. Намеренное искажение действительности, обман ради выгоды или сокрытия истины. Родственные слова: лгать, ложный, лживый, лгунья, оболгать, изолгаться.

ЛУКАВСТВО — от общеславянского «лука» — кривизна. Хитрость, коварство, лицемерие. Родственные слова: лук, лукавый, излучина.

ЛЮБОВЬ — от древнерусского «люб». Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное расположение, чувство искренней привязанности, с готовностью к жертве ради кого-либо или чего-либо. Родственные слова: любимый, возлюбленный, любовник, прелюбодей, любитель, любимчик, однолюб.

ЛЮБОПЫТСТВО — от древнерусского «люб» и праславянского «пытать» — мучить, пробовать, спрашивать. Стремление, страсть узнать вновь явившееся, услышанное. Бессознательный, мелочный интерес, страстное стремление узнать нечто новое, сокрытое, тайное. Родственные слова: любопытный, испытание, пытка, пытливый, попытка.

ЛЮДИ — от старославянского «люд» — народ, совокупность лиц, без индивидуальных черт и достоинств. Родственные слова: люд, людской, простолюдин, нелюди, страхолюдина.

М

МЕСТЬ — от старославянского «мечь» — возмещение. Ответ за причинённую обиду, злом за зло. Родственные слова: мститель, мщение, возмездие, отомстить, мстительный, возмещение.

МИЛОСЕРДИЕ — от старославянского «милосерд» — милое сердце. Доброе, сострадательное отношение к другому человеку. Родственные слова: милосердный, сестра милосердия, сердобольный.

МИР — от общеславянского «мир» — покой, тишина, спокойствие. Родственные слова: мирской, миряне, полмира, всемирный, мирный, мировой, мириться, мировая, перемирие, смирно. Существует несколько значений слова «мир»:

1. Вселенная. Система мироздания.
2. Окончание войны, примирение враждующих сторон.
3. Община, люди. Например: «на миру и смерть красна», то есть прилюдно и смерть не страшна; в названии романа Л.Н. Толстого «Война и мир» — война и люди, миряне, общество.

МОЩЬ — от общеславянского «мочь», сила. Родственные слова: мошонка, помощник, могущество, мошна (устар. казна, кошелёк), отсюда мошенник.

МУДРЫЙ — от общеславянского «мудрый» — знающий, понимающий. Обладающий большим умом, интуицией и опытом. Родственные слова: мудрость, мудрить, мудрствовать, мудрец, премудрость, умудриться, мудро.

МУЖЕСТВО — от старославянского «муж, мужчина». Свойство отважного, сильного, смелого человека. Родственные слова: мужик, муж, мужаться, замуж.

МУЧЕНИЕ — от древнерусского «мучити» — причинять страдания, истязать. Страдание от душевной или физической боли. Родственные слова: мученик, мука, замучить, мучитель, мучительный.

МЫСЛИТЬ — от общеславянского «мнить» — думать, осмысливать. Процесс оценки, сравнения, принятия решений. Родственные слова: мыслитель, самомнение, мнительность, сомнение,

Н

НАДЕЖДА — от старославянского «надѣжа» — то, на что полагаются. Ожидание и вера в возможность осуществления чего-то радостного, благоприятного, доброго, важного и нужного. Родственные слова: надёжный, надеяться, надёжно.

НАМЕРЕНИЕ — от праславянского «намерити» — метиться, целиться. Желание, замысел сделать какое-либо действие. Родственные слова: мера, мериться, намереваться, безмерный, умеренный.

НАХОДЧИВОСТЬ — от старославянского «ход» — путь, дорога, в другом значении — сообразительность, остроумие. Умение и способность находить быстрые решения в трудных ситуациях. Родственные слова: находить, находчивый, находка, подход.

НЕБО — от старославянского «туман, облака». Родственные слова: небеса, поднебесье, нѣбо, небосвод, небосклон, небоскрѣб, небесный.

НРАВСТВЕННОСТЬ — от общеславянского «нрав». Внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, а также этические нормы, правила поведения, определяемые этими качествами. Родственные слова: нрав, норы, нравоучение, безнравственный.

НУЖДА — от древнерусского «нужда» — крайняя бедность. Отсутствие необходимых средств для жизни. Родственные слова: принуждение, нуждаться, нужный, нужник, вынужден.

О

ОБИДА — от общеславянского «видеть». Неправда, несправедливость, вызывающая огорчение и протест. Родственные слова: обидчик, беда, бедняга, зависть, завидовать, ябеда.

ОБМАН — от собственно русского «манить». Ложь, введение в заблуждение, подлый, нечестный поступок. Родственные слова: манить, приманивать, приманка, манок, обманщик, выманить, манящий.

ОБОРОНА — от общеславянского «бронь» со значением «защита, броня». Родственные слова: бронить, броня, оборонка, брань, забор, борец, борьба.

ОБРАЗОВАНИЕ — от общеславянского «образити» — изобразить, нарисовать. Целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства. Формирование духовного облика человека через познание культурных ценностей и духовно-нравственных традиций своего народа. Родственные слова: образованный, образовательный, образ, образина, безобразный, образец, первообраз, изображать.

ОДИНОКИЙ — от старославянского «единачество» — стоящий отдельно, особняком. Отделённый от подобных, без других, без близких. Не имеющий семьи. Родственные слова: разъединение, один, единственный.

ОПАСНЫЙ — от праславянского «пасти» — защита, осторожность. Угрожающий чем-то плохим. Родственные слова: упасть, пастырь, пастух, спасение.

ОСКОРБИТЬ — от старославянского «скорбь» — печаль от унижения человеческого достоинства. Родственные слова: оскорблённый, оскорбительный, при-скорбно, скорбеть.

ОСУЖДЕНИЕ — от праславянского «суд». Выражение неодобрения, признание плохим, порицание, совершённый суд. Родственные слова: осуждённый, судиться, судимый, подсудно, правосудие.

ОТЗЫВЧИВЫЙ — от старославянского «звон» — звук, грохот. Легко отзывающийся на чужие нужды, всегда готовый помочь. Родственные слова: звать, зовущий, зев, зевота, звенящий, звонарь, перезвон.

ОТЧАЯНИЕ — от старославянского «чаяти» — ждать, надеяться. Тревожное ожидание. Состояние крайней безнадёжности, безвыходности, упадка духа из-за горя или неприятности. Родственные слова: отчаянный, не чаял, невзначай, нечаянно.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ — от старославянского «ответ» — совет, договор. Положение, при котором человек выполняет задание или иную работу с полной отдачей и самоконтролем, готовый отвечать за конечный результат. Родственные слова: ответчик, отвечать, ответственный.

ОТЕЧЕСТВО — от общеславянского «отец». Родственные слова: отчество, отеческий, отчизна, праотцы, отчий.

ОТРЕЧЕНИЕ — от старославянского «речь» — говорить. Отречься — значит отказаться от собственной речи, то есть от своих слов, дел, имущества, прав.

П

ПАТРИОТ — от греческого в значении «земляк, соотечественник» и латинского «патер», отец. Человек, который изучает, знает, почитает историю своей Родины, планирует, проектирует и созидает её будущее и видит себя в будущем своего Отечества. Родственные слова: патриотичность, квазипатриот, патриотка.

ПЕЧАЛЬ — от общеславянского «печа» — заботиться, печалиться, печься. Чувство грусти, тоски, душевной горечи. Родственные слова: печь, печься, опека, попечитель, распекать, допекать.

ПОДВИГ — от старославянского «движение». Героический, смелый, самоотверженный поступок во благо других. Родственные слова: двинуть, двигатель, подвижник, сдвиг.

ПОКАЯНИЕ — от общеславянского «наказывать, порицать» Добровольное признание в совершённом проступке. Родственные слова: покаяться, покаянный, окаянный, раскаяние.

ПОКОРНОСТЬ — от старославянского «корити». Родственные слова: укоризна, корить, кара, покорить, Ваш покорный слуга.

ПОЛ — общеславянское «половина» — одна часть целого. Многозначное слово. Мужчина и женщина отдельно друг от друга только половина целого. Половицы или пол в доме — это бревно, распиленное вдоль и пополам. Родственные слова: половой, бесполой, плаха, полы, подполье, полати.

ПОЛЬЗА — от старославянского «лёгкий» в значении «приносящий облегчение». Хорошее, положительное последствие, благо. Родственные слова: полезно, пользительно, нельзя, бесполезный, использовать, пользователь.

ПОМОЩЬ — от старославянского «мочь». Участие, приносящее облегчение. Родственные слова: мощность, мышца, мощи, могущество, мошна.

ПОРОК — от старославянского слова «порицать» в значении «то, что осуждается». Моральное отклонение, нравственный недостаток, отрицательное моральное качество. Родственные слова: порочный, опорочить.

ПОЧТЕНИЕ — от старославянского «читать». Глубокое уважение и почитание. Родственные слова: почтенный, честь, чтить, почесть, предпочтение, зачёт.

ПРАВЫЙ — от старославянского «первый, передний». Родственные слова: правовой, права, правило, правда, правительство, поправки, управление.

ПРАВДА — от общеславянского «истинный». То, что соответствует действительности. Родственные слова: оправдать, право, правдивый, правдолюбивый, праведный.

ПРЕДАТЕЛЬ — от старославянского «дать» в значении «изменник, вероломно нарушивший верность». Родственные слова: дать, предать, преданный, сдающий, задача, подача, дача, сдача, передача, дань.

ПРЕЛЬЩЕНИЕ — от праславянского «лесть». Сманивание, соблазнение с целью обмана и решения корыстных задач. Родственные слова: лесть, льстивый, прельщённый, оболъститель, прелесть.

ПРИНУЖДЕНИЕ — от праславянского «нужа» — нужда. Насильственные действия с целью заставить людей сделать нечто не по своей воле. Родственные слова: нужда, нужно, нужный, понуждать, вынудить, нудный.

ПРОЙДОХА — от старославянского «пройда», производное от «пройти», «идти». Человек лукавый, хитрый, жуликоватый, пронырливый и нечестный.

ПРОКЛЯТИЕ — от общеславянского «клятва». При присоединении приставки приобретает смысл: пожелание зла другому, выражение безусловного и окончательного осуждения и разрыва отношений. Родственные слова: клятый, проклятый, клятвопреступник.

ПРОЩЕНИЕ — от праславянского «прость», соответственно современному «простой», — прямой: прямой, несогнутый. «Простить» имело значение «выпрямить» и далее — «разрешить виноватому, согнувшемуся в раболепном поклоне, выпрямиться». Это делалось, если наказавший менял гнев на милость. Возглас «Прости меня!» значил поэтому: «Позволь мне поднять повинную голову, встать с колен...» По другому объяснению, «простить» — сделать свободным, освободить. Родственные слова: прощённый, простить.

ПРЯМОЙ — от общеславянского «прямо». О человеке: честный, открытый, бесхитростный, говорящий правду в глаза, не боясь и не лукавя. Родственные слова: право, прямолинейный, упрямый, правдивый, направление, прямиком.

Р

РАВНОДУШИЕ — от праславянского «равномыслящий, ровный, спокойный». Безучастное, лишённое интереса, пассивное отношение к окружающему. Родственные слова: равнодушный, бездушный, душевный, отдушина, душа.

РАДОСТЬ — от общеславянского «радъ» — веселье, праздник (в укр. Рада — дающая закон, порядок). Приятное, весёлое чувство удовольствия. Родственные слова: радуница, радостный, радеть, радоваться, радушие.

РАЗВОД — от старославянского «водить»; с присоединением приставки слово получило значение «разводить в разные стороны друг от друга». Несколько значений: расторжение брака, развод караула, развод мостов, развод — обман. Родственные слова: разведёнка, повод, разводной, водить, путеводитель, проводы, перевод, вождение, сводня.

РАСПУЩЁННЫЙ — от праславянского «путь» в значении «непутёвый, сбившийся с верного пути, нарушивший нормы нравственности». Раньше женщина могла распустить косу только при муже, и считалось, что это имеет интимное значение, поэтому слово «распушенность» чаще применительно к женщинам. Родственные слова: пути, распустить, путаница, отпуск, отпущение, выпускник, распутница.

РАССЕЯННОСТЬ — от общеславянского «сеяти» — сев, зарождение. Позже приобрело значение «ослабленное внимание к окружающему» вследствие предельной сосредоточенности на важном предмете. Как сеять сосредоточен на процессе посева, но невнимателен к россыпи зёрен. Родственные слова: рассеянный, сеять, сито, сеять, посевная.

РАСХЛЯБАННЫЙ — от старославянского «хлябъ» — разболтанный, неустойчивый. О человеке: без твёрдых нравственных убеждений и ориентиров. Родственные слова: хлеть, похлёбка, хлеб.

РЕВНОСТЬ — от общеславянского «рвение» — порыв, усердие. Мучительные сомнения, подозрения, неуверенность в ком-то, желание проверить, убедиться. Родственные слова: ревностный, ревнивец, ревнивый, соревнование.

РЕЧЬ — от общеславянского «ректи» — говорить. Родственные слова: речка, наречие, речистый, отречение, речёвка, наречённый, речевой.

РОДИНА — от старославянского «род». Отечество, страна, в которой человек родился и гражданином которой является. Родственные слова: рожь, природа, урожай.

РОДНИК — от старославянского «род, родище» — то, что родит. Водный источник, ключ. Родственные слова: род, родной, родовитый, родоначальник, родина, роддом, порода, урод, отродье.

РОСКОШЬ — от общеславянского «кошь» — кошель, корзина, ларь; «кохать» — коснуться, прикоснуться, лелеять. Чрезмерное богатство и комфорт приобретают негативный оттенок, когда становятся смыслом жизни человека. Родственные слова: роскошный, кошёлка, кошелёк, роскошество.

РУБЛЬ — от праславянского «рубити» в значении «обрубок золота или серебра». Родственные слова: сруб, прорубь, рубанок, рубище, отруби, зарубки, рубежи.

РЫЛО — от древнерусского «рыло» — лопата. Родственные слова: рыть, рвать, ров, обрыв, рытвины, отрывок.

С

САМОВОЛИЕ — от соединения праславянских слов «сам» и «воля». Действие только по своему личному усмотрению и желанию, с расчётом только на свои силы, без чьего-либо разрешения, совета или помощи. Родственные слова: самовольный, вольнолюбивый, вольный, приволье.

САМОЛЮБИЕ — от соединения праславянских слов «сам» и «любить». Высокая оценка своих сил и достоинств, ревностно-болезненное отношение к мнению окружающих. Родственные слова: самолюбивый, самовлюблённый.

САМОМНЕНИЕ — от соединения праславянских слов «сам» и «мнить». Чрезмерно завышенная самооценка. Родственные слова: мнительный, мнение, сомневающийся, возомнить, память, припомнить, воспоминания.

САМОНАДЕЯННЫЙ — от соединения праславянских слов «сам» и «дело». О человеке: чрезмерно уверенный в собственных силах и своих способностях. Родственные слова: обнадёжить, самодеятельность, содействие, надежда.

САМОПОЗНАНИЕ — от соединения праславянских слов «сам» и «знати». Изучение личных особенностей, осмысление самого себя. Родственные слова: знаток, знания, признание, знатный, сам, Незнайка.

САМОУБИЙСТВО — от соединения общеславянских слов «сам» и «бити». Намеренное лишение себя жизни. Родственные слова: битва, забой, разбойник, самоубийца, побоище.

СВОБОДА — от общеславянского «собъство». Возможность проявления собственной воли в вопросах определения жизненной цели и способов её достижения. Родственные слова: свой, свободный, освобождение, свободолюбивый, особа.

СВЯТОЙ — от общеславянского «свят» — высок (в укр. «свято» — праздник). О человеке: проникнутый высокими чувствами, возвышенный, идеальный, истинный. Родственные слова: святоша, святцы, святочный, святки.

СЕМЬЯ — от общеславянского «семя» — посеять. Семья, семейство — люди одного семени. Родственные слова: семейный, семейка, семейство, семьянин.

СИРОТА — от общеславянского «сирь» — безродный, одинокий. Сирый — одинокий, бедный, осиротелый. Ребёнок или несовершеннолетний, у которого умер один или оба родителя. Родственные слова: сиротинушка, сиротский, осиротевший, сиротливый.

СКВЕРНОСЛОВИЕ — от старославянского «скверна» и «слово». Речь, наполненная злобой, скверными, непристойными словами.

СКВЕРНЫЙ — от старославянского «скверна» — мерзость, грязь, нечисть. Гадкий, недостойный, мерзкий (о человеке, погоде, настроении). Родственные слова: скверна, сквернословие.

СКУКА — от общеславянского «кукати» — горевать. «Кукати», в свою очередь, восходит к звукоподражающему «ку». Тягостное душевное томление от безделья и безразличия к окружающим. Родственные слова: скучный, скукотища, кукушка, кукситься, докучливый.

СКУПОСТЬ — от общеславянского «скуп». Чрезмерное стремление к накоплению. Очевидна связь со словом «купа» — куча, от которого произошли слова «купец» и «копить». Родственные слова: скупердяй, вкупе, копилка.

СКРОМНОСТЬ — от старославянского «укромный», подобно тому месту, где хранятся дорогие вещи — в сундуках, шкафах и комодах, или зерно — в «закромах». Все места тихие, спокойные, укромные. О человеке: молчаливый, имеющий характер тихий, спокойный. Родственные слова: скромный, скромняга, закрома, укромный, скромный.

СЛАВА — от общеславянского «слово» — слыть. Широко распространённая известность, репутация. Родственные слова: слово, прославленный, слывающий, славный, ославиться, бесславие, славица (песня).

СЛАВЯНЕ — от общеславянского «словене», «слово». Буквально: родственные по происхождению и языку народы, понятно, ясно говорящие. Родственные слова: славянка, словесность, славянофил.

СЛАБОСТЬ — от праславянского «слабый» — не имеющий физической или духовной силы. Родственные слова: слабак, ослабить, слабенький, прослабить, слабительное, послабление.

СЛОВО — от общеславянского «лов» со значением «уловить смысл и закодировать в форме сочетания звуков». Минимальная единица речи для названия определённого понятия. Родственные слова: слава, славословить, словесный, словак, человек.

СЛОВНИК — от общеславянского «слово» (в укр. «словник» — словарь). Алфавитный перечень толкуемых слов. Родственные слова: слово, слыть, слава, словарь.

СЛУЖЕНИЕ — от старославянского «общинная служба». Ответственная, добросовестная, честная деятельность человека на благо людям, независимо от материального и иного вознаграждения. Родственные слова: служить, слуга, служебный, прислуживать, услуга, служба.

СМЕРТЬ — от приставки и старославянского «мерт» — умирание, то есть естественная, ненасильственная смерть. Естественный итог всякой жизни. Родственные слова: смертельный, смерд, бессмертный, смердящий, мертвец.

СМИРЕНИЕ — от общеславянского «смир» — покой, тишина, осознание своей общности с миром. Родственные слова: умеренный, равномерный, умерить, высокомерие, смиренный, смирна.

СМЫСЛ — от праславянского «мыслить» — мнить. Содержание, сущность, суть, значение, мнение. Цель и разумное основание действия. Родственные слова: мысль, немислимый, бессмысленный, мнение, замысловатый, смышлёный, мышление, промысел.

СОВЕСТЬ — от праславянского «совесть» — совместная весть, весть от Божественного. Внутреннее убеждение в том, что есть добро, а что есть зло, сознание моральной ответственности за своё поведение. Родственные слова: советовать, совестливый, вестник, ведун, ведьма, вещий.

СОКРОВИЩЕ — от общеславянского «кров» — кладовая, тайник, хранилище, шкатулка (в укр. «скриня» — сундук, ларец). Родственные слова: кров, покров, покровитель, крыша, крыло, крыльцо, кровля, сокровенный, открытка.

СОЧУВСТВИЕ — от общеславянского «чути» — ощущать, услышать, заметить. Способность сопереживать чужим неприятностям или горю. Родственные слова: чуйка, сочувствовать, чутьё, сочувственный.

СПЕСЬ — собственно русское, означает «чванство». Преувеличенно высокое мнение о себе, высокомерное, пренебрежительное отношение к другим. Родственные слова: успех, спеть, не к спеху.

СТАРОСТЬ — от общеславянского «стать» — человек ставший, состоявшийся, создавший себя; созвучно слову «страда» — работа. Родственные слова: старуха, старенький, старичок, устаревший, старец, старина, старьё, старческий.

СТРАДАНИЯ — от общеславянского «страда» — работа. Физическая или душевная боль. Совокупность болевых, тягостных, мучительных ощущений. Родственные слова: страда, страсть, страдающий, страждущий, сострадание.

СТРАСТИ — от старославянского слова «страх» — страдание. Эмоционально насыщенное чувство. Родственные слова: страстной, пристраститься, страстная, страдания.

СТРАХ — от старославянского «встряживать», от глагола «трясу». Нравственное потрясение. Сильное эмоциональное чувство боязни, опасения, испуга, возникающих в ситуации угрозы безопасности. Родственные слова: подстраховка, бесстрашие, страшный, страхолюдина.

СТЫД — от старославянского слова «стужа, холод» в значении «позор». Чувство смущения, неловкости, раскаяния за совершенное действие. Родственные слова: постыдный, стылый, стужа, студёный, студень, стыдоба, стыдливо, постыдить.

СУДЬБА — от старославянского «суд» и «быть» — быть. Стечение обстоятельств, не зависящих от человека, ход разных жизненных событий, доля. Родственные слова: судьбина, судьбоносный, судный, суженый.

СУЕВЕРИЯ — от старославянского «суе» — напрасно и «вера», буквально — напрасная, суетная вера. Поверья, попытка посредством народных примет узнать предстоящую судьбу или обезопасить жизнь от свершения непоправимых действий. Родственные слова: суеверный, поверья, верующий.

СУЕТА — от старославянского «суе» — напрасно. Многочисленные, хаотичные, непродуманные действия, которые не приносят ожидаемого результата. Родственные слова: суетиться, суетящийся, суетный, суетливый, всуе.

СУПРУЖЕСТВО — от праславянского «спрягать» — стянуть, соединить, запрячь в одной упряжке. Супружеская пара — это муж и жена. Родственные слова: супруги, упряжь, спряжение, пряжка, напряжение, упругий.

СЧАСТЬЕ — от общеславянского слова «часть» — сопричастность к божественному, хорошая часть. Чувство и состояние полного, высшего удовлетворе-

ния, успеха, радости, удачи. Родственные слова: часть, соучастие, счастливец, причастие, часто, несчастье, частица, участковый, отчасти.

Т

ТАЙНА — от общеславянского «таить», «тать» — вор. Нечто неразгаданное, скрываемое как секрет. Родственные слова: таинство, таинственный, тайный, тайга (скрытые, недоступные места).

ТВОРЧЕСТВО — от общеславянского «творец». Деятельность, порождающая новые духовные и материальные ценности. Родственные слова: творец, творило, отворять, твари, затвор, притворство.

ТЕРПЕНИЕ — от общеславянского «терпети». Способность человека преодолевать нравственные и физические испытания и трудности. Родственные слова: терпеливый, тернии, терновый, терпкий.

ТОСКА — от общеславянского «тоска». Чувство душевной тревоги, томления, сожаления, наводящее грусть. Родственные слова: тоскливый, тощий, тщетный, тискать.

ТРЕВОГА — от общеславянского «тревога». Чувство душевного томления, ожидания неприятности, опасности. Родственные слова: тревожный, трезвон, треволение, волнение.

ТРУД — от старославянского «тру, тереть». Работа, создание материальных или духовных благ. Родственные слова: трение, труженик, трудолюбивый, трудиться, затруднение, Тёркин.

ТРУСОСТЬ — от общеславянского «трус» — тот, кто трясётся, дрожит. Нехватка храбрости, страх, робость, боязливость. Родственные слова: стресс, трястись, тряска, трусишка, трусливый, трясогузка, трясина, землетрясение.

ТЩЕСЛАВИЕ — от старославянского «тощъ» — пустой и «слава», то есть тщетная слава. Высокомерное стремление к славе, уважению и почитанию. Родственные слова: бесславие, тщеславный, тщетный, прославленный, ославить.

У

УБИЙСТВО — от общеславянского «бить». Преступное, умышленное или по неосторожности лишение кого-то жизни. Родственные слова: бойня, убийца, убийственный, убыток, прибой, битва.

УВАЖЕНИЕ — от общеславянского «вага» — весы (в укр. «повага» — почтение). То есть отношение к важному, весомому, имеющему вес. Почтительное отношение, основанное на признаниях достоинств человека. Родственные слова: отвага, важный, уважительный, важняк.

УЗЫ — от общеславянского «вязать», по значению восходит к гибкости вяза, из коры которого драли лыко для коробов и лаптей. Родственные слова: уздечка, уж, узел, узник, узкий.

УНЫНИЕ — от общеславянского «ныть» (в укр. «нудьга» — тоска). Нудное, грустное состояние души, печальное настроение, подавленное состояние духа, гнетущая скука. Родственные слова: унылый, ныть, нудный, заунывный, зануда.

УПРЯМСТВО — от общеславянского «прямо». Несговорчивость, вредность, дефект характера, необоснованная уверенность и стремление поступать только по-своему, вопреки разумным доводам. Родственные слова: прямо, упрямый, прямолинейный, прямой.

УСЕРДИЕ — от старославянского «сердце», со значением «труд от сердца» — особое старание, забота, добросовестное исполнение просьбы, доброжелательство. Родственные слова: среда, усердный, сердобольный, сердечный, усердствовать.

УСПЕХ — от общеславянского «успеть» — созреть, добиться результата. Родственные слова: поспешность, успешный, спелый, неспешность.

УСТАЛОСТЬ — общеславянское слово, образовано сочетанием приставки «у» и слова «стать». Чувство утомления, ощущение физической или моральной слабости. Родственные слова: стойка, отсталый, усталый, старый, отстой, остановка.

УТЕШЕНИЕ — от праславянского «тешить». Душевное участие в успокоении человека, находящегося в расстроенных чувствах. Родственные слова: тешить, утихомирить, тишайший, утешительный, тихоня, затишье, утеха, потешник.

УЧИТЕЛЬ — от праславянского «ук» и общеславянского «учити» в значении «давать знания». Родственные слова: завуч, наука, обучение, учебник, ученик.

Ф

ФАЛЬШИВЫЙ — из польского языка, в значении «поддельный, ненастоящий».

ФИГА — из польского языка. Знак пальцами, выражающий отказ, насмешку, презрение и даже оскорбление в адрес кого-либо. Близкие по значению слова: кукиш, куля, шиш.

ФИГЛЯР — шут, кривляка. Заимствовано из польского языка в значении «фокус, шутка, проделка, шалость, чудачество», отсюда производное словосочетание «фигли-мигли».

ФИНТИТЬ — заимствовано из немецкого в значении «уловка, увёртка». Слово «финт» употребляется ещё и в значении сложного физического упражнения. Родственные слова: зафинтить, финт, фигляр, финтифлюшка.

ФОРСИТЬ — заимствовано из французского от слова «форс» — сила, употребляется в значении «воображать, задаваться, хвастаться». Родственные слова: форс-мажор, форсаж.

Х

ХАЛТУРА — происхождение слова неизвестно, обозначает плохую, некачественную работу или побочный заработок. Родственные слова: халтурщик, возможно — халатность.

ХАЛЯВА — русское, в значении «получить нечто без особых усилий». Есть несколько версий происхождения этого слова: 1. Это распорка голенищ, которая считалась лёгкой работой, но она хорошо оплачивалась. 2. Старые голенища, которые хорошо сохранялись, пришивались к новому ботинку сапога, что позволяло сапожнику заработать денег без особых усилий. 3. Халявой называли ложку, которую носили за голенищем и которая позволяла без затей угоститься из нечаянного котла.

ХАМСТВО — от имени библейского персонажа — Хама, сына Ноя, который непочтительно отнёсся к отцу. Родственные слова: хамить, охаметь, хамоватый, хамло.

ХАНДРА — собственно русское, в значении «тоска, меланхолия». Родственные слова: хандрить, хандришь, захандрить.

ХАЯТЬ — собственно русское, в значении «отзывать или порочить кого-либо».

ХВАСТАТЬ — общеславянское, в значении «хвалиться чем-либо», в первоначальном значении — «болтать». Родственные слова: хвастун, хвастунишка, хвалить.

ХЛЕБ — общеславянское «хлеб», «хлебать», по-видимому, звукоподражательное. Родственные слова: похлёбка, нахлебник, прихлебатель, хлебороб, расхлёбывать, хлебцы.

ХОЛУЙ — собственно русское, произошло от слова «нахал». Употребляется в значении раболепствующего, прислуживающего человека, стремящегося угодить начальствующему лицу.

ХОРОШИЙ — восточно-славянское, положительный по своим качества, вполне положительный и достойный. В то же время имеет ещё несколько значений, в том числе и в значении согласия с чем-либо и определения качества чего-либо. Существует несколько версий происхождения: 1. От имени бога солнца Хорса. 2. От «хоробый» — то есть храбрый. Однако иные версии менее убедительны. Родственные слова: хорошенький, хорошо, хорошеть.

ХРАБРЫЙ — старославянское, произошло от исконно русского «хоробрый». Используется в значении «действующий решительно, не проявляя страха, не боясь опасности». Родственные слова: храбрец, храбрецы.

Ц

ЦАПАТЬ — общеславянское, от звукоподражательного «цап». Родственные слова: зацепить, прицеп, сцапать.

ЦЕЛЕБНЫЙ — от старославянского «цельба» — лекарство. Родственные слова: целитель, цель, исцелять, целый.

ЦЕЛОВАТЬ — общеславянское, производное от слова «целый» — здоровый, невредимый». Исходно «целовать» — «желать быть здоровым, приветствовать». Чем же поцелуй не лекарство? Родственные слова: расцеловать, поцеловать, исцелять.

ЦИНИК — от греческого «киник» — собачий. Человек с явным пренебрежительным отношением к нравственным и этическим традициям. Родственные слова: циничный, цинично.

Ч

ЧЕЛОВЕК — от старославянского «чловек — словек — славяне — слово», то есть способный говорить, посредством слов передавать информацию и накопленный опыт другим людям. Существо, обладающее телом, душой и духом, который проявляется через совесть. Родственные слова: бесчеловечный, человечество, человеколюбивый. Поскольку не известно точное происхождение слова «человек», существует несколько версий, одна из которых предполагает, что первый корень «чело» обозначал в древнем языке верх, возвышенность, а корень «век» — силу, проявление силы, из чего делаем вывод, что человек — это тот, кому дана сила и способность создавать высшее.

ЧЕСТЬ — от общеславянского «чести» — почитать, чтить. Родственные слова: читать, почитать, почёт, почтение.

ЧЕСТНЫЙ — от общеславянского «честь». О человеке: обладающий достоинством, такой, который говорит правду прямо и открыто, служит истине и почитает законы чести.

ЧУВСТВА — от общеславянского «чути» — способность слышать, ощущать, познавать. Свойство души реагировать на внешние обстоятельства, эмоционально их проявлять. Родственные слова: чувствительный, сочувствовать, чуткий.

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ — человек, склонный к чрезмерно эмоциональному, ярко выраженному переживанию и трогательной заботе. Синоним — **СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ**.

ЧУДО — от общеславянского «чути» — чувствовать, созерцать, наблюдать. Сверхъестественное явление, которое не поддаётся привычному объяснению. Родственные слова: чудить, чудной, причудливый, чудак, чудовище, причуда.

ЧУТКОСТЬ — от старославянского «чути» — чувствовать. Высокое моральное качество души, способность бережно и заботливо относиться к окружающим. Родственные слова: чувствительный, чутая, чуточку, предчувствие.

Э

ЭВОЛЮЦИЯ — от латинского «развёртывание» — постепенное раскрытие. Естественный, постепенный процесс развития от одного состояния к другому. Синоним — **РАЗВИТИЕ**. Родственные слова: эволюционизм, эволютивный, эволюционист.

ЭГОИСТ — от латинского «эго» — я. Человек, для которого личные интересы являются неприкосновенными. Человек, не способный к общественно-полезному труду и чуткому отношению к людям, поэтому эгоисты зачастую обречены на одиночество. Родственные слова: эгоистичный, эгоизм, эгоцентризм.

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЙ — от сочетания латинских слов «крайний» и «сверх меры». Опасный, очень трудный и сложный. Родственные слова: экстремально, экстремист.

Я

ЯЗЫК —

1. Орган в полости рта. 2. На старославянском — «народ», 3. На древнерусском — «переводчик, лазутчик». 4. Система звуков, образующая слова, для сохранения и обмена информацией между людьми. Родственные слова: язычок, языкастый, языкознание, язычник.

ЯЗЫЧНИКИ — то есть «говорящие». Люди ведической культуры.

ЯРОСТЬ — от общеславянского «ярый» — горячий, огненный. Взрывной, сильный гнев, озлобление, стихийная агрессия. Родственные слова: ярый, яр, яровой, ярило, ярчайший, яркий, ярочка.

Познай себя

ВОПРОСЫ
для самоанализа

КОММЕНТАРИИ К РАЗДЕЛУ

Считается, что результаты в сфере нравственного воспитания видны только с годами и не имеют оценочной шкалы, какая существует в системе обучения, но мы настоятельно делаем попытку диагностики внутреннего мира человека, столь важного для понимания и анализа траектории движения воспитательного процесса.

Наша диагностика (система вопросов) не ставит перед собой задачи оценивать личность человека — плох он или хорош. Наша цель — определить те личностные качества внутреннего мира человека, его нравственной стороны, какими он обладает на данный момент, с той лишь целью, чтобы у человека, в первую очередь молодого человека, появился стимул или ориентир для дальнейшего нравственного, духовного совершенствования. А вторая цель нашего исследования — попытка проследить тенденцию изменения или развития личностных качеств и дать оценку работе педагога в области воспитания детей и молодёжи.

Мы предлагаем учителям, родителям или молодым людям для самостоятельного диагностирования нравственных качеств и убеждений использовать диагностические вопросы в начале и повторно в конце учебного года. Далее нужно сравнить данные и оценить результат собственной работы. В данном издании представлены вопросы для трёх возрастных категорий: для детей 3—4-х классов, для юношей и девушек 5—8-х классов и для молодых людей 9—11-х классов.

Для мальчиков и девочек 3—4-х классов

БЛОК 1

Ситуативные вопросы

Цель: выявить уровень нравственной самооценки учащихся.

1. Ты давно мечтаешь о самом крутом телефоне, но его цена слишком высокая. Как ты поступишь?

а) Закачу скандал родителям, но выпрошу именно этот телефон.

б) Буду копить дальше, пока не соберу всю сумму денег.

в) Куплю другой телефон, менее дорогой и буду радоваться этой обновке.

2. Мальчик (девочка) из параллельного класса пригласил (а) тебя в кино. Прибыв на место, ты обнаруживаешь, что тебя никто не ждет. Как ты поступишь?

а) Разозлюсь на неё (него) и пойду домой.

б) Позвоню по телефону, узнаю, что случилось?

в) Раз уж встреча не состоялась, я схожу в кино, а потом расскажу, какой интересный фильм шёл в кинотеатре.

г) Подумаю: «Ну и ладно!»

3. Если у тебя появились деньги, можешь ли ты истратить всё, что у тебя есть, на подарки друзьям?

а) Да.

б) Нет.

в) Не знаю.

4. Твои одноклассники решили пойти вместе с учителем в поход на природу, а родители настаивают на том, чтобы ты поехал (а) на дачу помочь им. Как ты поступишь?

а) Устрою истерику и всё равно пойду в поход.

б) Попрошу родителей отпустить меня в поход вечером, а на даче помогу днём.

в) Лучше вообще останусь дома.

5. Как ты проводишь своё свободное время?

а) Маюсь от скуки перед телевизором или бегаю с друзьями на улице.

б) Радуюсь, что выдалась свободная минутка, стараюсь помочь близким людям.

в) Стараюсь придумать себе занятие и спланировать день.

6. Если твой друг хуже тебя играет в шашки или другую игру, будете ли вы иногда ему поддаваться, чтобы сделать приятное?

а) Никогда. Пусть лучше тренируется.

б) Составлю такую стратегию, чтобы он выиграл.

в) Это будет не честно.

7. Представь себе, что твой обидчик оказался в опасной ситуации, например, провалился в прорубь. Кроме вас никого нет. Никто не слышит его крик о помощи. Как ты поступишь?

а) Пройду мимо и подумаю, что так ему и надо.

б) Несмотря ни на что, брошусь его спасать.

в) Сделаю вид, что очень тороплюсь.

8. Ты получил (а) в школе двойку. Вопросов родителей об «успехах» не избежать. Как поступишь?

а) Подожду. А вдруг не спросят.

б) Приду и сразу всё честно расскажу, как на духу.

в) Спрячу дневник. Пусть всё забудется.

9. Если товарищ рассказывает тебе о своих неприятностях, дашь ли ты ему понять, что тебя это мало интересует?

а) Я сразу дам понять ему, что эта тема мне не интересна.

б) Буду слушать столько, сколько нужно.

в) Сделаю вид, что слушаю, но на самом деле буду думать о другом.

г) Придумаю причину не слушать его рассказ.

Ключ к тесту: если ребёнок выбирает правильный ответ — 1 балл, неправильный — 0 баллов. Результатом является сумма набранных правильных ответов. Максимальное количество баллов по тесту — 10.

Интерпретация результатов

От 8 до 10 баллов — высокий уровень нравственной самооценки.

От 4 до 7 баллов — средний уровень нравственной самооценки.

От 0 до 3 баллов — низкий уровень нравственной самооценки.

БЛОК 2
Понятийные вопросы

Цель: выявить уровень сформированности основных понятий нравственной сферы.

1. Вежливость — это...

а) повседневное уважение и открытая доброжелательность к людям

б) черта характера, которая характеризует личность хорошими манерами, добрыми делами и образованностью

в) оказание бескорыстной помощи другим людям

2. Что такое уважение?

а) способность человека определять своё поведение с учётом законов природы и общества

б) почтительное отношение к людям, основанное на признании их достоинств

в) установленный, принятый порядок поведения

3. Как ты думаешь, из чего создаётся добро?

а) из добрых чувств и мыслей

б) из добрых дел

в) из благодарности за добрые дела

4. Щедрость — это...

а) почитание людей за их благородное происхождение и за богатство

б) оказание бескорыстной помощи другим людям, отсутствие скупости

5. Что поможет избавиться от обиды?

а) отомстить обидчику

б) простить

в) забыть обиду

6. Честность — это...

а) почитание людей за их благородное происхождение и за богатство

б) искренность, правдивость, отрицание обмана

в) привязанность между людьми, возникающая на основе взаимоважения

7. Терпение — это...

а) черта характера, которая говорит о том, что человек отвечает за собственные поступки

б) настойчивость, упорство и выдержка в каком-нибудь деле

в) проявление сострадания и любви к ближнему

8. Семья – это...

а) дом, родственники и домашние животные

б) объединение людей разного возраста, основанное на кровнородственных связях

в) наследственное семейное имя, переходящее от родителей к детям

9. Добро – это _____

10. Зло – это _____

11. Счастье – это _____

Ответы детей оцениваются и классифицируются по следующим уровням:

- 1) понятие не сформировано, ребенок не понимает, о чём идет речь;
- 2) смутные представления о понятии, противоречивые, запутанные;
- 3) чёткие представления о понятии, достаточно глубокое (на доступном для возраста анкетированного уровне) понимание значения предложенного слова.

Рекомендуемые вопросы для обсуждения

1. Можно ли принудить человека быть добрым? Почему?
2. Согласны ли вы с мыслью о том, что началом доброго отношения к людям является умение прощать? Давайте порассуждаем.
3. Как вы понимаете слова известного испанского писателя Мигеля Сервантеса: «Ничто не обходится нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость и доброта».
4. Прочитайте притчу и ответьте на вопрос.

Юноша:

- О мудрейший, возьми меня к себе в ученики, я хочу познать истину.
- Умеешь ли ты лгать? — спросил мудрец.
- Конечно, нет! — ответил юноша.
- А воровать?
- Нет.
- А убивать?
- Нет...
- Так иди, — воскликнул учитель, — и познай всё это. А познав, не делай!
Что хотел сказать мудрец своим странным советом?

(Мысль мудреца была такой: кто не узнал и не пережил зла, тот не может быть по-настоящему, деятельно добр. Как вы думаете, добро и зло связаны между собой?)

5. Соедини части пословиц:

1. Час в добре пробудешь —	тот ходит в серебре
2. Кто живет в добре —	кто добра не делает никому
3. Бедного обижать —	а добро — век не забудется
4. Худо тому,	всё горе забудешь
5. Лихо помнится,	а добрый от радости
6. Злой плачет от зависти,	себе добра не желать

Для юношей и девушек 5—8-х классов

Инструкция: Перед Вами перечень из 44 высказываний. Оцените степень согласия с каждым из высказываний с помощью предложенной шкалы. Оставьте отметку («+») в соответствующем столбце.

	Высказывание	Совершенно не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Совершенно согласен
1	Нет большей опасности, чем стремление к приобретению богатств					
2	Там, где раньше у людей было сердце, теперь кошелёк					
3	Не в деньгах счастье					
4	Людьми движет либо страсть к деньгам, либо стремление к власти					
5	Если смотреть только вниз, то можно замычать					
6	Видеть ясно — чаще всего значит видеть в чёрном цвете					
7	В конце концов всё будет хорошо. Если будет плохо, значит, это ещё не конец					
8	Лучше уже было					
9	На Деда Мороза надейся, а сам не плошай					
10	Осторожность никогда не мешает					

	Высказывание	Совершенно не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Совершенно согласен
11	Не ошибается только тот, кто ничего не делает					
12	Гляди в ноги: ничего не найдёшь, так хоть нос не расшибёшь					
13	Если вы не будете говорить то, что вы думаете, вам, пожалуй, придётся говорить то, чего вы не думаете					
14	Человек привыкает к одиночеству и к независимости; не факт, что это хорошая привычка					
15	Каждый кузнец своего счастья					
16	Мысли о свободе и независимости рождаются лишь у того, кто ещё живёт надеждой					
17	Кто сильно желает подняться наверх, тот придумает лестницу					
18	Выше головы не прыгнешь					
19	Потерян навсегда лишь тот, в ком угасли стремления					
20	Рассеянность — признак гениальности					
21	Стремящийся к чужому упускает своё					
22	Только тот может считать себя свободным от зависти, кто никогда не изучал себя					
23	Зависть — яд для сердца					
24	Зависть — сестра соревнования					

	Высказывание	Совершенно не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Совершенно согласен
25	Всемером пойдут, так и Сибирь возьмут					
26	Пока один, сам себе — господин					
27	Сам пропадай, а товарища выручай					
28	Одиночество — великая вещь					
29	На дружбе мир держится					
30	Дружба дружбой, а служба службой					
31	Человек без дружбы, что дерево без корня					
32	Дружбу водить — себя не щадить					
33	Кому трудно учиться один день, тому трудно будет всю жизнь					
34	Злой учёный не стоит доброго глупца					
35	Ученье — свет, а неученье — тьма					
36	Много будешь знать, скоро состаришься					
37	Без труда не выловишь и рыбки из пруда					
38	На работу позади последних, на еду наперёд первых					
39	Под лежащий камень и вода не течёт					
40	Ленивому всегда праздник					
41	Перед законом все равны					
42	Законы созданы, чтобы их нарушать					
43	Не так плох закон, как беззаконие					
44	Закон, что конь, куда хочешь, туда и воротишь					

Обработка

Текст методики содержит 44 высказывания, каждое из которых ученику предлагается оценить по шкале Ликкерта. Условно все высказывания подразделяются на 11 тематических блоков по 4 высказывания, относящихся к той или иной нравственной установке:

1. Бескорыстие — Алчность
2. Оптимизм — Пессимизм
3. Решительность — Осторожность
4. Самостоятельность в поступках и суждениях — Конформизм
5. Целеустремлённость — Рассеянность
6. Великодушие — Зависть
7. Коллективизм — Индивидуализм
8. Значимость дружбы — Незначимость дружбы
9. Значимость ученья — Незначимость ученья
10. Значимость труда — Незначимость труда
11. Значимость соблюдения законов — Незначимость соблюдения законов

Высказывания, находящиеся под нечётными номерами, иллюстрируют желательные нравственные установки, под чётными — нежелательные. Обработка заключается в подсчёте количества баллов, присвоенных высказываниям под чётными и нечётными номерами, и определении их соотношения.

Чем больше степень согласия с содержанием высказываний под нечётными номерами и меньше степень согласия с высказываниями, находящимися под чётными номерами, тем выше уровень нравственной воспитанности учащихся.

Для юношей и девушек 9—11-х классов

Инструкция

Перед Вами перечень из 27 пар противоположных по смыслу высказываний. Определите, какому из высказываний в каждой паре Вы отдаёте предпочтение, и зафиксируйте ответ в бланке.

Если Вы согласны с утверждением слева, то поставьте «+» в столбце «а», если с высказыванием справа — в столбце «б».

Здесь нет правильных и неправильных ответов, каждое высказывание может быть применимо к окружающей нас действительности. Если Вы не согласны ни с одним из предложенных высказываний в паре, поставьте «+» напротив наименее неподходящего.

		а	б	
1	Мир достаточно велик, чтобы удовлетворить нужды любого человека, но слишком мал, чтобы удовлетворить людскую жадность			Что касается жадности, она свойственна человеку с библейских времен, это часть человеческой природы. И наше время отличается лишь тем, что жадность стала как бы узаконенной. Она — часть жизни
2	Если человек знает меру, он знает всё			Только излишество обеспечивает необходимое
3	Если перейдёшь меру, то самое приятное станет самым неприятным			Дайте мне излишества жизни, и я охотно обойдусь без необходимого
4	Всякая жизнь, посвященная погоне за деньгами, — это смерть			Люди приветствуют того, кто недостоин приветствия, чтут того, кто недостоин почёта, сближаются с тем, кто недостоин общения, — такова власть денег

		а	б	
5	Алчность к деньгам — вернейшее средство не добиться денег			Стремление к роскоши возбуждает благотворную алчность, отрывающую человека от безделья и скуки, которые следует признать самыми распространёнными и самыми жестокими болезнями человечества
6	На земле есть всё, чтобы удовлетворить потребности каждого, но не алчность каждого			Алчность просто означает, что вы испытываете глубокую пустоту и хотите наполнить её всем, чем можно, — не имеет значения чем
7	Нет ничего более невыносимого, чем безделье			У меня фантастическая сила воли: я могу совершенно ничего не делать!
8	Не занятый делом человек никогда не может наслаждаться полным счастьем. На лице бездельника вы всегда найдёте отпечаток недовольства и апатии			Кто слишком усерден в малом, тот обычно становится неспособным к великому
9	Гениальность может оказаться лишь мимолетным шансом. Только работа и воля могут дать ей жизнь и обратить её в славу			Двигатель прогресса не наука, а человеческая лень
10	Зависть людей показывает, насколько чувствуют они себя несчастными			Сочувствие получить достаточно легко, зависть же нужно заработать
11	Великодушие — самая яркая и сверкающая из всех добродетелей			В зависти, среди прочего, заложена и любовь к справедливости

		а	б	
12	Великодушие — это благородное усилие гордости, с помощью которого человек овладевает собой, тем самым овладевая и окружающим			Ничего не стоит тот, кому не завидуют
13	Ничего нет трудного для человека, имеющего волю			«Независимость» и «свобода» есть два пустых места
14	Защитить себя от чужой воли можно, только развивая и усиливая свою волю			Человек не будет высокомерным до тех пор, пока он равняется на тех, кто лучше него
15	И меньшинство бывает право			Большинство всегда право
16	Чем кто умнее, тем он скромнее			Скромность — мой природный изъян
17	В каждом человеке ровно столько тщеславия, сколько ему недостает ума			Скромность — это не недостаток. Это отсутствие достатка
18	Тщеславие заставляет совершать столько же преступлений, сколько и злоба			Тщеславие — самая здоровая вещь в жизни
19	Если смотреть только вниз, то можно замыкать			Видеть ясно — чаще всего значит видеть в чёрном цвете
20	Мир принадлежит оптимистам, пессимисты — всего лишь зрители			Пессимист — это хорошо информированный оптимист
21	В конце концов всё будет хорошо. Если будет плохо, значит, это ещё не конец			В наши дни, чтобы быть оптимистом, нужно быть страшным циником
22	Кротость людям к лицу, гнев подобает зверям			Тот, кто проявляет милость к врагу, отказывает в ней себе
23	Кто не отвечает гневом на гнев, спасает обоих — и себя и другого			Смело выходи из себя, если другого выхода нет

		а	б
24	У гнева всегда найдётся достаточно причин, но редко хороших		Цель гнева — быстрое насильственное уничтожение любого препятствия
25	Недоверчивость — мудрость дурака		Доверчивость — мать недоверия
26	Доверие рождает доверие		У подозрительности никогда не будет недостатка в доводах
27	Рыба, которая в каждом червяке видит крючок, долго не проживёт		Возлюбив ближнего, сохраняй безопасную дистанцию

Опросник состоит из 27 пар высказываний, противоположных по смыслу. Каждые 3 пары высказываний, идущих друг за другом, составляют группу, относящуюся к одному из 9 нравственных качеств:

1. Умеренность — Жадность
2. Бескорыстие — Алчность
3. Трудолюбие — Лень
4. Великодушие — Зависть
5. Самостоятельность в поступках и суждениях — Конформизм
6. Смирение — Тщеславие
7. Оптимизм — Пессимизм
8. Кротость — Гнев
9. Доверчивость — Подозрительность

Обработка

Сформированность (выраженность) нравственных качеств личности определяется по преобладанию в каждой «тройке» выборов «а».

Результаты диагностики не являются инструментом для оценки личности в целом, а говорят лишь о нравственной направленности на данный период времени. Рекомендуется проводить тест в начале и конце учебного года для оценки эффективности реализации духовно-нравственного воспитания школьников.

Кладовая

Обмен опытом

Содержание

Видео

Видеоуроки «Библиотека «Мудрые дети»

Аудио

Рассказы «Библиотека «Мудрые дети»

библиотека

МУДРЫЕ ДЕТИ

ОРГАНИЗАТОРЫ ПРОЕКТА

Егармин Игорь Петрович — акционер ООО «ДИР ФАРМ», создатель уникального природного парка «Олений» в Липецкой области, инициатор множества проектов краеведческой и патриотической направленности. Среди них: фотоальбом «Россия» — объекты всемирного природного наследия, Народная Летопись Новосибирской области, художественно-географический фотоальбом «Совершенство» и др. Лауреат премий Московской патриархии и Старообрядческой Митрополии. Окончил Московский институт управления, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Федорчук Сергей Владимирович — министр образования Новосибирской области. Историк. Создатель краеведческого портала «Библиотека сибирского краеведения», инициатор и вдохновитель многих образовательных программ, а также фундаментальных исследований истории Сибири: уникальной краеведческой трилогии «Народная Летопись Новосибирской области», художественно-географического фотоальбома «Совершенство», документальных фильмов по истории Новосибирска, практико-ориентированных методических материалов «Библиотека «Мудрые дети» и др. Окончил Новосибирский государственный педагогический университет.

Вершинин Роман Олегович — руководитель «Областного центра развития творчества детей и юношества». Организатор и создатель уникального образовательного пространства «Образовательный парк имени Олега Кошевого» и многих других образовательных проектов, за что награждён медалью «За вклад в реализацию государственной политики в области образования». Окончил Новосибирский театральный институт.

Кривушева Ольга Михайловна — заместитель директора по учебно-методической работе ГАПОУ НСО «Карасукский педагогический колледж». Руководитель методического раздела практико-ориентированных материалов по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию «Библиотека «Мудрые дети», награждена дипломом I степени на Девятом открытом региональном конкурсе «Секрет успеха». Преподаватель высшей категории. Награждена знаком «Отличник народного просвещения». Окончила Томский государственный университет.

Александров Николай Александрович — руководитель Издательского Дома «Историческое наследие Сибири». Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, автор 23 книг прозы, 15 документально-образовательных фильмов, лауреат все-российских и международных литературных премий, Государственной премии Новосибирской области. Окончил Московский литературный институт им. А.М. Горького.

**Библиотека «Мудрые дети»
Основы теории нравственности**

Практико-ориентированные методические материалы
по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию:
Книга для совместного чтения

Редактор Александров Н.
Обложка, дизайн Васильева Е.
Корректор Чумакова Т.
Вёрстка Вялкова О., Васильева Е.

Подписано в печать 28.12.2022 г. Формат 60х84/16. Тираж 2000 экз.

Издательский Дом «Историческое наследие Сибири»
Тел. 8 (383) 292-00-42, моб. 8-913-917-29-28
630091, г. Новосибирск, ул. Мичурина, 19, оф. 11
E-mail: id-ins@ngs.ru, www.sibnasledie.ru

Отпечатано в типографии «Деал»
630033, г. Новосибирск, ул. Брюллова, ба.
Тел./факс: (383) 334-02-70, e-mail: zakaz@dealprint.ru